ДЛЯ РЕЦЕНЗІИ

С. Ашевскій.

БѢЛИНСКІЙ

ВЪ ОЦѢНКѢ

ЕГО СОВРЕМЕННИКОВЪ.

Цѣна 1 р. 25 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1911.

Книжный Складъ М. М. Стасюлевича.

С.-Петербургъ, Вас. остр., 5 лин., соб. д. № 28.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ.

Собраніе сочиненій въ 3-хъ томахъ.

Юбилейное изданіе (1811—1911).

Подъ редакціей *Иванова-Разумника*, съ его вступительными замѣтками къ каждой статьѣ Бѣлинскаго, примѣчаніями и историко-критическимъ и біографическимъ очеркомъ. Съ приложеніемъ портрета Бѣлинскаго и именного алфавитнаго указателя ко всѣмъ тремъ томамъ. Спб. 1911 г. Ц. за три тома 3 р. 50 к., въ коленкор. перепл. 5 р.

Кромѣ біографіи Бѣлинскаго и общей оцѣнки значенія его произведеній во вступительной статьѣ Иванова-Разумника, передъ началомъ каждой отдѣльной статьи Бѣлинскаго или связной ихъ серіи помѣщена *особая замѣтка* Иванова-Разумника, поясняющая значеніе, цѣль и историко-литературную цѣнность статьи, что разумѣется, въ значительной мѣрѣ должно способствовать уясненію въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго многаго того, что теперь, на отдаленіи болѣе полувѣка, уже не всѣмъ понятно. Этимъ *критическимъ комментаріемъ настоящее изданіе отвѣчаетъ на запросы самой широкой публики.*

Строгой *продуманностью подбора* сочиненій, *комментаріями и примѣчаніями* это «Собраніе Сочиненій» Бѣлинскаго отличается отъ другихъ неполныхъ собраній его сочиненій, до сихъ поръ выпущенныхъ въ свѣтъ различными издателями.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ. Полное собраніе сочиненій въ двѣнадцати томахъ подъ ред. и съ примѣч. С. А. Венгерова. Тома 1—9-й. Ц. по 1 р. 75 к., въ коленкоровомъ переплетѣ съ золототисненіемъ 2 р. 30 к.

С. Ашевскій.

БѢЛИНСКІЙ

ВЪ ОЦѢНКѢ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВЪ.

ДЛЯ РЕЦЕНЗІИ

Ш. 1 н 5

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1911.

5Qi 2572

Типографія М. Стасюлевича
В. О. 5 лин. 28

4174

292654

Им Горького
Библиотека
М. Г. У.

47.14283

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе V

Введеніе 1

Глава первая. Бѣлинскій въ оцѣнкѣ журналистовъ, критиковъ и публицистовъ.

I. Воейковъ и Сенковскій 6
II. Булгаринъ и Гречъ 11
III. Полевой 25
IV. Шевыревъ и Погодинъ 36
V. Славянофилы 56
VI. Плетневъ и Гротъ 72
VII. Князь Вяземскій 78
VIII. Надеждинъ и Краевскій 90
IX. Валеріанъ Майковъ и Дружининъ 99
X. Аполлонъ Григорьевъ 109

Глава вторая. Бѣлинскій въ оцѣнкѣ художниковъ слова.

I. Писатели старшаго поколѣнія 116
II. Пушкинъ, кн. Одоевскій, Лажечниковъ . . 125
III. Писатели современнаго Бѣлинскому поколѣнія 135
IV. Гоголь 144
V. Кольцовъ 160
VI. Бѣлинскій въ современной ему «изящной» литературѣ 172

VII. Писатели младшаго поколѣнія 182
VIII. Достоевскій 188

Глава третья. Бѣлинскій въ оцѣнкѣ друзей.

I. Матеріальная и интеллектуальная помощь друзей. 206
II. Бакунинъ и Катковъ 215
III. Станкевичъ и Боткинъ 225
IV. Грановскій 231
V. Герценъ 238
VI. Кавелинъ 252
VII. Панаевъ 259
VIII. Анненковъ 265
IX. Некрасовъ 276
X. Тургеневъ 284

Глава четвертая. Бѣлинскій въ оцѣнкѣ читателей. . . 299

Приложеніе. Бѣлинскій (Поэма Некрасова). 321

Указатель личныхъ именъ 326

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая читателю книга задается цѣлью показать, какъ цѣнили величайшаго русскаго критика его современники, начиная съ представителей старшаго поколѣнія, доживившихъ до появленія въ печати первыхъ статей Бѣлинскаго, и кончая представителями младшаго поколѣнія, только-что выступившими при жизни Бѣлинскаго на поприще самостоятельной дѣятельности. Что касается Бѣлинскаго въ оцѣнкѣ потомства, то этому вопросу будетъ посвящена особая книга.

Относительно многочисленныхъ цитатъ, извлеченныхъ изъ разнообразныхъ мнѣній и отзывовъ о Бѣлинскомъ, сдѣлавшихся достояніемъ печати на протяженіи трехъ четвертей вѣка (1835—1910), слѣдуетъ имѣть въ виду, что курсивъ и кривыя скобки вездѣ принадлежатъ цитируемымъ авторамъ, а ломаными скобками отмѣчены пояснительныя вставки составителя книги. Правописаніе въ цитатахъ изъ старыхъ книгъ, журналовъ и газетъ, во избѣжаніе орѳографической пестроты, модернизировано, за исключеніемъ особенно характерныхъ случаевъ. Для сокращенія числа подстрочныхъ примѣчаній цитаты сопровождаются ссылками на источники въ самомъ текстѣ, при чемъ нѣкоторыя неоднократно и въ разныхъ мѣстахъ книги цитируемыя

сочиненія обозначены сокращенно: именами авторовъ, однимъ или двумя словами заглавія, въ одномъ случаѣ иниціалами. Сочиненія эти слѣдующія:

Анненковъ П. В. Литературныя воспоминанія. Спб. 1909.

Барсуковъ Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина (22 книги). Спб. 1888—1910.

Бѣлинскій В. Г. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. и съ примѣч. С. А. Венгерова (9 томовъ). Спб. 1900—1910.

Герценъ А. И. Сочиненія (7 томовъ). Спб. 1905.

Грановскій Т. Н. и его переписка (2 т.). М. 1897.

Кавелинъ К. Д. Собраніе сочиненій, т. III. Спб. 1899.

Кольцовъ А. В. Полное собраніе сочиненій. Спб. 1909 (академич. изданіе).

Лемке М. К. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. Спб. 1908.

Никитенко А. В. Записки и Дневникъ (2 тома). Изд. 2. Спб. 1904.

Отчеты Императорской Публичной Библіотеки. Приложенія (Въ текстѣ книги обозначены иниціалами О. И. П. Б.).

«Памяти В. Г. Бѣлинскаго». Литературный сборникъ. М 1899.

Панаевъ И. И. Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ. Спб. 1876.

Письма Бѣлинскаго (Первое собраніе писемъ Бѣлинскаго. Спб. 1900. Изд. Н. Зинченко).

«Починъ». Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1895 и 1896 годы. М. 1895 и 1896.

Пыпинъ А. Н. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Изд. 2. Спб. 1908.

Существенную помощь при собираніи матеріала оказалъ монументальный трудъ С. А. Венгерова «Источ-

ники словаря русскихъ писателей» (Т. I. Спб. 1900), но использовано много и такихъ печатныхъ источниковъ, которые не указаны и не могли быть указаны въ изданіи, вышедшемъ болѣе десяти лѣтъ тому назадъ. Указанія на матеріалы, оставшіеся неизвѣстными составителю книги, будутъ приняты съ благодарностью.

8 января 1911 года.

ПОПРАВКА.

На страницахъ 118 и 119 вмѣсто **Милонова** надо читать **Лобановъ.**

ВВЕДЕНІЕ.

Уже первой своей крупной статьей, знаменитыми «Литературными мечтаніями», Бѣлинскій создалъ себѣ массу враговъ всякаго рода. «Патріоты своего отечества», раздѣлявшіе мнѣніе графа Бенкендорфа, что настоящее Россіи болѣе, чѣмъ великолѣпно («son présent est plus que magnifique»), были оскорблены заявленіемъ Бѣлинскаго, что «у насъ нѣтъ литературы» и что «намъ нужно ученье! ученье! ученье!» Хотя подобныя заявленія дѣлались неоднократно и раньше, но они казались особенно непростительной дерзостью со стороны «недоучившагося студента». Заявленіе Бѣлинскаго, что Россія имѣетъ всего только четырехъ настоящихъ представителей литературы, а именно: Державина, Пушкина, Крылова и Грибоѣдова, показалось еще большей дерзостью многочисленнымъ поклонникамъ и друзьямъ Карамзина, Жуковскаго и даже Дмитріева, котораго кн. Вяземскій ставилъ выше Крылова. Да и друзья и поклонники величайшаго русскаго поэта не могли быть особенно довольны статьей, заявлявшей, что въ Пушкинѣ «мы должны оплакивать горькую невозвратимую потерю». Но больше всего, конечно, должны были негодовать разнаго рода второстепенные и третьестепенные писатели стараго и молодого поколѣнія, которые всѣ были перечислены и оцѣнены Бѣлинскимъ съ такой свободой и смѣлостью, къ которой русскіе писатели и читатели еще не привыкли. Особенно досталось «геніямъ смирдинскаго періода русской словесности»: Булгарину, Гречу, Сенковскому (барону Брамбеусу), Воейкову, Кукольнику, Марлинскому и др. А за первой статьей послѣдовали еще десятки статей и сотни рецензій, въ которыхъ, съ одной стороны, превозносились плохо понимаемые или вовсе непонимаемые современниками

писатели, какъ Гоголь, Кольцовъ, Лермонтовъ, позднѣе—Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Герценъ, Некрасовъ, Григоровичъ, а съ другой—разрушались кумиры тогдашнихъ читателей и даже писателей, въ родѣ Марлинскаго, Бенедиктова, Кукольника, Загоскина, не говоря о десяткахъ третьестепенныхъ поэтовъ и романистовъ, извѣстныхъ въ настоящее время только по пренебрежительнымъ отзывамъ Бѣлинскаго.

Если бы Бѣлинскій высказывалъ свои мнѣнія и приговоры вполнѣ откровенно, но спокойно, и тогда бы каждая изъ его статей и рецензій создавала ему все новыхъ и новыхъ личныхъ враговъ, не говоря уже о врагахъ принципіальныхъ. Но Бѣлинскій, по выраженію С. А. Венгерова, былъ «самымъ страстнымъ полемистомъ въ русской литературѣ». Уже въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» онъ имѣлъ смѣлость заявить, что находитъ «блаженство неизъяснимое, сладострастіе безграничное» въ литературныхъ битвахъ и схваткахъ. Подобныя же заявленія встрѣчаются и въ письмахъ Бѣлинскаго. «Чувствую теперь вполнѣ и живо,—писалъ онъ Боткину въ 1842 году—что я рожденъ для печатныхъ битвъ и что мое призваніе, жизнь, счастье, воздухъ, пища—*полемика*» (Пыпинъ, 405). Прибавьте къ этому полемическому «сладострастію» страшную ненависть къ отдѣльнымъ литературнымъ дѣятелямъ, ненависть, которая могла продиктовать Бѣлинскому такія, напримѣръ, ужасныя строки: «что же касается до Полевого, Греча и Булгарина—бываютъ минуты, когда хотѣлось бы бить ихъ палкою» (Пыпинъ, 305),—и вы поймете, сколько страстной нетерпимости вносилъ въ свою полемику и даже въ критику «неистовый Виссаріонъ», этотъ «жидъ по натурѣ», какъ онъ самъ себя называлъ въ одномъ письмѣ къ Герцену. Легко понять и объяснить также и ту травлю, которой подвергался Бѣлинскій и въ литературѣ и внѣ литературы со стороны литературныхъ противниковъ и всякаго рода недоброжелателей, развѣнчанныхъ имъ или сдернутыхъ съ пьедестала «геніевъ» и «талантовъ». За исключеніемъ непродолжительнаго періода примирительнаго отношенія къ гнусной расейской дѣйствительности, Бѣлинскій, по выраженію Анненкова, вѣчно искалъ боя и враговъ и, конечно, находилъ ихъ въ болѣе чѣмъ достаточномъ количествѣ, хотя, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ очень плохого качества. Въ то время, какъ Бѣлинскій дѣйствовалъ открыто, его безсовѣстные враги прибѣгали къ сплетнямъ, пасквилямъ, даже къ печатнымъ, письменнымъ и устнымъ доносамъ.

Но если каждая новая статья Бѣлинскаго увеличивала ряды его враговъ, зато, съ другой стороны, у него не было недостатка въ друзьяхъ и поклонникахъ какъ среди писателей, такъ и среди читателей. Безъ преувеличенія, оставивъ въ сторонѣ славянофиловъ, можно смѣло сказать, что все молодое, свѣжее, симпатичное, что было въ николаевской Россіи, не замедлило стать на сторону Бѣлинскаго. Друзей и почитателей у него и при жизни было, пожалуй, не меньше, чѣмъ враговъ, не говоря уже о томъ, что въ качественномъ отношеніи поклонники Бѣлинскаго, въ большинствѣ случаевъ, стояли гораздо выше его враговъ. Друзья и почитатели Бѣлинскаго не ограничивались чтеніемъ его статей и распространеніемъ его идей, они всевозможными средствами обнаруживали свою любовь и свое уваженіе къ нему, они выступали даже въ качествѣ защитниковъ великаго русскаго критика противъ его многочисленныхъ и вліятельныхъ враговъ. Къ сожалѣнію, эта защита ограничивалась одними устными спорами и заявленіями, въ современной же Бѣлинскому литературѣ его защитники выступали крайне рѣдко. Вотъ почему въ русской литературѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ мы встрѣчаемъ почти исключительно отрицательные или недоброжелательные отзывы о нашемъ знаменитомъ критикѣ. Совершенно иная картина получается, если мы обратимся къ литературѣ воспоминаній, дневниковъ и писемъ, относящихся къ эпохѣ литературной дѣятельности Бѣлинскаго. На ряду съ крайне враждебнымъ отношеніемъ къ величайшему русскому критику мы встрѣтимъ тутъ и самые восторженные отзывы о немъ.

Послѣ смерти Бѣлинскаго можно было бы ожидать, что его друзья и поклонники выступятъ на защиту великаго критика, его личности и его идей, вызвавшихъ столько несправедливыхъ и злобныхъ нареканій и обвиненій, печатныхъ и устныхъ. Можно было ожидать, что смерть Бѣлинскаго, хотя до извѣстной степени, примиритъ съ нимъ его многочисленныхъ враговъ и заставитъ ихъ отнестись къ нему съ большимъ уваженіемъ и съ большей справедливостью. Но не случилось ни того, ни другого. Смерть унесла Бѣлинскаго въ могилу три мѣсяца спустя послѣ февральской революціи, разразившейся во Франціи, вызвавшей революціонныя движенія во всей Западной Европѣ и отразившейся въ Россіи усиленіемъ и безъ того мрачной реакціи. Ближайшіе друзья Бѣлинскаго не могли напечатать о немъ ни единаго теплаго, искренняго слова; враги его и недоброжелатели были болѣе сво-

боды въ выраженіи своихъ мыслей и чувствъ, но воспользовались этой свободой для повторенія своихъ прежнихъ сужденій, продиктованныхъ оскорбленнымъ самолюбіемъ. Впрочемъ, и враги великаго критика скоро лишились возможности сводить свои старые счеты съ погибшимъ бойцомъ. Когда во время процесса петрашевцевъ въ руки правительства попалось знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, великій русскій критикъ превратился въ государственнаго преступника, котораго только смерть избавила отъ самой тяжкой кары и имя котораго было осуждено цензурой на забвеніе.

Но окутанная непроглядной тьмой правительственной реакціи, Россія не забыла своего величайшаго критика: его статьи читались и перечитывались и готовили новые кадры борцовъ за лучшее будущее, которое настало скорѣе, чѣмъ ожидали, благодаря крушенію русскаго военнаго могущества подъ стѣнами Севастополя. Едва только подъ вліяніемъ крымскаго разгрома начали спадать оковы съ многострадальной русской прессы, молодая Россія поспѣшила объявить Бѣлинскаго своимъ идейнымъ вождемъ и разъяснить его значеніе и заслуги въ исторіи русскаго просвѣщенія. Начатая Чернышевскимъ реабилитація великаго русскаго критика была поддержана его друзьями, выступившими со своими нѣсколько запоздавшими оцѣнками и воспоминаніями, но встрѣтила также и противодѣйствіе со стороны старыхъ враговъ Бѣлинскаго. Вокругъ имени «неистоваго Виссаріона» вновь закипѣла словесная война, еще болѣе жестокая, чѣмъ при его жизни. Въ литературѣ враги Бѣлинскаго на первыхъ же порахъ окончательно и безповоротно проиграли свое дѣло, но они продолжали еще цѣлые десятки лѣтъ сохранять твердыя позиціи въ правительственныхъ сферахъ, особенно въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, гдѣ величайшій русскій критикъ до самаго конца XIX вѣка считался опаснымъ для учащихся поколѣній писателемъ.

Указанныя обстоятельства крайне неблагопріятно отражались на тѣхъ сужденіяхъ и оцѣнкахъ, которыя исходили какъ отъ друзей, такъ и отъ враговъ Бѣлинскаго. И тѣ и другіе, большею частію, лишены были возможности говорить о немъ вполнѣ спокойно и безпристрастно и невольно впадали въ крайность чрезмѣрнаго приниженія или превознесенія его личности и заслугъ. Едва ли нужно указывать, что враги Бѣлинскаго въ своихъ сужденіяхъ о немъ несравненно больше грѣшили противъ

истины, чѣмъ друзья. Безпристрастное потомство, за самыми ничтожными исключеніями, не только стало на сторону друзей Бѣлинскаго, но и пошло гораздо дальше ихъ въ своемъ восторженномъ отношеніи къ величайшему критику земли русской.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бѣлинскій въ оцѣнкѣ журналистовъ, критиковъ и публицистовъ.

I. Воейковъ и Сенковскій.

Походъ противъ Бѣлинскаго начался тотчасъ же послѣ появленія «Литературныхъ мечтаній», и начался онъ, по обыкновенію, сплетнями, которыя, по словамъ Тургенева, «въ тогдашнее глухое подпольное время» играли «большую роль во всѣхъ слояхъ общества — литературныхъ и иныхъ». Сплетни эти складывались, распускались и охотно принимались на вѣру, безъ всякой провѣрки и критики, людьми, или лично задѣтыми и обиженными статьей Бѣлинскаго, или обидѣвшимися его неуважительнымъ отношеніемъ къ тогдашнимъ литературнымъ авторитетамъ. По свидѣтельству Тургенева, въ Петербургѣ начали ходить слухи о новомъ, дескать, человѣкѣ весьма бойкомъ, горячемъ, который ни передъ чѣмъ не отступалъ и нападалъ на всѣхъ... Многіе, даже между молодежью, осуждали его и находили, что онъ слишкомъ далеко заносится... Цѣлая легенда успѣла сложиться о Бѣлинскомъ. Говорили, что это недоучившійся казенный студентъ, выгнанный изъ университета... за развратное поведеніе.... Увѣряли, что и наружность его самая ужасная; что это какой-то пьяница, бульдогъ, призрѣнный Надеждинымъ съ цѣлью травить имъ своихъ враговъ; упорно, и какъ бы въ укоризну, называли его «Бѣлынскимъ». (Соч. Тургенева, XII, 18—19. Изд. Маркса). Изъ литературныхъ кружковъ и салоновъ, гдѣ возмущались «плебейскимъ происхожденіемъ» Бѣлинскаго, сплетни и неблагопріятные стали

о немъ не замедлили перейти на страницы журналовъ, такъ какъ почти всѣ тогдашніе журналисты были болѣе или менѣе чувствительно задѣты молодымъ критикомъ. Первымъ ополчился Воейковъ, о которомъ Бѣлинскій далъ въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» самый пренебрежительный отзывъ и котораго онъ называлъ авторомъ единственнаго стихотворенія, да и то было непечатное («Домъ сумасшедшихъ»). Плохой писатель и скверный человѣкъ, котораго самъ кроткій Жуковскій собственноручно бивалъ палкой, Воейковъ, по произведенному С. А. Венгеровымъ подсчету, посвятилъ Бѣлинскому *тридцать четыре* полемическихъ замѣтки въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» 1835 и 1836 годовъ.

«Донималъ онъ его всячески—говоритъ г. Венгеровъ:—сначала коверканіемъ фамиліи, упорно величая его Виссаріонъ (а иной разъ и Виссссаріонъ—съ тремя *с* или еще съ прибавкой отчества—Виссаріонъ Григорьевичъ) Бѣлынскій... Затѣмъ Воейковъ выуживалъ противорѣчія, которыя не очень-то трудно набрать у писавшаго всегда подъ настроеніемъ данной минуты Бѣлинскаго. Но больше всего онъ нападалъ на отрицаніе авторитета старыхъ писателей и на утвержденіе Бѣлинскаго, что у насъ нѣтъ литературы. Патетически доказывалъ Воейковъ, что у насъ есть литература и въ подтвержденіе печаталъ цѣлые каталоги разныхъ замѣчательныхъ произведеній русскихъ писателей. Нужно, однако, отдать справедливость Воейкову — оговаривается г. Венгеровъ — онъ первый изъ людей стараго поколѣнія понялъ силу Бѣлинскаго и въ глубинѣ души несомнѣнно очень цѣнилъ его... Онъ иной разъ даже похваливалъ его, съ тѣмъ, чтобы энергичнѣе спорить съ его мнѣніями. Такъ въ № 59 — 60 [за 1836 годъ]... Воейковъ писалъ: «Вѣдь этотъ молодой человѣкъ не безъ таланта и писалъ бы по-русски очень порядочно, если бы въ сочиненіяхъ его не было излишней болтовни»... Въ другой разъ онъ говорилъ (№ 70): «Г. Бѣлинскій изъ одного своенравія написалъ, что у насъ нѣтъ ни литературы, ни поэзіи; ибо у него нельзя отнять ни ума, ни дарованія, ни даже знанія родного языка». Но больше всего—продолжаетъ г. Венгеровъ—сильное впечатлѣніе, которое произвели на Воейкова статьи Бѣлинскаго, выразилось въ той внимательности, съ которою онъ изучалъ эти статьи. Онъ всегда старался побивать Бѣлинскаго его же собственными словами, взятыми большею частью изъ «Литературныхъ мечтаній», изъ которыхъ подчасъ приводилъ огромнѣйшія выдержки» (Бѣлинскій, III.

502—503). «Онъ малый дѣйствительно умной, съ талантомъ, но бѣдовая голова, увлекся въ какую-то односторонность, и эта система его погубила». Такой отзывъ о Бѣлинскомъ слышалъ отъ Воейкова и Кольцовъ на литературномъ вечерѣ у Плетнева въ мартѣ 1838 года (Кольцовъ, с. 178). Не правъ поэтому Колбасинъ, который говоритъ о Воейковѣ, что, «считая себя великимъ критикомъ, онъ видѣлъ въ Бѣлинскомъ одно нахальство» («Литературные дѣятели прежняго времени», с. 288. Спб. 1859). Такой выводъ могъ быть сдѣланъ на основаніи «Дома сумасшедшихъ», гдѣ, въ строфѣ о Сенковскомъ, сказано:

Полевого самохвальство
И Булгарина задоръ
И Бѣлинскаго нахальство
Совмѣстилъ себѣ въ позоръ [1].

Что касается Бѣлинскаго, то онъ не считалъ нужнымъ вступать съ Воейковымъ въ серьезную полемику и отдѣлывался только пренебрежительными отзывами о его журналѣ. Такъ, въ статьѣ «Ничто о ничемъ» сказано: «Скорѣе можно отрыть въ Москвѣ допотопную мамонтову кость, чѣмъ найти этотъ журналъ... Почтенный старецъ самъ пишетъ, самъ и читаетъ, слѣдовательно, никому зла не дѣлаетъ, слѣдовательно, его бранныя выходки суть не что иное, какъ невинная забава на старости лѣтъ. И такъ, въ часъ добрый!—пусть продолжаетъ тѣшиться!» (Бѣлинскій, II, 376).

Послѣ «Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду» противъ Бѣлинскаго выступила «Библіотека для Чтенія», самый вліятельный и распространенный русскій журналъ второй половины тридцатыхъ годовъ, выходившій подъ редакціей проф. Сенковскаго, пріобрѣвшаго широкую извѣстность подъ псевдонимомъ барона Брамбеуса. Возмущавшій своей безпринципностью и своимъ шутовствомъ всякаго, кто сколько-нибудь уважалъ русскую литературу и званіе писателя, Сенковскій уже въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» подвергся со стороны Бѣлинскаго осмѣянію вмѣстѣ съ Воейковымъ, Булгаринымъ, Гречемъ и другими «геніями смирдинскаго періода словесности». «Баронъ Брамбеусъ —писалъ Бѣлинскій въ 1834 году — есть *мизантропъ*, сирѣчь человѣконена-

[1] Имѣется и болѣе справедливый по отношенію къ великому критику варьянтъ этой строфы, гдѣ сказано: «и Бѣлинскаго задоръ», а «нахальство» приписано Булгарину.

вистникъ: смѣсь Руссо съ Поль-де-Кокомъ и г. Булгаринымъ, онъ смѣется и издѣвается надъ всѣмъ и гонитъ особенно просвѣщеніе» (Бѣлинскій, I, 392—393). Въ своихъ письмахъ 1837 года Бѣлинскій выражается еще энергичнѣе: «Сенковскій—подлецъ, а «Библіотека»—гадкій журналъ, «литературная чума, зловонная зараза» (Пыпинъ, с. 215: О. И. П. Б. за 1889 г., с. 7). Въ эпоху «Московскаго Наблюдателя», въ своемъ временномъ смиренномудріи, Бѣлинскій считалъ «Библіотеку для Чтенія» полезнымъ журналомъ и желалъ ей всякаго успѣха. Но уже въ статьѣ о Менцелѣ, и еще сильнѣе въ обзорѣ русской литературы 1840 года, «забавная» критика барона Брамбеуса, съ ея «наглымъ, нахальнымъ» тономъ, съ ея шутовской парадоксальностью, подвергалась достойной оцѣнкѣ. Особенно возмущался Бѣлинскій «недобросовѣстностью» критики Сенковскаго, который готовъ былъ отнести Булгарина и Греча къ первоклассным талантамъ, а Гоголя называлъ русскимъ Поль-де-Кокомъ. Такое отношеніе къ Гоголю Бѣлинскій склоненъ былъ объяснять завистью къ истинному комическому таланту со стороны писателя, обладавшаго только «талантомъ каррикатуры».

Разумѣется, Сенковскій, со своей стороны, не оставался въ долгу передъ Бѣлинскимъ и уже въ 1835 году напечаталъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» первый пасквиль на него, написанный Ушаковымъ, о чемъ будетъ рѣчь дальше. Безпристрастія Сенковскаго хватило на то, чтобы двумя годами позже признать въ грамматикѣ Бѣлинскаго «много дѣльнаго»; но къ критической его дѣятельности, особенно когда «Отеч. Записки» стали отодвигать «Библіотеку для Чтенія» на задній планъ, баронъ Брамбеусъ все время относился враждебно. То, что въ настоящее время считается одной изъ самыхъ важныхъ заслугъ Бѣлинскаго—оцѣнка и защита Гоголя—въ глазахъ Сенковскаго было дѣломъ крайне вреднымъ для русской литературы. По воспоминаніямъ А. П. Милюкова, онъ вполнѣ серьезно доказывалъ, что «новая критика, во главѣ которой стоялъ Бѣлинскій, неумѣренными похвалами Гоголю надѣлаетъ много вреда русской литературѣ». «Бѣда не въ томъ, — говорилъ Сенковскій — что вы собьете съ толку вашего кумира и заставите его считать себя величайшимъ геніемъ въ мірѣ: пускай онъ воображаетъ себя Гомеромъ и Ѳомой Кемпійскимъ—скорѣе допишется до абсурда. Гораздо хуже то, что ваша критика восторженными панегириками ему расплодитъ толпы маленькихъ Гоголей, которые доведутъ его жартъ до омерзительной пошлости и совсѣмъ испортятъ вкусъ публики. Вотъ

и теперь уже нельзя безъ перчатокъ брать въ руки иныхъ книгъ, а скоро придется или окуривать ихъ или выбрасывать въ помойную яму. Увидите, какая грязно реальная школа расцвѣтетъ подъ вліяніемъ вашего хохлацкаго корифея. Вѣдь подражателямъ не удастся усвоить его природнаго юмора: они только будутъ потчевать васъ его галушками, приправленными лукомъ и конопляннымъ масломъ». Первымъ условіемъ для своихъ помощниковъ и сотрудниковъ Сенковскій «ставилъ требованіе не увлекаться новымъ направленіемъ, которое онъ называлъ студіей Бѣлинскаго» («Литературныя встрѣчи и знакомства» А. Милюкова, сс. 98—100. Спб. 1890).

Прямой и серьезной полемики съ Бѣлинскимъ Сенковскій избѣгалъ, но задѣвалъ его мимоходомъ при всякомъ случаѣ, напримѣръ, въ своихъ отзывахъ о сочиненіяхъ Гоголя. Съ какою небрежностью онъ позволялъ себѣ говорить о своемъ противникѣ, можно судить по рецензіи, посвященной брошюрѣ Бѣлинскаго «Н. А. Полевой» (Спб. 1846). Сенковскій притворяется, что имя Бѣлинскаго ему неизвѣстно, что это новичекъ въ литературѣ, который «написалъ очень хорошую книжечку», но нуждается въ большемъ образованіи. «Произведеніе — говорится о брошюрѣ Бѣлинскаго — носитъ на себѣ всѣ признаки прекраснаго юношескаго возраста. Богатство общихъ мѣстъ, щегольство чудесными техническими выраженіями, разсыпанными щедрою рукою впопадъ — а иногда и невпопадъ — куда ни попало, пышныя опредѣленія вещей давно извѣстныхъ, искусныя толки новыхъ идей и [illegible] радость надъ каждою мыслью, которую принимаетъ всегда за великое открытіе, вотъ милыя принадлежности этого завиднаго времени дѣтскихъ мечтаній и ребяческихъ увлеченій. Составлять приговоръ по первымъ произведеніямъ такихъ прекрасныхъ юношей, уничтожать ихъ милое откровеніе ихъ пламенныхъ убѣжденій, всегда искреннихъ и потому невинныхъ — и жалко и несправедливо, тѣмъ болѣе, если въ этихъ произведеніяхъ видны уже слѣды будущаго здороваго ума, который, современемъ, когда хорошенько поучится, можетъ развернуться и [illegible]. Вышутивши далѣе отдѣльныя мнѣнія Бѣлинскаго и посовѣтовавши ему прочитать книгу Мундта о нѣмецкомъ романтизмѣ, «если молодой философъ-біографъ знаетъ нѣмецкій языкъ», Сенковскій опять повторяетъ: «я рѣшительно утверждаю, что этотъ молодой философъ — съ головой, что изъ него выйдетъ толкъ, если онъ

немножко поучится» («Библіотека для Чтенія» 1846 г., т. LXXVI. Литературная лѣтопись, сс. 50 и сл.).

II. Булгаринъ и Гречъ.

«Сѣверная Пчела» молчала о Бѣлинскомъ почти цѣлый годъ послѣ появленія «Литературныхъ мечтаній», хотя Булгаринъ былъ задѣтъ молодымъ критикомъ чувствительнѣе и больнѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ тогдашнихъ русскихъ писателей. Нравственно-сатирическіе романы Булгарина въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» названы «полицейскими», потому что «поэтическая сторона его созданій проявляется только въ живомъ и вѣрномъ изображеніи мошенничествъ и плутней». Самъ Булгаринъ названъ выходцемъ, пройдохой и Видокомъ, который оскорбляетъ русскую словесность и ругается надъ святостью истины и знанія. Не оказано было пощады и ближайшему другу и сотруднику Булгарина—Гречу. Бѣлинскій издѣвается и надъ его романами, и надъ его грамматикой, а въ слѣдующемъ году задѣваетъ и его «Учебную книгу русской словесности», назвавши ее «сборникомъ устарѣлыхъ правилъ и дурныхъ примѣровъ» (Бѣлинскій, II, 184). «Сѣверная Пчела» цѣнилась Бѣлинскимъ еще ниже, чѣмъ романы и учебники ея издателей. «Она судитъ и рядитъ обо всемъ—писалъ Бѣлинскій въ началѣ 1836 года—бранитъ и хвалитъ одну и ту же книгу... готова помѣстить брань на все, кромѣ самой себя» (II, 375). Впослѣдствіи отзывы о булгаринской газетѣ были еще хуже. Въ эпоху примиренія съ «гнусной *рассейской* дѣйствительностью» у Бѣлинскаго нашлись болѣе мягкія выраженія и для Булгарина съ Гречемъ. Въ то время онъ признавалъ въ романахъ Булгарина хорошій русскій языкъ и считалъ ихъ полезными въ смыслѣ распространенія охоты къ чтенію среди невзыскательныхъ сословъ общества. А Гречъ былъ названъ «литераторомъ, по достоинству занимающимъ въ нашей литературѣ одно изъ видныхъ мѣстъ и оказавшимъ ей большія услуги» (III, 474). Но стоило «неистовому Виссаріону» переселиться въ Петербургъ, стоило ему познакомиться съ настоящей, а не идеализированной русской дѣйствительностью, стоило ему узнать, что «Гречи и Булгарины направляютъ всею литературою при помощи доносовъ» (Пыпинъ, 299)— и онъ проникается къ издателямъ «придворной газеты» (Hofzeitung), какъ называли тогда за границей «Сѣверную Пчелу», самой жгучей, непримиримой ненавистью и подъ вліяніемъ этого

чувства уже не хочетъ видѣть въ нихъ никакихъ достоинствъ и признавать за ними никакихъ заслугъ.

«Нападки на пьянство, воровство, плутовство и лихоимство, какъ на пороки гибельные для внѣшняго и внутренняго благосостоянія людей,—неужели эти нападки, состоящія въ истертыхъ моральныхъ сентенціяхъ, и теперь можно принимать за идеи; а бездушныя реторическія олицетворенія пороковъ и добродѣтелей, выдаваемыя за характеры, дѣйствительно должно принимать за живыя лица, вмѣсто того, чтобъ видѣть въ нихъ куклы, раскрашенныя грубою мазилкою и безобразно вырѣзанныя ножницами изъ оберточной бумаги»? Таковъ одинъ изъ многочисленныхъ отзывовъ Бѣлинскаго о романахъ Булгарина, находящійся въ обзорѣ русской литературы 1843 года. Не оставлялъ Бѣлинскій безъ болѣе или менѣе ядовитыхъ отзывовъ и внерѣ вышедшихъ произведеній плодовитаго Булгарина: только о его «Воспоминаніяхъ» онъ счелъ возможнымъ написать сочувственный отзывъ, да и тотъ въ полномъ видѣ не появился въ печати. А какъ честилъ Бѣлинскій издателей «Сѣверной Пчелы» въ своихъ бесѣдахъ и письмахъ, объ этомъ мы можемъ составить представленіе по слѣдующему недавно только опубликованному отрывку изъ письма его къ Боткину: «О, Боткинъ, если бы ты зналъ хотя приблизительно, что такое Гречъ: вѣдь это апотеоза россійской дѣйствительности, это литературный Ванька-Каинъ, это человѣкъ, способный зарѣзать отца родного и потомъ плакать публично надъ его гробомъ, способный вывести на площадь родную дочь и торговать ею (если бъ литературные ресурсы истощились и другихъ не было), это грязь, подлость, предательство, фискальство, принявшія человѣческій образъ» (Пыпинъ, 650). По этому образчику легко можно представить, какъ отзывался «неистовый Виссаріонъ» о Булгаринѣ, который былъ гораздо хуже Греча. (См. статью о Булгаринѣ въ книгѣ М. К. Лемке «Николаевскіе жандармы и литература 1825—1855 гг.»).

Раздраженный Булгаринъ не сразу принялъ вызовъ молодого критика, такъ смѣло брошенный въ «Литературныхъ мечтаніяхъ». Онъ крѣпился цѣлый годъ, но въ концѣ 1835 года, передъ началомъ подписки, не утерпѣлъ и въ 251 и 252 номерахъ «Сѣверной Пчелы», за подписью *Ксп*, напечаталъ длинную рецензію трагедіи барона Розена «Петръ Басмановъ», гдѣ гораздо больше говорится о Бѣлинскомъ, чѣмъ о трагедіи. Въ этой рецензіи мы находимъ полный букетъ булгаринской «словесности», не остана-

вливающейся ни передъ извращеніемъ чужихъ мнѣній, ни передъ выдумками насчетъ противника, ни даже передъ намеками на его неблагонадежность, при чемъ Бѣлинскій прямо не названъ, а обозначенъ различными буквами русскаго алфавита. «Надобно было бы—говоритъ авторъ рецензіи—начать разборъ нашъ высшимъ, заоблачнымъ взглядомъ, а кончить обыкновенной, общеупотребительной бранью; такъ слѣдуетъ писать разборы по правиламъ нашихъ знаменитыхъ критиковъ, которые, особенно въ московскихъ журналахъ «Молвѣ», «Телескопѣ», отъ времени до времени наѣзжаютъ изъ-за угла на нашу словесность съ опущенными забралами, съ ужасными копьями, вырванными изъ гусиныхъ-перьевъ, съ картонными щитами, на которыхъ красуются девизы всѣхъ неизвѣстныхъ рыцарей. Девизы замѣчательные и многозначащіе! Тутъ найдешь и А и Б и В, словомъ сказать: всю нашу азбуку, отъ Аза до Ижицы включительно... Неизвѣстные рыцари съ ужасными девизами давно доказали, что у насъ нѣтъ словесности, нѣтъ критики, нѣтъ просвѣщенія, нѣтъ ни одной книги, однимъ словомъ, ничего нѣтъ!» Далѣе иронически доказывается, что у насъ, по крайней мѣрѣ, есть критики и даже «европейскіе критики». «И какъ легко это доказать! Давно ли знаменитый критикъ, краса московскихъ рецензентовъ и алмазъ «Молвы», А. или Б., не упомнимъ, совершенно уничтожилъ незаслуженную славу самозванца-писателя Марлинскаго и неопровержимо, наперекоръ всему свѣту, доказалъ, что у Марлинскаго нѣтъ ни идей, ни ума, ни чувства; что у него есть *ходули чувства, ходулки остроумія, калейдоскопическая игра мишурныхъ фразъ*.. Давно ли извѣстный всей Россіи и даже всей Европѣ Е., или нѣтъ не Е., а И. (неужто вы про него ничего не слыхали?) доказалъ, что Державинъ былъ такой же романтикъ, какъ и Пушкинъ, и что причина этого скрывается въ его *невѣжествѣ*; что Карамзинъ писалъ *по-дѣтски*, плаксиво и *растлительно*, что цѣлые томы его «Исторіи» — *одна риторическая шумиха*; что Жуковскій не сынъ XIX вѣка, а прозелитъ, что въ Батюшковѣ мысли *дѣтскія*; что Шекспиръ—*пьяный дикарь*, Расинъ *накрахмаленъ*, Шатобріанъ *крестный отецъ*, а г-жа Сталь *повивальная бабка* юнаго романтизма! (Мы вовсе не шутимъ; всѣ эти прелести напечатаны въ «Молвѣ»)».

Извративъ мнѣнія Бѣлинскаго о русскихъ писателяхъ и приписавъ ему отзывы Марлинскаго объ иностранныхъ авторахъ, рецензентъ продолжаетъ такъ: «Давно ли этотъ же первоверховный

критикъ Н. показалъ всю цѣну, весь генiй П. [Гоголя], о которомъ до того никто и не слыхалъ! Нѣсколько завистливый Н. соединился съ У. и блестящимъ софистическимъ разборомъ затмилъ было достоинство П.; но всѣ наши генiи, философы, ученые, всѣ первостепенные таланты, и Ч. и Н. и Ш. и Щ. и даже простодушный, безпечный Ы. горячо вступились за П. и доказали, что П. нашъ Байронъ, Шекспиръ, и всѣ наши самозванцы-литераторы, безпрестанно поражаемые московскими журналами [слѣдуетъ перечень тогдашнихъ русскихъ писателей отъ... Булгарина до Пушкина, но за исключенiемъ Гоголя и Кольцова]... не стоятъ одного мизинца генiальнаго П., который, если еще и неизвѣстенъ ничѣмъ въ словесности, то будетъ извѣстенъ и даже знаменитъ, какъ А. Б. В. и прочiе первоклассные наши писатели. Послѣ этого можно ли говорить, что у насъ нѣтъ словесности, нѣтъ критиковъ, нѣтъ литераторовъ? И что же? Къ удивленiю всѣ исчисленные выше первостепенные философы, писатели и критики, начиная отъ Аза до Ижицы, до глубокомысленнаго ученаго, какъ Шеллингъ, Ижица, безпрестанно говорятъ, что у насъ нѣтъ ни словесности, ни критики, ни даже грамматики. О грамматикѣ, пожалуй, мы спорить не станемъ. Читая глубокомысленныя образцовыя рецензiи А., Б. и такъ далѣе до философа Ижицы, въ самомъ дѣлѣ совершенно убѣдишься, что не только не существуетъ русской грамматики, но и нѣтъ даже самыхъ первоначальныхъ правилъ этой науки». «Мы никогда не могли,—говорится дальше въ рецензiи—читать безъ улыбки сожалѣнiя этихъ безотчетныхъ сентенцiй безыменныхъ критиковъ, гдѣ не только сочиненiя русскiя, но даже произведенiя писателей, оцѣненныхъ цѣлою Европою, по могучей волѣ рецензента повергаются въ прахъ. И вотъ это дѣлается какимъ образомъ. Начавъ разборъ напыщенными философическими сужденiями о... XIX вѣкѣ, о идеяхъ, о романтизмѣ, о требованiяхъ вѣка, которыя такъ же блестящи, какъ мыльные пузыри [illegible], богаты внутреннимъ содержанiемъ, рецензентъ насмѣшливо спрашиваетъ: какая *цѣль* автора? Идея пошлая, старая! отвѣчаетъ рецензентъ самъ себѣ и разсказываетъ со ужасомъ! [illegible] содержанiе разбираемаго сочиненiя. Да этимъ способомъ можно уронить, изуродовать сочиненiе самого Аполлона, бога поэзiи, если бъ онъ вздумалъ ихъ напечатать и сошелся въ условiяхъ съ какимъ-нибудь книгопродавцемъ».

Отчитавъ Бѣлинскаго за отрицанiе русской литературы, за-

уважительное отношеніе къ старымъ и новымъ литературнымъ кумирамъ и за высокую оцѣнку Гоголя, Булгаринъ не могъ удержаться и отъ замѣчаній *голубого*, какъ тогда выражались характера, то-есть адресованныхъ блюстителямъ порядка въ голубыхъ мундирахъ. «Подавай намъ новыхъ идей! — закричали нѣкоторыя полоумныя головы въ Европѣ, которымъ надоѣли и старый порядокъ вещей, и старыя, вѣковыя идеи, и старый здравый разсудокъ, однимъ словомъ, вся природа, весь свѣтъ. И намъ давай новыхъ идей! — закричали знаменитые наши философы и критики А. Б. В. и компанія». Дальше рецензентъ утверждаетъ, что трагедія бар. Розена не понравится нашимъ критикамъ, что автору «для новости идеи» лучше было бы доказать, что «измѣна дѣло весьма не худое и даже похвальное». Въ концѣ же рецензіи находятся такія строки: «Мы... искренно любимъ всѣхъ достойныхъ русскихъ литераторовъ, и отъ души радуемся каждому новому произведенію, обогащающему нашу родную словесность, которой *якобы* вовсе нѣтъ, да и быть не можетъ, какъ увѣряютъ нѣкоторые завистливые иностранцы, не знающіе вовсе Россіи, да еще (Богъ имъ судья!) ренегаты, безбородые юноши, доморощенные Гегели, Шеллинги и другіе философы, которымъ бы весьма было бы не худо, оставя хоть на время философію и критику, хорошенько приняться за русскую грамматику» (Ср. Бѣлинскій, II, 297—306).

Употреблять такія слова, какъ измѣна и ренегатство, было въ высшей степени неосторожно со стороны Булгарина, начавшаго, какъ извѣстно, военную службу въ русской кавалеріи, а затѣмъ сражавшагося подъ знаменами Наполеона противъ Россіи. «Нѣтъ, М. Г.,—отвѣтилъ Булгарину Бѣлинскій—я глубоко убѣжденъ, что всякая измѣна есть дѣло гнусное, подлое, нечеловѣческое; я глубоко бы презрѣлъ человѣка, который бы, напримѣръ, изъ злобы къ русскимъ, сперва леталъ бы подъ французскими орлами, а потомъ бы перешелъ опять къ русскимъ... Нѣтъ, М. Г., на святой Руси не было, нѣтъ и не будетъ ренегатовъ, т.-е. этакихъ выходцевъ, бродягъ, пройдохъ, этихъ разстригъ и патріотическихъ предателей, которые бы, играя двойною приманкою, попадали въ двойную цѣль и, избавляя отъ негодяя свое отечество, пятнали бы своимъ братствомъ какое-нибудь государство» (Бѣлинскій, II, 305—306). Приведенныя строки тѣмъ больше должны были уязвить Булгарина, что нѣкоторыя выраженія въ нихъ взяты Бѣлинскимъ дословно изъ слѣдующей эпиграммы, приписываемой кн. Вяземскому:

Фиглиринъ—вотъ полякъ примѣрный!
Въ немъ истинныхъ сарматовъ кровь:
Взгляните, какъ въ груди сей вѣрной
Хитра къ отечеству любовь!
То мало, что изъ злобы къ русскимъ,
Хоть отъ природы трусоватъ,
Бродилъ онъ подъ орломъ французскимъ
И въ битвахъ жизни былъ не радъ:
Патріотическій предатель,
Разстрига, самозванецъ сей,
Уже не воинъ, а писатель,
Ужъ русскій,—къ сраму нашихъ дней!
Двойною присягою играя,
Полякъ въ двойную цѣль попалъ:
Онъ Польшу спасъ отъ негодяя
И русскихъ братствомъ запятналъ.

Позже, въ эпоху изданія «Московскаго Наблюдателя», Булгаринъ нападалъ на крайне отвлеченный языкъ статей Бѣлинскаго и его друзей. «Домашніе наши *[illegible]*,—читаемъ мы въ «Сѣверной Пчелѣ» 1838 года (№ 140)—которыхъ дѣятельность начинается съ покойной «Мнемозины» [альманахъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго и Кюхельбекера, изд. 1824 г.] и продолжается сквозь рядъ покойныхъ журналовъ въ нынѣшнемъ «Московскомъ Наблюдателѣ», безпрестанно придумываютъ *новыя* слова и выраженія, чтобъ выразить то, чего они сами не понимаютъ. Сперва они выѣзжали на чужеземныхъ выраженіяхъ: *абсолютъ*, *[illegible]* и *объективъ* [такъ!] и т. п. Теперь они прибавили къ чужеземщинѣ множество русскихъ словъ, давъ простому ихъ значенію *таинственный* смыслъ. Любимыя ихъ слова теперь: *[illegible]*, *призрачность*, *проявленіе*, *отрицательность*: но настоящій фаворитъ— *призрачность*. Это слово встрѣчается по нѣскольку разъ на каждой страницѣ. Что это значитъ, мы не понимаемъ, и думаемъ, что и сами сочинители не понимаютъ». «Ей Богу,—восклицаетъ Булгаринъ дальше—это *субъективная* и *объективная* галиматья, *отрицательный абсолютъ* =0». На эту новую вылазку Булгарина Бѣлинскій отвѣтилъ несравненно мягче, чѣмъ въ 1835 году: онъ пустился даже объяснять своему противнику непонятныя для него слова и даже называетъ его «почтеннѣйшимъ Ѳаддеемъ Бенедиктовичемъ» (Бѣлинскій, III, 373—379). Новое обостреніе полемики произошло только въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда Бѣлинскій проклялъ свое стремленіе къ примиренію съ «гнусной

расейской дѣйствительностью», не исключая такихъ фруктовъ этой дѣйствительности, какъ Булгаринъ.

Уже одинъ фактъ переселенія Бѣлинскаго изъ Москвы въ Петербургъ былъ встрѣченъ Булгаринымъ крайне несочувственно. «Такъ это бульдогъ-то, котораго выписали изъ Москвы, чтобы травить насъ?» заявилъ онъ Панаеву при первой же встрѣчѣ съ Бѣлинскимъ на улицѣ. А на первыхъ порахъ Булгарину и Бѣлинскому приходилось встрѣчаться не только на улицѣ, но и у общихъ знакомыхъ, на собраніяхъ петербургскихъ литераторовъ. Объ одной такой встрѣчѣ имѣется интересный разсказъ въ воспоминаніяхъ извѣстнаго музыкальнаго дѣятеля Юрія Арнольда (считавшаго, кстати сказать, Бѣлинскаго «геніальнымъ критикомъ», хотя и выражавшаго недовольство тѣмъ, что «лично ему близкихъ писакъ онъ грудью отстаивалъ и до небесъ превозносилъ»). На обѣдѣ въ редакціи вновь основаннаго журнала «Пантеонъ» въ началѣ 1840 года между Бѣлинскимъ и Каратыгинымъ завязался споръ о Мочаловѣ, причемъ Каратыгинъ «сталъ язвительно оспаривать взгляды Бѣлинскаго на драматическое искусство». Въ споръ вмѣшался и присутствовавшій на обѣдѣ Булгаринъ и началъ говорить о «глупыхъ» журналахъ и о свихнувшихъ съ ума новыхъ «профетахъ» искусства и науки и такъ далѣе въ томъ же родѣ. Бѣлинскій, конечно, не остался въ долгу, и началась крупная ссора, которая была прекращена только такимъ экстраординарнымъ способомъ, какъ появленіе Песоцкаго, издателя «Репертуара», въ видѣ пьянаго хохла, въ вывороченной шубѣ, съ пѣсней и гопакомъ («Воспоминанія Юрія Арнольда», II, 177—178. М. 1892—1893).

Хотя въ началѣ сороковыхъ годовъ среди русскихъ журналистовъ наибольшее негодованіе Бѣлинскаго вызывалъ Полевой, но не мало доставалось и Булгарину, который, съ своей стороны, не упускалъ случая такъ или иначе задѣть Бѣлинскаго въ лицѣ «Отеч. Записокъ». «Почти не бываетъ номера этой газеты,—писалъ Бѣлинскій въ концѣ 1843 года о «Сѣверной Пчелѣ»—въ которомъ не говорилось бы, прямо или косвенно, объ «Отеч. Запискахъ», особенно въ субботнихъ фельетонахъ, которые пишутся исключительно для однихъ «Отеч. Записокъ» (VIII, 364). Въ статьяхъ Булгарина и его приспѣшниковъ прежде всего продолжались нападки на отвлеченный языкъ «Отеч. Записокъ», которыя назывались «абсолютно-объективно-субъективной литературой». Перепечатывая изъ статей Бѣлинскаго отдѣльныя мѣста,

«Сѣверная Пчела» сопровождала ихъ такими, напримѣръ, вопросами: «спрашиваемъ всѣхъ русскихъ людей, всѣхъ читателей русскаго языка и словесности, видали ли они, читали ли они что-либо подобное, и гдѣ тутъ смыслъ и языкъ?» (1842 г., № 158). А вотъ другой образчикъ глумленія надъ языкомъ Бѣлинскаго: «Господа! рекомендуемъ! славный товаръ! покупайте! Тутъ есть и *царственная матерія*, и *волшебный треножникъ*, и *всякія знанія*, и *всяческая жизнь*, и *пустота*, и *ничто*, въ которомъ заключается *все*, и *ничто менѣе*, *развивающееся въ самомъ себѣ*, *изъ самого себя*, *и выходящее изъ самого себя и заключающееся въ самомъ себѣ*, и *зародышъ борьбы* и *распаденія*, и *возможность развѣтвленія самого себя на самого себя*, послѣ чего квадратура круга—трынъ-трава; словомъ, тутъ чудеса, какихъ вы не найдете ни въ одномъ журналѣ въ цѣломъ мірѣ» (1843 г., № 6).

Но однимъ глумленіемъ надъ отвлеченнымъ языкомъ Бѣлинскаго дѣло не ограничивалось: его мнѣнія и взгляды сплошь и рядомъ извращались, путемъ выдергиванія изъ его статей отдѣльныхъ словъ и фразъ, или же ему приписывались какъ разъ тѣ самыя мнѣнія, которыя онъ опровергалъ. Такъ, напримѣръ, «царственныя матери» Гете, о которыхъ говорилось у Бѣлинскаго, превращены Булгаринымъ въ «матерію»; опровергаемое Бѣлинскимъ мнѣніе К. Аксакова о Гоголѣ и Мертвыхъ Душахъ было приписано самому критику; Кольцова «Отеч. Записки», по увѣренію Булгарина, ставили выше Гомера, Данта, Шекспира, Пушкина, Гоголя; Жуковскаго Бѣлинскій всегда называлъ замѣчательнымъ переводчикомъ, а по заявленію «Сѣверной Пчелы», въ немъ признано одно достоинство «*хорошаго* переводчика». Относительно Лермонтова было сказано, что онъ, по мнѣнію «Отеч. Записокъ», составляетъ *зарю и эпоху*. Особенно возмущалась «Сѣверная Пчела» отношеніемъ Бѣлинскаго къ русскимъ литературнымъ авторитетамъ и статьямъ о Пушкинѣ. По поводу оцѣнки Державина, въ № 197 «Сѣверной Пчелы» 1843 года были напечатаны такія строки: «заносчивая полуученость осмѣливается дерзко говорить о Державинѣ, хочетъ мѣрить исполинскій образъ его своимъ вершковымъ аршиномъ, выставляетъ противъ него пигмеевъ современныхъ, укорять его въ устарѣлость языкѣ, въ незнаніи народности русской... Отрадно при семъ случаѣ было одно—всеобщее негодованіе, какимъ встрѣчены были дикія, нескладные вопли журнальнаго смѣльчака». Въ слѣдующихъ номерахъ «Сѣверная Пчела» возмущается заявленіемъ Бѣлинскаго, что въ

сочиненіяхъ Карамзина все чуждо нашему времени, и мысли, и слогъ, и самый языкъ, и выражаетъ свое негодованіе въ формѣ воззванія къ цензурнымъ и жандармскимъ «консуламъ»: «Нѣтъ, это ужъ выходитъ изъ предѣловъ фарса! Въ чужихъ краяхъ едва ли какой-нибудь писака осмѣлился бы...» (1843 г., № 232). Когда же Бѣлинскій заявилъ, что поэзія Жуковскаго чужда національныхъ элементовъ, что всѣ усилія его стать народнымъ поэтомъ возбуждаютъ грустное чувство, въ «Сѣверной Пчелѣ» было напечатано новое обращеніе къ «консуламъ»: «Итакъ, авторъ *народнаго гимна*: «Боже, царя храни!» не *народный поэтъ*! Ай да *умныя дѣти нынѣшняго времени*!» (1843 г., № 256). «Что это, какъ не полицейскій доносъ?» записалъ по поводу этихъ словъ Никитенко въ своемъ «Дневникѣ» (I, 346). А сколько въ «Сѣверной Пчелѣ» заявленій въ такомъ родѣ: «Вообще въ «Отеч. Запискахъ» едва сотая фраза правильная. Слова ставятся наудачу какъ попало, грамматики ни капли». «Всѣ сужденія «Отеч. Записокъ» о литературѣ—сущая нелѣпость и одинъ разсчетъ», т.-е. желаніе привлечь подписчиковъ либерализмомъ. «Мы указывали уже неоднократно, что философія «Отеч. Записокъ»—нелѣпость, языкъ неправильный, сужденія о литературѣ превратныя» (См. «Сѣверную Пчелу» 1843 г., № 35).

Разумѣется, клеветы и доносы «Сѣверной Пчелы» не оставлялись Бѣлинскимъ безъ отвѣтовъ и возраженій. Булгарину и его газетѣ посвящена большая часть «Литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ» Бѣлинскаго въ «Отеч. Запискахъ» 1842 и 1843 годовъ. Не даромъ Булгаринъ жаловался, что въ каждой книжкѣ «Отеч. Записокъ» онъ преподносится читателямъ въ качествѣ «всегдашняго блюда подъ кисло-горькимъ соусомъ», что его «въ каждой книжкѣ варятъ, жарятъ, шпикуютъ» и т. д. И дѣйствительно, Бѣлинскому удавалось въ большинствѣ случаевъ облечь свои возраженія въ очень ядовитую форму. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Выписавъ длинную фразу изъ статьи Бѣлинскаго о «Мертвыхъ Душахъ», Булгаринъ между прочимъ спрашиваетъ: «что значитъ *сущій міръ* ежедневно-вращающихся образовъ... что значитъ: потрясающая *тина мелочей*?» и получаетъ такой отвѣтъ: «Эта *мелочная* и *тинная* сторона жизни преобладаетъ вездѣ—въ журналистикѣ также. Представимъ себѣ, для примѣра, такое изданіе [«Сѣверная Пчела»], гдѣ бы писалось только о мелочахъ жизни—о табачныхъ лавочкахъ, кондитерскихъ, водочистительныхъ машинахъ, печатались бы похвалы дурнымъ

книгамъ и бездарнымъ сочинителямъ, унижалось бы всякое дарованіе, всякій заслуженный успѣхъ; гдѣ какой-нибудь рецензентъ [Булгаринъ], еще вчера, напримѣръ, падавшій до ногъ передъ Пушкинымъ, завтра разругалъ бы лучшее его созданіе, провозгласилъ бы ему совершенное паденіе; вчера расхвалилъ до небесъ плохую драму своего пріятеля, возвеличивъ его именемъ Шиллера, завтра завопилъ бы передъ публикою: «пьеса — дрянь, а что я ее хвалилъ—виноватъ: camaraderie, пріязнь, mea culpa, mea maxima culpa»... Вотъ въ такомъ бы изданіи выразилось то, что Гоголь называетъ «великимъ омутомъ ежедневно-вращающихся образовъ» и «потрясающею тиною мелочей» (Бѣлинскій, VII, 559).

Полемика Бѣлинскаго и Булгарина могла бы быть гораздо рѣзче, если бы не мѣшала цензура. Еще въ 1841 году Бѣлинскій жаловался, что «цензура, вѣрная волѣ Уварова [министра народнаго просвѣщенія], мараетъ въ «Отеч. Запискахъ» все, что пишется въ нихъ противъ Булгарина и Греча». Случалось, что цензоръ не пропускалъ даже названія пушкинской статьи «О мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ» (Пыпинъ, 386—387). Но самому Булгарину цензурная защита казалась недостаточной, и онъ металъ громы и молніи и противъ отдѣльныхъ цензоровъ, и противъ всего цензурнаго вѣдомства, не исключая министра народнаго просвѣщенія, который въ то время былъ главнымъ начальникомъ цензуры. Въ 1843 году Булгаринъ пожаловался предсѣдателю петербургскаго цензурнаго комитета кн. Г. П. Волконскому, что цензура мѣшаетъ ему полемизировать съ «Отеч. Записками» и «Литературной Газетой», а когда кн. Волконскій не внялъ жалобѣ, Булгаринъ, по выраженію Никитенка, «подалъ доносъ на цензуру, на попечителя, кн. Волконскаго, и на самого министра». Онъ написалъ кн. Волконскому «дерзкое и нелѣпое письмо», гдѣ, между прочимъ, говоритъ: «существуетъ партія мартинистовъ, положившихъ себѣ цѣлью ниспровергнуть существующій порядокъ вещей, и что представителемъ этой партіи являются «Отеч. Записки», которымъ «цензура явно потворствуетъ». Далѣе Булгаринъ упрекалъ министра въ томъ, что онъ «не видитъ, что дѣлается у него подъ носомъ», требовалъ слѣдственной комиссіи, предлагая свои услуги для обличенія партіи, колеблющей вѣру и престолъ, грозилъ довести свое дѣло до государя черезъ посредство прусскаго короля, наконецъ, свой доносъ заключалъ фразой: «я не позволю, чтобы на меня, какъ на собаку, надѣвала цензура намордникъ» (Никитенко, I, 346—347).

Письмо Булгарина доходило до императора Николая I, но не принесло желанной для нахальнаго газетчика свободы ругаться, клеветать и доносить въ печати. Успокоившись на время, черезъ два года Булгаринъ снова жалуется на цензуру и снова грозитъ «перенесть судъ повыше». «Каждая ракалія — писалъ онъ цензору Никитенку 29 ноября 1845 года — можетъ ругать меня и поносить... Вяземскій можетъ печатать на меня эпиграммы, а Бѣлинскій лаяться, какъ собака, въ «Отеч. Запискахъ», а мнѣ безымянно даже нельзя сказать, что на меня клевещутъ» («Рус. Ст.» 1900 г., № 1, с. 181). Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія Булгаринъ въ мартѣ 1846 года представилъ Дубельту, ближайшему помощнику шефа жандармовъ гр. Бенкендорфа, длинную записку подъ заглавіемъ «Соціализмъ, комунизмъ и пантеизмъ въ Россіи въ послѣднее 25-лѣтіе». Главнымъ объектомъ этого доноса является Краевскій, но не забытъ и Бѣлинскій. «Журналъ «Отеч. Записки» — говорится въ доносѣ Булгарина — издаваемый явно, безъ всякаго укрывательства въ духѣ коммунизма, соціализма и пантеизма, произвелъ въ Россіи такое дѣйствіе, какого никогда не бывало. Съ одной стороны раздается вопль людей благонамѣренныхъ и истиныхъ христіанъ, которые не постигаютъ, какъ правительство можетъ терпѣть такой журналъ; съ другой стороны, разорившееся и развратное дворянство, безразсудное юношество и огромный классъ, ежедневно умножающійся, людей, которымъ нечего терять и въ переворотѣ есть надежда все получить—кантонисты, семинаристы, дѣти бѣдныхъ чиновниковъ и проч. и проч., почитаютъ «Отеч. Записки» своимъ евангеліемъ, а Краевскаго и перваго его министра—Бѣлинскаго (выгнаннаго московскаго студента)—апостолами..... Краевскій—говорится дальше — дѣйствуетъ умнѣе Марата и Робеспьера. Вся прежняя наша литература, поэзія и проза, сатира и комедія, имѣла характеръ монархическій и религіозный. Богъ и царь —были священны и неприкосновенны. Краевскій [т.-е. Бѣлинскій] сталъ разрушать всю прежнюю литературу, доказывая, что она никуда не годится, устарѣла, обветшала и что наше молодое поколѣніе требуетъ новой литературы. Карамзинъ, Державинъ, словомъ, все прежнее до Гоголя уничтожается въ «Отеч. Запискахъ»... Все направленіе или tendence «Отеч. Записокъ» клонится къ тому, чтобы возбудить жажду къ переворотамъ и революціямъ, и это проповѣдуется въ каждой книжкѣ»... Приведя далѣе рядъ выписокъ изъ журнала Краевскаго, при чемъ не были забыты и статьи Бѣлинскаго, Булгаринъ

спрашиваетъ: «За что запретили Дельвигу «Литературную Газету», за что запретили «Московскій Телеграфъ» Полевому? Да въ этихъ журналахъ нѣтъ и милліонной части того, что ежемѣсячно появляется въ «Отеч. Запискахъ», гдѣ явно проповѣдуется революція». Прямо относительно Бѣлинскаго въ доносѣ Булгарина сказано, что онъ «явно называлъ себя русскимъ Іисусомъ Христомъ» (Лемке, 300—310).

Доносъ Булгарина не имѣлъ особенно непріятныхъ послѣдствій ни для Краевскаго, ни для Бѣлинскаго. Дѣло ограничилось только тѣмъ, что Дубельтъ, по свидѣтельству Никитенка (I, 366), намылилъ Краевскому голову за либерализмъ. Но Булгаринъ не унялся и съ 1847 года началъ писать доносы не только на «Отеч. Записки», но и на преобразованный «Современникъ», во главѣ котораго сталъ Бѣлинскій. «Что за гнусное сердце у этого человѣка!—записалъ Никитенко 2-го ноября 1847 года: — Онъ говоритъ печатно о своихъ противникахъ такъ, что если бы ему повѣрили, ихъ всѣхъ слѣдовало бы засадить въ крѣпость, а изданія ихъ запретить». «Булгаринъ — записано 22 января 1848 года — каждую недѣлю разными намеками даетъ знать въ «Сѣверной Пчелѣ», что «Современникъ» — зловредный журналъ, такъ же какъ и «Отеч. Записки» (I, 374. 375). По всей вѣроятности, дѣло не обошлось безъ прямого или, по крайней мѣрѣ, косвеннаго участія Булгарина и въ томъ анонимномъ доносѣ, который поступилъ въ III Отдѣленіе въ февралѣ 1848 года и въ которомъ, между прочимъ, Бѣлинскій обвинялся въ неуважительномъ отношеніи къ старымъ литературнымъ знаменитостямъ и въ распространеніи среди молодежи «коммунистическихъ» идей (Лемке, 174).

Объ отношеніяхъ Греча къ Бѣлинскому мы не имѣемъ такого богатаго матеріала, какъ объ отношеніяхъ Булгарина; но можно думать, что Гречъ не питалъ къ великому русскому критику такой слѣпой вражды, какъ его другъ и товарищъ по «Сѣверной Пчелѣ». Повидимому, Гречъ съ самаго начала литературной дѣятельности Бѣлинскаго почувствовалъ, какая сила скрывается въ молодомъ критикѣ, и хотя задѣлъ его, напечатавъ въ «Сынѣ Отечества» 1836 года статьи о русской критикѣ Владиміра Строева (В. В. В.), гдѣ было сказано, что «Молва» и «Телескопъ» въ отсутствіе Надеждина «съ особеннымъ усердіемъ и прилежаніемъ занимались порицаніемъ мертвыхъ и бранью живыхъ» (Бѣлинскій, II, 594),—но въ томъ же году, послѣ закрытія «Телескопа» за письмо Чаадаева, сдѣлалъ попытку привлечь Бѣлин-

скаго къ сотрудничеству въ своихъ изданіяхъ. Самому Бѣлинскому въ 1837 году пришлось услышать въ Пятигорскѣ отъ генерала Скобелева такія слова: «Гречъ мнѣ именно сказалъ о *тебѣ*, что *ты* голова рѣдкая, умъ свѣтлый, перо отличное, но что *ты* дерзокъ и ругаешься на чемъ свѣтъ стоитъ» (Письма Бѣлинскаго, 21). По свидѣтельству Анненкова, Гречъ не разъ во всеуслышаніе говорилъ о Бѣлинскомъ: «умный человѣкъ, но горькій пьяница, и пишетъ свои статьи, не выходя изъ запоя» (Анненковъ, 171). Открытой полемики съ Бѣлинскимъ Гречъ, слѣдуя примѣру Сенковскаго, избѣгалъ, но не упускалъ случая такъ или иначе задѣть или кольнуть своего противника. Между прочимъ, въ 1839 году, на публичныхъ чтеніяхъ о русскомъ языкѣ и русской литературѣ, Гречъ потѣшалъ своихъ слушателей, въ числѣ которыхъ были министры и члены государственнаго совѣта, фразами изъ статей Бѣлинскаго, какъ образчиками галиматьи. Разумѣется, что въ качествѣ одного изъ редакторовъ-издателей «Сѣверной Пчелы» Гречъ несетъ значительную долю нравственной отвѣтственности за ту позорную травлю, которой подвергался великій критикъ на страницахъ этой газеты.

Слѣдуетъ также упомянуть, что Булгаринъ и Гречъ предоставляли страницы «Сѣверной Пчелы» всякому, кто хотѣлъ свести съ Бѣлинскимъ личные счеты въ какой-угодно формѣ. Такъ, напримѣръ, въ концѣ 1835 года Бѣлинскій очень неблагосклонно отозвался о комедіи Загоскина «Недовольные», а также задѣлъ ея автора и какъ директора московскихъ театровъ. Отвѣтомъ было письмо въ «Сѣверной Пчелѣ» (1836 г., № 169) за подписью «титулярнаго совѣтника Ивана Евдокимова, сына Покровскаго», принадлежащее, по мнѣнію г. Венгерова, если не самому Загоскину, то во всякомъ случаѣ лицу, пожелавшему угодить московской дирекціи театровъ. «Не знаю, извѣстно ли вамъ, — говорится, между прочимъ, въ этомъ письмѣ — что у насъ въ Москвѣ есть журналъ, который зовутъ «Телескопомъ», что въ этомъ журналѣ пишетъ критическія статьи какой-то Бѣлинскій, человѣкъ престрогій, которому угодить нѣтъ никакой возможности. Онъ что-то особенно гнѣвается на здѣшній театръ — можетъ быть, за то, что въ немъ мѣста кажутся ему слишкомъ дороги, и не проходитъ разу, чтобъ въ «Молвѣ»... онъ не училъ уму-разуму актеровъ; а помилуйте! Что-жъ имъ бѣднымъ дѣлать? всегда безъ вины виноваты. Однакожъ г. Бѣлинскій, говоря о вашемъ Каратыгинѣ, закричалъ въ «Молвѣ»: «не надо намъ

актера-аристократа!» А изъ всѣхъ твореній г. Бѣлинскаго замѣтно, что, по его мнѣнію, тотъ, кто носитъ чистое бѣлье, моетъ лицо, и отъ кого не пахнетъ ни чеснокомъ, ни водкою—аристократъ. Ну, разсудите сами, какъ же послѣ этого какой-нибудь порядочный артистъ, который дорожитъ своимъ мѣстомъ, можетъ угодить г. Бѣлинскому?» (Бѣлинскій, III, 504).

Въ концѣ 1840 года Бѣлинскій очень скверно отозвался о комедіи «Новый Недоросль» *Навроцкаго*, появившейся въ «Маякѣ», самомъ мракобѣсномъ журналѣ сороковыхъ годовъ. «Много на русской сценѣ появляется нелѣпостей, но «Новый Недоросль» г. Навроцкаго превосходитъ всѣ эти нелѣпости цѣлою головою. Это просто—геркулесовскіе столбы бездарности, далѣе которыхъ она не дерзаетъ»... Такъ заканчиваетъ Бѣлинскій свой отзывъ (V, 419). Оскорбленный авторъ дождался появленія статьи Бѣлинскаго о русской литературѣ 1840 года и напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ» 1841 года (№ 31) сценку, гдѣ заставляетъ помѣщичьяго сынка произносить отдѣльныя фразы этой статьи, а его родителей и ключницу издѣваться надъ языкомъ и мыслями Бѣлинскаго. «Дебри непроходимыя!.. Убей Богъ, ничего не понимаю!.. Да это верхъ нелѣпости, Геркулесовы Столпы, далѣе которыхъ нелѣпость не дерзаетъ»... Таковы нѣкоторыя изъ репликъ, вкладываемыхъ авторомъ въ уста изумленныхъ слушателей, принимающихъ чтеніе статьи Бѣлинскаго за бредъ больного. Но Навроцкій не ограничивается однимъ издѣвательствомъ. Сынъ читаетъ фразу: «Res publica дѣло общественное, великое, важное, источникъ высокаго нравственнаго наслажденія, живыхъ восторговъ». Отецъ въ ужасѣ восклицаетъ: «Слышите, слышите! съ нами крестная сила! что онъ бредитъ?» А ключница предлагаетъ: «Не вспрыснуть ли его крещенскою водицею?» По словамъ г. Венгерова, «это былъ не только форменный доносъ, но еще доносъ лживый, потому что выхваченная изъ статьи Бѣлинскаго фраза трактовала не о той «республикѣ», за прославленіе которой въ то время вспрыснули бы не одною крещенскою водою, а о res publica въ смыслѣ общественнаго блага» (Бѣлинскій, VI, 581).

Особенно много писалъ въ «Сѣверной Пчелѣ» противъ Бѣлинскаго постоянный сотрудникъ этой газеты, позабытый въ настоящее время романистъ и критикъ *Брантъ*. Еще прежде, чѣмъ Бѣлинскій далъ уничтожающіе отзывы о романахъ Бранта «Аристократка» и «Жизнь, какъ она есть», этотъ бездарный романистъ задѣлъ великаго критика въ своей брошюрѣ «Петербург-

скіе критики и русскіе писатели» (Спб. 1840). Тамъ, между прочимъ, упоминается «знаменитый» критикъ, «украшенный обширнымъ авторитетомъ, состоящимъ, по крайней мѣрѣ, изъ трехсотъ задорныхъ рецензій, которыхъ половина навѣрное направлена была на хорошія книги» (с. II). Когда же Бѣлинскій о романѣ «Жизнь, какъ она есть» заявилъ: «трудно вообразить себѣ что-нибудь болѣе пошлое, нелѣпое» (VIII, 451), злобѣ Бранта не было границъ, и злоба эта получила возможность изливаться на страницахъ «Сѣверной Пчелы», гдѣ онъ писалъ подъ иниціалами Я. Я. Я. «Мы уже и счетъ потеряли его статьямъ противъ «Отеч. Записокъ» — говоритъ Бѣлинскій въ замѣткѣ «Новый критиканъ»: — Онъ порочитъ въ нихъ все съ плеча—знай молъ нашихъ!.. Онъ ровно ничего хорошаго не находитъ въ «Отеч. Запискахъ»... Онъ не затрудняется въ энергіи (нѣсколько, правда, простонародной) выраженій и словъ... Жаль еще, что у него есть замашка—изъ большой статьи вырывая тамъ и сямъ по фразѣ, по полуфразѣ, по слову, по полуслову, стараться сближеніемъ этихъ урывковъ давать имъ совсѣмъ превратный смыслъ» (Бѣлинскій, X, 426—429. Изд. 1860 г. Кромѣ замѣтки «Новый критиканъ», Брантъ осмѣянъ еще въ памфлетѣ «Литературный заяцъ» (X, 423 — 425), гдѣ онъ названъ «полемическимъ Orlando furioso»).

III. Полевой.

«Журнальный тріумвиратъ» Булгарина, Греча и Сенковскаго сразу сталъ во враждебныя отношенія къ Бѣлинскому. Съ Полевымъ у Бѣлинскаго на первыхъ порахъ были дружескія отношенія, и только съ 1839 года началась страшная вражда.

Въ своемъ развитіи Бѣлинскій былъ многимъ обязанъ Полевому, какъ издателю «Московскаго Телеграфа». Не даромъ Поповъ, учитель Бѣлинскаго въ пензенской гимназіи, заявилъ о своемъ ученикѣ, что онъ «всасывалъ въ себя духъ Полевого и Надеждина». Многіе современники Бѣлинскаго прямо называли его ученикомъ Полевого, да и впослѣдствіи такой взглядъ неоднократно высказывался въ русской литературѣ. Между прочимъ. г. Ивановъ въ своей «Исторіи русской критики» называетъ Полевого «непосредственнымъ предшественникомъ и истиннымъ учителемъ Бѣлинскаго».

Литературная дѣятельность Бѣлинскаго началась въ журналахъ

Надеждина, который велъ съ Полевымъ ожесточенную полемику, обзывая его «шарлатаномъ» и третируя его en canaille, по выраженію С. А. Венгерова (Бѣлинскій, II. 525). Совершенно иные отзывы о Полевомъ мы находимъ въ статьяхъ Бѣлинскаго на страницамъ «Телескопа» и «Молвы». Въ томъ самомъ журналѣ, гдѣ раньше Полевой подвергался глумленію и даже упрекамъ въ недостаткѣ патріотизма, въ 1835 году онъ былъ названъ «благонамѣреннымъ и неутомимымъ дѣятелемъ на поприщѣ русскаго просвѣщенія» (Бѣлинскій, II. 185). Бѣлинскій отмѣчаетъ «удивительную многосторонность» его таланта, хвалитъ его романы и повѣсти, восторгается его «Разсказами русскаго солдата», даетъ прекрасный отзывъ о его «Русской исторіи для первоначальнаго чтенія», наконецъ, приглашаетъ его къ сотрудничеству въ «Телескопѣ», когда Надеждинъ уѣхалъ за границу. «Мнѣ было бы очень пріятно — писалъ, между прочимъ, Бѣлинскій Полевому 26 апрѣля 1835 года — имѣть читателемъ того человѣка, который съ такимъ благороднымъ и безпримѣрнымъ самоотверженіемъ старался водрузить на родной землѣ хоругвь вѣка, который воспиталъ своимъ журналомъ нѣсколько юныхъ поколѣній и сдѣлался вѣчнымъ образцомъ журналиста» (Пыпинъ, 122).

Въ это время Полевой былъ лично знакомъ съ Бѣлинскимъ и относился къ нему очень сочувственно. Всегда цѣня любовь къ просвѣщенію и юношескій жаръ въ стремленіи къ лучшему, онъ — говоритъ Ксенофонтъ Полевой о своемъ братѣ — приблизилъ его къ себѣ, любилъ бесѣдовать съ нимъ... и скоро Бѣлинскій сдѣлался постояннымъ гостемъ у брата моего и у меня («Записки» Ксен. Полевого, с. 370. Спб. 1888). Въ цитированномъ письмѣ Бѣлинскій говоритъ, что онъ «имѣлъ удовольствіе собственнымъ опытомъ» узнать вниманіе Полевого ко всякому благородному порыву и его расположеніе и ласковость къ молодымъ писателямъ. Въ своемъ отвѣтѣ на это письмо Полевой благодарилъ Бѣлинскаго за то, что его «благосклонная рука потрепала лавры старика», и обѣщалъ ему помощь и содѣйствіе. Когда началась полемика между Бѣлинскимъ и Шевыревымъ, Полевой былъ всецѣло на сторонѣ перваго изъ нихъ. «Что Шевыревъ дуракъ, воля ваша — теперь сомнѣнія прочь — писалъ онъ Селивановскому: — Пожалуйста, подбивайте нашего Орланда не уступать и биться. Я радуюсь, какъ старый забіяка» (Пыпинъ, 122, 125—126).

Послѣ закрытія «Телескопа», когда Бѣлинскій лишился литературнаго заработка и испытывалъ страшную нужду, Полевой

готовъ былъ помочь ему чѣмъ только могъ и даже предлагалъ за него свой вексель (Пыпинъ, 179). Уѣзжая въ октябрѣ 1837 года въ Петербургъ, чтобы стать во главѣ «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества», Полевой пригласилъ Бѣлинскаго въ сотрудники, хотя при этомъ далъ ему понять о предстоящей перемѣнѣ характера своей литературной дѣятельности. «Если я буду—сказалъ онъ провожавшему его до заставы Бѣлинскому — дѣйствовать не такъ, какъ слѣдуетъ (онъ употребилъ болѣе ясное и рѣзкое выраженіе), то не вините меня, а пожалѣйте-съ... Я человѣкъ обремененный семействомъ» (Панаевъ, 384). Истинное значеніе этихъ словъ Бѣлинскій понялъ только впослѣдствіи, а на первыхъ порахъ онъ мечталъ о переселеніи въ Петербургъ и о сотрудничествѣ въ органахъ Булгарина и Греча, которые должны были выходить подъ редакціей Полевого. Зная характеръ Бѣлинскаго и стойкость его убѣжденій, Полевой не поощрялъ его къ переселенію въ Петербургъ, но совѣтовалъ пріѣхать туда на время для ближайшаго ознакомленія съ положеніемъ журнальнаго дѣла. «Какъ бы радъ я былъ сотруднику такому, какъ вы... Вѣрьте, что все, что только въ силахъ я буду сдѣлать—сдѣлаю, и къ сердцу готовъ прижать васъ». Такія заявленія мы находимъ въ письмѣ Полевого къ Бѣлинскому отъ 22 октября 1837 года (Пыпинъ, 181—182).

Благодаря Полевому, Бѣлинскій сдѣлался сотрудникомъ «Сѣверной Пчелы»: въ 1838 году (№ 4) тамъ было помѣщено начало его знаменитой статьи о Мочаловѣ въ роли Гамлета. Дѣло ограничилось однимъ только началомъ, потому что статья оказалась очень длинной и наполненной обширными цитатами. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснялъ самъ Полевой Кольцову. Но забраковавши статью Бѣлинскаго, Полевой продолжалъ относиться къ нему съ прежнимъ расположеніемъ. «Я его люблю и почитаю,— говорилъ онъ Кольцову—какъ добраго и умнаго человѣка; онъ такой прекрасный, такой милый, любезный человѣкъ». Полевой приглашалъ Бѣлинскаго въ Петербургъ и предлагалъ ему свою квартиру и столъ. «Живи онъ у меня хотя цѣлое лѣто, я буду душою радъ, какъ другу; я его почитаю и уважаю... А мнѣ бы такой сотрудникъ необходимо нуженъ». Такъ передаетъ отзывы Полевого Кольцовъ въ письмѣ къ Бѣлинскому отъ 2 февраля 1838 года. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ Кольцова приводятся такіе же отзывы Полевого о Бѣлинскомъ, но уже съ существенными оговорками: «Онъ человѣкъ добрый, умный весьма,

да жаль, что пишетъ вычурно; мысль прекрасна, ума море, да кой-какія безпрестанно вставляетъ вещи, которыя совсѣмъ не слѣдуетъ». Кромѣ того Полевой говорилъ Кольцову, что «Бѣлинскому непремѣнно надобно себя образовать болѣе, а для этого онъ лучшаго мѣста не найдетъ, кромѣ Питера» (Кольцовъ, 171, 172, 175).

Въ письмахъ къ Бѣлинскому и въ разговорахъ съ его близкимъ другомъ Кольцовымъ Полевой, разумѣется, не могъ быть вполнѣ откровеннымъ и искреннимъ. Настоящія причины своего уклончиваго отношенія къ сотрудничеству Бѣлинскаго онъ высказалъ въ письмѣ къ брату въ концѣ 1837 года. «Я получилъ его письма,—писалъ Полевой о Бѣлинскомъ—но, ей-Богу, ничего не могу теперь сдѣлать! Первое, мое положеніе теперь и самого меня еще самое сомнительное. Надобно дать время всему уклассться, и затягивать человѣка сюда, когда онъ притомъ такой неукладчивый (и довольно дорого себя цѣнитъ), было бы неосторожно всячески, и даже по политическимъ отношеніямъ. Второе — что онъ можетъ дѣлать, и уживемся ли мы съ нимъ при большой разницѣ во многихъ мнѣніяхъ, и когда начисто ему поручать работы нельзя, при его плохомъ знаніи языка и языковъ и недостаткѣ знаній и образованности? Все это нельзя ли искусно объяснить, увѣривъ притомъ (что, клянусь Богомъ, правда), что какъ человѣка я люблю его и радъ дѣлать для него что только мнѣ возможно. Но, при объясненіяхъ, щади чувствительность и самолюбіе Бѣлинскаго. Онъ достоинъ любви и уваженія, и бѣда его одна—нелѣпость» («Записки» Кс. Полевого, с. 404).

Полевой не только отказался продолжать печатаніе въ «Сѣверной Пчелѣ» статьи Бѣлинскаго о Мочаловѣ въ роли Гамлета, но и помѣстилъ еще въ «Сынѣ Отечества» письмо изъ Москвы нѣкоего А. М., направленное противъ начала злополучной статьи. «Многіе и очень многіе дивятся ей—пишетъ А. М.—и думаютъ: это первая—стало быть будетъ вторая и т. д., но и въ первой уже столько необыкновеннаго, что она обратила на себя вниманіе странностью своихъ мнѣній». Особенно возмущается авторъ письма заявленіемъ Бѣлинскаго о справедливомъ равнодушіи русскаго общества къ сочиненіямъ Державина, Озерова и Батюшкова. Выписавши слова Бѣлинскаго: «наше общество, вмѣстѣ со временемъ, самый непогрѣшительный критикъ, и если оно часто принимаетъ мишуру за золото, то не больше, какъ на минуту», неизвѣстный москвичъ восклицаетъ: «Слава Державина, его даро-

ванія, талантъ, поэзія—мишура. Это ужъ не мысли, а болѣзненное произведеніе головы. Тутъ нельзя спорить и доказывать. Кто воспѣлъ Бога, Фелицу, все, что дорого сердцу благородному, мишура! Тотъ, чьимъ благословеніемъ гордился Пушкинъ—мишура? Кого Жуковскій чтитъ, какъ праотца—мишура? Возражать на подобныя выходки, значитъ истощать терпѣніе каждаго». Заканчивается письмо такими словами: «Довольно. Письмо становится длинно, какъ рѣчь того, кто возстаетъ противу убѣжденія и истины, чтобы только сдѣлаться замѣтнымъ» («Сынъ Отечества» и Сѣверный Архивъ» 1838 г., № 2). Въ слѣдующемъ году Полевой выступилъ противъ Бѣлинскаго и его журнала уже отъ своего собственнаго лица въ статьѣ «Вредитъ ли критика современной русской словесности»? («Сынъ Отечества» 1839 г., № 2). Онъ издѣвается надъ философскимъ языкомъ «Московскаго Наблюдателя» и называетъ его «вздорливымъ юношей», который пустился въ философію и въ концѣ концовъ могъ сказать: «О, философія, ты срѣзала меня!» Дальше еще лучше. «Говорила нѣкогда г-жа Простакова о своемъ супругѣ, что на него иногда «находитъ, батюшка, такъ сказать, столбнякъ—выпуча глаза стоитъ, какъ вкопанный, а какъ столбнякъ попройдетъ, то занесетъ такую дичь, что у Боги просишь опять столбняка». Почти то же случилось съ «Наблюдателемъ»: *занесъ дичь*, забросался во всѣ стороны, заговорилъ такимъ языкомъ, что не знали мы: смѣяться? жалѣть ли?» (Ср. Бѣлинскій, III, 531, IV, 263).

Бѣлинскій поднялъ перчатку, брошенную Полевымъ и началъ свою войну съ нимъ, продолжавшуюся до самой смерти противника. «Не странное ли зрѣлище — читаемъ мы въ послѣдней книжкѣ «Московскаго Наблюдателя»—представляетъ собою человѣкъ, который, съ силою, энергіею, одушевленіемъ, вооруженный смѣлостью и дарованіемъ, явился на литературномъ поприщѣ рьянымъ поборникомъ новаго и могучимъ противникомъ стараго; а сходитъ съ поприща, на которомъ подвизался съ такимъ блескомъ, съ такою славою, съ такимъ успѣхомъ, сходитъ съ него — противникомъ всего новаго и защитникомъ всего стараго?» (Бѣлинскій, IV, 265—266). По мѣрѣ того, какъ Полевой все болѣе и болѣе сближался въ идейномъ отношеніи съ Булгаринымъ и Гречемъ, усиливалось и негодованіе Бѣлинскаго на своего «учителя», на котораго онъ сталъ теперь смотрѣть, какъ на ренегата, и котораго сталъ ненавидѣть больше, чѣмъ Булгарина. «Повѣришь ли, Боткинъ,—писалъ онъ уже въ февралѣ 1840 года—

Полевой сдѣлался гнуснѣе Булгарина». Боткинъ, повидимому, защищалъ Полевого и своей защитой вызвалъ въ концѣ 1840 года такой громовый отвѣтъ: «Нѣтъ, никогда не раскаюсь я въ моихъ нападкахъ на Полевого, никогда не признаю ихъ ни несправедливыми, ни даже преувеличенными. Если бы я могъ раздавить моею ногою Полевого какъ гадину, —я не сдѣлалъ бы этого только потому, что не захотѣлъ бы запачкать подошвы моего сапога. Это мерзавецъ, подлецъ первой степени: онъ другъ Булгарина, protegé Греча (слышишь ли, не покровитель, а protegé Греча!), пріятель Кукольника; безсовѣстный плутъ, завистникъ, низкопоклонникъ, дюжинный писака, покровитель посредственности, врагъ всего живого, талантливаго. Знаю, что когда-то онъ имѣлъ значеніе, уважаю его за прежнее, но теперь—что онъ дѣлаетъ теперь?—пишетъ навыворотъ по-телеграфски; проповѣдуетъ ту расейскую дѣйствительность, которую такъ энергически нѣкогда преслѣдовалъ, которой нанесъ первые сильные удары». Бѣлинскій можетъ простить Полевому «отсутствіе эстетическаго чувства», «искаженіе Гамлета» (переводъ котораго, кстати сказать, раньше цѣнился критикомъ очень высоко), «грубое непониманіе Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Марлинскаго», «глупое благоговѣніе къ риторической музѣ Державина»; онъ можетъ извинить отсталостью и старостью «фарисейско-патріотическія, предательскія драмы» Полевого, «его пошлыя комедіи и прочую сценическую дрянь», но не въ силахъ простить ему «дружбы съ подлецами, доносчиками, фискалами, площадными писаками, отъ которыхъ гибнетъ литература, страждутъ истинные таланты и лишено силы все благородное и честное». «Нѣтъ, братъ, — говорилъ Бѣлинскій—если я встрѣчусь съ Полевымъ на томъ свѣтѣ, — и тамъ отворочусь отъ него, если только не наплюю ему въ рожу. Личныхъ враговъ прощу, съ Булгаринымъ скорѣе обнимусь, чѣмъ подалъ бы ему [Полевому] руку отъ души» (Пыпинъ, [illegible]).

«Погодите писать о Булгаринѣ,—это моя законная добыча», писалъ Бѣлинскій въ 1837 году Краевскому, когда велъ съ нимъ въ первый разъ переговоры о сотрудничествѣ въ его изданіи. Въ 1839 году онъ ставитъ уже другое условіе: «Если я буду крѣпко участвовать въ «Отеч. Запискахъ», то уговоръ лучше денегъ. Полевой—да не прикоснется къ нему никто, кромѣ меня. Это моя собственность, собственность по праву» (Пыпинъ, [illegible]). И дѣйствительно, ни Булгарина ни Шевырева Бѣлинскій не преслѣдовалъ въ «Отеч. Запискахъ» такъ упорно и безпощадно, какъ

пережившаго себя издателя «Московскаго Телеграфа». Цѣлые десятки страницъ можно было бы заполнить выходками Бѣлинскаго противъ Полевого. Тутъ и рѣзкіе отзывы о его прежнихъ произведеніяхъ, и уничтожающія рецензіи новыхъ его трудовъ, и глумленіе надъ его отсталостью, кваснымъ патріотизмомъ, отступничествомъ, многописаніемъ и т. д. Только смерть Полевого положила конецъ страстнымъ нападкамъ Бѣлинскаго, только въ 1846 году въ отдѣльной брошюрѣ (см. XII т. солдатенковскаго изданія) Бѣлинскій показалъ, какъ высоко онъ цѣнилъ Полевого.

Справедливые и несправедливые нападки Бѣлинскаго очень больно уязвляли Полевого, который сознательно шелъ на сдѣлки съ совѣстью и поступался своими убѣжденіями, когда, напримѣръ, хвалилъ дурные романы Штевена только потому, что авторъ — частный приставъ (Панаевъ, 384). На рѣзкіе отзывы Бѣлинскаго Полевой жаловался своимъ общимъ знакомымъ, между прочимъ, знаменитому трагику Мочалову, и повидимому старался объяснить враждебное отношеніе своего недавняго поклонника причинами личнаго характера (Ср. Кольцовъ, 212). Нѣсколько искреннѣе былъ Полевой, когда говорилъ Панаеву: «Бѣлинскій — прекраснѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ, но теперь намъ сходиться не для чего-съ. Я здѣсь [въ Петербургѣ] ужъ совсѣмъ не тотъ-съ» (Панаевъ, 384). А чтобы познакомиться съ истинными чувствами Полевого къ этому «прекраснѣйшему и благороднѣйшему человѣку», нужно прочесть его письмо къ брату отъ 5 декабря 1839 года, гдѣ находится такая фраза: «Бѣлинскаго надѣюсь не видать; но онъ здѣсь, шумитъ и пакоститъ, нагло и безстыдно принимая на себя должность собаки Краевскаго» (Записки Кс. Полевого, 486—487).

Свое негодованіе противъ Бѣлинскаго Полевой высказывалъ и въ печати при всякомъ удобномъ случаѣ, при чемъ въ своихъ отзывахъ онъ проявлялъ еще бо́льшую несправедливость, чѣмъ его противникъ. Такъ, напримѣръ, въ предисловіи къ своимъ «Очеркамъ русской литературы» (Спб. 1839) Полевой заявляетъ о прощеніи всѣмъ своимъ врагамъ. «Но признаюсь, — оговаривается онъ — есть *три-четыре существа*, которыхъ не могу не презирать!» И въ числѣ этихъ презрѣнныхъ существъ едва ли не первое мѣсто занималъ Бѣлинскій. Позже, въ біографіи Державина, приложенной къ сочиненіямъ его въ изданіи Штукина (Спб. 1845), Полевой выразился еще опредѣленнѣе и рѣзче: «Какъ безусловно хвалили его [Державина] въ старину, какъ по ложной

мѣркѣ классицизма размѣривали прежде его творенія, такъ нынѣ, когда обязанностью критика многіе считаютъ непремѣнно осужденіе; когда каждый предметъ, подвергнутый критическому воззрѣнію, многіе почитаютъ чѣмъ-то въ родѣ обвиненнаго, призваннаго къ допросу передъ прокурора журнальнаго, и великая тѣнь Державина призывается къ пигмейскому суду и осуждается по статьямъ мирмидонскаго журнальнаго уложенія. Примѣръ не далеко. Не упоминая именъ, вспомнимъ о критикѣ, который послѣ долгаго мудрованія осудилъ Державина за недостатокъ художественности, стоя на колѣняхъ передъ жалкими произведеніями новѣйшихъ романтиковъ и съ восторгомъ разсматривая вонючую грязь какого-нибудь малограмотнаго романиста. Такія сужденія не стоили бы другого отвѣта, кромѣ улыбки сожалѣнія, ибо время и безъ насъ смываетъ ихъ, какъ грязныя пятна, съ истинно великаго, но намъ жаль, если подобныя близорукія осужденія увлекаютъ юное поколѣніе» (Бѣлинскій. X. 155—156. Изд. 1860 г.).

Называть величайшаго русскаго критика «пигмеемъ», его сужденія—«грязными пятнами», а безсмертныя произведенія Гоголя—«вонючей грязью малограмотнаго романиста»,—до такого ослѣпленія враждой и ненавистью никогда не доходилъ «неистовый Виссаріонъ». На подобную выходку Бѣлинскій только и могъ отвѣтить словами: «къ безсильной отсталости надо имѣть снисхожденіе».

Въ своей брошюрѣ о Полевомъ Бѣлинскій, къ ужасу и негодованію тогдашнихъ литературныхъ ветерановъ и знаменитостей, не задумался признать за издателемъ «Московскаго Телеграфа» такое же важное значеніе въ исторіи русской литературы и русскаго просвѣщенія, какое для своего времени имѣли Ломоносовъ и Карамзинъ. Но эта высокая оцѣнка не смягчила сердца Ксенофонта Полевого, рядового журналиста 1830—1860 годовъ, благоговѣвшаго передъ своимъ старшимъ братомъ и страшно возмущавшагося нападками на него Бѣлинскаго. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1848 года (№ 124) онъ напечаталъ некрологъ Бѣлинскаго, гдѣ указываетъ въ его личности и литературной дѣятельности гораздо больше недостатковъ, чѣмъ достоинствъ. По словамъ Полевого, Бѣлинскій былъ «критикъ строгій, запальчивый, иногда несправедливый... Природа наградила его умомъ пылкимъ и гордымъ, который страдалъ отъ наложенныхъ на него жизнію оковъ... Все прекрасное поражало и увлекало его; все ложное и пользующееся незаслуженною извѣ-

стностью заставляло говорить и писать обличительныя статьи». «Могу сказать по собственному убѣжденію,—продолжаетъ Полевой—что онъ имѣлъ умъ свѣтлый, способный понимать самыя отвлеченныя истины, и душу благородную, доступную всѣмъ высокимъ ощущеніямъ, но, по несчастію, оставленный безъ образованія умъ его отличался всегда какою-то жесткостью, даже дикостью, и это выражалось въ сочиненіяхъ его, гдѣ всегда бывала мысль, но затемненная дурнымъ выраженіемъ. а иногда и ребяческою гордостью, которая думаетъ, что только она судитъ право и непреложно. Прекрасная душа его также была искажена несчастіями и безпрерывнымъ стѣсненіемъ, отъ чего и характеръ его сдѣлался желчнымъ, подозрительнымъ, и самъ онъ часто бывалъ несправедливымъ и пристрастнымъ въ своихъ сужденіяхъ». Невысокаго мнѣнія Полевой и о литературномъ наслѣдіи Бѣлинскаго. «Нѣкоторыя статьи скучны, растянуты, наполнены противорѣчіями. Вкусъ его, не изощренный ни основательнымъ ученіемъ, ни собственными упражненіями въ литературѣ, ни даже систематическимъ и разнообразнымъ чтеніемъ, часто увлекалъ его въ пошлости и въ безобразіе выраженій и слога. Что останется отъ всей груды его критикъ? Нѣсколько идей, дурно выраженныхъ». Въ концѣ своего некролога Полевой высказываетъ сожалѣніе о погибшемъ въ лицѣ Бѣлинскаго дарованіи. «У него былъ прекрасный, свѣтлый умъ, благородная душа и пылкое сердце, часто увлекавшее его за предѣлы благоразумія и даже справедливости... Жалѣемъ объ его необыкновенномъ умѣ и многихъ прекрасныхъ свойствахъ, которыхъ не могъ онъ развить на пользу и славу отечества. О немъ остается только память, какъ о добромъ и умномъ страдальцѣ».

Свѣжая могила Бѣлинскаго, видимо, сдерживала Кс. Полевого въ выраженіи его истинныхъ чувствъ; но одиннадцать лѣтъ спустя онъ далъ этимъ чувствамъ полную волю. Когда въ 1859 году начали выходить сочиненія Бѣлинскаго, встрѣченныя съ такимъ восторгомъ представителями стараго и молодого поколѣнія, Полевой выступилъ въ «Сѣверной Пчелѣ» съ фельетонами, изумившими тогдашнихъ читателей тупой злобой и ненавистью по отношенію къ великому критику. «Изданіе «Сочиненій Бѣлинскаго» — говоритъ Полевой—не имѣетъ никакого литературнаго значенія. Онъ почти исключительно писалъ критическія статьи, рѣзко, дерзко, безпрестанно увлекаясь своими страстями и разными личными отношеніями, и показалъ умъ и наблюдательность только

въ первое время, когда еще писалъ съ искреннею, сердечною любовью къ литературѣ, не думая быть оракуломъ партіи, которая вскорѣ завладѣла имъ, исказила его и сдѣлала орудіемъ своихъ видовъ и цѣлей. Несчастный, можетъ быть, и не подозрѣвалъ этого, бѣсновался, увлекался и умеръ жалкимъ образомъ, не принесши никакой пользы нашей литературѣ, но извративши понятія многихъ юношей, возраставшихъ во время его широкошумной дѣятельности». «Бранчивыя, циничныя статьи желчнаго критика», по заявленію Полевого, могли представлять интересъ въ свое время. «Но кто въ наше время станетъ перечитывать всякую дребедень, писанную Бѣлинскимъ въ разныхъ журналахъ лѣтъ пятнадцать, двадцать, двадцать пять назадъ?» «Бѣлинскій — говорится дальше—былъ не Лессингъ, не А. В. Шлегель глубокомысліемъ и ученостью, не Сентъ-Бевъ, не Ж. Жаненъ остроуміемъ и мастерствомъ писать: это былъ человѣкъ съ умомъ тяжелымъ, необразованнымъ, не только не ученый, но и мало читавшій, и если первоначально онъ обратилъ на себя вниманіе смѣлостью и искренностью своихъ сужденій о предметахъ, которые были доступны ему, то вскорѣ, и особенно въ послѣдніе годы своей жизни, онъ только увлекался страстями, писалъ о томъ, чего не могъ понимать, писалъ слишкомъ много, слишкомъ дерзко, нелѣпо, притомъ такимъ языкомъ, который можетъ служить образцомъ темноты, безвкусія и часто явной безсмыслицы... У него не было никакой ясной, свѣтлой теоріи, все ограничивалось личными сужденіями, часто уродливыми софизмами, и утопало въ многословіи... Начавши, по слѣдамъ «Московскаго Телеграфа», разрушать ложные авторитеты, онъ, со своимъ дерзкимъ умомъ, не обузданнымъ ученіемъ, и со своимъ жалкимъ нравственнымъ воспитаніемъ, вскорѣ сталъ нападать и на авторитеты великихъ и отличныхъ писателей, съ нахальствомъ злого мальчишки, которому хотѣлось ронять и безславить все. Къ несчастью, въ душѣ его не было христіанскихъ убѣжденій... Онъ сдѣлался наконецъ настоящимъ поклонникомъ *богини Разума*, видѣлъ прекрасное только въ вещественномъ, осязаемомъ, матеріальномъ, и оттого-то обожалъ Кольцова, Гоголя и не понималъ Жуковскаго. Какимъ критикомъ могъ быть человѣкъ, не видѣвшій поэзіи въ мірѣ идеаловъ, не знавшій великаго закона любви?... Притомъ незнакомый съ иностранными литературами, не изучившій глубоко исторіи, онъ односторонне понималъ національность и порицалъ многія явленія и даже цѣлыя

эпохи литературы единственно потому, что глядѣлъ на нихъ въ очки своего самолюбія и эгоизма. Наконецъ онъ сдѣлался нестерпимъ гордымъ самодовольствомъ и самоувѣренностью, доходившею до безумія». На основаніи приведеннаго обвинительнаго акта изрекается такой приговоръ о Бѣлинскомъ: «Лучше всего забыть о немъ, и пусть мирно покоится прахъ его... Онъ не сдѣлалъ ничего кромѣ зла нашей литературѣ. Совѣтуемъ не издавать болѣе сочиненій Бѣлинскаго... Сочиненія Бѣлинскаго не представляютъ никакихъ достоинствъ, которыя могли бы обратить на нихъ вниманіе современной публики» («Сѣверная Пчела» 1859 г., № 229).

Негодованіе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», издававшихся тогда А. Н. Очкинымъ, и насмѣшки «Искры» еще болѣе озлобили Полевого, и въ слѣдующемъ своемъ фельетонѣ онъ обругалъ Бѣлинскаго, какъ человѣка, еще безобразнѣе, чѣмъ раньше. Полевой не забылъ своего некролога 1848 года, онъ и теперь заявилъ, что сердце Бѣлинскаго «по природѣ было благородное». Но въ то же время Бѣлинскій названъ «человѣкомъ безъ религіи» и съ непомѣрнымъ самолюбіемъ. «Стоило только польстить его самолюбію, и онъ брался за все или дѣлался орудіемъ любого фокусника». У него не было «никакихъ сильныхъ великихъ идей», «никакой самобытности». Это былъ страстный, увлекающійся человѣкъ, готовый «перемѣнять свои мнѣнія одно за другимъ», «добрый малый, но вмѣстѣ и заблудшій баранъ», «грубый циникъ по своей природѣ», потому именно и сочувствовавшій особенно юмору Гоголя. Относительно сочиненій Бѣлинскаго говорится, что хвалить ихъ можно только изъ корыстныхъ расчетовъ, что они могутъ «только испортить вкусъ, извратить понятія, внушить много ложныхъ мыслей молодымъ читателямъ» («Сѣверная Пчела» 1859 г., № 284).

Заявивши, благодаря указаннымъ фельетонамъ, одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду самыхъ тупыхъ, ожесточенныхъ и непримиримыхъ враговъ Бѣлинскаго, Кс. Полевой не оставилъ его въ покоѣ и въ своихъ «Запискахъ» (Спб. 1888). Онъ не только не жалѣетъ о своихъ фельетонахъ, за которые Колошинъ назвалъ его преемникомъ Булгарина и «Баярдомъ мракобѣсія» («Московскій Вѣстникъ» 1859 г., № 19), но еще заявляетъ, что его «мнѣніе о Бѣлинскомъ восторжествуетъ окончательно надъ безумными или лицемѣрными хвалами ему». А по мнѣнію Полевого, высказанному въ «Запискахъ», Бѣлинскій вовсе «не былъ благодѣтельнымъ геніемъ» Россіи, потому что онъ былъ «героемъ не дви-

женія, а ломки, разрушенія всего созданнаго историческими событіями». Въ своихъ «Запискахъ» Полевой называетъ Бѣлинскаго «честнымъ, хотя иногда сумасшедшимъ, больнымъ человѣкомъ» и отмѣчаетъ его неуживчивость, вспыльчивость, задорность, гордость и самолюбіе «до невообразимой степени». «Я и теперь увѣренъ, — говоритъ Полевой о Бѣлинскомъ — что онъ былъ способенъ къ самымъ нѣжнымъ и возвышеннымъ чувствованіямъ, хотя грубая кора покрывала его. Несчастіемъ жизни его была желчная болѣзнь, можетъ быть, порожденная страданіями и бѣдностью, и еще болѣе — гордость и самолюбіе». Если вѣрить Кс. Полевому, не измѣна его брата прежнимъ убѣжденіямъ, а отказъ напечатать статью о «Гамлетѣ» былъ главной причиной «непримиримой злобы и мщенія», которыми Бѣлинскій заплатилъ за оказанное ему Полевыми «радушіе».

IV. Шевыревъ и Погодинъ.

Полевой не первый назвалъ Бѣлинскаго «пигмеемъ», въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ предшественника въ лицѣ профессора Московскаго университета Шевырева, который вмѣстѣ со своимъ другомъ и коллегой, историкомъ Погодинымъ, принадлежалъ къ числу самыхъ ожесточенныхъ враговъ великаго критика. На первыхъ порахъ своей литературной дѣятельности Бѣлинскій относился къ этимъ ученымъ мужамъ съ большимъ уваженіемъ. Въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» Шевыревъ названъ однимъ «изъ молодыхъ замѣчательнѣйшихъ литераторовъ нашихъ». Бѣлинскій очень хорошо отзывается о немъ, какъ о профессорѣ, критикѣ и даже поэтѣ. Но поэтическій талантъ былъ признанъ въ Шевыревѣ съ существенными оговорками, и этого было достаточно, чтобы обидѣть самолюбиваго до болѣзненности профессора. По разсказамъ, передаваемымъ Станкевичемъ въ письмѣ къ Невѣрову отъ 5 февраля 1835 года, Шевыревъ хвалилъ «Литературныя мечтанія», «пока до него не дошло дѣло»; прочитавъ же замѣчаніе, что въ его оригинальныхъ стихотвореніяхъ развивается мысль, а не изливается чувство, «Шевыревъ, говорятъ, взбѣсился и кричитъ: какъ смѣть такъ говорить? Это тонъ Полевого» («Переписка Н. В. Станкевича», с. 124. М. 1857). Крайне самолюбивый Шевыревъ, очевидно, не допускалъ мысли, чтобы «недоучившійся студентъ» могъ указывать недостатки даже въ стихотворныхъ опытахъ профессора. Еще болѣе должна была взбѣсить Шевырева

длинная статья Бѣлинскаго «О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ «Московскаго Наблюдателя» (1836). «Шевыревъ—по отзыву критика—литераторъ дѣятельный, добросовѣстный, оригинальный въ мнѣніяхъ и слогѣ, литераторъ съ дарованіемъ и авторитетомъ». Но мнѣнія этого столь почтеннаго литератора на всемъ протяженіи статьи опровергаются самымъ рѣшительнымъ образомъ и даже сопровождаются такими восклицаніями: «гдѣ-жъ логика, гдѣ-жъ справедливость?» Станкевичъ, по всей вѣроятности, передавалъ факты близкіе къ дѣйствительности, когда сообщалъ Бѣлинскому 30 мая 1836 года: «братъ писалъ мнѣ, что ты послѣднею статьею въ «Московскомъ Наблюдателѣ» рѣшительно убилъ С. П. [Шевырева] и что онъ самъ отъ себя отрекается» (Переписка Станкевича, с. 175).

Погодинъ также удостоился въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» довольно лестнаго отзыва за свои повѣсти: «Нищій» и «Черная немочь», которыя были признаны «замѣчательными по вѣрному изображенію русскихъ простонародныхъ нравовъ, по теплотѣ чувства, по мастерскому разсказу, а послѣдняя и по прекрасной поэтической идеѣ, лежащей въ основаніи». Въ это время и Погодинъ относился къ Бѣлинскому «очень дружелюбно» и нерѣдко заходилъ къ нему, чтобы потолковать о литературѣ съ нимъ и съ его друзьями. Бѣлинскій тоже посѣщалъ Погодина. «Былъ у меня Бѣлинскій — записано въ дневникѣ Погодина: — малый съ чувствомъ, какіе попадаются рѣдко. Обращалъ его къ умѣренности». Но когда Бѣлинскій, «при всемъ уваженіи къ г. Погодину, какъ къ человѣку и писателю», далъ самый неблагосклонный отзывъ о его «Начертаніи русской исторіи для училищъ»,—этого отзыва, въ соединеніи со статьей о Шевыревѣ, было достаточно, чтобы вызвать рѣзкое недовольство Погодина противъ «рѣдкаго малаго» и его «неудержимаго лая» (Барсуковъ, IV, 306, 354). Впрочемъ, раздраженіе Погодина скоро остыло, и онъ предлагалъ даже Бѣлинскому принять участіе въ «Московскомъ Наблюдателѣ», а потомъ въ «Москвитянинѣ», задуманномъ еще въ 1837 году. Но Бѣлинскій успѣлъ уже окончательно разочароваться и въ Погодинѣ и въ Шевыревѣ, онъ уже «ненавидѣлъ и презиралъ ихъ отъ всей души, какъ людей ограниченныхъ и недобросовѣстныхъ», и послѣ нѣкотораго колебанія отнесся къ сдѣланному ему предложенію отрицательно. «Чортъ возьми этихъ...—писалъ онъ одному изъ своихъ друзей:—не надо мнѣ ихъ и денегъ, хоть осыпь они меня золотомъ съ головы до ногъ» (Пыпинъ, 207).

Сдѣлаться сотрудникомъ «Москвитянина», хотя на короткое время, до неминуемаго разрыва съ Погодинымъ, Бѣлинскому не пришлось; но появленіе новаго московскаго журнала въ 1841 году было встрѣчено имъ довольно сочувственно. «Не беремся—говорится въ обзорѣ русской литературы 1840 года—пророчить о судьбѣ новаго изданія, но смѣло можемъ поручиться, что оно есть предпріятіе честное, добросовѣстное, благонамѣренное, чисто-литературное и нисколько не меркантильное; что у него будетъ своя мысль, свое мнѣніе, съ которыми можно будетъ соглашаться и не соглашаться, но которыхъ нельзя будетъ не уважать,—противъ которыхъ можно будетъ спорить, но съ которыми нельзя будетъ браниться» (Бѣлинскій, V, 499). Но благому намѣренію Бѣлинскаго не браниться съ «Москвитяниномъ» не удалось осуществиться: съ новымъ журналомъ ему пришлось вести не менѣе ожесточенную и рѣзкую полемику, чѣмъ съ «Сѣверной Пчелой». И первый вызовъ, какъ и въ полемикѣ съ Полевымъ, послѣдовалъ со стороны противника, а именно со стороны Шевырева, который не могъ забыть старыхъ ударовъ, нанесенныхъ его самолюбію Бѣлинскимъ. Въ № 4 «Отеч. Записокъ» за 1841 годъ Галаховъ въ одной рецензіи неблагопріятно отозвался о Ѳ. Н. Глинкѣ и задѣлъ его мнѣніе о тождествѣ нравственности и поэзіи. Эта рецензія вызвала сильное негодованіе въ Москвѣ и была приписана Бѣлинскому. М. Дмитріевъ предлагалъ «написать офиціальную бумагу» противъ «Отеч. Записокъ», а Шевыревъ разразился такими строками въ письмѣ къ своему другу: «Выходка противъ Глинки гадка: за нее надо высѣчь Бѣлинскаго. Слѣдовало бы тебѣ напечатать нѣсколько строкъ отъ своего имени, чтобы дать только *окликъ* на пьяницу Бѣлинскаго, чтобы не обижалъ честныхъ людей, и на «Отеч. Записки», чтобы не позволяли у себя такихъ выходокъ противъ людей, которые кромѣ литературнаго имени ограждены противъ нахальныхъ нападеній нравственнымъ достоинствомъ».

Погодинъ уклонился отъ обоихъ предложеній, ограничившись только крѣпкими словцами: онъ назвалъ рецензію Галахова выходкой «дряни и сволочи». Тогда Шевыревъ самъ составилъ рѣзкую полемическую замѣтку въ защиту Глинки и воспользовался случаемъ, скрывшись впрочемъ подъ буквами XX., ругнуть Бѣлинскаго. «Мы уважали— говоритъ онъ—«Отеч. Записки» за ихъ благонамѣренность, хотя и не одобряли ихъ мнѣній, философскихъ и критическихъ, и часто негодовали на образъ сужденій о нашей

старой литературѣ; мы уважали дѣятельность издателя, уважали многихъ сотрудниковъ: потому-то намъ было крайне жаль видѣть, что какой-нибудь журнальный писака, навеселѣ отъ нѣмецкой эстетики, которой самъ за незнаніемъ нѣмецкаго языка не читалъ, а объ которой только слышалъ, и то въ искаженномъ видѣ изъ третьихъ устъ, — что такой непризванный судья, развалившись отчаянно въ креслахъ критика и размахавшись борзымъ перомъ своимъ всенародно осмѣливается въ этомъ журналѣ праздновать шабашъ поэзіи и нравственности, и забывъ всѣ приличія, извергаетъ насмѣшки и клевету на писателя, огражденнаго отъ подобныхъ оскорбленій мнѣніемъ литературнымъ и общественнымъ» (Барсуковъ, VI, 81—82; Бѣлинскій, VI, 237—241).

Въ слѣдующемъ году Шевыревъ обругалъ Бѣлинскаго еще сильнѣе въ статьѣ «Взглядъ на современное направленіе русской литературы», напечатанной въ первой книгѣ «Москвитянина» (1842). Онъ громитъ тамъ Булгарина, Греча, Сенковскаго, Полевого и Бѣлинскаго, какъ главныхъ представителей «черной стороны» русской литературы. Бѣлинскій, печатавшій обыкновенно свои статьи въ «Отеч. Запискахъ» безъ подписи, изображается у Шевырева въ видѣ «неизвѣстнаго безымяннаго рыцаря, въ маскѣ и забралѣ, съ мѣднымъ лбомъ и размашистою рукою, готоваго на всѣхъ и на все, и не передъ кѣмъ не ломающаго шапки». «Вотъ его внѣшніе признаки — говоритъ Шевыревъ: — цѣльная, изъ одного куска литая броня наглости прикрываетъ въ немъ самое невинное невѣжество. По этой бронѣ онъ родной братъ журнальному пересмѣшнику [Сенковскому]; но вы видите на ней огромный щитъ, и на щитѣ, вмѣсто девиза, кривыми и *громадными* (любимое его слово) буквами, написано: *убѣжденіе*. Симъ послѣднимъ признакомъ онъ совершенно отходитъ отъ своего веселаго брата. Размашистымъ мечомъ онъ рубитъ направо и налѣво, и нѣтъ такого имени, которое бы остановило его махъ немилосердый. Дантъ, Мильтонъ, Тассъ, Манзони, Ломоносовъ, Богдановичъ, Державинъ, Карамзинъ — ему нипочемъ... Бойкій рыцарь, въ порывѣ заносчивости, дошелъ до того, что однажды уничтожилъ всю русскую литературу и публику, за исключеніемъ двухъ или трехъ именъ и своего журнала, съ котораго онъ полагаетъ настоящее несомнѣнное ея начало, точно такъ же какъ и журнальный пересмѣшникъ. Но сей послѣдній смѣется надъ всѣмъ безъ убѣжденія; безымянный же рыцарь уничтожаетъ все, будто бы по убѣжденію. Самъ бобыль литературный, послѣдній

внукъ литератора-промышленника, онъ не хочетъ уважать никакихъ преданій, не признаетъ никакого авторитета, кромѣ того, который онъ самъ возведетъ въ это званіе однимъ волшебнымъ прикосновеніемъ щита своего. Да, ужъ если въ чемъ онъ убѣдился—бѣда предмету его убѣжденія. Тутъ является онъ пламеннымъ рыцаремъ, наподобіе того, который прославленъ романомъ Сервантеса, тутъ его преданность доходитъ до кумиропоклоненія. Если случится ему признать кого-нибудь за талантъ, онъ подноситъ ему тотчасъ эпитетъ *громаднаго*; поклоняется ему наравнѣ съ Шекспиромъ. Бываетъ, что убѣжденіе его падетъ случайно на какое-нибудь произведеніе славнаго писателя, замѣчательное, но не первостепенное: бѣда такому произведенію—оно тотчасъ получаетъ эпитетъ *мірового*. Случается даже, что убѣжденіе его встрѣтитъ какую-нибудь значительную брошюру: бѣда той брошюрѣ—у него она *всемірное явленіе*. Всякое странное мнѣніе, всякая нелѣпость, сказанная рѣшительно и громко, прикрываются всегда щитомъ и яркимъ его девизомъ, который бросается въ глаза, особенно неопытной молодежи, легко увлекающейся благороднымъ значеніемъ самаго слова. Но если бы это убѣжденіе было постоянно и вѣрно,—будь оно убѣжденіемъ хотя младенца или соннаго человѣка,—еще можно было бы его уважить. А когда видишь, что оно такъ часто мѣняется и падаетъ иногда на предметы, совершенно того недостойные, что рыцарь сегодня скажетъ одно, а завтра другое, и всѣ противорѣчія прикрываетъ однимъ и тѣмъ же щитомъ своимъ, то подъ конецъ еще болѣе отвращаешься отъ такой маски, на которую употреблено чувство совѣсти, чувство внутреннее и священное. Къ этимъ мнимымъ убѣжденіямъ, измѣняющимся по дуновенію вѣтра, въ отвѣтъ на новыя потребности, объявленныя молодою публикою новыхъ поколѣній, присоединяются еще въ искаженномъ видѣ общія мѣста объ изящномъ и поэзіи, давно уже извѣстныя тѣмъ, которые занимались предметомъ. Объ нихъ говоритъ безымянный рыцарь съ безотчетнымъ восторгомъ, какъ будто о новыхъ открытіяхъ, и часто сбивается съ своей рѣчи и противорѣчитъ самъ себѣ, потому что эти открытія точно для него новы» (сс. XXI, XXVIII—XXX. Ср. Бѣлинскій, VII, 575—577).

Бѣлинскій, который давно уже презиралъ и ненавидѣлъ Шевырева, какъ писателя, конечно, не оставилъ его рѣзкихъ нападеній безъ отвѣта. На первую незаслуженную ругань онъ отвѣтилъ той же самой руганью, ловко перефразировавъ ее по адресу Шевы-

рева, а затѣмъ сталъ задѣвать и высмѣивать его въ своихъ статьяхъ и рецензіяхъ, называя его «черствымъ педантомъ», «безвкуснымъ риѳмотворцемъ», «бездарнымъ витяземъ фоліантовъ и буквъ» и т. д. Наконецъ, въ № 3 «Отеч. Записокъ» за 1842 годъ, подъ псевдонимомъ Петра Бульдогова, Бѣлинскій напечаталъ свой знаменитый памфлетъ «Педантъ», гдѣ изображенъ Шевыревъ въ лицѣ Ліодора Ипполитовича Картофелина, учителя словесности, поэта и критика. Не пощадивъ наружности, внѣшнихъ пріемовъ и особенностей рѣчи Шевырева, Бѣлинскій называетъ его «витяземъ желтыхъ перчатокъ и прекраснаго пола», «лицемѣрнымъ моралистомъ и ханжею» и особенно подчеркиваетъ его крайнее самолюбіе. «Не смотря на то,—говоритъ Бѣлинскій—что мой педантъ долженъ быть отъ природы довольно добрымъ и честнымъ человѣкомъ,—нѣтъ существа болѣе его способнаго быть злымъ и низкимъ. Дѣло въ томъ, что онъ не что иное, какъ раздутое самолюбіе: хвалите его маранье, дорожите его критическими отзывами,—онъ добръ, веселъ, любезенъ по-своему, онъ готовъ сдѣлать вамъ все хорошее, что только въ его возможности; но бѣда ваша, если вы не сумѣете, или не захотите скрыть отъ него, что вы и умнѣе и талантливѣе его, что у него самолюбіе съѣло небольшую долю ума, вкуса и способности, данныхъ ему природою... О, тогда онъ готовъ на все злое и глупое—берегитесь его!.. Рецензія его тогда превращается въ площадную брань, критика становится похожа на позывъ къ отвѣту за дѣланіе фальшивой монеты.. Тогда вы у него—кондотьери, бандитъ... Да, педантъ все проститъ вамъ, кромѣ невыносимой для него обиды—быть умнѣе и талантливѣе его... Но во всякомъ случаѣ, это существо болѣе смѣшное и забавное, чѣмъ опасное: ибо противъ его «позывовъ» есть правосудіе, а противъ тупыхъ зубовъ его есть литературные дантисты, которые, шутя, выдергиваютъ ихъ» (Бѣлинскій, VII, 140).

Имѣя въ виду крайнее самолюбіе Шевырева, Бѣлинскій очень вѣрно разсчиталъ свой ударъ, о дѣйствіи котораго сообщаетъ интересныя свѣдѣнія В. Боткинъ въ своемъ письмѣ къ Краевскому отъ 14 марта 1842 года: «Ударъ произвелъ дѣйствіе, превзошедшее ожиданія: у Шевырева вытянулось лицо, и онъ не показывался эту недѣлю въ обществахъ. Въ синклитѣ Хомякова, Кирѣевскихъ, Павлова, если заводятъ объ этомъ рѣчь, то съ пѣною у рта и ругательствами. Всѣхъ больше ругается и всѣми возможными клеветами Н. Ф. Павловъ... Святители!—продолжаетъ

Боткинъ—какое движеніе эта штука сдѣлала въ университетѣ: Давыдовъ расцвѣлъ, помолодѣлъ и видимо блаженствуетъ, спрашивая всякаго встрѣчнаго: «читали ли вы 3 № «Отеч. Записокъ»? Каченовскій почти приплясываетъ... «Отеч. Записки» рвутъ изъ рукъ въ руки, и все и весь сколько-нибудь читающій людъ говоритъ о нихъ. Но, Боже мой, какъ «Москвитяне» поносятъ бѣднаго, невиннаго Виссаріона [Боткинъ на первыхъ порахъ думалъ, что «Педантъ» написанъ Клюшниковымъ] и чѣмъ не называютъ его!!!... Ужасно вопіетъ Кирѣевскій: ругаетъ Бѣлинскаго словами, приводящими въ трепетъ всякаго православнаго, и спрашиваетъ Грановскаго: «неужели вы не постыдитесь подать Бѣлинскому руку?»... Въ томъ же письмѣ Боткинъ сообщаетъ, что статья Бѣлинскаго о русской литературѣ 1841 года такъ возмутила Шевырева, что онъ посвятилъ одну лекцію на опроверженіе ея (О. И. П. Б. за 1889 годъ, сс. 43—45. Ср. Пыпинъ, 396).

Сдѣланный посмѣшищемъ цѣлой Москвы, Шевыревъ все-таки не унялся и продолжалъ до конца жизни Бѣлинскаго задѣвать его при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. «У сего почтеннаго и достойнаго аристарха московскаго—писалъ Бѣлинскій въ 1843 году—есть странная привычка—о чемъ бы ни говорилъ онъ, придирчиво касаться «Отеч. Записокъ». Это, можно сказать, его манія, его болѣзнь» (VIII. 280). Задѣвалъ же Шевыревъ, главнымъ образомъ, «безымяннаго рыцаря» и его мнѣнія. Такъ, напримѣръ, какъ бы отвѣтомъ на «Педанта» были такія строки въ началѣ статьи Шевырева о «Мертвыхъ Душахъ» Гоголя («Москвитянинъ 1842 г., № 7): «Изъ тѣсныхъ рядовъ толкучаго рынка литературы выскочило наглое самохвальство въ видѣ крикливаго пигмея, съ мѣднымъ лбомъ и размашистою рукою; обрадовавшись случаю изъ-за похвалы таланту похвалить самого себя, оно, ставши передъ произведеніемъ, пялитъ на немъ свою тощую фигуру, силится прикрыть его собою и потомъ показать вамъ и увѣрить васъ, что точно оно вамъ его показало, а безъ того вамъ бы его и не увидѣть. Безмолвно возвышается произведеніе надъ выскочкой—непризваннымъ трубачомъ его славы—и только обличаетъ собою его крохоту и умственное безсиліе». Въ такомъ видѣ представлялъ Шевыревъ отношеніе Бѣлинскаго къ Гоголю и его «Мертвымъ Душамъ» [1]). Въ слѣдующемъ году, помимо мелкихъ

[1]) Позже, въ концѣ 1846 года, по поводу слуховъ, что Бѣ-

зацѣпокъ, Шевыревъ сдѣлалъ на «Отеч. Записки» «важную денонсіацію», по выраженію Бѣлинскаго, заявивши, что «одинъ журналъ..... самою позорною клеветою чернитъ совѣсть покойнаго поэта, передъ глазами всей русской публики, и не въ шутку увѣряетъ ее, что русская поэзія въ лицѣ Лермонтова въ первый разъ вступила въ самую тѣсную дружбу... съ чертомъ! Такой чертовщины—прибавляетъ Шевыревъ—еще никогда не бывало ни въ русской литературѣ, ни въ русской критикѣ» («Москвитянинъ» 1843 г., № 6, с. 504).

Въ 1846 году, когда имя Бѣлинскаго появилось въ печати, въ «Петербургскомъ сборникѣ» Некрасова, подъ статьей «Мысли и замѣтки о руской литературѣ»,—Шевыревъ воспользовался случаемъ дать общую оцѣнку своему противнику, снявшему наконецъ забрало. «Г. Бѣлинскій — говоритъ Шевыревъ въ рецензіи сборника — принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ числу замѣчательныхъ дѣятелей въ русской современной словесности. Онъ представляетъ значительный плодъ нашего журнальнаго образованія: «Телеграфъ», «Телескопъ» и «Молва» были его Геттингеномъ, Іеною и Берлиномъ. Въ нихъ онъ созрѣлъ для того, чтобы воздвигнуть новый журнальный университетъ... Онъ внесъ въ критику нашу—народную стихію, которой до него еще не бывало: эту стихію можно назвать *удальствомъ*. Это *удалый молодецъ* современной русской критики. Онъ принялъ на себя тяжкую и великую задачу: онъ пытался сдвигать съ пьедесталовъ всѣ наши литературныя славы, которыя до тѣхъ поръ стояли во всеобщемъ, безпрекословномъ уваженіи: Ломоносова, Державина, Карамзина и другихъ»... «У г. Бѣлинскаго—говорится дальше—есть нѣсколько темъ постоянныхъ, на которыхъ онъ разыгрываетъ безконечныя варіаціи въ своихъ критикахъ, при чемъ нельзя не удивляться разнообразію его таланта. Первая тема, напримѣръ,—нѣтъ русской литературы, вторая тема—есть русская литература, третья тема—русская литература младенецъ Алкидъ... четвертая тема—у Ломоносова одна риторика въ словесности, пятая—Державинъ геній, но не поэтъ,

линскій измѣнилъ свое мнѣніе о Гоголѣ и собирается напечатать «рядъ статей противъ него» въ «Современникѣ», Шевыревъ сдѣлалъ такое заявленіе въ письмѣ къ Плетневу: «это послужитъ только къ чести Гоголя — и давно пора ему для славы своей скинуть съ себя пятно похвалъ и восклицаній, которыя приносилъ ему Бѣлинскій» («Переписка Грота съ Плетневымъ», II, 962. Спб. 1896).

шестая—Карамзинъ устарѣлъ для насъ, седьмая—Пушкинъ начинаетъ старѣть, осьмая—намъ нужны болѣе таланты, чѣмъ геніи и особенно нужна беллетристика... Есть еще и другія. На любую изъ этихъ темъ г. Бѣлинскій сейчасъ же готовъ написать статью, какую вамъ угодно, и такъ какъ эти темы безпрерывно повторяются, то въ этомъ смыслѣ г. Бѣлинскаго можно назвать настоящимъ *орга́номъ* современной критики» («Москвитянинъ» 1846 г., № 3, сс. 182 и сл.).

Въ этомъ же году выступилъ въ печати противъ Бѣлинскаго и Погодинъ, до того времени мало обращавшій вниманія на его выходки и даже рѣдко заглядывавшій въ его статьи. А между тѣмъ, Бѣлинскій задѣвалъ его очень сильно и больно, притомъ иногда намеками не вполнѣ литературнаго свойства. «Литературный циникъ», изображенный въ концѣ «Педанта», — не кто иной, какъ Погодинъ съ его знаменитымъ древлехранилищемъ и кулаческимъ отношеніемъ къ сотрудникамъ. «Это человѣкъ,—говоритъ Бѣлинскій—который, вѣкъ свой живя въ бочкѣ, нажилъ себѣ домы и деревни; человѣкъ, который, вѣкъ свой занимаясь исключительно перекупкою и перепродажею мусора, битой посуды, стараго желѣза и кирпича, успѣлъ увѣрить всѣхъ, что онъ—и ученый и литераторъ; человѣкъ, который, вѣкъ свой будучи спекулянтомъ, увѣрилъ всѣхъ, что онъ — идеалъ честности, безкорыстія и добросовѣстности; человѣкъ, который самъ ничего не сдѣлалъ, кромѣ неопрятныхъ изданій, дурныхъ переводовъ, а всѣмъ твердитъ съ циническою короткостью: «надо дѣлать, надо удовлетворять текущей потребности»; человѣкъ, который, если и издалъ нѣсколько плохихъ книгъ, то чужими руками состряпанныхъ, а прославился дѣятельнымъ; человѣкъ, который одолжитъ вамъ при нуждѣ бездѣлкою, да заставитъ васъ перевести книгу, выгоду отъ которой честно раздѣлитъ съ вами такъ: вамъ словесную благодарность, а себѣ деньги»... (VII, 141). Достается Погодину и въ разборѣ «Рѣчи о критикѣ» Никитенка, гдѣ изображается критикъ-«патріотъ», объясняющійся съ публикой «языкомъ гостиннодворскихъ сидѣльцевъ», эксплуатирующій «бездарное досужество» «старыхъ писакъ» въ родѣ М. Дмитріева и выѣзжающій на плечахъ безкорыстныхъ «простаковъ» въ родѣ Шевырева (VII, 416 и д.). Даже о повѣстяхъ Погодина, которыя удостоились похвалы въ «Литературныхъ мечтаніяхъ», въ обзорѣ русской литературы 1843 года былъ данъ самый скверный отзывъ.

Погодинъ, по выраженію Боткина, «проглотилъ пилюлю», под-

несенную ему въ «Педантѣ», и предоставилъ отругиваться одному Шевыреву, а самъ, какъ бы въ утѣшеніе себѣ и своимъ друзьямъ и единомышленникамъ, заявилъ по адресу «Отеч. Записокъ», что «ругательства ихъ для благонамѣренныхъ и образованныхъ замѣняютъ хвалу» (Барсуковъ, VIII, 79). Но когда Бѣлинскій напечаталъ брошюру о Полевомъ, Погодинъ не вытерпѣлъ и выступилъ въ «Москвитянинѣ» 1846 г. (№ 5) съ длинной рецензіей, подъ которой, однакоже, не рѣшился выставить своего имени. Прежде чѣмъ разбирать брошюру, редакторъ «Москвитянина» далъ общую оцѣнку литературной дѣятельности Бѣлинскаго, не забывъ его грамматику и его комедію «Пятидесятилѣтній дядюшка».

«Съ нѣкотораго времени—говоритъ Погодинъ—начало показываться въ журналахъ имя г. Бѣлинскаго Кто такой этотъ г. Бѣлинскій?.. Скажите мнѣ: какія есть сочиненія господина Бѣлинскаго? Г. Бѣлинскій не представилъ еще никакихъ сочиненій. Онъ написалъ одну комедію въ пяти дѣйствіяхъ, и она скончалась въ первое представленіе, такъ что никто и не узналъ ея конца, кромѣ суфлера, а начала никто не понялъ, и Бѣлинскій отъ нея отпирается; онъ написалъ еще начало русской грамматики, этимологію, но по ней, оказалось, нельзя сдѣлать даже порядочнаго анализа, и сочиненіе синтаксиса не воспослѣдовало. Итакъ, это сочинитель безъ сочиненій, въ родѣ г. Краевскаго? Нѣтъ, г. Краевскій — указатель, а г. Бѣлинскій — критикъ. Ему принадлежитъ рядъ критическихъ статей въ «Телескопѣ», «Молвѣ», «Наблюдателѣ», «Отеч. Запискахъ». Перебираю всѣ эти статьи и нахожу въ продолженіе десяти слишкомъ лѣтъ одни и тѣ же возгласы, подправляемые по временамъ варварскими фразами изъ нѣмецкихъ и французскихъ журналовъ. Сначала, когда г. Бѣлинскій произнесъ ихъ въ первый разъ, можно еще было ихъ послушать; можно было даже надѣяться, что молодой человѣкъ, занимаясь и учась, сдѣлается современемъ полезнымъ дѣятелемъ въ литературѣ, хоть и въ числѣ чернорабочихъ, переводчикомъ, сократителемъ, даже рецензентомъ для сочиненій второклассныхъ; но онъ остановился на первомъ шагу, закружился въ первомъ кругу, и какъ будто осужденный злымъ волшебникомъ, началъ сказывать одну докучную сказку, началъ пѣть одну монотонную пѣсню,—и пѣлъ ее десять лѣтъ, поетъ и теперь безъ умолку. Какое же содержаніе этой докучной сказки? Ломоносовъ не поэтъ. Державинъ ничего не значитъ. Богдановича нечего читать. О Сумароковѣ, Княжнинѣ, Херасковѣ не стоитъ труда и говорить.

Озеровъ сентименталистъ. Карамзинъ устарѣлъ. Пушкинъ началъ было хорошо и встрѣтился съ демономъ, но испугавшись отошелъ отъ него прочь и тѣмъ испортилъ все дѣло, а Лермонтовъ съ нимъ подружился и сдѣлался первымъ поэтомъ и прочее тому подобное, что называется на петербургскомъ книжномъ языкѣ: *ералашь*. Эта ералашь, казалось, должна была быть оставлена безъ всякаго дѣйствія и награждена общимъ презрѣніемъ. Нѣтъ! у насъ ее слушали, принимали, одобряли, и вотъ въ Москвѣ какой-то господинъ Галаховъ, въ угодность Бѣлинскому, ставитъ позорное клеймо на державинскія оды «Богъ» и «Водопадъ», на ломоносовскія «Размышленія», въ хрестоматіи, назначенной для юношества» и т. д.

Перейдя затѣмъ къ брошюрѣ Бѣлинскаго, Погодинъ возмущается, что Полевой поставленъ рядомъ съ Ломоносовымъ и Карамзинымъ, уличаетъ автора въ противорѣчіяхъ и пересыпаетъ свою рецензію такими восклицаніями и вопросами: «Стоитъ ли труда останавливаться на этомъ вздорѣ!» «Скажите, какая связь въ понятіяхъ у г. Бѣлинскаго?» «Можетъ ли невѣжество быть болѣе дерзкимъ?» и т. п. Высокая оцѣнка Полевого, сдѣланная въ брошюрѣ Бѣлинскаго, у Погодина объясняется такимъ образомъ: «Дѣло вотъ въ чемъ: г. Бѣлинскій не имѣетъ никакого образованія. Это геніи-самоучка, которые у насъ растутъ какъ грибы, ежегодно, между студентами, не оканчивающими курса. Ни на какомъ языкѣ онъ читать не можетъ. И во всѣхъ его писаніяхъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ какого-нибудь знакомства ни съ однимъ писателемъ иностраннымъ. «Телеграфъ» Полевого былъ для него журналомъ, библіотекою, обществомъ, академіею, университетомъ. Въ этомъ университетѣ онъ учился и выучился всѣмъ наукамъ, особенно теоріи словесности и исторіи: не мудрено, что издатель показался ему всемірнымъ геніемъ. Вспомнимъ о мыши Крылова, которая думаетъ, что [illegible]. (Ср. Барсуковъ, VIII, 490 и сл.).

«Мы не могли—писалъ Погодинъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ—простить Бѣлинскому дерзкихъ и невѣжественныхъ выходокъ противъ славянъ, противъ древней русской исторіи, противъ русскихъ писателей прошедшаго столѣтія, противъ началъ русской жизни» («Воспоминанія о С. П. Шевыревѣ» въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1869 г., № 2). Къ сожалѣнію, какъ видѣлъ читатель, полемика «Москвитянина» съ Бѣлинскимъ далеко не всегда оставалась на принципіальной почвѣ

и очень часто переходила въ личную перебранку и даже въ «денонсіаціи», какъ печатныя, въ стихахъ Дмитріева и въ прозѣ Шевырева и Погодина, такъ и устныя. Доносовъ во вкусѣ Булгарина главари «Москвитянина», насколько извѣстно, не писали, но не брезгали такими средствами, какъ устныя жалобы и внушенія Уварову, у котораго они иногда гостили въ его подмосковномъ имѣніи Порѣчьѣ. Не даромъ Бѣлинскій жаловался Боткину, что, «боясь доносовъ Погодина и Шевырева, цензоръ не хочетъ пропускать ни слова противъ «Москвитянина» (Пыпинъ, 387). Не даромъ послѣ появленія «Педанта» Боткинъ сообщалъ Бѣлинскому и Краевскому, что Погодинъ и Шевыревъ собираются жаловаться на «Отеч. Записки» Уварову и даже московскому генералъ-губернатору кн. Голицыну (Пыпинъ, 405). А вотъ что записалъ Никитенко въ своемъ дневникѣ (1 октября 1844 года) объ Уваровѣ, только что вернувшемся изъ Москвы: «Онъ ужасно вооруженъ противъ «Отеч. Записокъ», говоритъ, что у нихъ дурное направленіе — соціализмъ, коммунизмъ и т. д. Очевидно, это навѣяно москвичами-патріотами, которымъ во что бы то ни стало хочется быть вождями времени. Министръ желаетъ не щадить «Отеч. Записокъ». Между тѣмъ, давно ли онъ и словомъ и дѣломъ осуждалъ доносъ Булгарина, составленный совершенно въ томъ же духѣ?» (Никитенко, I, 355).

Можно ли удивляться послѣ этого, что Бѣлинскій сталъ относиться къ «Москвитянину» и его руководителямъ не много лучше, чѣмъ къ Булгарину и Гречу. Теперь онъ ставитъ «Москвитянинъ» на одну доску съ «Сѣверной Пчелой» и «Маякомъ». Теперь онъ заявляетъ, что «надо быть истымъ славяниномъ, чтобъ находить въ статьяхъ «Москвитянина» талантъ, знаніе, убѣжденіе, интересъ, ясность и пр.» (IX, 296. Изд. 1860 г.). Что касается Шевырева и Погодина, то Бѣлинскій самымъ безпощаднымъ образомъ преслѣдуетъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ, утрируя и высмѣивая въ печати ихъ взгляды и мнѣнія и не щадя въ своихъ письмахъ самыхъ рѣзкихъ эпитетовъ, не всегда удобныхъ для печати, по адресу «холоповъ знаменитаго села Порѣчья». Къ чести Бѣлинскаго, нужно, впрочемъ, прибавить, что, хотя въ полемикѣ съ «Москвитяниномъ» онъ очень часто хваталъ черезъ край, въ общемъ онъ оказался безпристрастнѣе своихъ противниковъ. Въ то время, какъ Погодинъ и Шевыревъ не хотѣли видѣть въ немъ никакихъ достоинствъ и заслугъ, Бѣлинскій даже печатно называлъ Шевырева «добрѣйшимъ человѣкомъ», когда не задѣто его само-

любіе, хвалилъ его справедливые взгляды (напр., о Державинѣ), а въ обзорѣ русской литературы 1846 года причислилъ его «Исторію русской словесности» къ замѣчательнымъ явленіямъ русской ученой литературы. Вообще, въ «Современникѣ» Бѣлинскій отзывался о своихъ литературныхъ врагахъ гораздо мягче и справедливѣе, чѣмъ въ «Отеч. Запискахъ». Но Шевыревъ не сумѣлъ оцѣнить безпристрастія своего противника и отвѣтилъ въ «Москвитянинѣ» 1848 года издѣвательствомъ надъ «ученостью» и «добросовѣстностью» уже умершаго Бѣлинскаго и насмѣшками надъ его болѣе сдержаннымъ тономъ. «Бѣлинскій — говоритъ онъ — сталъ фешьенабельнѣе въ «Современникѣ». Какія бѣлыя у него перчатки! Какое достоинство! Какія претензіи на тонъ важный, нравоучительно-назидательный! О немъ скоро можно будетъ сказать то же самое, что сказалъ, кажется, онъ же о дрезденской Мадоннѣ: c'est le sublime du comme il faut» (Барсуковъ, IX, 420—422).

Столь же мало безпристрастія и пониманія относительно Бѣлинскаго оказалось и у Погодина, который счелъ нужнымъ отозваться въ «Москвитянинѣ» 1848 г. (№ 8) на посвященные умершему критику некрологи Краевскаго и Ксенофонта Полевого. «Г. Краевскій свидѣтельствуетъ, — говоритъ Погодинъ — что покойный былъ очень честенъ; г. Полевой свидѣтельствуетъ, что онъ былъ очень уменъ. Охотно вѣримъ этимъ свидѣтельствамъ, — и поговоримъ объ его литературныхъ достоинствахъ. Сочиненія его, сами по себѣ, конечно, не давали бы большого права на воспоминаніе въ литературномъ некрологѣ, но они имѣли много читателей и даже поклонниковъ, производили въ свое время дѣйствіе, и потому имъ должно посвятить нѣсколько словъ. Покойный Бѣлинскій имѣлъ воображеніе довольно живое, сердце пылкое и можетъ быть теплое, умъ понятливый, нѣсколько природнаго вкуса и легкость писать, — но онъ лишенъ былъ всякаго образованія, не занимался никогда ни одною наукою, не имѣлъ понятія и ни объ одной литературѣ, не зналъ никакого языка, развѣ кромѣ французскаго отчасти, не былъ знакомъ ни съ одною исторіей. Безпокойно-покойный «Телеграфъ» былъ для него гимназіей, университетомъ, академіей и библіотекой для чтенія. Всю премудрость свою почерпнулъ онъ въ своей молодости изъ этого мутнаго источника, а подновлялась она по слухамъ изъ вторыхъ и третьихъ устъ о новыхъ произведеніяхъ французской словесности. Въ такомъ легкомъ вооруженіи вздумалъ онъ преобразовать

совершенно русскую словесность и уничтожить всѣ авторитеты. «Отечественныя Записки» и провозгласили его своимъ диктаторомъ. Ломоносовъ, Карамзинъ, Державинъ должны были трепетать въ своихъ могилахъ отъ его бранныхъ возгласовъ; о Сумароковѣ, Херасковѣ, Богдановичѣ—не смѣй никто и вспоминать. Невѣжи, отсталые, восклицалъ удалой молодецъ русской словесности, какъ прозвалъ его мѣтко одинъ литераторъ—и продолжалъ махать направо и налѣво! Безпрестанно твердилъ Бѣлинскій свою *докучную сказку*, которая всегда начиналась опять съ конца: Кантемиръ, Тредьяковскій, Ломоносовъ... Кантемиръ, Тредьяковскій, Ломоносовъ... Кантемиръ, Тредьяковскій, Ломоносовъ..., за ними слѣдовали двѣнадцать статей о Пушкинѣ и чуть ли не сто двадцать эпизодовъ о Лермонтовѣ и Гоголѣ. Варіаціи его были безконечныя и утомительныя. Между тѣмъ, найдите мнѣ въ этихъ почти пятнадцатилѣтнихъ разсужденіяхъ хоть одну мысль собственную, теоретическую или критическую. Ни одной! Или общія мѣста, или чужія мысли! Кое-гдѣ встрѣчается страница, написанная съ чувствомъ, нѣкоторыя изъ общихъ мѣстъ выражены хорошо, кое-гдѣ попадается вѣрное замѣчаніе—и только... Но gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo, говоритъ пословица, и Бѣлинскій имѣлъ успѣхъ. Старшіе литераторы его не читали, пренебрегали возражать ему, а молодежь его слушала, молодежь, которой всегда бываетъ пріятно, по свойству человѣческой натуры, всякое отрицаніе, сомнѣніе, возраженіе, слушала, читала и приняла его мысли. Разносчики чужихъ сужденій и вѣстей, компиляторы и историки русской словесности, не только повторяли его мнѣнія, но даже внесли ихъ въ учебники. Успѣхъ Бѣлинскаго служитъ, по моему мнѣнію, во-первыхъ, урокомъ для журналистовъ не пренебрегать никакимъ явленіемъ литературнымъ, какъ бы сначала ни было оно маловажно и ничтожно, а, во-вторыхъ, доказательствомъ слабости нашего образованія. Если Бѣлинскій съ такими бѣдными свѣдѣніями, съ такимъ ограниченнымъ горизонтомъ, съ такимъ тѣснымъ кругомъ понятій могъ успѣть, то его почитатели, значитъ, были еще слабѣе его, а о поклонникахъ и говорить нечего!» Повторивъ свое прежеее мнѣніе о Бѣлинскомъ, Погодинъ въ концѣ некролога только изъ приличія сказалъ нѣсколько словъ сожалѣнія: «Но все-таки онъ принадлежалъ къ нашей братіи, онъ зналъ грамотѣ, развертывалъ съ участіемъ всякую новую русскую книжку и особенно всякій новый нумеръ журнала, читалъ, писалъ, желалъ по-своему добра, любилъ просвѣщеніе,

сколько понималъ его, былъ бѣденъ,—пожалѣемъ же о талантѣ, которому не досталось образованіе, о вкусѣ, которому не случилось изостриться, о благонамѣренности, которая приняла ложное направленіе, о добромъ сердцѣ, которое несчастныя обстоятельства вели къ грубости, и наконецъ о способности писать, для которой недоставало предмета. Посвятимъ ему сердечный вздохъ воспоминанія и пожелаемъ, чтобъ разрѣшились его сомнѣнія, чтобъ научилъ онъ молодыхъ людей своею смертію, если не могъ жизнію, трудиться, уважать преданіе, не слишкомъ довѣрять своимъ мечтамъ, переносить съ кротостью и терпѣніемъ всякія невзгоды, и всегда, вездѣ, во всемъ, больше *надѣяться, вѣрить* и *любить*» (Ср. Барсуковъ, IX, 347—350).

Когда началась реабилитація Бѣлинскаго, можно было ожидать, что крайне экспансивный Погодинъ прежде всѣхъ подастъ свой протестующій голосъ. На самомъ дѣлѣ этотъ старый противникъ великаго русскаго критика не выступалъ противъ него въ печати до 1861 года. Даже больше: онъ защищалъ проф. Бабста, вызвавшаго негодованіе кн. Вяземскаго сопоставленіемъ Бѣлинскаго съ Пушкинымъ [1], и до извѣстной степени содѣйствовалъ реабилитаціи Бѣлинскаго, помѣстивъ въ своемъ сборникѣ «Утро» (М. 1859) статью Алмазова «Взглядъ на русскую литературу 1858 года», глѣ указывается, какое важное значеніе имѣли для русской молодежи сороковыхъ годовъ «статьи съ длинными вступленіями и годичныя обозрѣнія литературы». Только въ 1861 году, когда, возмущенный нападками русской прессы на празднованіе юбилея кн. Вяземскаго, Погодинъ выступилъ на защиту обиженнаго юбиляра въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 83), онъ воспользовался случаемъ, чтобы лягнуть Бѣлинскаго и ругнуть его поклонниковъ. «Бѣлинскій — говоритъ Погодинъ — принесъ пользу тѣмъ, кто не имѣлъ никакихъ другихъ учителей, кромѣ него, принесъ можетъ быть пользу своему времени, но останавли-

[1]) Московскій профессоръ политической экономіи И. К. Бабстъ въ своей статьѣ «Промышленное и техническое образованіе» («Московскія Вѣдомости» 1857 г., № 141) сдѣлалъ такое заявленіе: «Повѣрьте, скажемъ мы каждому технику, каждому спеціалисту, что творенія Пушкина, что статьи незабвеннаго Бѣлинскаго, читавшіяся съ жадностью цѣлыми поколѣніями молодыхъ людей, внесшія въ общество столько благородныхъ мыслей, несравненно полезнѣе и въ промышленномъ отношеніи цѣлыхъ сотенъ ремесленныхъ школъ, потому что только благодаря такимъ учителямъ и въ ремесленныя школы пойдетъ народъ».

ваться теперь на Бѣлинскомъ и «не смѣть свое сужденіе имѣть» есть знакъ ограниченности, бездарности, и, смѣю сказать, невѣжества. Слишкомъ далеко ушло сознаніе послѣ его несчастнаго времени. Притомъ, для Бѣлинскаго существовали прежде всего имена, а послѣ сочиненія, и онъ не по уму, а по имени встрѣчалъ и провожалъ, во многихъ случаяхъ ругалъ или превозносилъ на заданную для себя тему. Бѣлинскому не понравились, сколько мнѣ помнится, нѣкоторыя мѣста изъ сочиненія князя Вяземскаго о Фонъ-Визинѣ, и онъ началъ ругать его, а покорные ученики не смѣютъ выступить изъ заповѣднаго круга учителева: самъ сказалъ. Такъ точно эти несчастные ругали и ругаютъ Хомякова, по указу, данному Бѣлинскимъ, которому были противны тѣ или другія убѣжденія Хомякова... Точно такъ же, и по такимъ же причинамъ, ругалъ онъ Языкова, Глинку и проч. На Марлинскаго, на Бенедиктова нападалъ онъ, положимъ, по литературнымъ причинамъ, и видѣлъ нѣкоторые ихъ недостатки, но онъ не видѣлъ ихъ достоинствъ, весьма замѣчательныхъ и важныхъ... Въ своемъ азартѣ Бѣлинскій не щадилъ и иностранныхъ авторитетовъ: досталось вѣдь отъ него и Данту (хотя вся Италія называетъ Данта своимъ altissimo poeto), и Мильтону, и Виргилію. Не одни писатели, имѣвшіе несчастіе произвести въ немъ непріятное впечатлѣніе, въ желчныя минуты, но цѣлые народы должны были трепетать его приговоровъ. До сихъ поръ не могу я безъ негодованія вспомнить, какъ онъ, ненавидя насъ, друзей славянскихъ воскликнулъ, что сила составляетъ право, и если славяне находятся теперь подъ властью турокъ, то значитъ, что турки имѣютъ право. А что толковалъ онъ о нѣмецкой философіи, о которой слыхалъ изъ третьихъ устъ, да и то весьма несвѣдущихъ. Я нарочно распространился здѣсь о Бѣлинскомъ, потому что большая часть нынѣшнихъ критикъ есть только слабый отголосокъ его мнѣній, убѣжденій и вѣрованій, за исключеніемъ его таланта. Всю свою премудрость почерпаютъ молодые рецензенты изъ этой могилы, но тамъ уже тлѣніе! Жизнь расцвѣтаетъ новая. Наши поколѣнія повреждены болѣе или менѣе отъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, и намъ надо позаботиться о поколѣніяхъ слѣдующихъ, предохранить ихъ отъ несчастнаго, отсталаго, низкаго фетишизма, коимъ задерживается развитіе» (Барсуковъ, XVIII, 353—354).

Послѣ этой статьи, осмѣянной, кстати сказать, Минаевымъ въ его «Спичѣ фетишистамъ» (см. «Думы и пѣсни» Д. Д. Ми-

наева, т. II. Спб. 1864), Погодинъ при всякомъ случаѣ задѣваетъ Бѣлинскаго и его поклонниковъ. Въ 1862 году путешествіе на Уралъ навѣяло на Погодина, между прочимъ, слѣдующія мысли: «Сибирякамъ нужно правильное ученіе, основательное образованіе, — и вотъ о чемъ должно позаботиться ученое начальство. Оборони ихъ Богъ отъ критики Бѣлинскаго, христоматій Галахова и диссертацій Чернышевскаго, отъ всей этой дребедени, которая завладѣла, хоть, разумѣется, до перваго умнаго начальника, почти всѣми гимназіями по сю сторону Урала (Барсуковъ, XIX, 370) [1]. Въ слѣдующемъ году, въ своемъ разсужденіи о свв. Кириллѣ и Меѳодій, прочитанномъ въ публичномъ засѣданіи Общества любителей россійской словесности, Погодинъ вставилъ такую фразу: «У насъ не переводятся клики, съ нелегкой руки Бѣлинскаго, находящіе многихъ послѣдователей и даже поклонниковъ, которыми провозглашается во всеуслышаніе, что у русскихъ нѣтъ исторіи, нѣтъ предковъ, нѣтъ языка, нѣтъ поэзіи, нѣтъ литературы, нѣтъ права, нѣтъ никакого искусства, все заимствованное, чужое, краденое» (Барсуковъ, XXI, 264).

Въ 1868 году Погодинъ издаетъ газету «Русскій» и, между прочимъ, помѣщаетъ въ ней (№№ 114—116) статью «Полевой и Бѣлинскій», авторъ которой, старый писатель и педагогъ Кулжинскій, въ своихъ взглядахъ на Бѣлинскаго, оказался солидарнымъ съ Ксен. Полевымъ и извѣстнымъ ретроградомъ Аскоченскимъ, изображавшимъ великаго русскаго критика врагомъ религіи, нравственности и отечества. «Это былъ—говоритъ Кулжинскій о Бѣлинскомъ—талантъ, хотя худо образованный, не укрѣпленный здравой наукой и — что всего хуже—не согрѣтый святой вѣрой, но все-таки талантъ замѣчательный,—скорописецъ и краснописецъ,

[1]) Такого «умнаго начальника» русскія гимназіи пріобрѣли въ 1866 году въ лицѣ министра народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстого, который, въ противоположность своему предмѣстнику, Головнину, относился къ Бѣлинскому съ безпримѣрнымъ презрѣніемъ и ненавистью. При посѣщеніи учебныхъ заведеній онъ называлъ его «шелопаемъ», «шарлатаномъ», «прохвостомъ, выгнаннымъ изъ университета», срывалъ со стѣнъ его портреты и приказывалъ выбрасывать его сочиненія изъ книжныхъ шкафовъ. Но и гр. Толстому, при всей его энергіи, не удалось очистить русскихъ гимназій отъ «тлетворнаго» вліянія Бѣлинскаго, сочиненія котораго, по выраженію Страхова, составляли «настольную книгу каждаго учителя русской словесности въ каждой русской гимназіи».

увлекательный софистъ, предпріимчивый и смѣлый, неутомимый, ловкій и бойкій». Упомянувши, что *«Бѣлинскій писалъ по заказу и по найму»* и что онъ при этомъ «безпрестанно *отрицалъ*», Кулжинскій особенно возмущается письмомъ къ Гоголю и находящимися тамъ «ужасными мыслями» о Византіи и о «попахъ». «Ахъ, какого даровитаго человѣка погубили несчастное воспитаніе и журнальная торговля!»—съ сокрушеннымъ сердцемъ восклицаетъ старый учитель Гоголя въ нѣжинской гимназіи. Защитивши отъ нападковъ Бѣлинскаго Византію и русское духовенство, Кулжинскій въ концѣ своей статьи дѣлаетъ такое заявленіе: «Сочиненія Бѣлинскаго... для знатоковъ русской литературы безполезны, а для учащейся молодежи вредны, потому что построены, большею частью, безъ логическаго основанія и испещрены софизмами и парадоксами».

Въ слѣдующемъ году, возмущенный воспоминаніями Тургенева о Бѣлинскомъ, Погодинъ снова собрался въ походъ противъ своего стараго врага. «Прочелъ вчера — писалъ онъ кн. Вяземскому 7 апрѣля 1869 года — статью Тургенева о Бѣлинскомъ. Онъ съ Бурбонами, кажется, ничего не узналъ и ничего не забылъ, заматорѣвши въ лѣтахъ зрѣлыхъ! Надо непремѣнно возразить ему. Сколько разъ закаивался я вступать въ полемику журнальную,—но, воля ваша, такихъ вещей нельзя оставлять безъ протеста, особенно теперь!» А въ какомъ духѣ была задумана полемика съ Тургеневымъ, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ словамъ Погодина: «Я спрошу Тургенева: всякое древо отъ плодовъ его познается. Какіе же плоды Бѣлинскаго? Дымъ!» («Старина и Новизна», IV, 94—95. Спб. 1901). Поощряемый кн. Вяземскимъ, Погодинъ рьяно принялся за работу, но потомъ охладѣлъ къ ней, и возраженіе его Тургеневу не появилось въ печати. Только четыре года спустя, подъ впечатлѣніемъ обличительныхъ воспоминаній Достоевскаго о Бѣлинскомъ, Погодинъ выступилъ въ «Гражданинѣ» 1873 года (№ 9) съ небольшей статьей «Къ характеристикѣ Бѣлинскаго».

Приведя изъ сочиненій великаго критика рядъ цитатъ, гдѣ высказаны его первоначальные религіозные взгляды Погодинъ заявляетъ: «Лучше, выразительнѣе, горячѣе этихъ *трепетныхъ* словъ о христіанскомъ ученіи, о блаженствѣ истиннаго христіанина, объ обязанности его содѣйствовать распространенію святыхъ завѣтовъ евангелія, о величіи Божіемъ мудрено сказать кому бы то ни было!» Далѣе Погодинъ выражаетъ удивленіе, какимъ образомъ авторъ

такихъ прекрасныхъ мыслей о религіозныхъ вопросахъ могъ превратиться въ отчаяннаго нигилиста, какимъ Бѣлинскій изображенъ въ воспоминаніяхъ Достоевскаго. Онъ допускаетъ перемѣну убѣжденій, но «изъ пламеннаго христіанина дѣлаться отчаяннымъ безбожникомъ и пропагандистомъ,—это—по словамъ Погодина—ни съ чѣмъ несообразно и не имѣетъ себѣ примѣра нигдѣ». Сославшись на мнѣніе Юрія Самарина о «несчастной воспріимчивости» Бѣлинскаго, приведя еще одинъ примѣръ его «безотчетнаго прыганья отъ одного мнѣнія къ другому» (отношеніе къ Ж. Сандъ), повторивши свое прежнее заявленіе о несправедливомъ отношеніи Бѣлинскаго къ Хомякову и Языкову, потому что «они принадлежали къ другому приходу», — Погодинъ продолжаетъ: «Это былъ человѣкъ въ высшей степени увлекавшійся, который говорилъ нынче одно, а завтра другое, подвергаясь вліянію того, о чемъ ему нынче и завтра слышать или что взять на прокатъ случалось, и вотъ, щеголяя въ чужихъ платьяхъ какъ въ своихъ, онъ былъ послѣдовательно, безъ всякихъ заднихъ мыслей, христіаниномъ, атеистомъ, радикаломъ, соціалистомъ, восточникомъ, западникомъ, нигилистомъ и всѣмъ чѣмъ угодно, смотря по погодѣ, оправдывая пословицу о семи пятницахъ на недѣлѣ». Въ концѣ своей статьи Погодинъ указываетъ и нѣкоторыя достоинства Бѣлинскаго и старается объяснить необыкновенный успѣхъ его сочиненій. «Это былъ человѣкъ пылкій и талантливый, съ знаніемъ языка, искусствомъ писать, который объ чемъ бы ни заговорилъ, говорилъ съ жаромъ, увлеченіемъ, вѣря въ истину своихъ словъ, и принадлежалъ къ ряду Донъ-Кихотовъ, которымъ нельзя иногда не симпатизировать, но за которыми смѣшно слѣдовать въ ихъ ежедневныхъ экскурсіяхъ и ежемѣсячныхъ сальтомorталяхъ! Обаяніе первыхъ поклонниковъ Бѣлинскаго въ Петербургѣ (въ Москвѣ онъ не имѣлъ никакого значенія), кадетовъ, гимназистовъ, семинаристовъ, студентовъ, основателей его славы, которые потомъ сдѣлались учителями, инспекторами и директорами, можно объяснить обстоятельствами того времени, когда живой голосъ и притомъ голосъ отрицательный былъ въ диковинку, но продолжающееся до сихъ поръ у многихъ учителей безусловное уваженіе къ словамъ Бѣлинскаго, при всемъ ихъ взаимномъ противорѣчіи, можно объяснить только низкимъ уровнемъ нашего образованія, преимущественно педагогическаго».

Констатировавши на закатѣ своихъ дней, что даже такой «умный начальникъ», какъ гр. Д. Толстой, оказался не въ силахъ

выкурить духъ Бѣлинскаго изъ средней школы, Погодинъ только и могъ изливаться въ негодующихъ жалобахъ на зараженную «нигилизмомъ» молодежь, которая признавала своими учителями Бѣлинскаго и его учениковъ. «Посмотрите на себя—говоритъ онъ этой молодежи въ своей книгѣ «Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ»:—Кто вы такіе? Что вы? Гдѣ учились? Что читали? Какъ провели жизнь? Что сдѣлали до сихъ поръ? Что испытали? Что имѣете за собою въ нравственномъ, умственномъ смыслѣ? Укажите мнѣ какую-нибудь новую мысль о наукѣ, искусствѣ, человѣкѣ, государствѣ, политикѣ; даже у своихъ учителей: Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Писарева.... Полевой роди Бѣлинскаго, какъ выразился вѣрно М. А. Дмитріевъ, Бѣлинскій роди Чернышевскаго, воздавшаго ему за то апотеозомъ, Чернышевскій роди Писарева, который дошелъ до-нельзя, до нелѣпостей. а вы парафразируете и пересказываете ихъ докучную сказку» (Изд. 2-е. М. 1874. Отдѣленіе третье, с. 140). Можно еще упомянуть, что въ самомъ концѣ своей жизни Погодинъ былъ сильно возмущенъ книгой Пыпина «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ» (Спб. 1873), гдѣ дѣятельность Бѣлинскаго была признана несравненно болѣе цѣнной, чѣмъ дѣятельность Шевырева и Погодина. и гдѣ, между прочимъ, было сказано, что Бѣлинскій, «конечно, былъ несравненно болѣе *образованнымъ* человѣкомъ, чѣмъ, напримѣръ, писатели «Москвитянина». «Началъ писать о Пыпинѣ и Бѣлинскомъ—сообщалъ Погодинъ кн. Вяземскому 13 мая 1874 года:—но такъ увлекся, что написалъ много, а конца еще не видать» («Старина и Новизна», IV, 107. Въ печать это возраженіе Погодина не попало).

Шевыревъ также не измѣнилъ своихъ прежнихъ чувствъ по отношенію къ Бѣлинскому и своихъ прежнихъ взглядовъ на его литературную дѣятельность. Реабилитація великаго критика, начавшаяся съ легкой руки Чернышевскаго, который, кстати сказать, въ своихъ «Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы» вышутилъ и осмѣялъ Шевырева,—въ глазахъ послѣдняго была въ высшей степени вреднымъ и преступнымъ дѣломъ, и онъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ бороться съ этимъ зломъ, но, къ сожалѣнію, не путемъ печати, какъ приглашалъ его кн. Вяземскій, а посредствомъ.... доносовъ. Иное названіе трудно подыскать для его письма (отъ 9 декабря 1857 года) къ кн. Вяземскому, бывшему тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Въ этомъ письмѣ сначала сообщается, что правленіе Мо-

сковскаго университета рѣшило отдать университетскую типографію и «Московскія Вѣдомости» на откупъ Евгенію и Валентину Коршамъ, издателямъ «Атенея», затѣмъ приводится мнѣніе Бабста о Бѣлинскомъ, и далѣе слѣдуютъ такія строки: «Если вы согласны съ этою мыслію и желаете распространить въ Россіи племя такихъ *учителей* какъ Бѣлинскій вмѣстѣ съ его *ученіемъ*, то отдайте силу университетской типографіи и [Московскихъ] Вѣдомостей издателямъ «Атенея». Этотъ новый откупъ составитъ также эпоху въ исторіи Московскаго университета и русскаго просвѣщенія, только совершенно противоположную первой: первая воспитала Карамзина и все поколѣніе писателей, изъ которыхъ вы теперь старшій; вторая утысящеритъ Бѣлинскихъ въ нашемъ отечествѣ, и вы будете виновникомъ этого размноженія. На васъ ляжетъ отвѣтственность передъ всѣми вашими литературными предками. Я же рѣшился писать къ вамъ это письмо, чтобы снять съ себя передъ ними и потомками отвѣтственность, что при этомъ случаѣ не подалъ вамъ искренняго своего голоса и не вступился за будущее отечества» («Старина и Новизна», IV, 167).

V. Славянофилы.

Московскіе славянофилы, которыхъ Бѣлинскій въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ почти отождествлялъ въ идейномъ отношеніи съ редакціей «Москвитянина», также принадлежали къ числу ожесточенныхъ враговъ нашего великаго критика и проявляли свою вражду при каждомъ удобномъ случаѣ. Эта вражда, какъ и въ исторіи съ Полевымъ, явилась на смѣну тѣсной дружбы, которая въ тридцатыхъ годахъ связывала Бѣлинскаго съ типичнѣйшимъ представителемъ славянофильства, съ *Константиномъ Аксаковымъ*. Товарищи по Московскому университету, члены кружка Станкевича, Бѣлинскій и Аксаковъ были солидарны почти во всѣхъ вопросахъ, волновавшихъ тогдашнюю русскую молодежь. Тѣсная дружба съ К. Аксаковымъ открыла Бѣлинскому и двери московскаго дома Аксаковыхъ, гдѣ онъ былъ принятъ, какъ родной. Аксаковы принимали близко къ сердцу матеріальныя нужды Бѣлинскаго и старались ему помочь чѣмъ только могли. Они ссужали его деньгами; благодаря стараніямъ *С. Т. Аксакова* типографія Степанова напечатала въ кредитъ грамматику Бѣлинскаго. Наконецъ, въ качествѣ директора Константиновскаго межевого института, старикъ Аксаковъ предоставилъ

Бѣлинскому въ 1838 году уроки русскаго языка и, аттестовавши его «отличныя способности къ преподаванію», готовъ былъ устроить бездипломнаго студента постояннымъ учителемъ въ институтѣ (См. «Русскую Старину» 1900 г., № 4).

Рѣзкія выходки молодого Бѣлинскаго сильно не нравились старшему поколѣнію Аксаковыхъ, и онъ впослѣдствіи сталъ избѣгать встрѣчъ съ родителями своего друга, но съ самимъ Константиномъ Аксаковымъ дружба продолжалась, хотя и не безъ размолвокъ, до 1841 года. Между прочимъ, въ Московскомъ Наблюдателѣ» 1839 года (№ 1) К. Аксаковъ напечаталъ цѣлую статью по поводу грамматики Бѣлинскаго, гдѣ было отмѣчено «много вѣрныхъ и прекрасныхъ замѣчаній». Вообще, К. Аксаковъ призналъ книгу своего друга «замѣчательной по своей прекрасной цѣли — построить грамматику не по внѣшнимъ различіямъ, какъ это было до сихъ поръ, но по законамъ разума («Филологическія сочиненія» К. Аксакова, II, 16. М. 1880). «Константинъ Аксаковъ—писалъ Бѣлинскій Панаеву 19 августа 1839 года —со мной какъ нельзя лучше. Его участіе ко мнѣ иногда трогаетъ меня до слезъ. Невозможно быть расположеннѣе и деликатнѣе, какъ онъ со мною. Славный, чудный человѣкъ!» (Панаевъ, 378).

Послѣ переселенія Бѣлинскаго въ Петербургъ друзья продолжали еще переписываться въ очень дружескомъ тонѣ, но когда великій критикъ проклялъ свое прежнее примиреніе съ «гнусной *рассейской* дѣйствительностью», дружба прекратилась. По свидѣтельству Ивана Аксакова, въ началѣ 1841 года его братъ получилъ отъ Бѣлинскаго письмо, «преисполненное самыхъ грубыхъ, неистовыхъ, циническихъ ругательствъ на Россію и русскаго человѣка и самоувѣренной похвальбы, что въ этомъ его новомъ отношеніи къ русской народности заключался *новый моментъ развитія*, высшая точка зрѣнія, истинное разумѣніе дѣйствительности. Со свойственнымъ ему остервенѣніемъ искренности, Бѣлинскій мялъ и топталъ безпощадно то, чему еще недавно самъ поклонялся, глумился надъ Москвою и надъ *новымъ направленіемъ*, которое уже возникало и созрѣвало въ Константинѣ Сергѣевичѣ. Это было каплею, переполнившею сосудъ. Константинъ Сергѣевичъ отвѣчалъ рѣзкимъ короткимъ письмомъ и разрывъ совершился» (Сочиненія И. С. Аксакова, VII, 582—583. М. 1887). Когда осенью 1841 года Гоголь пріѣхалъ въ Москву, настроеніе Аксаковыхъ по отношенію къ Бѣлинскому было столь враждебно, что авторъ «Мертвыхъ Душъ» долженъ былъ скрывать свои сношенія съ

недавнимъ другомъ Константина Аксакова. «Въ это время—говоритъ С. Т. Аксаковъ—мы всѣ уже терпѣть не могли Бѣлинскаго, переѣхавшаго въ Петербургъ для сотрудничества въ изданіи «Отеч. Записокъ» и обнаружившаго гнусную враждебность къ Москвѣ, къ русскому человѣку и ко всему нашему русскому направленію» («Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», с. 54. М. 1890). Кольцовъ еще въ концѣ 1840 года сообщалъ Бѣлинскому, что старикъ Аксаковъ отзывался о немъ, «какъ о человѣкѣ самомъ негодномъ» (Кольцовъ, 224).

Вражда Аксаковыхъ къ Бѣлинскому усилилась еще больше въ 1842 году. Когда вышли «Мертвыя Души», съ такимъ восторгомъ встрѣченныя Бѣлинскимъ, К. Аксакову показалось, что критикъ «Отеч. Записокъ» «далеко не понимаетъ» этого геніальнаго произведенія, и онъ напечаталъ о романѣ Гоголя небольшую брошюру, въ которой оказались, между прочимъ, такія смѣлыя выраженія: «древній эпосъ возстаетъ передъ нами», «въ поэмѣ Гоголя является намъ... древній, гомеровскій эпосъ», «въ отношеніи къ акту творчества, въ отношеніи къ полнотѣ самаго созданія—Гомера и Шекспира, и только Гомера и Шекспира ставимъ мы рядомъ съ Гоголемъ». На основаніи приведенныхъ заявленій Бѣлинскій сдѣлалъ выводъ, что, по мнѣнію Аксакова, «міръ имѣетъ теперь новую «Иліаду», т.-е. «Мертвыя Души», и новаго Гомера, т.-е Гоголя», и что Гоголь выше и Пушкина, и Гете, и Шиллера, и Байрона, и Сервантеса, и Данта. При всемъ своемъ уваженіи къ личнымъ качествамъ К. Аксакова, Бѣлинскій счелъ нужнымъ вышутить такое «идолопоклонство», не называя автора брошюры по имени изъ чувства «гуманной деликатности» (Бѣлинскій, VII, 286—292). Раздраженный Аксаковъ отвѣтилъ Бѣлинскому статьей въ «Москвитянинѣ» (1842 г., № 9. Перепечатана въ сборникѣ Зелинскаго «Русская критическая литература о произведеніяхъ Гоголя», ч. II), гдѣ заявилъ, что рецензія Бѣлинскаго наполнена «выдумками» по поводу его брошюры, что «это совершенная неправда», будто онъ называетъ «Мертвыя Души» «Иліадой», а Гоголя — Гомеромъ и ставитъ Гоголя рядомъ съ Гомеромъ и Шекспиромъ безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій. Подобно Бѣлинскому Аксаковъ не удержался и отъ колкостей по адресу своего противника. Онъ посовѣтовалъ Бѣлинскому, слабо владѣвшему нѣмецкимъ языкомъ, прочитать «Объ эстетическомъ воспитаніи» Шиллера «хоть во французскомъ переводѣ»; онъ отмѣтилъ его «опытность въ журнальномъ дѣлѣ» по части выду-

мыванія и приписыванія своимъ противникамъ «смѣшныхъ нелѣпицъ»; наконецъ, онъ заявилъ, что отнынѣ для него нѣтъ никакой разницы между Отеч. Записками» и другими петербургскими журналами.

Само собой разумѣется, Бѣлинскій не остался въ долгу и, въ своемъ «Объясненіи на объясненіе [Аксакова] по поводу поэмы Гоголя «Мертвыя Души», не только не призналъ своихъ прежнихъ заявленій «выдумками», но еще рѣзче подчеркнулъ парадоксальность и комизмъ брошюры Аксакова и еще больше наговорилъ колкостей по его адресу. Въ брошюрѣ Аксакова, по заявленію Бѣлинскаго, «нѣтъ ни одной яркой мысли, ни одного теплаго задушевнаго слова, которыми ознаменовываются первыя и даже самыя неудачныя попытки талантливыхъ и пылкихъ молодыхъ людей... въ ея изложеніи видна какая-то вялость, расплывчатость. апатія, неопредѣленность и сбивчивость». «Брошюра его—это такая смѣсь несвязанныхъ между собою... не мыслей, а скорѣе *недомысловъ*», что трудно понять, что хотѣлъ сказать авторъ, «тѣмъ болѣе, что онъ, кажется, самъ себя не совсѣмъ понимаетъ». «Подобныя фантасмагоріи празднаго воображенія и пустого философствованія», по мнѣнію Бѣлинскаго, могли появиться въ печати только вслѣдствіе «сильнаго желанія отличиться чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ въ литературѣ». Кромѣ того Бѣлинскій обзываетъ Аксакова Маниловымъ, колетъ его неудачнымъ стихотворствомъ, крайнимъ націонализмомъ и т. п. (Бѣлинскій, VII, 424—446). Легко представить, какое негодованіе было вызвано въ семьѣ Аксаковыхъ статьями Бѣлинскаго, который осмѣлился осмѣять общаго любимца славянофиловъ. Дальнѣйшая полемика съ «Москвитяниномъ» и новые выпады Бѣлинскаго противъ славянофильства только подливали масла въ огонь. «Семейство Аксаковыхъ—писалъ Грановскій Кетчеру въ 1845 году—буквально плачетъ о погибели народности, семейной нравственности и православія, подрываемыхъ «Отеч. Записками» и ихъ *гнусной партіей*», во главѣ которой ставился, конечно, Бѣлинскій (Грановскій, II, 464). Ненависть старика Аксакова къ Бѣлинскому доходила до такой степени, что въ 1846 году онъ счелъ себя ужасно оскорбленнымъ тѣмъ, что «калужская губернаторша» А. О. Смирнова принимала въ своемъ домѣ великаго критика вмѣстѣ съ его, Аксакова, сыномъ Иваномъ.

Что касается *Ивана Аксакова*, то онъ раздѣлялъ семейную ненависть къ Бѣлинскому, но послѣ встрѣчъ съ нимъ въ Калугѣ

у Смирновой неожиданно выступилъ даже его защитникомъ передъ своимъ отцомъ. «Разсужденія Бѣлинскаго объ искусствѣ и жизни я не заблагоразсудилъ прочитать», пишетъ 20-лѣтній Аксаковъ отцу въ 1844 году. Въ другомъ письмѣ того же года онъ пишетъ, что не желаетъ, чтобы его считали раздѣляющимъ мысли Бѣлинскаго [1]). Въ 1846 году при первыхъ встрѣчахъ съ Бѣлинскимъ въ Калугѣ онъ обходится съ нимъ «холодно и сухо». «Когда онъ изъявилъ мнѣ—сообщаетъ Аксаковъ отцу—желаніе побесѣдовать со мною о многомъ, я отвѣчалъ довольно сухо, что я считаю это лишнимъ, что его убѣжденія мнѣ извѣстны, и что мы другъ друга не переубѣдимъ». Но бесѣда все-таки состоялась, и собесѣдники остались довольны другъ другомъ. «Въ Калугѣ столкнулся я съ Иваномъ Аксаковымъ. Славный юноша! Славянофилъ, а такъ хорошъ, какъ будто никогда не былъ славянофиломъ». Такъ писалъ Бѣлинскій Герцену изъ Одессы 4 іюля 1846 года. («Рус. Мысль» 1891 г., № 1, с. 23). А Иванъ Аксаковъ въ письмѣ къ отцу отъ 1 іюня того же года оправдываетъ Смирнову за то, что она принимала Бѣлинскаго. «Почему—говоритъ онъ—не удостоить Бѣлинскаго разговоромъ, его, человѣка умнаго и талантливаго, когда она сплошь да рядомъ удостоиваетъ разговора графовъ Ш—выхъ, А—хъ, С—а, Н—ва, очень многихъ изъ нихъ любитъ; а Бѣлинскій, согласитесь, стоитъ выше ихъ; по крайней мѣрѣ вся жизнь, вся дѣятельность этого человѣка прошла не въ пошлыхъ интересахъ. Убѣжденія свои мѣнялъ онъ часто, но всегда дѣйствовалъ по увлеченію и убѣжденію. Я не люблю Бѣлинскаго, но надо быть безпристрастнымъ. Къ тому же Бѣлинскій, по крайней мѣрѣ при мнѣ, не сказалъ ни одного дерзкаго слова, ни одного неприличнаго выраженія, ни одной цинической выходки или шутки» («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», I, 100, 136, 333, 338. М. 1888).

Такимъ образомъ, Иванъ Аксаковъ оказался по отношенію

---

[1]) «Калайдовичъ... спросилъ меня: «можно ли прочесть это [мистерію Аксакова «Жизнь чиновника»] Бѣлинскому?» Я отвѣчалъ: «рѣшительно нѣтъ, ибо Бѣлинскій можетъ подумать, пожалуй, что я придерживаюсь его мыслей, а я этого совсѣмъ не хочу». И Калайдовичъ на это отвѣчалъ, что придерживаться мыслей такого человѣка, каковъ Бѣлинскій,—достоинство и пр.!» («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», I, 136. М. 1888). Это тотъ самый Калайдовичъ (братъ извѣстнаго археографа), о грамматикѣ котораго Бѣлинскій далъ въ 1834 году крайне неодобрительный отзывъ

къ Бѣлинскому гораздо терпимѣе своего отца и старшаго брата, который воспользовался въ 1847 году случаемъ свести старые счеты съ «неистовымъ Виссаріономъ». Въ «Московскомъ сборникѣ» 1847 года онъ напечаталъ подъ псевдонимомъ Имрекъ «Три критическихъ статьи», въ одной изъ которыхъ разбирается «Петербургскій сборникъ» Некрасова, гдѣ были помѣщены «Мысли и замѣтки о русской литературѣ» Бѣлинскаго. Аксаковъ уличаетъ Бѣлинскаго въ невѣжествѣ по части русской исторіи, а его разсужденія обзываетъ «болтовней, повтореніемъ столько разъ повторявшейся болтовни о русской литературѣ» (сс. 43—44).

Другіе представители московскихъ славянофиловъ относились къ Бѣлинскому такъ же враждебно, какъ и Аксаковы, тѣмъ болѣе, что онъ не упускалъ случая такъ или иначе задѣвать несимпатичное ему направленіе и главныхъ его вождей. Въ *Хомяковѣ*, напримѣръ, Бѣлинскій не признавалъ истиннаго поэта. Въ 1841 году о драмахъ его «Дмитрій Самозванецъ» и «Ермакъ» было сказано, что въ нихъ русскаго духу слыхомъ не слыхать, видомъ не видать, что дѣйствующія въ нихъ лица не что иное, какъ «нѣмцы и французы въ маскарадѣ, съ накладными бородами и въ длиннополыхъ кафтанахъ» (Бѣлинскій VI, 301, 434). А о стихотвореніяхъ Хомякова въ обзорѣ русской литературы 1841 года говорится, что у него, такъ же какъ у Языкова, нѣтъ «ни одного русскаго слова, ни одного русскаго выраженія, на которое отозвалась бы русская душа, или въ которомъ отозвалась бы русская душа». Особенно достается Хомякову въ обзорѣ русской литературы 1844 года за то, что онъ «рѣшился посвятить свои посильные труды на гимны старой, допетровской Руси» и въ своихъ «фразистыхъ стопахъ» «замѣняетъ вкусъ, жаръ чувства и основательность идеи завлекательными для неопытныхъ людей софизмами ума и чувства». Вообще, изъ всѣхъ славянофиловъ Бѣлинскій менѣе всѣхъ цѣнилъ и уважалъ Хомякова. «Хомяковъ—писалъ онъ Боткину въ началѣ 1843 года—это изящный, образованный, умный И. А. Хлестаковъ, человѣкъ безъ убѣжденія—человѣкъ безъ царя въ головѣ». (Пыпинъ, 435). А въ письмѣ къ Герцену отъ 4 іюля 1846 года Хомяковъ названъ даже «безталаннымъ ерникомъ».

Разумѣется, и Хомяковъ не могъ питать нѣжныхъ чувствъ ни къ идеямъ, ни къ личности Бѣлинскаго. Вотъ, напримѣръ, его отзывъ о возраженіи Бѣлинскаго на брошюру К. Аксакова: «Что за глупый народъ! У нихъ на одномъ ряду Сервантесъ, Байронъ,

Жоржъ-Зандъ и Беранже... «Отеч. Записки» [т.-е. — Бѣлинскій, см. его сочиненія, VII, 287] говорятъ: Гоголь зарожденъ Вальтеръ Скоттомъ; безъ Вальтеръ Скотта онъ былъ бы невозможенъ. Это просто безсмыслица. Ничего общаго нѣтъ между ними» (Письма Хомякова, 437—438. М. 1900). Изъ одного письма Н. Ф. Павлова къ кн. В. Ѳ. Одоевскому извѣстно, что философскія разсужденія Бѣлинскаго Хомяковъ называлъ «сумбуромъ» («Рус. Стар.» 1904 г., № 4, с. 201). Задѣвалъ Хомяковъ Бѣлинскаго и печатно, не называя, впрочемъ, по имени. Такъ, въ статьѣ его «Мнѣніе русскихъ объ иностранцахъ», напечатанной первоначально въ «Московскомъ сборникѣ» 1846 года, можно найти такую фразу по адресу Бѣлинскаго: «можно согласиться со многими положеніями и догадками критика, оставляя въ сторонѣ его промахи по части художественной (напр., смѣшное названіе мелодраматическаго героя, данное пушкинскому Годунову, въ которомъ очевидно преобладаетъ эпическое начало»). Согласіе «со многими положеніями и догадками критика», это, конечно, было очень большой любезностью со стороны Хомякова, любезностью, къ которой Бѣлинскій не былъ пріученъ врагами.

Второй столпъ славянофильства, *Иванъ Кирѣевскій*, не могъ на первыхъ порахъ имѣть личныхъ поводовъ къ недовольству Бѣлинскимъ, который неоднократно и всегда очень сочувственно упоминалъ извѣстную его статью «Обозрѣніе русской словесности 1829 года». Но Кирѣевскій не могъ сочувствовать литературной дѣятельности Бѣлинскаго въ сороковыхъ годахъ и кромѣ того негодовалъ на него за отзывы объ Аксаковѣ, Хомяковѣ, Языковѣ, Баратынскомъ, Шевыревѣ и др. «Дошла рѣчь до «Отеч. Записокъ» и до Бѣлинскаго—записалъ Герценъ въ своемъ дневникѣ 23 ноября 1842 года:—Кирѣевскій отозвался съ негодующимъ презрѣніемъ», въ то время какъ мать его, А. П. Елагина, недовольная «славянобѣсіемъ сыновей», оказалась на сторонѣ Герцена (Герценъ, VI, 38, ср. 36). Свое нерасположеніе къ Бѣлинскому Ив. Кирѣевскій высказалъ и печатно въ 1845 году, когда онъ на нѣкоторое время взялъ въ свои руки изданіе погодинскаго «Москвитянина». Въ его статьѣ «Обозрѣніе современнаго состоянія русской литературы» Бѣлинскій задѣвается въ лицѣ «Отеч. Записокъ». «Часто мѣняя свой образъ мыслей,—говоритъ Кирѣевскій—онѣ постоянно остаются вѣрными одной заботѣ: выражать собою самую модную мысль, самое новое чувство изъ литературы западной». Но въ усвоеніи этихъ модныхъ мыслей «Отеч.

Записки» всегда запаздываютъ и потому «проповѣдуютъ системы уже устарѣвшія». «Онѣ—читаемъ мы дальше—стремятся унизить всѣ наши извѣстности, стараясь уменьшить литературную репутацію Державина, Карамзина, Жуковскаго, Баратынскаго, Языкова, Хомякова и на мѣсто ихъ превозносятъ И. Тургенева и А. Майкова». Въ библіографическомъ отдѣлѣ Кирѣевскій выразился еще сильнѣе и уже прямо противъ Бѣлинскаго, имѣя въ виду его послѣднюю статью о Баратынскомъ. «Въ послѣднее время—говоритъ Кирѣевскій о Баратынскомъ—писалъ онъ особенно мало и еще менѣе былъ понятъ и оцѣненъ монополистами литературныхъ мнѣній, самодовольными журнальными судьями, которые часто полурусскимъ языкомъ произносили приговоръ свой надъ его образцовыми, глубоко прочувствованными стихами, часто по указанію ученическихъ тетрадей, разбирали, щупали, ломали его нѣжныя, художническія созданія и, можетъ быть, изъ добраго намѣренія, давали ему свои назидательные совѣты и наставленія» (Сочиненія И. В. Кирѣевскаго, II, 49—53, 201. М. 1861). Что касается Бѣлинскаго, то онъ смотрѣлъ на братьевъ Кирѣевскихъ глазами своихъ друзей Грановскаго и Герцена. «Я не знаю Кирѣевскихъ—писалъ онъ Кавелину въ концѣ 1847 года—но, судя по разсказамъ Грановскаго и Герцена, это фанатики, полупомѣшанные (особенно Иванъ), но люди благородные и честные» (Рус. Мысль 1892 г. № 1, с. 123).

Наиболѣе серьезнымъ литературнымъ противникомъ Бѣлинскаго изъ среды славянофиловъ былъ *Юрій Самаринъ*. Въ ранней молодости Самаринъ, по собственному его заявленію, «вполнѣ сочувствовалъ, какъ по философскимъ, такъ и по литературнымъ взглядамъ», тому кружку молодыхъ людей, который группировался вокругъ Бѣлинскаго въ «Московскомъ Наблюдателѣ». Онъ собирался даже напечатать въ этомъ журналѣ статью о Вертерѣ. И позже, въ сороковыхъ годахъ, прежде чѣмъ окончательно подпасть подъ вліяніе Хомякова, Самаринъ поддерживалъ сношенія съ западниками и встрѣчался въ Петербургѣ съ Бѣлинскимъ, о чемъ даже рѣшался сообщать К. Аксакову (Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина, т. V, сс. XXXVI и LXXXVII. М. 1880). Окончательно разойдясь съ западниками, Самаринъ принялъ участіе въ полемикѣ съ антипатичнымъ для него направленіемъ въ русской наукѣ и литературѣ, напечатавъ въ 1847 г., за подписью М... З... К..., большую статью «О мнѣніяхъ Современника» («Москвитянинъ» 1847 г., № 2). Въ статьѣ своей Самаринъ, между прочимъ, полемизируетъ со взглядами Бѣлинскаго относительно «натуральной

школы» и особенно подробно и дѣльно защищаетъ отъ его не всегда основательныхъ нападковъ славянофильство. По заявленію Самарина Бѣлинскій произвольно приписалъ славянофиламъ рядъ «нелѣпыхъ мыслей», а именно слѣдующія: «Реформа Петра убила въ Россіи народность и всякій духъ жизни. Россія для своего спасенія должна обратиться къ нравамъ эпохи Кошихина или Гостомысла. Свойство смиренія есть русское національное начало. Любовь есть національное начало, исключительно присущее славянскимъ племенамъ». «Встрѣчаются также—продолжаетъ Самаринъ—мысли совершенно справедливыя: это тѣ, которыми г. Бѣлинскій возражаетъ славянофиламъ, также произвольно, потому что нѣкоторыя изъ этихъ мыслей они первые пустили въ ходъ, а другихъ никогда не думали отвергать. Вотъ онѣ: Россія изжила эпоху преобразованія, и для нея настало время развиваться самобытно, изъ самой себя. Миновать эпоху преобразованія, перескочить за нее нельзя. Реформа Петра не могла быть случайна. Пора намъ перестать *казаться* и начать *быть*, пора уважать и любить только человѣческое и отвергать все, въ чемъ нѣтъ человѣческаго, будь оно европейское или азіатское. Крѣпкое политическое и государственное устройство есть ручательство за внутреннюю силу народа. Смиреніе и любовь суть свойства человѣческой природы вообще» (Сочиненія Самарина, I, 107—108. М. 1877).

Но прежде чѣмъ опровергать взгляды и мнѣнія Бѣлинскаго, Самаринъ далъ общую характеристику своего противника въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Онъ почти никогда не является самимъ собою и рѣдко пишетъ по свободному внушенію. Вовсе не чуждый эстетическаго чувства (чему доказательствомъ служатъ особенно прежнія статьи его), онъ какъ будто пренебрегаетъ имъ и, обладая собственнымъ капиталомъ, живетъ въ долгъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ явился на поприщѣ критики, онъ былъ всегда подъ вліяніемъ чужой мысли. Несчастная воспріимчивость, способность понимать легко и поверхностно, отрекаться скоро и рѣшительно отъ вчерашняго образа мыслей, увлекаться новизною и доводить ее до крайностей, держала его въ какой-то постоянной тревогѣ, которая наконецъ обратилась въ нормальное состояніе и помѣшала развитію его способностей. Конечно, заимствованіе само по себѣ не только безвредно, даже необходимо; бѣда въ томъ, что заимствованная мысль, какъ бы искренно и страстно онъ ни предавался ей, все-таки остается для него чужою: онъ не успѣваетъ претворить ее въ свое достояніе, усвоить себѣ глубоко, и

къ несчастью усваиваетъ настолько, что не имѣетъ надобности мыслить самостоятельно. Этимъ объясняется необыкновенная легкость, съ которою онъ мѣняетъ свои точки зрѣнія и мѣняетъ безплодно для самого себя, потому что причина перемѣнъ—не въ немъ, а внѣ его. Этимъ же объясняется его исключительность и отсутствіе терпимости къ противоположнымъ мнѣніямъ; ибо кто принимаетъ мысль на вѣру, легко и безъ борьбы, тотъ думаетъ такъ же легко навязать ее другимъ, и рѣдко признаетъ въ нихъ разумность сопротивленія, котораго не находилъ въ себѣ. Наконецъ, въ этой же способности увлекаться чужимъ заключается объясненіе его необыкновенной плодовитости. Собственный запасъ убѣжденій вырабатывается медленно, но когда этотъ запасъ берется уже подготовленный другими, въ немъ никогда не можетъ быть недостатка. Разумѣется, при такого рода дѣятельности, талантъ писателя не можетъ возрастать» (Самаринъ, I, 80—81).

Статья Самарина, по сравненію съ прежними статьями «Москвитянина», направленными противъ Бѣлинскаго, написана въ очень приличномъ тонѣ. Она заканчивается признаніемъ «неумышленности» ошибокъ Бѣлинскаго, происшедшихъ вслѣдствіе того, что онъ о славянофильствѣ «судилъ съ чужого голоса». Самаринъ даже благодаритъ Бѣлинскаго «за желаніе быть безпристрастнымъ, обнаруженное въ его статьѣ». Но самъ Бѣлинскій былъ сильно раздраженъ статьей Самарина и его высокомѣрно-вѣжливымъ тономъ. Онъ напечаталъ длинный и рѣзкій «Отвѣтъ Москвитянину», гдѣ называетъ своего противника «баричемъ, который изучалъ народъ черезъ своего камердинера и думаетъ, что любитъ его больше другихъ, потому что сочинилъ или принялъ на вѣру готовую о немъ мистическую теорію, который между служебными и свѣтскими обязанностями занимается также и литературой въ качествѣ диллетанта, и изъ году въ годъ высиживаетъ по статейкѣ, имѣя вдоволь времени показаться въ ней умнымъ, ученымъ и, пожалуй, талантливымъ». (Бѣлинскій, XI, 262. Изд. 1884 г.). Еще рѣзче отзывается Бѣлинскій о Самаринѣ въ письмахъ къ Кавелину. Онъ не хочетъ признать его даровитымъ человѣкомъ, онъ называетъ его умъ «парадоксальнымъ и безплоднымъ», онъ заявляетъ, что «отъ его статьи несетъ мерзостью», что по отношенію къ натуральной школѣ онъ «не лучше Булгарина» и т. д. Раздраженіе противъ Самарина Бѣлинскій перенесъ и на всѣхъ славянофиловъ, среди которыхъ онъ не

хочетъ видѣть «ни одного человѣка съ талантомъ». А за полтора года до этихъ отзывовъ тотъ же Бѣлинскій писалъ Герцену, что статья Самарина о «Тарантасѣ» гр. Соллогуба убѣдила его, что «можно быть умнымъ, даровитымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, будучи славянофиломъ» («Рус. Мысль» 1892 г., № 1, сс. 121—123; 1891 г., № 1, с. 23).

Послѣ смерти Бѣлинскаго, въ пятидесятыхъ годахъ и позже, славянофилы находили возможнымъ поддерживать дружескія сношенія съ такими западниками, какъ Тургеневъ, и даже совершать паломничества къ Герцену въ Лондонъ. Но отношеніе славянофиловъ къ Бѣлинскому нисколько не измѣнилось, оно продолжало быть такимъ же враждебнымъ и несправедливымъ, какъ и раньше. Не говоря уже о представителяхъ старшаго поколѣнія славянофиловъ, даже братья Аксаковы и Юрій Самаринъ оказались неспособными понять значеніе и заслуги Бѣлинскаго. По случаю столѣтняго юбилея Московскаго университета (12 января 1855 года) Константинъ Аксаковъ прочиталъ въ интимномъ кружкѣ свои студенческія воспоминанія и упомянулъ въ нихъ о кружкѣ Станкевича и о Бѣлинскомъ, но не удержался при этомъ, чтобы не ругнуть своего бывшаго друга. «Кружокъ Станкевича—говоритъ Аксаковъ—отличался самостоятельностью мнѣнія, свободною отъ всякаго авторитета; позднѣе эта свобода перешла въ буйное отрицаніе авторитета, выразившееся въ критическихъ статьяхъ Бѣлинскаго—слѣдовательно перестала быть свободою, а, напротивъ, стала отрицательнымъ рабствомъ... Бакунинъ не доходилъ при Станкевичѣ до крайнихъ безжизненныхъ и безумныхъ выводовъ мысли, а Бѣлинскій еще воздерживалъ при немъ свои буйныя хулы» («День» 1862 г., № 39). Юрій Самаринъ, по поводу восторженной оцѣнки Бѣлинскаго Герценомъ, вспомнилъ слова пушкинскаго Донъ-Жуана передъ статуей командора: «Какія плечи! что за Геркулесъ! А самъ покойникъ малъ былъ и тщедушенъ!» Тотъ же Самаринъ писалъ Герцену въ 1858 году: «Бѣлинскій проповѣдывалъ соціализмъ, и его никто не трогалъ» («Всемірный Вѣстникъ» 1905 г., № 9).

Бо́льшей справедливости и бо́льшаго безпристрастія по отношенію къ Бѣлинскому можно было бы ожидать отъ Ивана Аксакова, которому пришлось убѣдиться въ благотворномъ вліяніи сочиненій великаго критика. «Много я ѣздилъ по Россіи—писалъ онъ своимъ родителямъ 9 октября 1856 года:—имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому,

жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, которые бы не знали наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю... «Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ», говорятъ мнѣ вездѣ молодые честные люди въ провинціяхъ... Если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя, который полѣзъ бы на борьбу,—ищите таковыхъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго» («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», III, 290—291. М. 1892). И тѣмъ не менѣе тотъ же Аксаковъ въ только что цитированномъ письмѣ заявилъ, что Полевой и Бѣлинскій имѣли «вредное, дурное» вліяніе на русское общество.

Въ 1859 году, будучи редакторомъ «Русской Бесѣды», Иванъ Аксаковъ не хотѣлъ допустить въ статьѣ Соханской о Пушкинѣ цитатъ изъ статей Бѣлинскаго, а также выраженія «возвышенный критикъ». «Бѣлинскій—вразумлялъ онъ Соханскую въ длинномъ письмѣ отъ 5 августа 1859 года—былъ необыкновенно воспріимчивъ и талантливъ, но не имѣлъ вовсе твердыхъ убѣжденій, и мѣнялъ ихъ безпрерывно, оставаясь всякій разъ *вполнѣ* искреннимъ. Однажды онъ приходитъ къ брату [Константину Аксакову] и говоритъ: «подлецъ тотъ, кто не вѣритъ безсмертію души!» На другой день является и говоритъ: «тотъ мерзавецъ и проч., кто вѣритъ въ безсмертіе» [1]). Лучшая пора его дѣятельности въ «Московскомъ Наблюдателѣ». Потомъ онъ переѣхалъ въ Петербургъ и съ такою же страстью предался коммунизму, западничеству, неистовымъ ругательствамъ противъ славянофиловъ. Когда выйдутъ вполнѣ его сочиненія, вы поразитесь постояннымъ противорѣчіемъ его проповѣдей. Ни одного господствующаго начала вы не выведете изъ нихъ. Тѣмъ не менѣе стремленія его были всегда чисты, честны, безкорыстны, и онъ много пустилъ въ оборотъ мыслей, много способствовалъ развитію эстетическаго пониманія, ибо все, даже чужое, имъ временно усваиваемое, было высказываемо горячо, талантливо и съ полною на *ту пору* искренностью. Но строгости мысли у него не было, и потому именно, что увлекался, ему случалось говорить великолѣпнѣйшую дичь. Напр., онъ сказалъ о Мадоннѣ Рафаэля въ Дрезденской

[1]) Достаточно прочесть воспоминанія Тургенева о Бѣлинскомъ, чтобы усомниться въ заявленіи Аксакова.

галлереѣ, что это «le sublime du *comme il faut*». Возмутительнѣйшее слово. Если онъ сдѣлалъ пользу, то можетъ быть еще болѣе вреда. Въ провинціяхъ его чтутъ, какъ идола, и я встрѣчалъ многихъ учителей провинціальныхъ гимназій, у которыхъ знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю лежитъ будто Евангеліе. Всѣ эти явленія очень хорошо объясняются съ исторической точки зрѣнія, они имѣютъ свое законное мѣсто въ исторіи, но тѣмъ не менѣе мы—«Бесѣда»—выставивъ знамя христіанской Истины—находимся въ борьбѣ съ поклонниками, со школой Бѣлинскаго. Цитировать Бѣлинскаго «Бесѣдѣ» нельзя просто. Такая цитата можетъ заставить подумать, что мы признаемъ его авторитетъ и въ томъ, *чѣмъ* онъ особенно извѣстенъ, *въ чемъ* собственно и далъ себя знать публикѣ... Выраженіе же «[illegible] критикъ» странно и слышать отъ васъ о человѣкѣ, прославившемся своими нападками на христіанство, семью и русскую народность» («Рус. Обозрѣніе» 1897 г., № 2, сс. 591—2).

Позже, будучи редакторомъ-издателемъ «Москвы», Иванъ Аксаковъ допустилъ въ 1867 году назвать сочиненія Бѣлинскаго «недоваренными объѣдками чужихъ мыслей». Впослѣдствіи, правда, Аксаковъ отзывался о Бѣлинскомъ нѣсколько лучше. Въ 1874 г., въ біографіи Тютчева, онъ считаетъ заслугой Бѣлинскаго «въ лучшую пору его дѣятельности», сокрушеніе фальшивыхъ литературныхъ кумировъ и старыхъ эстетическихъ теорій. Въ 1881 году онъ напечаталъ на страницахъ «Руси» письма Бѣлинскаго къ К. Аксакову съ предисловіемъ, гдѣ находятся такія строки: «Бѣлинскій былъ, независимо отъ своего критическаго таланта, человѣкъ замѣчательный по своей высокой честности и безусловной искренности, чуждой какихъ бы то ни было разсчетовъ. Онъ несомнѣнно всегда, вездѣ домогался «истины». Но по его страстной природѣ его убѣжденія, всегда искреннія, не были глубоки и часто мѣнялись, при чемъ онъ нерѣдко переходилъ изъ одной крайности въ другую» (Соч. И. С. Аксакова, VII, 582). Но тотъ же самый Аксаковъ, незадолго до своей смерти, въ письмѣ къ Побѣдоносцеву отъ 25 февраля 1885 года допустилъ такое выраженіе: «Дураки! празднуютъ 50-лѣтній юбилей статеекъ Бѣлинскаго» («Рус. Архивъ» 1907 г., № 10, с. 179).

Приведенный отзывъ Аксакова о Бѣлинскомъ въ «Руси» не былъ единственнымъ на страницахъ славянофильскихъ изданій. Но хорошія и даже просто приличныя рѣчи о Бѣлинскомъ въ славянофильскихъ органахъ попадаются очень рѣдко, въ видѣ

случайныхъ явленій, большею частью, въ статьяхъ постороннихъ сотрудниковъ. И эти рѣчи не остаются безъ протеста со стороны строгихъ хранителей славянофильскихъ традицій. Въ этомъ отношеніи очень характеренъ одинъ эпизодъ изъ исторіи журнала «Бесѣда», издававшагося въ 1871 и 1872 годахъ и представлявшаго по отзыву А. Н. Веселовскаго, «любопытный примѣръ компромисса между славянофилами и западниками». Въ 1872 году въ «Бесѣдѣ» (№ 5) появилась статья Е. Л. Маркова «Признаки старой болѣзни въ нашей педагогіи», гдѣ высказывается сожалѣніе, что циркулярнымъ распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія (гр. Д. А. Толстого) «изгнаны изъ числа учебныхъ пособій, даже изъ ученическихъ библіотекъ сочиненія писателей, которыхъ отечество справедливо считаетъ своими учителями и украшеніемъ своей литературы». «Достаточно сказать,—говорится дальше,—что Бѣлинскій, отецъ русской критики и русской общественной мысли,—человѣкъ, котораго возвышенно-идеальное настроеніе, кажется, избавлено отъ всякаго подозрѣнія,—отчисленъ руководителями русскаго просвѣщенія въ ряды отверженцевъ». Статья Маркова, по свидѣтельству А. Н. Веселовскаго, вызвала страшное негодованіе среди остатковъ славянофильскаго кружка. «При посредствѣ Погодина, они возстановили Кошелева [издателя «Бесѣды»] противъ статьи и противъ Юрьева [редактора], говоря, что статья есть крайнее проявленіе нигилизма... Что же касается Бѣлинскаго... то совѣтчики Кошелева увѣрили его, что хвалы Бѣлинскому въ славянофильскомъ журналѣ составляютъ измѣну направленію; они сказали ему, что патріархи славянофильства перевернулись бы въ гробахъ своихъ, если бъ могли увидѣть это» («Рус. Старина» 1902 г., № 9, с. 504).

Кошелевъ поддался подобнаго рода наговорамъ и въ № 5 «Бесѣды», отъ имени «одного изъ почитателей» журнала, напечаталъ «Недоумѣніе», гдѣ выражаетъ удивленіе, какъ могла появиться статья такого автора, который признаетъ Бѣлинскаго «отцомъ русской общественной мысли», на страницахъ такого журнала, который въ своей программѣ заявилъ о стремленіи содѣйствовать развитію русскаго народнаго духа. Въ частности, о Бѣлинскомъ Кошелевъ въ своемъ «Недоумѣніи» далъ такой отзывъ: «Бѣлинскій, въ статьѣ г. Маркова, называется «отцомъ русской общественной мысли». Это болѣе чѣмъ странно. Не отрицаю замѣчательныхъ дарованій этого писателя; не позволю себѣ заподозривать его благонамѣренность и чистоту его побужденій; готовъ

признать, что онъ далъ сильный толчокъ литературѣ и тогдашней общественной мысли,—но именовать его «отцомъ русской общественной мысли» значитъ или заключить бѣднягу въ предѣлы черезчуръ тѣсные, или не быть въ состояніи оцѣнивать настоящихъ заслугъ Бѣлинскаго. Онъ особенно содѣйствовалъ къ пробужденію дремавшей въ то время полуцивилизованной общественной мысли; онъ развилъ въ ней способность критически относиться къ дѣлу, потрясъ авторитетъ французской литературы въ Россіи и сообщилъ публикѣ, въ живыхъ и общедоступныхъ статьяхъ, нѣкоторые результаты нѣмецкаго мышленія. Вотъ великія заслуги Бѣлинскаго; но болѣе ничего ему приписывать нельзя. Пожалуй, отрицательное направленіе въ литературѣ можетъ считать его своимъ отцомъ,—противъ этого возражать не буду; но положительнаго у него самого было очень мало, и потому онъ таковаго и не могъ передать общественной мысли» (с. 151).

С. А. Юрьевъ напечаталъ «Недоумѣніе» Кошелева, прибавивши отъ себя длинное «Разъясненіе», гдѣ онъ доказываетъ, между прочимъ, важное значеніе въ исторіи развитія русской общественной мысли какъ славянофильства, такъ и западничества, при чемъ особенно подчеркиваетъ заслугу Бѣлинскаго въ дѣлѣ борьбы за права личности, подавленной государствомъ. Кличъ обоготворенія личности, во имя ея освобожденія,—говоритъ онъ,—не могъ не подѣйствовать всесильно на всю массу живыхъ и молодыхъ силъ русскаго общества, задыхавшихся въ тяжелой и душной атмосферѣ тогдашней общественной жизни. И этотъ кличъ былъ кликнутъ честнымъ, исполненнымъ энергіи и для всѣхъ доступнымъ, публицистическимъ словомъ Бѣлинскаго. Вотъ значеніе Бѣлинскаго. Это не ученый глубокій, не геніальный писатель, но человѣкъ въ высокой степени благородный, одаренный сильною энергіею, сильнымъ умомъ, тонкимъ художественнымъ чутьемъ и яркимъ критическимъ талантомъ, человѣкъ нервный, до того перестрадавшій всѣ нравственныя боли, задавленнаго гнетомъ и порывавшагося на просторъ, тогдашняго общества, что слово его дышало подчасъ пламеннымъ ожесточеніемъ противъ всего, въ чемъ только казалось ему, что таится возможность укрѣпленія современныхъ ему порядковъ. Кромѣ принципа, на которомъ онъ стоялъ, столь сочувственнаго *тогдашнему* обществу, самая нервность его слова пришлась по сердцу послѣднему:—общество было ожесточено. Конечно, нельзя назвать Бѣлинскаго *отцомъ* русской общественной мысли, какъ и никого нельзя на-

звать отцомъ ни общественной, ни народной мысли; такія мысли порождаются самимъ обществомъ или народомъ, и, разумѣется, не одинъ онъ стоялъ за право личности на неприкосновенность, уваженіе и свободу. Но тогда, какъ другіе въ то же время занимались и другими вопросами, не менѣе важными и даже такимъ, которымъ полагалось прочное основаніе дѣйствительному и прочному освобожденію личности, одинъ Бѣлинскій *исключительно* на ея правѣ на неприкосновенность сосредоточилъ всю свою энергію и силу. Не было почти предмета, о которомъ бы онъ началъ писать, не сведя на уваженіе къ личности. Этою сосредоточенною дѣятельностью, доходившею до фанатизма, онъ разбудилъ въ нашемъ обществѣ дремавшее *сознаніе* правъ личности на уваженіе. Въ этомъ его заслуга и тайна его вліянія» (с. 144).

Разумѣется, эта горячая защита Бѣлинскаго осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и задуманный Юрьевымъ и нѣкоторыми его единомышленниками компромиссъ между славянофильствомъ и западничествомъ потерпѣлъ неудачу. Какъ при жизни, такъ и послѣ смерти Бѣлинскій оказался яблокомъ раздора между этими двумя теченіями русской общественной мысли. Слѣдуетъ впрочемъ упомянуть, что пять лѣтъ спустя послѣ этой полемики, прочитавъ книгу Пыпина о Бѣлинскомъ, Кошелевъ рѣзко измѣнилъ свое прежнее мнѣніе о великомъ русскомъ критикѣ и откровенно заявилъ объ этомъ Юрьеву въ письмѣ отъ 8 іюля 1877 г. «Долженъ теперь сознаться,—писалъ онъ,—что я Бѣлинскаго до сихъ поръ вовсе не зналъ и судилъ о немъ по чужимъ словамъ... Я слышалъ о Бѣлинскомъ самые невыгодные отзывы отъ Погодина, Шевырева и другихъ. Самъ я почти ничего не читалъ изъ сочиненій Бѣлинскаго. Изъ книги, только-что мною прочтенной, вижу, что Бѣлинскій былъ человѣкъ отмѣнно-даровитый, пламенный, что онъ во всю жизнь страстно любилъ истину и искалъ ее неустанно; что всѣ его крайнія выходки исходили изъ самыхъ благородныхъ источниковъ; что онъ безповоротно и съ самоотверженіемъ боролся съ тѣмъ, что считалъ ложью и вреднымъ для человѣчества; наконецъ, что онъ мученикъ въ полномъ смыслѣ слова. Я никакъ не воображалъ, что онъ даже религіозенъ; что разрѣшеніе вопросовъ религіозныхъ и нравственныхъ было для него постоянною и жгучею потребностью, и что онъ былъ соціалистомъ въ хорошемъ и вовсе не въ западномъ смыслѣ. Помню, что мы съ вами не разъ спорили насчетъ Бѣлинскаго и что я высказывалъ мнѣнія совершенно противоположныя тѣмъ,

которыя имѣю теперь и которыя вы тогда защищали съ горячностью, и потому считаю долгомъ передъ вами покаяться. Этотъ человѣкъ, конечно, новаго ничего не сказалъ; онъ развивался постоянно и быстро, и вслѣдствіе того часто мѣнялъ свои мнѣнія; но жизни въ немъ было чрезвычайно много, и онъ имѣлъ благое вліяніе на ходъ образованія въ нашемъ обществѣ. Конечно, онъ не дошелъ до твердыхъ началъ; конечно, не дали ему вполнѣ развиться, но толчокъ онъ далъ значительный, и за это ему спасибо и вѣчная память» (Сборникъ «Въ память С. А. Юрьева», сс. 293—294. М. 1891). Такимъ образомъ, наиболѣе справедливымъ по отношенію къ Бѣлинскому оказался одинъ изъ представителей старшаго поколѣнія московскихъ славянофиловъ, хотя и на восьмомъ десяткѣ лѣтъ своей жизни.

VI. Плетневъ и Гротъ.

Кромѣ Сенковскаго изъ профессоровъ Петербургскаго университета имѣли отношеніе къ журналистикѣ Плетневъ и Никитенко. Первый въ теченіе десяти лѣтъ издавалъ основанный Пушкинымъ «Современникъ», второй былъ офиціальнымъ редакторомъ сначала «Сына Отечества» (въ 1839—1841 годахъ), а потомъ преобразованнаго въ 1847 году «Современника». Хотя *Никитенко* и редактировалъ «Сынъ Отечества» вмѣстѣ съ Полевымъ, но не заразился его ненавистью къ Бѣлинскому, что было очень важно для послѣдняго, потому что Никитенко былъ цензоромъ «Отеч. Записокъ». Впрочемъ, цензоромъ онъ былъ довольно строгимъ и особеннаго расположенія къ Бѣлинскому не питалъ. Онъ считалъ, напримѣръ, несчастьемъ для Кольцова сближеніе съ Бѣлинскимъ и Краевскимъ и находилъ, что «они его развратили». Въ своемъ «Дневникѣ» онъ очень мало говоритъ о знаменитомъ русскомъ критикѣ. Заслуживаетъ вниманія только слѣдующая коротенькая запись 21 мая 1843 года: «На дняхъ былъ у меня Бѣлинскій. Онъ уменъ. Замѣчанія его часто вѣрны, умны и остроумны, но проникнуты горечью» (Никитенко, I, 307, 341). И въ качествѣ редактора «Современника», такъ же, какъ въ качествѣ цензора «Отеч. Записокъ», Никитенко испортилъ не мало крови Бѣлинскому. Онъ такъ поправилъ одно мѣсто въ статьѣ о «Перепискѣ съ друзьями» Гоголя, что Бѣлинскій почувствовалъ себя въ положеніи человѣка, получившаго въ обществѣ оплеуху (См. Пыпинъ, 513). Къ реабилитаціи Бѣлинскаго, начатой Чернышевскимъ, Ни-

китенко отнесся съ явнымъ несочувствіемъ. «Теперь идетъ нескончаемая статья о геніи и необычайныхъ заслугахъ Бѣлинскаго, предъ которымъ значеніе Пушкина и Гоголя становится ничтожнымъ», писалъ онъ Плетневу въ 1856 году по поводу «Очерковъ гоголевскаго періода русской литературы» («Рус. Стар.» 1891 г., № 2, с. 433).

Объ отношеніи Плетнева къ Бѣлинскому мы знаемъ гораздо больше, благодаря, главнымъ образомъ, его обширной перепискѣ съ Гротомъ. По переселеніи въ Петербургъ Бѣлинскій на первыхъ порахъ посѣщалъ литературные вечера Плетнева и встрѣчалъ тамъ самый радушный пріемъ. Статьи Бѣлинскаго вначалѣ настолько нравились Плетневу, что онъ читалъ ихъ даже вслухъ вмѣстѣ съ А. О. Смирновой. «О Бѣлинскомъ я всегда говорилъ, что онъ полонъ истинныхъ мыслей и знанія искусства», пишетъ онъ Гроту 10 декабря 1840 года. Онъ соглашается съ Гротомъ, что у Бѣлинскаго «много души и энтузіазма», онъ обращаетъ вниманіе своего друга на нѣкоторыя статьи Бѣлинскаго и совѣтуетъ прочесть ихъ. «Тутъ много фактовъ—и потому не дурно и тебѣ прочитать», говоритъ, напримѣръ, Плетневъ о статьяхъ Бѣлинскаго, посвященныхъ обзору русской народной поэзіи. Но мало-по-малу благопріятное отношеніе къ Бѣлинскому измѣняется и дѣлается все болѣе и болѣе враждебнымъ. Продолжая хвалить и рекомендовать отдѣльныя статьи, Плетневъ находитъ въ нихъ «много хорошаго и вздору» и выражаетъ недовольство, что Бѣлинскій «вертится около двухъ-трехъ идей и все повторяетъ себя». Уже въ началѣ 1841 года въ перепискѣ Плетнева встрѣчается такой отзывъ: «Особенно взбѣсила меня статья Бѣлинскаго въ № 1 «Отеч. Записокъ» «Взглядъ на литературу русскую въ 1840 году». Такой вздоръ, такая односторонность, такой произволъ, такое пристрастіе, что гадко» («Переписка Грота съ Плетневымъ», I, 215. Спб. 1896). Статью Бѣлинскаго о стихотвореніяхъ Лермонтова Плетневъ называетъ «глупой» и прибавляетъ: «ужъ надоѣлъ съ своимъ широковѣщаніемъ, а паче съ возгласами о міровой геніальности Лермонтова» (I, 228). По поводу разбора «Драматическихъ сочиненій и переводовъ» Полевого Плетневъ даетъ въ 1842 году такую аттестацію Бѣлинскому: «Я завидую этому таланту болтать вѣчно одно и то же на безграничномъ пространствѣ. Только ужъ это не критика: это обнаруженіе всѣхъ закулисныхъ дѣлъ» (I, 634). Недоволенъ остался Плетневъ и статьей о Баратынскомъ, гдѣ критикъ «далъ волю

своей дикой и широковѣщательной философіи», и статьей о Державинѣ съ ея «философскими натугами» и «кривымъ толкомъ о поэзіи». «Онъ не только не исправляется,—пишетъ Плетневъ по поводу этой послѣдней статьи,—но все уходитъ въ глубь и въ даль неясности и завиранья» (II, 7). Въ статьяхъ Бѣлинскаго о Пушкинѣ Плетневъ возмущался «дерзкими и глупыми выходками» противъ Батюшкова, а мнѣнія критика о Шиллерѣ, Гнѣдичѣ и кн. Вяземскомъ прямо назвалъ «чепухой».

Когда Гротъ заступился за Бѣлинскаго и напомнилъ своему другу, что раньше онъ писалъ иное, Плетневъ выдалъ себя съ головой, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ потомства, обнаруживъ свое непониманіе истинной силы и значенія Бѣлинскаго. Въ немъ—говорится въ письмѣ отъ 28 апрѣля 1843 года—двѣ совершенно разныя стороны: когда онъ по выученнымъ теоріямъ говоритъ о чемъ-нибудь вообще, безъ приложенія, то разсуждаетъ какъ будто умный, но когда ему придется часто сказать свое мнѣніе о какомъ-нибудь поэтѣ или вообще писателѣ, то онъ бредитъ, не нося въ душѣ сочувствія съ художническими истинами... Онъ все то считаетъ уже лучшимъ, что моложе. Вотъ почему для него Лермонтовъ почти выше Пушкина, тогда какъ Лермонтову далеко и до Языкова, не только до Баратынскаго» (II, 66—67).

Не прерывая личныхъ сношеній съ Бѣлинскимъ, обмѣниваясь съ нимъ даже визитами, Плетневъ съ 1843 года начинаетъ отзываться о критикѣ «Отеч. Записокъ» все рѣзче и рѣзче. Бѣлинскій, съ своей стороны, подлилъ масла въ огонь, иронически отозвавшись въ одной рецензіи о «Современникѣ» и о напечатанномъ тамъ романѣ шведской писательницы Бремеръ «Семейство или домашнія радости и огорченія» (VIII, 416—420). Плетневъ называетъ Бѣлинскаго «голоднымъ и злымъ рецензентомъ», а по поводу разбора романа Бранта онъ разразился такими негодующими строками: «Бѣлинскій тутъ желчью напачкалъ исторію самого Бранта, столь омерзительную и недостойную, что у меня волосъ дыбомъ поднимается при мысли, куда простирается злоба журналистовъ и дерзость цензоровъ, подкупаемыхъ ими» (II, 177). Бѣлинскій и Краевскій теперь въ глазахъ Плетнева—«скотики, вообразившіе, что они какъ будто и люди» (II, 182). Бѣлинскій и Никитенко, по его отзыву, «школяры, начитавшіеся Полевого» и не имѣющіе «никакого дарованія» (II, 702). И въ письмахъ къ другимъ своимъ корреспондентамъ Плетневъ не удер-

живается отъ самыхъ рѣзкихъ отзывовъ о Бѣлинскомъ. Такъ, въ письмѣ къ Н. М. Коншину отъ 11 января 1845 г. мы находимъ такія строки: «Не смущайтесь отъ нелѣпостей «Отеч. Записокъ». Тамъ ратуютъ два человѣка, заклейменные отверженіемъ вкуса и всѣхъ допропорядочныхъ людей. Одинъ изъ этихъ Донкихотовъ называется Краевскій... Онъ привлекъ къ себѣ толпу мальчишекъ и выгнанныхъ изъ разныхъ университетовъ студентовъ, внушивъ имъ презрѣніе ко всему стоящему надъ ними и какъ бы подавляющему ихъ могучимъ достоинствомъ,—и пустился съ ними противъ всего святого и прекраснаго. Въ числѣ послѣднихъ извѣстенъ Бѣлинскій, выгнанный изъ Московскаго университета. Онъ, какъ главная собака, лаетъ на все, что̀ хорошо и благонравно. Эти-то люди усиливаются затмить славу не только Баратынскаго, Языкова, но самого Жуковскаго и даже Пушкина... Они преклоняютъ колѣна предъ Лермонтовымъ... Еще они хвалятъ Гоголя, который ихъ презираетъ и котораго они даже не понимаютъ. Но какъ онъ всегда живетъ за границей, то для нихъ и сносенъ его геній... Плюньте на этихъ черныхъ пигмеевъ» («Рус. Стар.» 1909 г., № 1, сс. 184—5).

Плетневъ не упускалъ даже случая подгадить «Отеч. Запискамъ» въ качествѣ офиціальнаго лица. Въ 1845 году онъ временно занялъ предсѣдательское кресло въ петербургскомъ цензурномъ комитетѣ, и «первое употребленіе, какое онъ сдѣлалъ изъ своей власти въ пользу литературы—это [было] притѣсненіе журналовъ, ему непріязненныхъ» (Никитенко, I, 360). Въ своемъ журналѣ Плетневъ избѣгалъ полемики, но въ 1840 г. не удержался отъ напечатанія статьи П. А—ва (Квитки-Основьяненка) «Званые гости», гдѣ дается юмористическая оцѣнка тогдашнихъ періодическихъ изданій, въ томъ числѣ и «Отеч. Записокъ». «Развѣ есть критика въ «Отеч. Запискахъ»?—спрашиваетъ авторъ: «Я видѣлъ заглавіе и приготовлялся заранѣе съ удовольствіемъ бесѣдовать о достоинствѣ «геніальнаго творенія», такъ всѣми называемаго. Бесѣдую... что-же? иду, иду... иду и все не достигаю цѣли. Что-то начато чуть ли не отъ Ноя; далѣе темно, непостижимо и недостижимо, далѣе и посыпались: субъективно, объективно, индивидуально, популярно... да я и не выговорю всѣхъ этихъ *русскихъ* словъ, *для русскихъ* писанныхъ. Защитники изящности, плавности, звучности русскаго слова! Пишите по-русски, очищайте его, а не наполняйте его репьями... Потомъ критика, высыпавъ цѣлый мѣшокъ всѣхъ этихъ наростовъ въ русскомъ языкѣ, начинаетъ

говорить совсѣмъ противъ заглавія, что мы уже читали, читали, видѣли, видѣли, да и начитались и навидѣлись. Вы, г-жа критика, взялись намъ говорить о ели, а говорите о соснѣ; да ужъ сколько говорите! и все не новое и все извѣстное; наконецъ увидѣли, что времени или мѣста мало, тогда спохватились, да и пикнули что-то о сочиненіи, объявленномъ вами въ заглавіи. Что-то не такъ» («Современникъ» 1840 г., № 4, сс. 39—40).

Позже, особенно въ послѣдній годъ изданія имъ «Современника», Плетневъ и самъ сталъ задѣвать Бѣлинскаго, но очень слабо. Такъ, напримѣръ, въ 1846 г. (№ 6, библіографія) онъ даетъ пренебрежительный отзывъ о брошюрѣ Бѣлинскаго «Н. А. Полевой» и становится на сторону Голохвастова въ его спорѣ съ Бѣлинскимъ о достоинствахъ русскаго языка [1]), при чемъ мнѣніе «Отеч. Записокъ» называетъ явной и очевидной неправдой, съ которой не слѣдовало спорить. «Сколько понадобилось бы—говоритъ Плетневъ—сочинить книгъ, если бы дѣйствительно необходимо было опровергать безсмысленныя мнѣнія, разсыпавшіяся по журналамъ, основаннымъ на ученіи «Московскаго Телеграфа». Такими журналами, по мнѣнію Плетнева, были «Библіотека для Чтенія» и «Отеч. Записки». Но въ концѣ того же 1846 года Плетневъ не устоялъ передъ звономъ золота и, не взирая на сильное недовольство своихъ вліятельныхъ друзей, уступилъ основанный Пушкинымъ журналъ Панаеву и Некрасову, отлично зная, что мѣсто перваго критика займетъ тамъ Бѣлинскій и что къ двумъ «вреднымъ» журналамъ прибавится еще и третій. Послѣ смерти великаго критика Плетневъ возмущался, по поводу статьи

1) Въ длинной статьѣ «Голосъ въ защиту русскаго языка», напечатанной сначала въ «Москвитянинѣ» 1845 года (№ 11), а потомъ вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ, *Голохвастовъ*, двоюродный братъ Герцена, бывшій тогда помощникомъ попечителя московскаго учебнаго округа, опровергаетъ высказанное Бѣлинскимъ въ одной рецензіи мнѣніе о превосходствѣ французскаго языка надъ русскимъ и мимоходомъ дѣлаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о критическихъ статьяхъ и рецензіяхъ «Отеч. Записокъ». «Не сочувствуя духу и направленію» этого журнала, Голохвастовъ все-таки признаетъ, что въ отдѣлѣ критики «иногда встрѣчаются статьи, писанныя бойкимъ перомъ мастера». Но Бѣлинскимъ, какъ рецензентомъ, Голохвастовъ крайне недоволенъ. «Для него—говоритъ онъ—нѣтъ законовъ, онъ самъ законъ для всѣхъ. Неумолимый, какъ фатумъ древнихъ, онъ изрекаетъ свои приговоры безъ разысканій и доказательствъ, на основаніи своего собственнаго произвола» (с. 50).

Введенскаго о Державинѣ, что «Бѣлинскій еще не умеръ и что его глупая и дерзкая метода разбирать автора привилась вполнѣ къ юнѣйшему поколѣнію». Въ 1850 году онъ убѣждалъ Жуковскаго написать воспоминанія о лучшихъ нашихъ писателяхъ и дать такимъ образомъ противоядіе оцѣнкамъ Бѣлинскаго. «Комунибудь надобно же—писалъ онъ—произнести о нихъ вдохновенное слово. Иначе къ отдаленному потомству они обречены будутъ явиться съ ярлыками, наклеенными на нихъ Бѣлинскимъ» («Переписка Грота съ Плетневымъ», III, 466; «Сочиненія и переписка Плетнева», III, 655, Спб. 1885).

Обширная переписка Грота съ Плетневымъ содержитъ коекакой матеріалъ, знакомящій насъ и съ отношеніемъ къ Бѣлинскому въ сороковыхъ годахъ *Грота*, занимавшаго въ то время каѳедру въ Гельсингфорсскомъ университетѣ и помѣщавшаго въ «Современникѣ» «превосходныя», по отзыву Бѣлинскаго, статьи о Финляндіи. Гротъ не былъ такимъ усерднымъ читателемъ Бѣлинскаго, какъ Плетневъ, но просматривалъ его статьи и рецензіи и даже пользовался ими при составленіи своихъ лекцій о Карамзинѣ и Державинѣ. Онъ находилъ у Бѣлинскаго «много души и энтузіазма» и на первыхъ порахъ даже защищалъ его отъ нападковъ Плетнева, такъ что послѣдній въ одномъ письмѣ 1843 г. назвалъ Бѣлинскаго «любимцемъ» своего друга. Но послѣ разбора романа Бремеръ, переведеннаго сестрой Грота, и онъ сталъ отзываться о Бѣлинскомъ не много лучше Плетнева. «Съ какой наглостью Бѣлинскій защищаетъ торгашество въ литературѣ», писалъ, напримѣръ, Гротъ въ 1845 году по поводу статьи о «Старыхъ литераторахъ» (II, 591). Гротъ выступилъ даже въ печати, на страницахъ «Москвитянина» (1844 года, № 3), противъ Бѣлинскаго въ защиту романа Бремеръ. Въ какомъ духѣ была написана эта статья, можно судить уже по тому, что Бѣлинскій не безъ основанія увидѣлъ тамъ обвиненія въ безнравственности, въ отрицаніи брака, въ предпочтеніи языческаго міра христіанскому и тому подобныхъ тяжкихъ преступленіяхъ (Бѣлинскій, VIII, 491 и сл.). Достаточно указать, что статья Грота заканчивается заявленіемъ, что онъ хотѣлъ обратить вниманіе публики на рецензію Бѣлинскаго, какъ «на замѣчательный образчикъ того направленія, которое да мимо идетъ нашей современной литературы».

Но семнадцать лѣтъ спустя тотъ же самый Гротъ выступилъ въ печати на защиту Бѣлинскаго отъ Погодина. Онъ принялъ участіе въ полемикѣ, вызванной юбилеемъ кн. Вяземскаго, и напе-

чаталъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1861 года (№ 109) статью «Бѣлинскій и его мнимые послѣдователи», гдѣ выражаетъ сожалѣніе, что большинству молодого поколѣнія знаменитый критикъ извѣстенъ «чуть не по одному имени», а съ другой стороны—старое поколѣніе судитъ о немъ только по его «увлеченіямъ, ошибкамъ и противорѣчіямъ». «Бѣлинскій — говоритъ Гротъ—писалъ такъ много и такъ скоро, что нельзя и ожидать одинаковой обдуманности во всѣхъ его статьяхъ; онъ былъ такъ мало приготовленъ къ своему дѣлу ученіемъ, а съ другой стороны такъ впечатлителенъ, что искать въ его сужденіяхъ постоянной основательности и послѣдовательности было бы также несправедливо: изъ этихъ двухъ источниковъ проистекали его всегдашнее многословіе, его частыя повторенія и противорѣчія, его недостаточное знакомство съ положительной стороной предметовъ, о которыхъ онъ разсуждалъ. Вотъ его недостатки. Но ему никакъ нельзя отказать въ свѣтломъ и проницательномъ умѣ, который, при поверхностномъ его образованіи въ молодости, поражаетъ насъ разнообразіемъ пріобрѣтенныхъ имъ позже свѣдѣній и начитанности; нельзя отказать ему въ искреннемъ сочувствіи всему великому и прекрасному и во врожденномъ эстетическомъ чутьѣ, которое руководило его очень вѣрно, когда онъ не былъ ослѣпленъ какимъ-нибудь предубѣжденіемъ. Ошибки его были замѣтны только самымъ образованнымъ читателямъ; критическій талантъ его, сопровождаемый большою независимостью мысли, смѣлостью и рѣзкостью сужденій, долженъ былъ доставить ему значительное вліяніе на массу». «Не раздѣляя всѣхъ мнѣній Бѣлинскаго, я, однако, нахожу,—говоритъ Гротъ дальше—что изъ сказаннаго имъ многое безотносительно вѣрно и никогда не утратитъ своей цѣны, что онъ рѣшилъ окончательно многіе изъ тѣхъ вопросовъ, которыхъ касался» («Труды Я. К. Грота», III, 355—356. Спб. 1901).

VII. Князь Вяземскій.

Къ числу злѣйшихъ и непримиримѣйшихъ враговъ величайшаго русскаго критика принадлежалъ и кн. П. А. Вяземскій, относившійся къ нему еще съ большей ненавистью и несправедливостью, чѣмъ къ Полевому, котораго онъ считалъ «всегда готовымъ на какую-нибудь пакость», хотя въ двадцатыхъ годахъ помогалъ ему издавать «Московскій Телеграфъ». Превратившись

изъ либерала-конституціоналиста Александровской эпохи въ убѣжденнаго защитника православія, самодержавія и народности, кн. Вяземскій находилъ, что и «въ республикѣ письменъ нужна глава, нуженъ президентъ», потому что «литературная демократія, безначальство, у насъ никуда не годится». А Бѣлинскій, главный представитель этой литературной демократіи, не только не хотѣлъ признавать никакого литературнаго начальства, не только громилъ литературную аристократію и «свѣтскій» тонъ «Современника», гдѣ сотрудничалъ кн. Вяземскій, не только свободно обращался съ тѣми литературными авторитетами, передъ которыми благоговѣлъ кн. Вяземскій, но не щадилъ и его самого. Правда, въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» кн. Вяземскій отнесенъ «къ числу замѣчательныхъ нашихъ поэтовъ и литераторовъ», а его статьи признаны «необыкновеннымъ явленіемъ въ свое время». Но въ 1836 году, въ отзывѣ Бѣлинскаго о первой книгѣ «Современника», по адресу кн. Вяземскаго сказано: «избавь насъ, Боже, отъ его критикъ такъ же, какъ и отъ его стиховъ». Даже прекрасную статью кн. Вяземскаго о «Ревизорѣ», при первомъ ея появленіи, Бѣлинскій отнесъ къ числу такихъ произведеній, которыя «должны уронить «Современника». Вообще, въ тридцатыхъ годахъ Бѣлинскій былъ очень несправедливъ къ кн. Вяземскому. Онъ заявилъ даже Краевскому въ 1837 году, что по совѣсти не можетъ напечатать о немъ «добраго слова». Въ сороковыхъ годахъ отношеніе знаменитаго критика къ кн. Вяземскому болѣе благосклонное: онъ всегда говоритъ о немъ съ признаніемъ достоинствъ его стихотвореній и критическихъ статей, но въ такомъ снисходительномъ тонѣ, который не могъ не бѣсить чопорнаго великосвѣтскаго писателя.

При всемъ своемъ аристократизмѣ кн. Вяземскій не имѣлъ духу относиться къ критику-«плебею» съ молчаливымъ презрѣніемъ и на протяженіи почти цѣлыхъ сорока лѣтъ, при жизни Бѣлинскаго и послѣ его смерти, осыпалъ его бранью не особенно аристократическаго характера. «Замѣтили ли вы—спрашиваетъ онъ Шевырева въ 1841 году — выраженіе «Отеч. Записокъ» [т.-е. Бѣлинскаго]: *громадный* талантъ Лермонтова? Что за пустая должно быть голова, въ которой помѣщаются и изъ которой валятся такія громадныя нелѣпости!» («Рус. Архивъ» 1885 г., № 6). Прежде всего Бѣлинскій имѣлся въ виду, когда въ 1846 году, послѣ смерти Полевого, кн. Вяземскій заносилъ въ свою записную книжку такія строки: «Полевой у насъ родоначальникъ

литературныхъ наѣздниковъ, какихъ-то кондотьери, низвергателей законныхъ литературныхъ властей. Онъ изъ первыхъ пріучилъ публику смотрѣть равнодушно, а иногда и съ удовольствіемъ, какъ кидаютъ грязью въ имена, освященныя славою и общимъ уваженіемъ, какъ, напримѣръ, въ имена Карамзина, Жуковскаго, Дмитріева, Пушкина» (Сочиненія кн. Вяземскаго, IX, 211).

Свою ненависть къ Бѣлинскому кн. Вяземскій проявлялъ и въ печати, тщательно, впрочемъ, избѣгая называть его по имени. Наиболѣе сильно задѣвается Бѣлинскій въ статьѣ кн. Вяземскаго «Языковъ и Гоголь», напечатанной въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1847 года по поводу смерти «бурнопламеннаго поэта» и выхода въ свѣтъ «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями». Въ нѣкоторыхъ журналахъ—читаемъ мы въ этой статьѣ—имя Гоголя сдѣлалось альфой и омегою всякаго литературнаго разсужденія. Въ духовной нищетѣ своей, многіе непризванные писатели кормились этимъ именемъ, какъ единымъ насущнымъ хлѣбомъ своимъ... Его хотѣли поставить главою какой-то новой литературной школы, олицетворить въ немъ какое-то черное литературное знамя. Такимъ образомъ съ больныхъ головъ на здоровую складывали всѣ несообразности, всѣ нелѣпости, провозглашаемыя нѣкоторыми журналами [т.-е. «Отеч. Записками» и «Современникомъ»]. На его душу и отвѣтственность обращали всѣ грѣхи, коими ознаменовались послѣдніе годы нашего литературнаго паденія... Впрочемъ, что Гоголь попалъ въ руки шарлатановъ, это не мудрено: имъ нужны блестящіе ярлыки, чтобы сбывать свои ничтожныя снадобья». Гоголь, говоритъ кн. Вяземскій, вырвался живой изъ рукъ этихъ «шарлатановъ», но мертвые. Пушкинъ, Лермонтовъ, Грибоѣдовъ и Кольцовъ, «не могутъ уже вступиться за себя. Надъ ними безнаказанно могутъ они продолжать опыты своей гальванической критики. Такъ безжалостно и погоняютъ они ихъ на своемъ журнальномъ заколдованномъ колесѣ, которое безконечно у нихъ вертится, не подвигаясь ни на шагъ впередъ» (Вяземскій, II, 314—316).

Возмущенный Бѣлинскій въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю назвалъ статью кн. Вяземскаго доносомъ. «Вяземскій, этотъ князь въ аристократіи и холопъ въ литературѣ—писалъ «неистовый Виссаріонъ» Гоголю—напечаталъ на вашихъ почитателей (стало быть, на меня всѣхъ болѣе) частный доносъ. Онъ это сдѣлалъ, вѣроятно, въ благодарность вамъ за то, что вы его, плохого риѳмоплета, произвели въ великіе поэты». Совершенно

иначе отнесся къ статьѣ кн. Вяземскаго *Чаадаевъ*. Въ письмѣ къ самому автору отъ 29 апрѣля 1848 года онъ хвалитъ его статью, какъ «самое честное слово», произнесенное о книгѣ Гоголя, и при этомъ заявляетъ: «Что ни было сказано о ней другими, исполнено какою-то странною злобою противъ автора. Ему какъ будто не могутъ простить, что, веселивши насъ столько времени, ему вздумалось разъ поговорить съ нами не на шутку... На меня находитъ невыразимая грусть, когда я вижу эту злобу, возникшую противъ любимаго писателя, доставившаго намъ столько слезныхъ радостей, за то, что онъ пересталъ насъ тѣшить и съ чувствомъ скорби и убѣжденія исповѣдуется передъ нами и старается, по силамъ, намъ сказать доброе и поучительное слово» («Рус. Архивъ» 1866 г., с. 1086—1087). Цитированное письмо даетъ намъ право думать, что въ концѣ сороковыхъ годовъ Чаадаевъ былъ на сторонѣ не друзей, а враговъ Бѣлинскаго. Да и раньше онъ, повидимому, мало симпатизировалъ ему, хотя читалъ его статьи и даже обращалъ на нихъ вниманіе Пушкина [1]).

---

[1]) Кольцовъ, с. 234. Вообще, мы очень мало знаемъ о взаимныхъ отношеніяхъ Чаадаева и Бѣлинскаго. Знаменитое письмо Чаадаева, какъ извѣстно, погубило «Телескопъ» и тѣмъ самымъ повергло Бѣлинскаго въ крайне бѣдственное матеріальное положеніе. Кромѣ того, по возвращеніи въ Москву изъ деревни Бакуниныхъ, онъ былъ подвергнутъ 15 ноября 1836 года аресту и обыску по высочайшему повелѣнію (Лемке, 423). Но Бѣлинскій пострадалъ совершенно невинно, такъ какъ въ это время не былъ даже знакомъ съ Чаадаевымъ и вовсе не былъ переводчикомъ его письма, какъ думали раньше. Познакомился Бѣлинскій съ Чаадаевымъ только во второй половинѣ 1837 года въ домѣ Левашовыхъ, гдѣ давалъ уроки, и вскорѣ не замедлилъ вызвать гнѣвъ автора «Философическихъ писемъ». «Въ № 8 «Наблюдателя»—писалъ Бѣлинскій 12 октября 1838 года—у меня есть выходка противъ людей, которые во французскомъ языкѣ не уступаютъ французамъ, а русской орѳографіи не знаютъ. Чаадаевъ принялъ ее на свой счетъ и взбѣсился. Теперь самому стыдно стало» (Пыпинъ, 234). Мы знаемъ, что въ послѣдніе годы своей жизни Чаадаевъ «всецѣло» былъ поглощенъ борьбою со славянофильствомъ (Гершензонъ. «П. Я. Чаадаевъ», с. 175. Спб. 1908). Но какъ онъ относился къ дѣятельности и личности Бѣлинскаго вообще и, въ частности, къ его полемикѣ со славянофилами, этого не сообщаютъ намъ ни Пыпинъ, ни г. Гершензонъ. «Повидимому,—говоритъ Пыпинъ—они не были близки и Чаадаевъ не производилъ на Бѣлинскаго того впечатлѣнія, какое онъ производилъ на Герцена» (Пыпинъ, 234).

Приведенный рѣзкій отзывъ Бѣлинскаго въ письмѣ къ Гоголю не могъ не дойти до кн. Вяземскаго и, конечно, не могъ смягчить его сердца по отношенію къ умершему критику. Когда началась реабилитація Бѣлинскаго въ русской литературѣ, кн. Вяземскій, занимавшій въ то время мѣсто товарища министра народнаго просвѣщенія, одинъ изъ первыхъ забилъ тревогу. Онъ могъ еще понять и допустить восторги «чернильныхъ сорванцовъ по образу и подобію Бѣлинскаго»; но когда такой представитель науки и притомъ человѣкъ очень далекій отъ либерализма, какимъ былъ извѣстный оріенталистъ В. В. Григорьевъ, въ своей статьѣ о Грановскомъ назвалъ Бѣлинскаго сильнымъ дѣятелемъ въ нашей литературѣ» («Рус. Бесѣда» 1856 г., кн. IV, с. 16), кн. Вяземскій вышелъ изъ терпѣнія. Подайте свой голосъ—писалъ онъ Шевыреву 4 января 1857 года—противъ этой реставраціи, этого апоѳеоза памяти Бѣлинскаго, которому всѣ журналы наши поютъ нынѣ акаѳисты и панихиды, даже и Русская Бесѣда» называетъ его *столь сильнымъ дѣятелемъ въ нашей литературѣ*. Да развѣ *баррикадники*, которые ломаютъ мостовую, развѣ они дѣятели? Бѣлинскій былъ не что иное, какъ литературный бунтовщикъ, который, за неимѣніемъ у насъ мѣста бунтовать на площади, бунтовалъ въ журналахъ. Разумѣется, я никогда не имѣлъ терпѣнія дочитывать до конца ни одной изъ его ужасно-длинно-много-пустословныхъ статей, и никогда послѣ не приходило мнѣ въ голову заглядывать въ нихъ; но помню и живо храню тогдашнее впечатлѣніе. Бѣлинскій въ свое время всегда казался мнѣ какимъ-то пьянымъ Полевымъ, Полевымъ, бѣлены объѣвшимся. Въ Полевомъ была по крайней мѣрѣ русская смѣтливость. Въ Бѣлинскомъ ничего не было русскаго («Рус. Архивъ» 1885 г., № 6, сс. 317—318. Ср. О. И. П. Б. за 1895 г., с. 111).

Но Шевыревъ не рѣшился подать своего голоса открыто, а самъ кн. Вяземскій, очевидно, считалъ ниже своего положенія и достоинства вступать въ серьезную полемику съ поклонниками великаго критика. Онъ находилъ возможнымъ бороться съ ними только тѣмъ оружіемъ, которымъ онъ раньше такъ искусно поражалъ Булгарина, т.-е. эпиграммами. Эпиграмматическая муза сіятельнаго поэта особенно усердно, хотя не особенно удачно, работала въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, послѣ 50-лѣтняго юбилея его литературной дѣятельности, очень торжественно отпразднованнаго Академіей Наукъ 2 марта 1861 года, но омраченнаго по-

клонниками Бѣлинскаго. Даже умѣренно-либеральныя «Отеч. Записки» заявили, что «наша литература пожелала бы справить прежде [чѣмъ чествовать кн. Вяземскаго] главную тризну по Бѣлинскомъ». Даже «Сѣверная Пчела» поставила Бѣлинскаго выше кн. Вяземскаго. Свои чувства негодованія и обиды кн. Вяземскій выразилъ въ цѣломъ рядѣ стихотвореній, въ которыхъ достается и «тѣни Бѣлинскаго» и его поклонникамъ. Вотъ, напримѣръ, его обращеніе къ журналистамъ:

За что-жъ вашъ гнѣвъ меня безжалостно похѣрилъ?
А вотъ за что: на зло поклонникамъ инымъ,
Всѣмъ лжепророкамъ я не вѣрю и не вѣрилъ,
И поклоненье ихъ мнѣ кажется смѣшнымъ.
Такъ что-жъ? Бѣлинскій вашъ, хоть сто разъ будь
Бѣлинскій,
Весь русскій журнализмъ нельзя-жъ за нимъ признать.
Вольно-жъ вамъ, рекрутамъ его, подъ задъ воинскій,
При имени его на вытяжкѣ стоять.
Бѣлинскій—вашъ кумиръ—имѣю честь поздравить
Васъ съ праздникомъ! Ему и отдавайте честь:
Ему вы можете и памятники ставить
И сами въ памятникъ ему себя возвесть....
Вы мыслить и писать затѣяли впервые
Съ Бѣлинскимъ: до него былъ вамъ дремучій мракъ.
Прекрасно! У меня-жъ учители другіе,
И до него еще я мыслилъ кое-какъ... (XI, 370—371).

Къ этому же времени относится и слѣдующая эпиграмма кн. Вяземскаго:

Башибузукъ литературный,
Бѣлинскій, критикъ прежнихъ лѣтъ,
Сказалъ, что минулъ вѣкъ мишурный
И что авторитетовъ нѣтъ.
Нелѣпость подхватили братья,
Пошла писателямъ рѣзня;
Всѣ наши лавры безъ изъятья
Добыча рубки и огня.
Затѣмъ на скопищѣ клевретовъ
Рѣшилъ верховный ихъ совѣтъ,
Что такъ какъ нѣтъ авторитетовъ,
Бѣлинскій ихъ авторитетъ [1]).

[1]) Вяземскій, XII, 167—168. Издателями сочиненій кн. Вяземскаго эта эпиграмма отнесена къ 1864 году, но она цитируется въ статьѣ Лонгинова «Бѣлинскій и его лже-ученики», напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 года, № 5.

Недовольство обиженнаго поэта отражается и въ его стихотвореніяхъ 1862 года. Въ одномъ стихотвореніи говорится, что послѣ смерти Карамзина и Пушкина не нашлось «законныхъ наслѣдниковъ», а послѣ смерти Бѣлинскаго они явились цѣлыми сотнями.

Бѣлинскій умеръ; живъ Бѣлинскій!
Его не пресѣкаемъ родъ;
Замретъ, но въ силѣ исполинской
Онъ тутъ же дастъ сторичный плодъ.
Ужъ многихъ нѣтъ давно; они же,
Бѣлинскіе, родятся вновь;
Умомъ хоть перваго пониже,
Но та же удаль, та же кровь.
Въ угарѣ вѣчномъ и въ задорѣ,
Они пьянѣютъ отъ чернилъ
И пьянымъ по колѣна море,
А выплыть на берегъ нѣтъ силъ.
Какъ въ балаганахъ подъ Новинскимъ
Есть въ каждомъ свой крикунъ-фигляръ,
Вездѣ на память о Бѣлинскомъ
Есть свой безсмѣнный тарабаръ и т. д. (XI, 439—440).

Бичуются поклонники великаго критика и въ стихотвореніи «De mortuis aut bene, aut nihil» слѣдующаго содержанія (XI, 445):

Смѣшонъ и жалокъ не Бѣлинскій,
Да и къ тому-жъ покойникъ онъ.
А по пословицѣ латинской,
Грѣшно тревожить мертвыхъ сонъ.
Какъ мы живого не чтили,
Когда, Богъ знаетъ изъ чего,
Журналы толстые трещали
Подъ плодовитостью его.—
Такъ мертваго въ забвеньи тихомъ
Оставить рады были-бъ мы,
Не поминая зломъ и лихомъ
Его журнальной кутерьмы.
Но къ удивленью, вдругъ онъ ожилъ,
Иль имъ поднятый пустозвонъ,
И мертвый онъ себя помножилъ
На замогильный легіонъ.
Не въ хладный гробъ, въ кощунствѣ дикомъ,
Пришла охота намъ стрѣлять,—
А въ птицъ ночныхъ, засѣвшихъ съ крикомъ
На гробѣ тризну совершать.

Тѣ же, приблизительно, мысли мы находимъ выраженными и смиренной прозой въ записной книжкѣ кн. Вяземскаго. «Есть у насъ грамотеи, которые печатно распинаются за геніальность Бѣлинскаго. Нѣтъ повода сомнѣваться въ добросовѣстности ихъ, а еще менѣе заподозривать ихъ смиренномудріе: стараться же вразумить ихъ и входить съ ними въ преніе—дѣло лишнее: имъ и книги въ руки, то есть книги Бѣлинскаго. Бѣлинскій здѣсь въ сторонѣ, онъ умеръ и успокоился отъ тревожной, а можетъ быть и трудной жизни своей. Онъ служилъ литературѣ, какъ могъ и какъ умѣлъ. Не онъ виноватъ въ славѣ своей, и не ему за нее отвѣтствовать. Глядя на посмертныхъ почитателей его, нельзя не задать себѣ вопроса: до какихъ безконечно-малыхъ крупинокъ должны снисходить умственныя способности этихъ господъ, которые становятся на цыпочкахъ и карабкаются на подмостки, чтобы съ благоговѣніемъ приложиться къ кумиру, изумляющему ихъ своею величавою высотою» (VIII, 139).

Наконецъ, можно еще указать эпиграмму на Герцена, гдѣ одновременно задѣвается и Бѣлинскій:

Своимъ перомъ тупымъ и бурнымъ
Бѣлинскій, какъ девятый валъ,
Искандеромъ литературнымъ
Во время оно бушевалъ.
Теперь за нимъ съ огнемъ воинскимъ
Искандеръ самъ на бой предсталъ
И политическимъ Бѣлинскимъ
Разсудокъ ломитъ наповалъ (XII, 166—167).

Мало-по-малу кн. Вяземскій успокоился и пересталъ тревожить «тѣнь Бѣлинскаго» своимъ притупившимся отъ старости перомъ, но въ концѣ шестидесятыхъ годовъ воспоминанія Тургенева о Бѣлинскомъ снова вывели изъ терпѣнія престарѣлаго поэта. «Оставимъ Тургеневу—писалъ онъ Погодину 23 апрѣля 1869 года—превозносить Бѣлинскаго, *идеалиста въ лучшемъ смыслѣ слова*, какъ онъ говоритъ. Мы же съ вами въ такомъ случаѣ останемся *реалистами* въ смыслѣ Карамзина, Жуковскаго и Пушкина. Эта статья Тургенева утвердила меня еще болѣе и окончательно въ моемъ предположеніи, что вездѣ, а наипаче на Руси *дарованіе* и умъ не близнецы и часто даже не свойственники и не земляки... Приверженецъ и поклонникъ Бѣлинскаго въ глазахъ моихъ человѣкъ отпѣтый, и просто сказать пѣтый дуракъ... Тургеневъ просто

хотѣлъ задобрить современныя предержащія власти журнальныя и литературныя. Въ статьѣ его есть отсутствіе ума и нравственнаго достоинства. Жаль только, что это напечатано въ «Вѣстникѣ Европы». Хотя бы постыдился онъ имени и памяти Карамзина». Дальше кн. Вяземскій поощряетъ Погодина выступить съ возраженіями противъ воспоминаній Тургенева: «Будьте здоровы и работайте, начните, напримѣръ, съ рубки Бѣлинскаго и Тургенева. Порубите съ плеча и откровенно, не такъ, чтобы овцы были цѣлы и волки сыты... Если вы что-нибудь о томъ напишете, пришлите мнѣ предварительно, и я вложу въ статью вашу свою малую толику» (X, 265—266).

И въ семидесятыхъ годахъ поклонники Бѣлинскаго продолжали портить кровь кн. Вяземскому. Напримѣръ, онъ очень сильно возмущался отзывами о Гоголѣ Пыпина («Характеристики литературныхъ мнѣній») и еще одного писателя, кажется, г. Скабичевскаго, изъ которыхъ первый «ухватился за многословіе и широковѣщательность» Бѣлинскаго, а второй «усвоилъ себѣ [его] необузданность рѣчи» и «литературное ухарство». «Наши господа прогрессисты—говоритъ кн. Вяземскій дальше—такъ мало подвижны, такъ тяжелы на подъемъ, что они все еще держатся за фалды давно износившагося платья Бѣлинскаго. Извѣстное письмо послѣдняго къ Гоголю... все еще для нихъ святыня, заповѣдь, сошедшая съ высоты ихъ литературнаго Сіона. Въ сущности это письмо невѣжливо до грубости и въ этомъ отношеніи даетъ мѣрило образованности и благовоспитанія того, кто писалъ его... Переписку называетъ онъ «надутою и неопрятною шумихою словъ и фразъ». Не скорѣе ли къ письму его можно примѣнить этотъ приговоръ?» Во всемъ знаменитомъ письмѣ кн. Вяземскій цѣнитъ только заявленіе Бѣлинскаго, что «у насъ въ особенности награждается общимъ вниманіемъ всякое такъ называемое либеральное направленіе, даже и при бѣдности таланта». Въ этомъ заявленіи онъ усматриваетъ ключъ къ пониманію и самого великаго критика и его послѣдователей. По его словамъ, «Бѣлинскій вышеприведенными строками вѣрно опредѣлилъ и себя и своихъ доморощенныхъ послѣдователей» (Вяземскій. VII, 279—280).

Съ крайне нелестными мнѣніями о Бѣлинскомъ кн. Вяземскій сошелъ и въ могилу.

Въ «Автобіографическомъ введеніи» къ полному собранію своихъ сочиненій онъ ставитъ Бѣлинскаго ниже не только Полевого и Сенковскаго, но даже Булгарина. «Настоящей критики—

читаемъ мы тамъ—за рѣдкими исключеніями, у насъ не было; нѣтъ ея и теперь... Каченовскіе, Сенковскіе, Булгарины далеко не были свѣтилами критики; но все же была въ нихъ нѣкоторая литературная основа. Они кое-чему обучились, кое-что прочитали. О Полевомъ и Бѣлинскомъ, по мнѣнію кн. Вяземскаго, и этого сказать нельзя. «Иной, напримѣръ [Полевой]—продолжаетъ кн. Вяземскій—ничему не учился, сдѣлался самоучкой невѣжества своего. Но въ умѣ, въ замашкахъ мысли его была какая-то бойкость и русская смѣтливость; онъ кое-что угадывалъ. Но оставленное имъ по себѣ потомство наслѣдовало отъ него одно обширное невѣдѣніе: блестящія же качества его ускользнули отъ наслѣдниковъ». Что среди этого потомства прежде всего имѣется въ виду Бѣлинскій, это очевидно изъ дальнѣйшаго старческаго брюзжанія кн. Вяземскаго: «У насъ... встрѣчаешь людей не безъ ума, не безъ дарованія и общей европейской образованности, которые, не запинаясь, не заикаясь, ставятъ имъ подобнаго литературнаго выскочку рядомъ съ именемъ Пушкина, а можетъ быть, еще готовы признать превосходство перваго надъ послѣднимъ, по благотворному вліянію, которое тотъ и другой оказали на ходъ литературы нашей. Что прикажете дѣлать въ виду подобной ереси? Упомянувъ далѣе, что его книга о Фонвизинѣ разошлась «какъ-то молча», не вызвавъ серьезной и дѣльной критики, кн. Вяземскій объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ уже «пересталъ слыть либераломъ, а по сознанію Бѣлинскаго, главнаго основателя, пророка и законодателя новаго вѣрованія, вся суть литературы заключается въ либерализмѣ». Либерализмъ же Бѣлинскаго, по заявленію кн. Вяземскаго, заключался не въ правилахъ и чувствахъ, а въ жаргонѣ, т. е. какомъ-то условномъ, искусственномъ, поддѣльномъ нарѣчіи» (Вяземскій. I, с. XLIV—V. LII).

Крайне враждебное отношеніе вліятельнаго кн. Вяземскаго къ Бѣлинскому неблагопріятнымъ образомъ отражалось и на отношеніи къ нему административныхъ сферъ и тѣхъ писателей, которые «чаяли движенія воды» въ бюрократическихъ купальняхъ и считались съ настроеніемъ «сильныхъ міра сего». Такъ, напримѣръ, есть основаніе думать, что кн. Вяземскій сыгралъ нѣкоторую роль въ охлажденіи къ Бѣлинскому одного изъ младшихъ его современниковъ, извѣстнаго библіографа Лонгинова.

Когда вышли первые три тома сочиненій Бѣлинскаго, *Лонгиновъ* напечаталъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» восторженную рецензію

Въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, говоритъ онъ, «нѣтъ ни строки, которой бы мы когда-то не читали много разъ». Тѣмъ не менѣе, принявшись перечитывать статьи и рецензіи великаго критика, Лонгиновъ могъ оторваться отъ нихъ только тогда, когда «уже ничего не оставалось не перечитаннаго». «Такова сила произведеній натуры геніальной», объясняетъ онъ. Лонгиновъ высоко цѣнитъ Бѣлинскаго, и какъ литературнаго дѣятеля, и какъ человѣка. «Сила критическаго таланта Бѣлинскаго—говоритъ онъ—такъ велика, что наша критика до сихъ поръ живетъ преимущественно высказанными имъ въ «Отеч. Запискахъ» и потомъ въ «Современникѣ» началами... Въ наше время отрицать въ Бѣлинскомъ великія критическія достоинства то же, что не признавать Гоголя великимъ писателемъ. Имя Бѣлинскаго характеризуетъ цѣлый періодъ нашей критики и будетъ всегда съ честью жить въ лѣтописяхъ литературы... Бѣлинскій дорогъ нашей литературѣ и какъ писатель и какъ человѣкъ... Онъ жилъ такъ же, какъ писалъ и мыслилъ. Онъ не поклонялся ни сильнымъ міра, ни золотому тѣльцу, ни предразсудкамъ толпы. Такая дѣвственная чистота приноситъ честь не только человѣку, но и дѣлу, которому онъ служитъ». Въ этой же рецензіи Лонгиновъ защищаетъ Бѣлинскаго отъ упрековъ «въ незнаніи и презрѣніи нашей старой литературы». По авторитетному въ глазахъ тогдашнихъ библіографовъ мнѣнію Лонгинова, «не смотря на нѣкоторые промахи, которые неизбѣжны и у библіографовъ, едва ли кто изъ современниковъ Бѣлинскаго зналъ лучше его исторію нашей литературы и придавалъ ей столько значенія разумнаго и истиннаго» («Моск. Вѣстникъ» 1859 г., № 41). Такъ восторженно отзывался о Бѣлинскомъ человѣкъ, который десять лѣтъ спустя превратился въ одного изъ самыхъ суровыхъ начальниковъ русской цензуры.

Въ слѣдующемъ году Лонгиновъ напечаталъ вторую рецензію, по поводу VII-го тома сочиненій Бѣлинскаго, гдѣ мы находимъ такія строки: «Рѣдкій литературный и полемическій талантъ и необыкновенная критическая способность... дѣлаютъ его произведенія занимательными и поучительными навсегда, составляютъ ихъ неколеблющуюся и дорогую цѣну... Какою жизнію, какимъ интересомъ дышитъ книга, въ которой собраны плоды такой сильной энергіи, такого горячаго убѣжденія, такого могущественнаго таланта». Но далѣе въ этой рецензіи Лонгиновъ не только не защищаетъ Бѣлинскаго отъ упрековъ «въ незнаніи и презрѣніи нашей старой литературы», но еще присоединяетъ и свой голосъ

къ этимъ упрекамъ, впадая въ противорѣчіе со своей первой рецензіей. Въ 1859 году онъ заявлялъ, что Бѣлинскій «былъ коротко знакомъ съ прошедшимъ нашей литературы петровскаго періода», а въ 1860 году мы уже читаемъ, что Бѣлинскій «былъ болѣе критикъ и полемическій писатель, чѣмъ знатокъ нашей старой литературы. Онъ превосходно понималъ ея главныя явленія, но не имѣлъ ни средствъ, ни времени изслѣдовать ее въ подробностяхъ» («Москов. Вѣстникъ» 1860 г., № 26). А въ 1861 году, послѣ юбилея кн. Вяземскаго, Лонгиновъ внесъ еще больше оговорокъ въ свою оцѣнку Бѣлинскаго, при чемъ обругалъ и его послѣдователей, обидѣвшихъ сіятельнаго юбиляра.

«Это былъ—говоритъ Лонгиновъ въ своей замѣткѣ «Бѣлинскій и его лже-ученики»—талантливѣйшій человѣкъ, лучшій журнальный критикъ своего поколѣнія, замѣчательный въ своемъ родѣ публицистъ. Это былъ неутомимый боецъ за то, что считалъ правымъ, будившій лѣнивыхъ, подстрекавшій даже бойкихъ. Это была натура отважная, честная и неподкупная ничѣмъ... кромѣ увлеченія собственныхъ страстей и пристрастій. Поэтому нельзя принимать безусловно всѣхъ его приговоровъ, писанныхъ иногда въ ослѣпленіи пристрастія. Это могутъ дѣлать только нѣкоторые рьяные фельетонные витязи», которые «умѣли занять у Бѣлинскаго только его недостатки и довести ихъ до крайностей, не имѣя и тысячной доли не только его таланта, но даже его познаній». Лонгиновъ заявляетъ даже, что «Бѣлинскій принесъ вредъ литературѣ», явившись родоначальникомъ «самодовольныхъ и пустозвонныхъ горлановъ, думающихъ заставить человѣчество забыть все то, что было до появленія ихъ на журнальное поприще». «Поставьте Бѣлинскаго—говоритъ Лонгиновъ—въ примѣръ людямъ самонадѣяннымъ и невѣжественнымъ, они дойдутъ до нелѣпости, пародируя и преувеличивая именно его темныя стороны. За эти недостатки подлежитъ и Бѣлинскій нелицепріятному суду». Кромѣ того Лонгиновъ выражаетъ сожалѣніе, что Бѣлинскій стоялъ вдали отъ тогдашнихъ литературныхъ кружковъ, «считалъ какъ бы обязанностью держать себя совершенно внѣ круга литературныхъ преданій», вслѣдствіе чего ему остались незнакомы многіе крупные факты, которыхъ онъ не могъ узнать изъ книгъ. Въ частности, его статьи о Пушкинѣ, по заявленію Лонгинова, много пострадали отъ незнакомства съ семейной, общественной, дружеской, литературной и официальной обстановкой, окружавшей великаго поэта. «Вообще исторія литературы—по мнѣнію Лонги-

нова—самая слабая сторона въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго. Въ ней то и дѣло пробѣлы и ошибки» («Рус. Вѣстникъ» 1861 г., № 5

VIII. Надеждинъ и Краевскій.

Нельзя не остановиться и на отношеніяхъ къ Бѣлинскому двухъ редакторовъ-издателей, журналамъ которыхъ онъ придалъ такое важное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія. Надеждинъ цѣнилъ «недоучившагося студента» настолько, что предоставилъ ему извѣстную свободу въ «Телескопѣ» и «Молвѣ», а уѣзжая въ 1835 году за границу, онъ отдалъ свой журналъ въ полное распоряженіе Бѣлинскому. Бѣлинскій могъ до извѣстной степени не считаться съ прежними отношеніями Надеждина къ тогдашнимъ писателямъ, но, кажется, не въ состояніи былъ защитить свои статьи отъ его поправокъ и даже вставокъ. По крайней мѣрѣ, г. Венгеровъ готовъ видѣть въ нѣкоторыхъ ультрапатріотическихъ тирадахъ «Литературныхъ мечтаній» результатъ редакторскаго усердія Надеждина, у котораго была «привычка расцвѣчивать статьи сотрудниковъ» (Бѣлинскій, I, 426). Бѣлинскій одно время жилъ у Надеждина, пользуясь квартирой, столомъ и библіотекой своего принципала, но настоящихъ симпатій другъ къ другу не могло возникнуть у этихъ столь противоположныхъ по характеру натуръ. «Надеждинъ—говоритъ Пыпинъ (с. 120)—безъ сомнѣнія, скоро увидѣлъ въ Бѣлинскомъ талантливаго человѣка и поэтому, вѣроятно, принялъ участіе въ его положеніи, но настоящей симпатіи между ними не образовалось: онъ смотрѣлъ на Бѣлинскаго съ высоты своего ученаго величія, а потомъ и совсѣмъ недружелюбно. Недостатокъ сочувствія не былъ бы удивителенъ: характеры были слишкомъ различны. Надеждину не могла быть симпатична или оставалась чужда природа Бѣлинскаго, состоявшая изъ энтузіазма и увлеченія и совершенно лишенная житейскаго благоразумія и разсчета».

Послѣ закрытія «Телескопа» Бѣлинскій и Надеждинъ окончательно разошлись и отзывались другъ о другѣ очень несочувственно. «Я не могу себѣ объяснить—говоритъ Панаевъ—нерасположенія Надеждина къ Бѣлинскому. Надеждинъ не любилъ говорить объ немъ, и на вопросы о Бѣлинскомъ отвѣчалъ обыкновенно нехотя и представлялъ его какимъ-то циникомъ». «Малый онъ съ талантомъ, съ убѣжденіемъ, но въ жизни ужаснѣйшій циникъ». Такой отзывъ слышалъ отъ Надеждина Панаевъ (Па-

наевъ, 157, 402). Отзывы Бѣлинскаго о Надеждинѣ еще хуже. «Я взялъ съ собою—писалъ онъ К. Аксакову лѣтомъ 1837 года изъ Пятигорска—двѣ части «Вѣстника Европы» и перечиталъ тамъ нѣсколько критикъ Надеждина. Боже мой, что это за человѣкъ! Изъ этихъ критикъ видно, что г. критикъ даже и не подозрѣвалъ, чтобы на свѣтѣ существовала добросовѣстность и убѣжденіе, любовь къ истинѣ, къ искусству. Онъ извивается какъ змѣя, хитритъ, клевещетъ, по временамъ притворяется дуракомъ, и все это плоско, безвкусно, трактирно, кабацки. Что онъ написалъ о «Полтавѣ»! Повѣришь ли, что въ этой критикѣ онъ превзошелъ въ недобросовѣстности самого Сенковскаго... Я читалъ и бѣсился. Его можно опозорить, заклеймить, и только глупое состояніе нашей журналистики до 1831 года помогло этому человѣку составить себѣ какой-то авторитетъ.... Я нимало не сердитъ на него... я иногда съ удовольствіемъ вспоминаю о немъ и презираю и ненавижу его только тогда, когда читаю его гадкія и подлыя «надоумочныя гаерства» [т. е. статьи за подписью Надоумко]. «Онъ человѣкъ добрый, но рѣшительно пустой и ничтожный»—говоритъ Бѣлинскій въ слѣдующемъ письмѣ къ Аксакову (Письма Бѣлинскаго, 17, 20). Вражда Бѣлинскаго къ Надеждину была обнаружена имъ и печатно. Въ статьѣ «Менцель критикъ Гете» говорится о «дикихъ рѣзкостяхъ» и «ругани» Надеждина, какъ средствѣ обратить на себя вниманіе, о его «полуславянскомъ дикомъ языкѣ» и о его литературной изворотливости. Послѣ этой первой «оплеухи», какъ выразился Бѣлинскій въ письмѣ къ Аксакову, были и другія, напримѣръ, въ статьѣ о второмъ томѣ сборника «Сто русскихъ литераторовъ», гдѣ, между прочимъ, сказано: «сдѣлавшись докторомъ и получивъ каѳедру, г. Надеждинъ сдѣлался журналистомъ—и совершенно измѣнилъ свои литературные взгляды и даже орѳографію» (Бѣлинскій, VI, 233).

Еще большую ненависть Бѣлинскаго вызвалъ въ концѣ концовъ Краевскій, редакторъ-издатель «Отеч. Записокъ». Въ качествѣ ловкаго литературнаго антрепренера Краевскій довольно рано обратилъ вниманіе на молодого критика «Телескопа» и «Молвы». Въ то время, когда въ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ циркулировали разнаго рода сплетни о Бѣлинскомъ, Краевскій, по свидѣтельству Тургенева, «отзывался о немъ, какъ о птичкѣ съ ноготкомъ, какъ о живчикѣ, котораго не худо бы завербовать». Первая попытка привлечь Бѣлинскаго къ сотрудничеству (въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инва-

лиду») была сдѣлана Краевскимъ въ 1837 году, но сближенiе на этотъ разъ не наладилось. Краевскiй еще боялся компрометировать себя сближенiемъ съ человѣкомъ, о которомъ такъ дурно отзывались тогдашнiя литературныя знаменитости. Кромѣ того, по свидѣтельству Панаева, Краевскiй «совершенно искренне и добродушно презиралъ Бѣлинскаго и его молодыхъ друзей и клеймилъ ихъ именемъ *мальчишекъ-крикуновъ*, считая неприличнымъ для собственнаго достоинства связываться съ ними» (Панаевъ, 171). Заявленiе Панаева, несомнѣнно, страдаетъ сильнымъ преувеличенiемъ: Краевскiй, какъ видно изъ писемъ къ нему Бѣлинскаго, самъ пригласилъ «мальчишку-крикуна» участвовать въ своемъ журналѣ, но не могъ согласиться на выставленныя имъ условiя. «Я желаю —писалъ Бѣлинскiй Краевскому въ началѣ 1837 года—сохранить вполнѣ свободу моихъ мнѣнiй и ни за что на свѣтѣ не рѣшусь стѣснять себя какими бы то ни было личными или житейскими отношенiями. Поэтому я готовъ, по вашему совѣту, дѣлать всевозможныя измѣненiя въ моихъ статьяхъ, когда дѣло будетъ касаться до безопасности вашего изданiя со стороны цензуры; но что касается до авторитетовъ и разныхъ личныхъ отношенiй къ литераторамъ, участвующимъ дѣломъ или желанiемъ въ вашемъ журналѣ, то я думаю и увѣренъ, что я въ этомъ отношенiи останусь совершенно свободенъ». «По моему мнѣнiю— говоритъ Бѣлинскiй въ слѣдующемъ письмѣ—не только лучше молчать и нуждаться, но даже сгинуть со свѣту, нежели говорить не то, что думаешь и спекулировать на свое убѣжденiе (О. И. П. Б. за 1889 г., сс. 2 и 9).

Разумѣется, Краевскiй не принялъ такихъ условiй и не могъ сблизиться съ такимъ непокладливымъ человѣкомъ, да и присланныя Бѣлинскимъ статьи ему не понравились. Краевскiй о васъ говорилъ,—сообщалъ Кольцовъ Бѣлинскому 21 февраля 1838 г.— что Бѣлинскiй большой негодяй, пишетъ чортъ знаетъ что. Онъ мнѣ прислалъ двѣ статьи, просилъ помѣстить въ журналъ и чтобъ участвовать сотрудникомъ. Но его статьи никуда негодны. Человѣкъ началъ писать о томъ, повелъ рѣчь вовсе о постороннемъ; потомъ завлекся, что и не поймешь. Сдѣлалъ мнѣ предложенiе, чтобы въ журналѣ быть въ родѣ панибрата. Я ему пишу, что въ этомъ журналѣ хозяинъ я, а другого нипочему не надобно, и я, братъ, въ тебѣ не нуждаюсь» (Кольцовъ, 176). Приступивъ къ изданiю «Отеч. Записокъ», Краевскiй отвергъ предложенiе Панаева пригласить къ сотрудничеству Бѣлинскаго, но когда

приглашенный вмѣсто Бѣлинскаго Межевичъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ и когда самъ Бѣлинскій предложилъ печатать свои статьи въ «Отеч. Запискахъ», предложеніе было принято съ радостью (Панаевъ, 253). Въ это время на журналѣ было до 40 т. р. асс. долгу, и Краевскій говорилъ проф. Срезневскому, что вся его надежда на Бѣлинскаго. Когда Бѣлинскій въ первый разъ явился къ Краевскому, послѣдній въ присутствіи Срезневскаго «побѣжалъ къ нему навстрѣчу съ восклицаніемъ: наконецъ-то спаситель! и при немъ опять повторилъ, что только Бѣлинскій можетъ поднять и поддержать его журналъ» [1].

Осенью 1839 года Бѣлинскій переселяется въ Петербургъ, работаетъ почти исключительно въ журналѣ Краевскаго, помѣщаетъ тамъ ежегодно отъ 30 до 40 листовъ критическихъ статей и рецензій, читаетъ и рукописи, присылаемыя въ журналъ, и за весь этотъ огромный трудъ получаетъ сначала 3500 руб., потомъ 4500 руб., а съ 1843 года, послѣ женитьбы, 6000 руб. асс. въ годъ. Наживая, во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, со сво-

---

[1] Запись въ дневникѣ Добролюбова со словъ Срезневскаго (См. «Юбилейный Сборникъ Литературнаго Фонда», с. 292. Спб. 1910). Слѣдуетъ отмѣтить, что упомянутый въ текстѣ *Межевичъ* въ это время относился къ Бѣлинскому сочувственнѣе громаднаго большинства тогдашнихъ журналистовъ. Между прочимъ, въ журналѣ Раича «Галатея» 1839 года онъ напечаталъ разборъ драмы Бѣлинскаго «Пятидесятилѣтній дядюшка», гдѣ указалъ очень много недостатковъ (между прочимъ, растянутость, многорѣчивость, незнаніе сцены, неопредѣленность и безцвѣтность нѣкоторыхъ лицъ), но въ то же время призналъ, что въ драмѣ «много характеровъ, прекрасно очерченныхъ», что «аксессуарныя лица... какъ будто сняты съ натуры» и что вообще драма представляетъ «шагъ замѣчательный, подвигъ достойный уваженія», какъ попытка, да еще молодого литератора, «выйти изъ общей колеи, взять анализъ страсти, со всѣми ея изгибами и оттѣнками». Кромѣ того, зная о бѣдственномъ матеріальномъ положеніи автора, Межевичъ сообщалъ своимъ читателямъ, что Бѣлинскій «имѣлъ нѣсколько литературныхъ зазывовъ и предложеній, но онъ отказался отъ нихъ рѣшительно, потому что желалъ остаться при своихъ собственныхъ мнѣніяхъ и не хотѣлъ изъ вещественныхъ выгодъ мѣнять свой образъ мыслей въ угоду тому или другому». «Нѣтъ, г. Бѣлинскій—заявляетъ Межевичъ—остался честнымъ и добросовѣстнымъ литераторомъ, хотя не пріобрѣлъ не только никакихъ выгодъ, а едва ли имѣетъ необходимое въ жизни. Дай Богъ ему терпѣнія!» (Н. Лернеръ. «Бѣлинскій», сс. 63—64, 68. М. 1910).

его журнала десятки тысячъ рублей и хорошо зная, что Бѣлинскій постоянно нуждался въ деньгахъ и даже пользовался матеріальною помощью своихъ друзей,— Краевскій тѣмъ не менѣе оставался глухъ и слѣпъ къ тяжелому положенію своего «спасителя», которому онъ только на первыхъ порахъ показался «чрезвычайно добрымъ, теплымъ и умнымъ человѣкомъ» (Пыпинъ, 275). «Разговоры о деньгахъ для меня пытка», писалъ Бѣлинскій Краевскому, и этой пыткѣ онъ подвергался гораздо чаще, чѣмъ слѣдовало ожидать. Случалось, что Бѣлинскій принужденъ былъ вымаливать у своего суроваго и даже грубаго принципала, «грубѣйшаго изъ всѣхъ директоровъ, когда-либо существовавшихъ въ семъ печальномъ мірѣ»,—небольшія суммы денегъ, чтобы имѣть возможность избавиться отъ скверной квартиры, на которой онъ *давился кашлемъ, исходилъ мокротами и пилъ съ чаемъ и со щами алебастровую пыль* (О. И. П. Б. за 1889 г., с. 18). Когда же мольбы и жалобы не дѣйствовали, Бѣлинскій прибѣгалъ къ угрозамъ и, кажется, даже пускался на хитрости. «Если вы—писалъ онъ Краевскому въ 1841 году—въ скорѣйшемъ времени достанете мнѣ 1570 рублей,—я снова и еще съ большимъ противъ прежняго усердіемъ запрягусь работать для «Отеч. Записокъ», и кромѣ того, что обязанъ буду дѣлать по условію, буду давать и ученыя статьи.... попрежнему не требуя и даже *не желая* за нихъ особенной платы. Если нѣтъ—я... не могу писать критикъ ни новыхъ, ни обѣщанныхъ». «Безумія и гордости умереть съ голоду—прибавляетъ Бѣлинскій—у меня всегда станетъ... Я освирѣпѣлъ отъ нужды, какъ звѣрь: если бы какой покойникъ долженъ мнѣ былъ хотя 10 рублей, мнѣ хотѣлось бы вырыть его ногтями изъ могилы и, за деньги, сглодать его кости» (с. 20).

Въ это время Бѣлинскій имѣлъ намѣреніе оставить за собой только библіографію и театральную хронику въ «Отеч. Запискахъ», а вмѣсто критическихъ статей, скудно оплачиваемыхъ, заняться составленіемъ болѣе прибыльныхъ популярныхъ книгъ. Краевскій, повидимому, употребилъ всѣ усилія, чтобы удержать Бѣлинскаго въ своемъ журналѣ и, можетъ быть, какъ разъ въ это время прибавилъ ему 1000 руб. асс. Но жалобы Бѣлинскаго не прекратились, и въ 1843 году онъ въ отчаяніи писалъ Боткину: «Я—Прометей въ карикатурѣ: «Отеч. Записки»—моя скала, Краевскій—мой коршунъ». Сообщивши дальше о своихъ долгахъ, Бѣлинскій прибавляетъ: «это просто оргія отчаянія» (Пыпинъ, 432). Въ этомъ году Бѣлинскій чуть было не разошелся съ

Краевскимъ, получивши предложеніе нѣкоего Косиковскаго уѣхать съ нимъ за границу на два года. Но разстаться съ Краевскимъ на этотъ разъ не удалось; напротивъ, въ виду предстоящей женитьбы Бѣлинскій долженъ былъ даже задабривать своего «коршуна». «Я всегда—писалъ онъ Краевскому изъ Москвы 22 іюля 1843 года—васъ зналъ въ отношеніи къ себѣ человѣкомъ добрымъ и честнымъ... Вы прекрасный человѣкъ, но грубоваты въ формахъ— вотъ и все» (О. И. П. Б. за 1889 г., сс. 29—30).

Помимо денежнаго вопроса поводомъ къ недовольству Бѣлинскаго служила и страсть Краевскаго кстати и некстати пускать въ ходъ свой редакторскій карандашъ и поправлять статьи великаго критика. «Редакторскія поправки Краевскаго — говоритъ г. Венгеровъ по поводу поправокъ въ статьѣ о II томѣ сборника «Сто русскихъ литераторовъ»—интересны для выясненія положенія Бѣлинскаго въ «Отеч. Запискахъ». Въ общемъ, конечно, онъ былъ вполнѣ независимъ въ своихъ сужденіяхъ, и редакторская цензура почти ни въ чемъ не отражалась въ его статьяхъ. Для активной роли у Краевскаго не хватало ни умственныхъ силъ, ни опредѣленныхъ взглядовъ, и этотъ ловкій литературный антрепренеръ, чувствуя, насколько успѣхъ журнала создается пламенною страстностью Бѣлинскаго и новизною его взглядовъ, предоставлялъ «неистовому Виссаріону» почти полную свободу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, Краевскій, всегда напускавшій на себя важность, нимало не отказывался отъ редакторской роли, и редакторскій зудъ его, не проявляясь ни въ чемъ серьезномъ, выражался, главнымъ образомъ, въ множествѣ мелкихъ стилистическихъ поправокъ и передѣлокъ. Общее впечатлѣніе отъ этихъ редакторскихъ измѣненій самое жалкое: они совершенно лишнія и всѣ заключаются въ томъ, что страстному и оттого иной разъ хотя и нагроможденному, но отнюдь не въ ущербъ красотѣ и силѣ, стилю Бѣлинскаго сообщали холодную и бездушную грамматическую правильность. Кое-гдѣ поправки Краевскаго являются обдѣлываніемъ его литературныхъ дѣлишекъ. Онъ пока еще не хочетъ очень задѣвать имѣющаго большія связи Погодина и потому вычеркиваетъ самое невинное замѣчаніе по его адресу; онъ выбрасываетъ иронію по адресу Каменскаго, зятя президента Академіи Художествъ, гр. Толстого; онъ зачеркиваетъ насмѣшливый каламбуръ по отношенію къ входящему въ силу Надеждину, наконецъ, позволяетъ себѣ совсѣмъ неприличную вещь: Бѣлинскій, перечисляя «благородныхъ дѣятелей», оставшихся послѣ

смерти Пушкина, называетъ Крылова, Жуковскаго, Одоевскаго, Лажечникова, Гоголя, Лермонтова, а Краевскій отъ себя прибавляетъ могущественнаго кн. Вяземскаго» (Бѣлинскій, VI, 592).

Со второй половины сороковыхъ годовъ Бѣлинскій сталъ все болѣе и болѣе тяготиться своей подневольной и недостаточно его обезпечивающей работой въ «Отеч. Запискахъ» и снова началъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ Некрасова, пробивавшагося издательствомъ, мечтать объ освобожденіи изъ кабалы у Краевскаго, котораго наконецъ онъ вполнѣ раскусилъ. Особенно тяготилъ Бѣлинскаго библіографическій отдѣлъ журнала, для котораго онъ долженъ былъ писать рецензіи всевозможнаго рода пустыхъ и глупыхъ книжонокъ. «Я твердо рѣшился—пишетъ Бѣлинскій Герцену въ началѣ 1846 года—оставить «Отеч. Записки» и ихъ благороднаго, безкорыстнаго владѣльца... Съ г. Краевскимъ невозможно имѣть дѣла. Это, можетъ быть, очень хорошій человѣкъ, но онъ пріобрѣтатель, слѣд., вампиръ, всегда готовый высосать изъ человѣка кровь и душу, а потомъ бросить его за окно, какъ выжатый лимонъ. До меня дошли слухи, что онъ жалуется, что я мало работаю, онъ выдаетъ себя за моего благодѣтеля, который изъ великодушія держитъ меня, когда уже я ему и не нуженъ. Еще годъ назадъ тому онъ (узналъ я недавно изъ втораго источника) въ интимномъ кругу пріобрѣтателей сказалъ: «Бѣлинскій выписался и мнѣ пора его прогнать». Я живу впередъ забираемыми у него деньгами, я ясно вижу, что онъ не хочетъ мнѣ ихъ давать: значитъ, хочетъ отъ меня отдѣлаться. Мнѣ, во что бы то ни стало, надо упредить его. Не говоря уже о томъ, что съ такимъ человѣкомъ мнѣ нельзя имѣть дѣла, хочется дать ему замѣтить, что-де Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ. Въ журналѣ его я играю теперь довольно послѣднюю роль: ругаю Булгарина, этою самою бранью намекаю, что Краевскій—прекрасный человѣкъ, герой добродѣтели. Служить орудіемъ подлецу для достиженія его подлыхъ цѣлей и ругать другого подлеца не во имя истины и добра, а въ качествѣ холопа подлеца № 1,—это гадко... Чѣмъ же Булгаринъ хуже Краевскаго? Нѣтъ, Краевскій во сто разъ хуже и теперь въ 1000 разъ опаснѣе Булгарина». «Это не человѣкъ, а дьяволъ,—пишетъ Бѣлинскій Герцену о Краевскомъ въ слѣдующемъ письмѣ:—но многое у него не столько скупость, сколько разсчетъ. Онъ даетъ мнѣ разбирать нѣмецкіе, французскіе, латинскіе букварн, грамматики; недавно я писалъ объ итальянской грамматикѣ. Все это не потому только, чтобы ему жаль

было платить другимъ за такія рецензіи, кромѣ платы мнѣ, но и потому, чтобы заставить меня забыть, что я закваска, соль, духъ и жизнь его пухлаго, водяного журнала (въ которомъ все хорошее—мое, потому что безъ меня ни ты, ни Боткинъ, ни Тургеневъ, ни многіе другіе ему ничего бы не давали), и заставить меня увѣриться, что я просто—чернорабочій, который беретъ не столько качествомъ, сколько количествомъ работы. Святители! о чемъ не пишу я ему, какихъ книгъ не разбираю! И по части архитектуры (да еще какой: византійской!), и по части медицины... Онъ сдѣлалъ изъ меня враля, шарлатана, свою собаку, осла, на которомъ онъ въѣзжаетъ въ Ерусалимъ своихъ успѣховъ. Булгаринъ ему въ ученики не годится» («Рус. Мысль» 1891 г., № 1, сс. 2—4, 8—9).

Герценъ старался примирить Бѣлинскаго съ Краевскимъ, но успѣха не имѣлъ. Краевскій, съ своей стороны, дѣлалъ кое-какія попытки удержать Бѣлинскаго въ своемъ журналѣ, но, повидимому, не особенно жалѣлъ о неудачѣ этихъ попытокъ и о разрывѣ съ главнымъ своимъ сотрудникомъ. На Бѣлинскаго въ это время было обращено серьезное вниманіе разнаго рода охранительныхъ вѣдомствъ. Такой сотрудникъ былъ уже болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ для дальнѣйшаго существованія журнала и, слѣдовательно, для кармана его издателя. «Слышалъ я,—сообщаетъ Бѣлинскій Герцену о Краевскомъ,—что онъ распространяетъ слухи, что хочетъ мнѣ отказать, какъ человѣку безпокойному и его изданію опасному». Булгаринъ, въ извѣстной уже читателю запискѣ о соціализмѣ, коммунизмѣ и пантеизмѣ въ Россіи, сообщаетъ, что Краевскій явился къ гр. Мусину-Пушкину и признался ему, что онъ самъ недоволенъ кое-чѣмъ въ своемъ журналѣ, но что въ этомъ виноватъ Бѣлинскій, котораго онъ удаляетъ изъ журнала. Булгаринъ считаетъ слухи о разрывѣ Бѣлинскаго съ Краевскимъ «пуфомъ» и «обманомъ», но это извѣстіе о [illegible] ловкаго издателя «Отеч. Записокъ» съ предсѣдателемъ петербургскаго цензурнаго комитета [illegible].

Послѣ смерти Бѣлинскаго Краевскій напечаталъ [illegible] нѣсколько сочувственныхъ строкъ въ іюньской книжкѣ «Отеч. Записокъ» 1848 года. «Никакія журнальныя отношенія [illegible] не помѣшаютъ намъ сказать,—писалъ Краевскій,—что Бѣлинскій, будучи человѣкомъ [illegible] дарованія, [illegible] неизмѣнною честностью и благородствомъ [illegible] въ частной жизни. Очень [illegible] онъ въ своемъ [illegible]

тературныхъ мнѣніяхъ: заблужденія его происходили иногда, можетъ быть, отъ недостатка знанія, иногда отъ пылкости впечатлительной души, но, при достаточно сильномъ опроверженіи, онъ легко отъ нихъ отказывался». Но двадцать лѣтъ спустя, послѣ того, какъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1869 г. появилось письмо Бѣлинскаго къ Боткину, между прочимъ, обвинявшее Краевскаго въ эксплуатаціи, послѣдній заговорилъ уже инымъ языкомъ. «Мы уважали Бѣлинскаго, какъ писателя, но никогда не благоговѣли передъ нимъ, какъ предъ человѣкомъ», заявилъ Краевскій въ своемъ фельетонѣ «Кто правъ? кто виноватъ?» Главнымъ недостаткомъ Бѣлинскаго Краевскій считаетъ самолюбіе. «Самолюбіе дѣлало иногда невыносимымъ его какъ человѣка; оно было въ немъ не столько недостаткомъ, сколько болѣзнью, убивавшею его наравнѣ съ страданіемъ легкихъ. Лесть и потворство его самолюбію были способны увлечь его на путь, прямо противоположный тому, который онъ выбралъ въ спокойныя минуты» («Голосъ» 1869 г., № 204).

Что Краевскій безжалостно эксплуатировалъ Бѣлинскаго и, по выраженію г. Лернера, «систематически обращалъ благороднаго коня въ водовозную клячу», въ этомъ въ настоящее время не можетъ быть никакого сомнѣнія, несмотря даже на такихъ защитниковъ Краевскаго, какъ Д. В. Григоровичъ (см. его сочиненія въ изд. Маркса, XII, 304—305) и *Старчевскій*, который въ своихъ «Воспоминаніяхъ стараго литератора» изображает издателя «Отеч. Записокъ» чуть ли не идейнымъ руководителемъ великаго критика. «Начало дѣятельности Бѣлинскаго въ журналѣ Краевскаго—говоритъ Старчевскій—было не совсѣмъ удачно. Бѣлинскій ударился въ гегелеву философію, которой была напичкана каждая книжка «Отеч. Записокъ», такъ что публика даже стала роптать. Эти статьи порядочно повредили журналу, потому что для большинства читателей онѣ были вовсе недоступны, а для развитой публики скучны.... Краевскій, внявъ воплю большинства, вооружился гражданскимъ мужествомъ и заставилъ Бѣлинскаго бросить гегеліанскую философію и прорубать дорогу черезъ наши брынскіе и муромскіе литературные лѣса въ исторію русской словесности прошлаго и первой трети XIX столѣтія». Тотъ же Старчевскій увѣряетъ, что Краевскій «радъ былъ представившемуся случаю разстаться съ Бѣлинскимъ», потому что «его двѣнадцать статей о Пушкинѣ въ конецъ измучили не только самого автора, но и рьяныхъ его поклонниковъ, а большинство

публики послѣ шестой статьи о Пушкинѣ махнуло на нихъ рукой и вовсе не читало, такъ что послѣдніе труды Бѣлинскаго въ «Отеч. Запискахъ» читались лишь одними преподавателями и учителями русской словесности разныхъ учебныхъ заведеній и досужими литературными диллетантами» («Истор. Вѣстникъ» 1888 г., № 10, с. 133. ср. «Ист. В.» 1886 г., № 2).

IX. Валеріанъ Майковъ и Дружининъ.

Изъ представителей молодого поколѣнія, выступившихъ на критическое поприще въ сороковыхъ годахъ, самымъ замѣчательнымъ былъ Валеріанъ Майковъ, занявшій мѣсто Бѣлинскаго въ «Отеч. Запискахъ» съ 1846 года и не замедлившій вступить со своимъ учителемъ въ полемику. Въ статьѣ о Кольцовѣ Майковъ признаетъ за критикой Бѣлинскаго могучую силу эстетическаго чувства и сильную способность быстраго и яснаго распознаванія частнаго въ общемъ и общаго въ различномъ. «Такой только критикой—по словамъ Майкова — могло начаться радикальное отрицаніе ложныхъ эстетическихъ началъ литературы и обращеніе къ новымъ, діаметрально противоположнымъ. И такая критика дѣйствительно явилась у насъ подъ вліяніемъ Пушкина (въ послѣднюю эпоху его дѣятельности), Лермонтова, а болѣе всего подъ вліяніемъ Гоголя. Она оказала русской литературѣ разнообразныя услуги. Главное, она служила до сихъ поръ энергическимъ выраженіемъ симпатіи къ новой школѣ искусства». Но далѣе Майковъ находитъ существенные недостатки въ критикѣ Бѣлинскаго, а именно: ея бездоказательность и диктаторскій тонъ. «Выражать симпатію и анализировать ее—говоритъ молодой критикъ—двѣ вещи разныя и по сущности и по результатамъ... Выразить свое мнѣніе публично и не подкрѣпить его доводами, которые самъ находишь убѣдительными, уже значитъ выразить свое неуваженіе къ свободѣ мнѣній и претензію на диктаторство». «Въ настоящую минуту—говорится дальше—безотчетность эстетической критики не сообразна съ пробуждающимся требованіемъ строгой логики». Въ частности, осыпая статью Бѣлинскаго о Кольцовѣ похвалами, Майковъ протестуетъ противъ предложеннаго великимъ критикомъ термина «геніальный талантъ». «Мы убѣждены,—говоритъ Майковъ—что умножать число терминовъ для опредѣленія степеней какой бы то ни было силы, не подлежащей количественному измѣренію, значитъ—не болѣе, какъ увеличивать сбивчивость

языка, ничего не прибавляя къ объясненію самаго дѣла... По нашему мнѣнію, заниматься опредѣленіемъ различныхъ степеней духовныхъ способностей, значитъ—терять время по-пустому, да еще, сверхъ того, увеличивать неопредѣленность и условность психологическихъ терминовъ».

Когда упреки въ «диктаторствѣ» вызвали недовольство друзей Бѣлинскаго и даже подозрѣнія, что статья написана въ рѣзкомъ тонѣ въ угоду Краевскому, Майковъ написалъ И. С. Тургеневу интересное письмо, гдѣ еще опредѣленнѣе высказалъ свое отношеніе къ критикѣ своего учителя. Между прочимъ, въ этомъ письмѣ находятся такія строки: «Я написалъ о критикѣ Бѣлинскаго именно то, что думаю. Знакомство свое съ нимъ я не могъ считать инымъ, какъ самымъ дальнимъ, и потому, разсуждая объ немъ печатно, вовсе не считалъ себя обязаннымъ принимать въ соображеніе свои личныя отношенія къ нему. Вѣдь не имѣю же я права считать себя его пріятелемъ, когда между нами не было ничего, кромѣ уваженія съ моей стороны и учтиваго вниманія съ его. А если такъ, то для чего же сталъ бы я стѣсняться въ выраженіи своихъ мыслей о его заслугахъ? Что же касается до самаго мнѣнія моего о критикѣ г. Бѣлинскаго, то я не думаю, чтобъ онъ самъ считалъ свои статьи доказательными: я никакъ не хотѣлъ сказать, да и не сказалъ, что онъ не умѣетъ доказывать своихъ убѣжденій; замѣчаніе мое ограничивается тѣмъ, что онъ не считаетъ это нужнымъ. Если въ выходкѣ о диктаторствѣ есть что-нибудь жесткое, то я этому очень радъ, потому что диктаторствомъ Бѣлинскаго я самъ оскорблялся не разъ въ качествѣ читателя его статей. Уважая его за многое и многое, считаю его наклонность къ диктаторству недостойною его остальныхъ свойствъ. Вы скажете, можетъ быть, что я не долженъ былъ упоминать о бездоказательной манерѣ Бѣлинскаго, потому что она выкупается горячностью чувства, которая дѣйствуетъ на общество наше сильнѣе логики. Въ статьѣ своей я довольно много говорю даже о пользѣ того, что первая русская критика началась не теоріей, а живымъ приговоромъ эстетическаго чувства. Но все-таки я убѣжденъ, что бездоказательная, памфлетическая манера критики не можетъ быть долго полезна; доказательствами этого убѣжденія полна вся статья: если они плохи, такъ въ этомъ виновата моя логика, а не я. Сверхъ того замѣчу, что по самому предмету статьи я не могъ входить въ подробную оцѣнку заслугъ Бѣлинскаго; я долженъ былъ упомянуть о его критикѣ единственно

со стороны доказательности, а объ остальномъ было и неумѣстно говорить... Въ судѣ надъ его критикой не настоитъ еще никакой нужды, потому что я считаю его въ полной порѣ силы и не хуже другихъ понимаю, сколько пользы можетъ онъ еще оказать Россіи вообще, въ особенности же всѣмъ пишущимъ и мнѣ первому» (Вал. Н. Майковъ. «Критическіе опыты», сс. 9—11, 113, XXXVIII—XL. Спб. 1891).

«Выходка Майкова болѣзненно подѣйствовала» на Бѣлинскаго, по собственному его сознанію, но онъ не могъ не отдать справедливости замѣчаніямъ молодого критика. Въ своихъ статьяхъ въ «Современникѣ» онъ гораздо осторожнѣе и сдержаннѣе по отношенію къ своимъ литературнымъ врагамъ и противникамъ, и прежде всего къ славянофиламъ. Вступивъ съ Майковымъ въ полемику, онъ даже явился защитникомъ нѣкоторыхъ славянофильскихъ взглядовъ. «Славянофилы правы во многихъ отношеніяхъ», заявляетъ Бѣлинскій въ статьѣ «Взглядъ на русскую литературу 1846 года». Далѣе, прямо по адресу Майкова, онъ прибавляетъ: «Въ отношеніи къ этому вопросу [національному] я скорѣе готовъ перейти на сторону славянофиловъ, нежели оставаться на сторонѣ гуманическихъ космополитовъ, потому что если первые и ошибаются, то какъ люди, какъ живыя существа, а вторые и истину-то говорятъ, какъ такое-то изданіе такой-то логики».

Высоко цѣнилъ Бѣлинскаго и *Дудышкинъ*, хотя онъ оказался не въ силахъ не только замѣнить его, но даже поддержать его традиціи, когда, по смерти Майкова, занялъ въ «Отеч. Запискахъ» мѣсто перваго критика и даже фактическаго редактора. Въ 1859 году онъ встрѣтилъ первые томы сочиненій Бѣлинскаго очень сочувственной рецензіей, гдѣ назвалъ его «могущественнымъ двигателемъ литературы, который покорилъ своему воззрѣнію всѣхъ остальныхъ дѣятелей того времени», «первымъ и самымъ сильнымъ публицистомъ», человѣкомъ съ рѣдкимъ поэтическимъ чутьемъ и необыкновенной способностью къ отвлеченному мышленію. «Такой способности къ отвлеченному мышленію, — говоритъ Дудышкинъ—такой способности къ философіи мы рѣшительно не признаемъ ни за кѣмъ. Въ этомъ отношеніи ему могъ бы отдать честь любой германскій философъ». Даже измѣнчивость мнѣній Бѣлинскаго, по заявленію Дудышкина, «принесла гораздо больше пользы, нежели твердая неизмѣняемость въ своихъ узенькихъ принципахъ—у другихъ» («Отеч. Записки» 1859 г., № 5). Въ концѣ того же года Дудышкинъ отозвался на фельетонъ

Кс. Полевого негодующей замѣткой «Шипящіе старики» («Отеч. Записки» 1859 г., № 11).

Къ числу поклонниковъ Бѣлинскаго, хотя съ существенными оговорками и ограниченіями, принадлежалъ и Дружининъ. Выступившiи на литературное поприще въ качествѣ беллетриста, авторъ «Полиньки Саксъ» удостоился лестныхъ отзывовъ Бѣлинскаго, который много ожидалъ отъ него въ будущемъ и думалъ, что «онъ для женщинъ будетъ то же, что Герценъ для мужчинъ» (Пыпинъ, 563). Принадлежа къ числу близкихъ знакомыхъ великаго критика въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, Дружининъ часто посѣщалъ его зимою 1847—1848 года и сохранилъ объ этихъ посѣщеніяхъ свѣтлыя воспоминанія. «Силы человѣческія слабѣли,— вспоминалъ онъ о Бѣлинскомъ въ 1856 году,—но не слабѣли съ ними любовь къ искусству, жажда истины, дружелюбіе къ начинающимъ дѣятелямъ... Въ мелкихъ замѣткахъ, въ изустныхъ бесѣдахъ, въ отдѣльныхъ страницахъ горѣлъ священнымъ, послѣднимъ свѣтомъ огонь души, предназначенной на все прекрасное» (Дружининъ. Собраніе сочиненій, VII, 238. Спб. 1865). Но занявши послѣ смерти Бѣлинскаго мѣсто перваго критика въ «Современникѣ», Дружининъ не пошелъ по слѣдамъ своего великаго предшественника въ послѣдній періодъ его литературной дѣятельности. Напротивъ, въ качествѣ поборника «свободнаго искусства» онъ, по выраженію г. Венгерова, «воюетъ съ Бѣлинскимъ на протяженіи всѣхъ крупныхъ статей своихъ. Нѣтъ той темы, которую бы онъ ни затронулъ, нѣтъ того писателя, котораго бы онъ разбиралъ и при этомъ не коснулся бы вдохновителя русскаго дидактизма» (Венгеровъ. «Критико-біографическій словарь», V, 427). Когда Чернышевскій въ знаменитыхъ «Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы» выступилъ съ реабилитаціей Бѣлинскаго и его публицистической критики второй половины сороковыхъ годовъ, при чемъ объяснилъ, что только эта критика «одна доселѣ сохранила свою жизненность», а «всѣ остальныя направленія были тунеядными, пустоцвѣтными растеніями»,—Дружининъ счелъ себя лично обиженнымъ и выступилъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» (1856 г., №№ 11 и 12) съ длинной статьей «Критика гоголевскаго періода русской литературы и наши къ ней отношенія», гдѣ съ самаго начала впадаетъ въ рѣзкій полемическій тонъ по отношенію къ автору «Очерковъ» и къ самому Бѣлинскому. «Вообразить себѣ,—говоритъ Дружининъ—что всѣ новые писатели, явившіеся за эти десять лѣтъ, не могутъ сообщить публикѣ

ничего новаго, можетъ лишь одинъ какой-нибудь дикій тружевникъ, лишенный всякой литературной зоркости».

Дружининъ относитъ Чернышевскаго къ числу «ослѣпленныхъ жрецовъ» и «отчаянныхъ поклонниковъ старой критики», а его восторженное отношеніе къ Бѣлинскому обзываетъ «критическимъ фетишизмомъ». Самъ Дружининъ не скрываетъ своего очень высокаго мнѣнія о критикѣ Бѣлинскаго. «Она имѣла—говоритъ онъ—свои слабости, свои ошибки, свои увлеченія, свои худыя стороны,—но... результатъ ея заслугъ много превышаетъ недостатки... Она разработала исторію старой литературы нашей, она сдѣлала строгую повѣрку всѣхъ критическихъ начатковъ, до нея существовавшихъ; она нанесла жестокій ударъ французской рутинѣ, много лѣтъ у насъ существовавшей; она оцѣнила дѣятельность всѣхъ нашихъ великихъ поэтовъ и прозаиковъ; она привѣтствовала геній Пушкина и первыя начинанія Гоголя; она внесла въ критику элементы, до той поры ей чуждые, то есть горячность и изящество, любовь къ наукѣ, безпредѣльное сочувствіе ко всему святому, прекрасному, справедливому въ жизни и поэзіи. Рядомъ живыхъ, увлекательныхъ уроковъ она заставила холодную публику привязаться къ дѣлу родного искусства... На всякій талантъ, на всякое правдивое слово, на всякій полезный трудъ она откликалась радостнымъ голосомъ и часто, увлекаясь своей восторженностью, заглаживала самыя свои ошибки съ помощью любви и воспріимчивости. Она воспитала новое поколѣніе литераторовъ, и каждому изъ нихъ, въ трудныя минуты первыхъ усилій, протягивала дружескую и братскую руку... Значеніе критики гоголевскаго періода таково, что всякій журналъ, всякій литературный цѣнитель, сколько-нибудь понимающій свое призваніе, не имѣетъ права не знать ее, не изучать ея вполнѣ, не провѣрить всѣхъ ея выводовъ, не опредѣлить собственныхъ своихъ отношеній къ этой сильной и благотворной критикѣ. Она живетъ и дышитъ повсюду, даже въ умахъ своихъ ненавистниковъ» (Дружининъ, VII, 192).

Но вслѣдъ за этой блестящей страницей Дружининъ начинаетъ говорить о недостаткахъ критики сороковыхъ годовъ, имѣя въ виду Бѣлинскаго, хотя и избѣгая называть его по имени. Главной и существенной слабостью этой критики считается то, что, не имѣя серьезныхъ противниковъ, не встрѣчая ниоткуда основательнаго противодѣйствія, «она стала утрачивать терпимость и хладнокровіе... впадала въ парадоксы, поспѣшныя заключенія, крайности всякаго рода». «Пересматривая блестательнѣйшія и

благотворнѣйшія изъ критическихъ статей гоголевскаго періода [то-есть статьи Бѣлинскаго], мы безпрерывно—говоритъ Дружининъ—подмѣчаемъ въ нихъ страницы невыносимо-лживыя, выводы болѣе чѣмъ дѣтскіе». Высоко цѣня историко-литературныя заслуги Бѣлинскаго, положившаго «прочныя основы» для исторіи нашей словесности, восторгаясь его «великолѣпными этюдами» о русскихъ писателяхъ XVIII вѣка, отмѣчая его «безукоризненную справедливость» въ первыхъ оцѣнкахъ Пушкина, Гоголя, Грибоѣдова, Лермонтова и Кольцова,—Дружининъ въ то же время упрекаетъ великаго критика въ несправедливомъ отношеніи къ талантамъ второго разряда, особенно къ Марлинскому. Въ разборѣ произведеній Марлинскаго, превращеннаго «въ олицетвореніе напыщенной, уродливой, высокопарной бездарности», Бѣлинскій, по мнѣнію Дружинина, «является не учителемъ литературнаго дѣятеля, а его необузданнымъ противникомъ». Недоволенъ также Дружининъ и рѣзкой полемикой Бѣлинскаго съ современными ему литературными партіями и органами печати, особенно со славянофилами и съ «Библіотекой для Чтенія».

Коснувшись далѣе основныхъ взглядовъ Бѣлинскаго, Дружининъ ставитъ ему въ большую заслугу усвоеніе и примѣненіе эстетическихъ принциповъ Гегеля, но сильно жалѣетъ, что Бѣлинскій не удержался на высотѣ «артистической» теоріи поэзіи и оказался въ когтяхъ «нео-германской и нео-французской дидактики», отъ которыхъ его могло будто бы спасти только основательное знакомство съ англійской литературой. Съ этого времени, по мнѣнію Дружинина, вліяніе Бѣлинскаго начало видимо клониться къ упадку. Но это не былъ упадокъ безналежный, старческій. «Святая любовь къ поэзіи и истинѣ продолжала горѣть на жертвенникѣ, только сіяніе этого пламени страдало отъ облаковъ тумана, на него набѣжавшихъ». Дружининъ «всѣмъ сердцемъ и всею душою» убѣжденъ, что критика Бѣлинскаго «выбилась бы изъ-подъ гнета ложныхъ теорій», если бы не помѣшала этому преждевременная его смерть. «Она имѣла все, что нужно для новыхъ успѣховъ и новой благотворной дѣятельности: при ея талантливости, зоркости, воспріимчивости, готовности сознаваться въ своихъ ошибкахъ, она не была способна долго идти объ руку съ дидактическимъ сентиментализмомъ Франціи и Германіи».

Разумѣется, «дидактическія заблужденія» Бѣлинскаго, по мнѣнію Дружинина, вредно отразились на русской литературѣ. Увлекшись «дидактикой», критика «лишила себя права быть

художественно взыскательной». Перемѣна эстетическихъ взглядовъ Бѣлинскаго, по мнѣнію Дружинина, испортила и знаменитыя статьи о Пушкинѣ, который вначалѣ разбирался съ художественной, а потомъ съ «рѣзко-дидактической» точки зрѣнія. Особенно возмущается Дружининъ отношеніемъ Бѣлинскаго къ Татьянѣ, тѣмъ, что «плѣнительнѣйшій идеалъ русской непорочной красавицы, созданіе плѣнительнѣйшаго изъ русскихъ поэтовъ было брошено подъ ноги героинямъ сентиментальныхъ романовъ [Жоржъ-Сандъ], хотя и имѣющихъ свое значеніе, но не стоящихъ, по своей поэтической истинѣ, одной главы нашего «Онѣгина».—Заслуги Бѣлинскаго по отношенію къ Гоголю представляются Дружинину «въ лучезарномъ свѣтѣ». Онъ признается, что не въ состояніи изобразить «всей зоркости, всего критическаго такта, всего мастерства» въ оцѣнкѣ Гоголя до появленія «Переписки съ друзьями»: «похвальное слово самаго восторженнаго поклонника тутъ будетъ слабѣе простой истины». Но нападеніе на «Переписку съ друзьями», по мнѣнію Дружинина, было дѣломъ несправедливымъ и жестокимъ: «нападать на нее, какъ на проявленіе никому не навязываемыхъ [?] личныхъ стремленій, было недостойно, а если взять въ соображеніе болѣзненное состояніе Гоголя, даже безжалостно».

Статья Дружинина вызвала большое недовольство даже среди друзей его. «Статья вышла тупая, точно птица безъ клюва»—писалъ Тургеневъ Герцену. «Отъ нея вѣетъ холодомъ и тусклымъ безпристрастіемъ»—прибавляетъ онъ въ письмѣ къ Колбасину. «Она очень умна и безпристрастна,—писалъ Тургеневъ самому Дружинину—но холодна и—виноватъ!—несправедлива». Но нашлись у Дружинина и сторонники, повторившіе его упреки на страницахъ другихъ изданій. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ беллетриста и критика *Н. Д. Ахшарумова* «О порабощеніи искусства», напечатанной въ «Отеч. Запискахъ» 1857 г. (№ 7), мы находимъ такія строки по адресу Бѣлинскаго: «Онъ былъ педагогъ и менторъ въ полномъ смыслѣ слова, несмотря на то, что всѣ старыя основанія литературной схоластики шатались и падали подъ его ударами. Онъ безпощадно смѣялся надъ рутиною семинарской піитики и риторики и много способствовалъ освобожденію талантовъ второго разбора изъ битой колеи; но онъ не уважалъ свободнаго искусства въ истинномъ смыслѣ этого слова... Онъ понималъ критику черезчуръ широко; онъ понималъ ее въ видѣ какой-то общей наставницы и учительницы, которая обязана рѣшать все-

возможные вопросы... Со времени Бѣлинскаго и во многомъ подчиняясь его вліянію, наша литература стала серьезно смотрѣть на себя, какъ на няньку или гувернантку несовершеннолѣтней публики». Не забытъ, конечно, и упрекъ Бѣлинскому по поводу Татьяны.

Что касается самого Дружинина, то онъ согласился съ Тургеневымъ и воспользовался появленіемъ первыхъ томовъ сочиненій Бѣлинскаго, чтобы напечатать въ той же «Библіотекѣ для Чтенія» (1860 г., № 1) новую статью, гдѣ говорится гораздо больше о достоинствахъ, чѣмъ о недостаткахъ великаго критика. Сочиненія Бѣлинскаго признаются «вѣчно памятными и надолго благотворными для русской литературы». Бѣлинскій второй половины сороковыхъ годовъ названъ «единственнымъ публицистомъ въ Россіи», сдѣлавшимъ изъ своихъ статей трибуну, съ которой онъ «держалъ рѣчь ко всему, что было свѣжаго, молодого, просвѣщеннаго и прогрессивнаго въ нашемъ обществѣ». «Для всей разбросанной, неопытной, не сознающей еще своихъ силъ русской просвѣщенной молодежи Бѣлинскій въ это время былъ тѣмъ же, чѣмъ, напримѣръ, Грановскій былъ для Московскаго университета или докторъ Арнольдъ для итонскихъ юношей. Далеко уступая Арнольду и Грановскому въ учености, знаніи языковъ, знакомствѣ со многими сторонами науки и жизни, онъ превышалъ ихъ силой своего огненнаго таланта и горячностью своей натуры, которая одна была въ силахъ расшевелить наше дѣтски вѣтреное и довольно распущенное въ моральномъ отношеніи общество. Онъ былъ рожденъ публицистомъ, несмотря на то, что былъ въ то же время великимъ знатокомъ поэзіи». «Впрочемъ, — оговаривается Дружининъ — Бѣлинскій, какъ публицистъ, нисколько не могъ назваться практическимъ бойцомъ... Онъ былъ рожденъ не для сѣянія и жатвы, но для разработки почвы къ будущимъ посѣвамъ, не для возведенія зданія, а для прінсканія рабочихъ и заложенія фундамента. Какъ публицистъ-практикъ Бѣлинскій былъ такимъ же благороднымъ ребенкомъ, какъ и въ своей частной жизни».

Вопреки Чернышевскому, который назвалъ Бѣлинскаго «однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ ученыхъ», Дружининъ былъ очень невысокаго мнѣнія о степени образованности великаго русскаго критика и готовъ былъ поставить его въ этомъ отношеніи ниже даже рецензентовъ «Сѣверной Пчелы». Но сила Бѣлинскаго, говоритъ Дружининъ, заключалась не въ образованіи, а «въ его безпредѣльной любви къ русскому искусству». «Онъ не

простой цѣнитель литературныхъ явленій своего времени—онъ вдохновенный жрецъ русскаго слова... Любовь Бѣлинскаго къ русскому искусству была священнымъ огнемъ, на которомъ сгорѣлъ онъ самъ, но сгорѣлъ не напрасно. Такой любви ни въ комъ не было послѣ него,—а до него и самаго подобія ея нигдѣ и никогда не являлось». Дружининъ считаетъ даже большимъ счастьемъ для Россіи, что ея величайшій критикъ не получилъ высокаго образованія и былъ плохо знакомъ съ иностранными литературами: въ противномъ случаѣ онъ не питалъ бы такой страстной любви къ родной литературѣ, которая съ необычайной силой проявилась уже въ «Литературныхъ мечтаніяхъ». «Передъ тономъ «Мечтаній»—говоритъ Дружининъ—исчезало даже достоинство подробностей статьи, весьма замѣчательныхъ, но или навѣянныхъ извнѣ или уже не совсѣмъ новыхъ въ критикѣ... Но въ главной мысли своихъ «Размышленій» и въ тонѣ статьи, прямо зарожденной этой мыслью, Бѣлинскій не имѣлъ ни учителей, ни предшественниковъ. Никто до его времени не относился къ русской литературѣ съ такой страстной любовью и никто до него не могъ и не имѣлъ права говорить такихъ навѣянныхъ безпредѣльной любовью словъ: «Истинная эпоха русскаго искусства наступитъ... Но для этого надо сперва, чтобы у насъ образовалось общество, въ которомъ бы выразилась могучая физіономія русскаго народа, надобно, чтобы у него было просвѣщеніе, созданное нашими трудами, взрощенное на родной почвѣ... Придетъ время, просвѣщеніе разольется по Россіи широкимъ потокомъ, умственная физіономія народа выяснится, и тогда наши художники и писатели будутъ на всѣ свои произведенія налагать печать русскаго духа. Но теперь намъ нужно ученье, ученье, ученье!»... Сколько любви, сколько страсти было нужно для того, чтобы написать ихъ [приведенныя строки], чтобы всю жизнь проводить эти мысли и сдѣлать ихъ не одной импровизаціей въ горячую минуту, а цѣлымъ принципомъ дѣятельности! Тутъ заслуга заслугъ и ключъ къ разумѣнію лучшихъ страницъ Бѣлинскаго» (Дружининъ, VII, 614—615).

Высоко цѣнитъ Дружининъ и первыя статьи Бѣлинскаго о Гоголѣ и Кольцовѣ. Выписавши отзывы критика о ссорѣ двухъ Ивановъ и о старосвѣтскихъ помѣщикахъ, Дружининъ отъ себя прибавляетъ: «эти страницы удивительны—и подобное истолкованіе твореній геніальнаго писателя достойно того, чтобъ составить эпоху въ исторіи литературы и болѣе зрѣлой, чѣмъ наша».

Высоко цѣнятся также статьи Бѣлинскаго о московскомъ театрѣ. «По здравости и новизнѣ высказанныхъ идей—говоритъ Дружининъ—театральные разборы Бѣлинскаго — совершенство своего рода, и во всякомъ другомъ обществѣ могли бы совершить цѣлый драматическій переворотъ, подобный перевороту, совершенному «Драматургіей» Лессинга. Въ этихъ краткихъ рецензіяхъ указаны были всѣ язвы и пороки русской сцены—ея рутинность, ея зависимость отъ прихоти массъ, ея подражательность, ея стремленіе къ аффектаціи и противоестественности. И обличеніе въ этомъ дѣлѣ не было обличеніемъ безплоднымъ: рядомъ съ безнадежными сторонами русскаго театра, Бѣлинскій указывалъ на средства его обновленія, привѣтствовалъ постановку шекспировскихъ драмъ, разъяснялъ талантъ Мочалова, требовалъ отъ артистовъ любви къ дѣлу, высказывалъ великое значеніе простоты въ искусствѣ» (VII, 627).

Не боясь упрековъ въ противорѣчіи съ самимъ собою, Дружининъ даже взялъ назадъ нѣкоторыя нареканія, высказанныя по адресу Бѣлинскаго въ статьѣ 1856 года. Тамъ онъ говорилъ объ «оскорбительной нетерпимости» Бѣлинскаго, здѣсь онъ говоритъ объ уваженіи его къ чужимъ мнѣніямъ. Тамъ Дружининъ негодовалъ на Бѣлинскаго за несправедливое отношеніе къ Марлинскому, здѣсь онъ оправдываетъ рѣзкое отношеніе великаго критика и къ Марлинскому и къ Бенедиктову. «Все риторическое, яркое, эффектно-разсчитанное въ поэзіи казалось Бѣлинскому не простымъ литературнымъ грѣхомъ, а преступленіемъ передъ развивающеюся публикою, вредомъ для хода истинныхъ поэтовъ, поруганіемъ тому алтарю искусства, передъ которымъ онъ служилъ такъ благородно. Тутъ разгадка его запальчивости, его раздраженія при борьбѣ, его неукротимости въ нападеніи и отпорѣ». Слѣдуетъ также упомянуть, что Дружининъ высоко цѣнилъ Сенковскаго, своего предшественника по редактированію «Библіотеки для Чтенія», но ставилъ его гораздо ниже Бѣлинскаго: «гдѣ одинъ жаждалъ просвѣщать читателя, тамъ другой думалъ лишь о его развлеченіи».

Бѣлинскій первыхъ томовъ былъ особенно симпатиченъ и дорогъ Дружинину: здѣсь онъ былъ «жрецомъ и поборникомъ чистаго, свободнаго искусства... и внѣ свободнаго художества не видалъ никакихъ путей для поэзіи», а въ статьѣ о Менцелѣ онъ далъ такую стройную теорію этого искусства, которая не умретъ никогда и всегда останется истиною, стоящею выше

всякихъ опроверженій». Послѣдующіе томы должны были разочаровать Дружинина, и эта причина, по всей вѣроятности, помѣшала ему исполнить свое обѣщаніе—посвятить разбору сочиненій Бѣлинскаго «дальнѣйшіе этюды».

X. Аполлонъ Григорьевъ.

Наиболѣе восторженнымъ цѣнителемъ Бѣлинскаго среди критиковъ младшаго поколѣнія, безспорно, былъ Аполлонъ Григорьевъ, въ характерѣ котораго можно найти много сходства съ «неистовымъ Виссаріономъ». Съ раннихъ лѣтъ своей жизни Аполлонъ Григорьевъ зачитывался статьями Бѣлинскаго и внимательно прислушивался къ его отзывамъ, когда самъ выступилъ на литературное поприще въ качествѣ поэта. Отзывы великаго критика были не особенно благопріятны для самолюбія молодого поэта. «Вообще о г. Григорьевѣ можно сказать—читаемъ мы въ обзорѣ русской литературы 1845 года—что онъ, кажется, сдѣлался поэтомъ не по избытку таланта, а по избытку ума, и что на немъ мучительно отяготѣло вліяніе Лермонтова, отчего и происходятъ темнота и неопредѣленность въ цѣломъ многихъ пьесъ его и большихъ и малыхъ: видно, что онъ не въ силахъ ни отдѣлаться отъ преслѣдующей его мысли генія, ни овладѣть ею». Когда же Ап. Григорьевъ выступилъ съ отдѣльнымъ изданіемъ своихъ стихотвореній, его книжка «болѣе опечалила, чѣмъ порадовала» Бѣлинскаго, потому что окончательно убѣдила его въ томъ, что авторъ—«вовсе не поэтъ». Правда, по заявленію великаго критика въ обзорѣ русской литературы 1846 года, у Ап. Григорьева встрѣчаются «блестки дѣльной поэзіи, особенно тамъ, гдѣ замѣтно вліяніе Лермонтова, но это вліяніе исчезаетъ въ немъ все больше и больше и переходитъ въ славянофильство, которая вся заключается въ туманно-мистическихъ ..., при чтеніи которыхъ невольно приходитъ на память эта старая эпиграмма:

Ужъ подлинно Бибрусъ боговъ языкомъ пѣлъ—
Изъ смертныхъ бо его никто не разумѣлъ.

Еще безжалостнѣе отнесся Бѣлинскій къ переведенной Ап. Григорьевымъ «Антигонѣ» Софокла. «Едва ли—говорится въ той же статьѣ—Софоклъ—аттическая пчела—узналъ бы себя въ этомъ торопливомъ, исполненномъ претензій и крайне невѣрномъ

переводѣ г. Григорьева. Величавый древній сенаръ (шестистопный ямбъ) превратился въ какую-то рубленую, неправильную прозу... мелодическіе хоры являются пустозвоннымъ наборомъ словъ, часто лишенныхъ всякаго смысла; о древнемъ колоритѣ, характеристикѣ каждаго отдѣльнаго лица нѣтъ и помина. Спрашивается, для чего и для кого трудился г. Григорьевъ? Развѣ для того, чтобы отбить у насъ и безъ того не слишкомъ сильную охоту къ классической старинѣ, съ которой онъ такъ необдуманно обошелся?»

Послѣднимъ отзывомъ Ап. Григорьевъ былъ особенно обиженъ, и онъ не могъ забыть его до самаго конца своей горемычной жизни. Всего за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, въ крайне интересномъ документѣ «Краткій послужной списокъ на память моимъ старымъ и новымъ друзьямъ», онъ сдѣлалъ такое заявленіе: «Въ 1847 году... за первый свой честный трудъ, за «Антигону», я былъ обруганъ Бѣлинскимъ хуже всякаго школьника» («Эпоха» 1864 г., т. IX, с. 45).

Кромѣ Лермонтова, въ сороковыхъ годахъ и позже Ап. Григорьевъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Погодина, котораго до конца своей жизни считалъ своимъ «политическимъ и общественнымъ учителемъ». Но несмотря на неблагопріятные и даже оскорбительные отзывы Бѣлинскаго, несмотря на вліяніе такого врага великаго критика, какимъ былъ Погодинъ, Ап. Григорьевъ все-таки высоко цѣнилъ и уважалъ своего суроваго литературнаго учителя, хотя и расходился съ нимъ во многихъ взглядахъ. Онъ даже выступилъ на защиту умершаго Бѣлинскаго передъ Гоголемъ. «Этотъ человѣкъ—писалъ онъ Гоголю о Бѣлинскомъ—понималъ, хотя односторонне, но глубоко ваше значеніе въ литературѣ, любилъ васъ съ дѣтскимъ обожаніемъ... Пожалѣйте объ этой бѣдной, томившейся въ узахъ страданія, мракѣ и скорби, но благородной, хотя и заблуждавшейся душѣ... Негодованіе, злость и грусть, которыя дышатъ въ его письмѣ къ вамъ, проистекали не изъ мутнаго источника... Я не сочувствовалъ ему никогда, но не осмѣлюсь вмѣнить ему въ вину его неистовыхъ выходокъ въ письмѣ къ вамъ» («Рус. Архивъ» 1907 г., № 10, с. 281).

Въ печати Аполлонъ Григорьевъ долго не могъ говорить о Бѣлинскомъ: ему мѣшала сначала правительственная, а потомъ редакціонная цензура такихъ изданій, какъ «Москвитянинъ» и «Русская Бесѣда». Онъ тщетно старался уломать, напримѣръ, Погодина и доказать ему, что «съ памятью Виссаріона да съ его

экстравагантностью нужно примириться» (Барсуковъ, XV, 358). Впервые, кажется, Аполлонъ Григорьевъ могъ заговорить о Бѣлинскомъ только въ статьѣ «Критическій взглядъ на основы, значеніе и пріемы современной критики искусства», напечатанной въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1858 года (№ 1). Защищая Бѣлинскаго отъ упрековъ за длинныя разсужденія и вступленія въ его статьяхъ, Ап. Григорьевъ говоритъ: «Здѣсь я становлюсь адвокатомъ... дѣятельности энергическаго и даровитаго человѣка, память о великомъ художественномъ чувствѣ котораго, пламенной любви къ правдѣ и рѣдкой самоотверженной неспособности натуры устоять передъ правдою мысли—дороги мнѣ, несмотря на всю существенную разницу моихъ убѣжденій, нравственныхъ и общественныхъ, съ его убѣжденіями» (Сочиненія Ап. Григорьева, с. 194. Спб. 1876).

Въ слѣдующемъ году въ «Русскомъ Словѣ» (№№ 2 и 3) появилась статья Ап. Григорьева «Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина», гдѣ Бѣлинскому посвященъ цѣлый параграфъ и дается высокая оцѣнка его дѣятельности. «Эти статьи—говорится о «Литературныхъ мечтаніяхъ»—изумляли невольно своей безпощадной и вмѣстѣ наивной смѣлостью, жаромъ глубокаго и внутри души выросшаго убѣжденія, прямымъ и нецеремоннымъ постановленіемъ вопросовъ, наконецъ тою видимой молодостію энергіи, которая дорога даже и тогда, когда впадаетъ въ ошибки—дорога потому, что самыя ошибки ея происходятъ отъ пламеннаго стремленія къ правдѣ и добру. «Мечтанія» такъ и дышали вѣрою въ эти стремленія и не щадили никакого кумиропоклоненія, во имя идеаловъ разбивали простѣйшимъ образомъ всякіе авторитеты, не подходившіе подъ мѣрку идеаловъ. Въ нихъ выразилось первое сознательное *чувство* нашей критики—я говорю *чувство*, а не *взглядъ*—ибо въ нихъ все было чувство... Всѣ заблужденія и промахи Бѣлинскаго исчезали, сгорали въ его огненной рѣчи, въ огненномъ чувствѣ, въ яркомъ и истинно-поэтическомъ пониманіи... Весь онъ съ его пламенною вѣрою въ развитіе вылился въ своемъ юношескомъ произведеніи... Положительно можно сказать, съ этой минуты онъ, въ глазахъ всѣхъ насъ, тогдашняго молодого племени, сталъ во главѣ сознательнаго или критическаго движенія»[1]. По мнѣнію Ап. Григорьева, Бѣлинскій

[1] Позже, въ статьѣ «Мои литературныя и нравственныя скитальчества», Ап. Григорьевъ такъ вспоминалъ о появленіи «Литературныхъ мечтаній»: «Яснѣетъ... Раздается могущественный го-

сдѣлался вождемъ молодого поколѣнія, благодаря своей отзывчивости на все, что волновало тогдашнюю молодежь. «Бѣлинскій не былъ бы Бѣлинскимъ, не былъ бы геніальнымъ критикомъ, если бы полнымъ сердцемъ не отозвался на все, что тревожило поколѣніе, котораго онъ былъ могущественнымъ голосомъ. Чтобы итти впереди нашего пониманія, онъ долженъ былъ понимать насъ, наши сочувствія и вражды.... Бѣлинскій не былъ ни уединеннымъ строго логическимъ мыслителемъ, какъ И. В. Кирѣевскій, ни однимъ изъ опекуновъ нравственности и русскаго языка—онъ былъ человѣкъ борьбы и жизни. Всѣ наши сомнѣнія и надежды выносилъ онъ въ своей душѣ—и оттого-то всѣ мы жадно слушали его волканическую рѣчь, шли за нимъ, какъ за путеводителемъ, въ продолженіе цѣлаго литературнаго періода».

Высоко также ставитъ Ап. Григорьевъ искренность Бѣлинскаго, его горячее стремленіе къ истинѣ, его рѣдкое эстетическое чутье. «Горячаго сочувствія при жизни и по смерти стоилъ тотъ, кто самъ умѣлъ горячо и беззавѣтно сочувствовать. Безстрашный боецъ за правду—онъ не усомнился ни разу отречься отъ лжи, какъ только сознавалъ ее, и гордо отвѣчалъ тѣмъ, которые упрекали его за измѣненіе взглядовъ и мыслей, что не измѣняетъ мыслей только тотъ, кто не дорожитъ правдой. Кажется даже, онъ созданъ былъ такъ, что натура его не могла устоять противъ правды, какъ бы правда ни противорѣчила его взгляду, какихъ бы жертвъ она ни потребовала. Смѣло и честно [illegible] онъ первый геніальнымъ то, что онъ таковымъ сознавалъ, и, [illegible] своему критическому чутью, ошибался рѣдко. Такъ же смѣло и честно разоблачалъ онъ, часто наперекоръ общему мнѣнію, все, что казалось ему ложнымъ или напыщеннымъ,—заходилъ иногда за предѣлы, но въ сущности, въ основахъ [illegible] не ошибался. У него былъ ключъ къ [illegible] его эпохи, и въ груди [illegible] могущественная и волканическая сила. Теоріи увлекали его, какъ и многихъ, но въ немъ было всегда нѣчто высшее теорій, что [illegible] во многомъ. У него—теоретики назовутъ его [illegible], [illegible] съ великою силою—никогда не достало бы духу [illegible]

лоса, вмѣстѣ и узаконивающій и [illegible] неясныя гаданія эпохи,—голосъ великаго [illegible] Виссаріона Бѣлинскаго. Въ «Литературныхъ мечтаніяхъ», какъ въ [illegible] геніальномъ произведеніи, схватываются въ одно цѣлое все прошедшее и вмѣстѣ закидываются сѣти въ будущее. [illegible] эпохой» («Время» 1862 г., № 11, с. 6).

имя теоріи то, что̀ созналь онъ великимъ и прекраснымъ вчера.... Если бы Бѣлинскій прожилъ до нашего времени, онъ и теперь стоялъ бы во главѣ критическаго сознанія, по той простой причинѣ, что сохранилъ бы возвышенное свойство своей натуры: неспособность закоснѣть въ теоріи противъ правды искусства и жизни» (Сочиненія Ап. Григорьева, сс. 230—234).

Два года спустя Ап. Григорьевъ напечаталъ въ журналѣ «Время» (1861 г., № 4) посвященную спеціально Бѣлинскому статью «Бѣлинскій и отрицательный взглядъ въ литературѣ», гдѣ разсматривается исторія развитія теоріи западничества въ его сочиненіяхъ и доказывается, что великій критикъ въ теченіе всей своей жизни былъ проповѣдникомъ государственнаго начала, «идеи централизаціи». «Въ 1836-ли году фанатическій поклонникъ романтизма,—въ 1838-ли или 1839 году фанатикъ разумности дѣйствительности и ярый гонитель французовъ, романтизма и либерализма,—въ сороковыхъ ли годахъ предсказатель прогресса,—онъ твердо и неуклонно стоитъ въ одномъ — въ отрицаніи [народности] и централизаціонныхъ началахъ». Логическими выводами изъ этихъ началъ были, во-первыхъ, «уничтоженіе всего непосредственнаго, прирожденнаго, въ пользу выработаннаго духомъ, искусственнаго», во-вторыхъ, «уничтоженіе всего мѣстнаго въ пользу общенаціональнаго, и по тому же принципу всего общенаціональнаго въ пользу общечеловѣческаго». Отсюда такія «заблужденія великаго человѣка», какъ недостатокъ уваженія къ народной поэзіи, антипатія къ славянамъ, въ частности къ полякамъ, ненависть къ панславизму, враждебное отношеніе къ малороссійской литературѣ и т. п. «Что Бѣлинскій—прибавляетъ Ап. Григорьевъ—по его пламенной и жизненной натурѣ, смѣло отрекся бы въ пятидесятыхъ годахъ отъ своихъ заблужденій, прямѣе другихъ отнесся бы къ новому направленію и съ такою же чистотою сталъ бы во главѣ его, съ какой стоялъ онъ во главѣ направленія отрицательнаго, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; но нѣтъ ни малѣйшаго же сомнѣнія и въ томъ, что во всемъ оставшемся намъ отъ него онъ является и отрицателемъ и централизаторомъ, врагомъ и гонителемъ народности, какъ славянской сущности, преслѣдователемъ всѣхъ мѣстныхъ проявленій народности».

По мнѣнію Ап. Григорьева, Бѣлинскій исчерпалъ до дна западное направленіе, между прочимъ, въ области русской исторіографіи. Приведя рядъ отзывовъ Бѣлинскаго о Петрѣ Великомъ, онъ заявляетъ, что и Соловьевъ, и Кавелинъ, и Чичеринъ ни

болѣе ни менѣе, какъ ученики Бѣлинскаго, разработавшіе по частямъ общія мысли учителя». Въ частности, напримѣръ, «въ идеяхъ Бѣлинскаго объ Иванѣ IV заключаются уже сѣмена почти всего того, что впослѣдствіи высказано Соловьевымъ и Кавелинымъ».

Но осуждая грѣхи и ошибки Бѣлинскаго со славянофильской точки зрѣнія, Ап. Григорьевъ попрежнему цѣнитъ его очень высоко. Онъ перепечатываетъ во второй разъ приведенныя уже мнѣнія, высказанныя въ предыдущей статьѣ. Онъ попрежнему превозноситъ «высокое художественное чутье» Бѣлинскаго, которое «выручало его почти всегда и, составляя главную его силу, дѣлало его постоянно вождемъ жизни, а не служителемъ теоріи». Онъ называетъ Бѣлинскаго писателемъ, «которому по вліянію его на наше умственное, нравственное и даже общественное развитіе, принадлежитъ роль столь же первостепенная, какъ Карамзину», — писателемъ, «котораго можно, пожалуй, ненавидѣть съ точекъ зрѣнія мракобѣсія, но которому мудрено отказать въ имени великаго, по энергіи убѣжденія и силѣ таланта, человѣка». Заканчивается статья такимъ заявленіемъ о Бѣлинскомъ: «Въ наше время онъ не былъ бы ни отрицателемъ, ни централизаторомъ, хотя подлежитъ сомнѣнію и то, что онъ былъ бы славянофиломъ. Славянофильство можетъ быть играло бы только роль кратковременнаго момента въ его развитіи—не болѣе» (Соч. Ап. Григорьева, сс. 544—579).

Въ послѣдній годъ своей жизни, въ статьѣ «Парадоксы органической критики» («Эпоха» 1864 г., № 5), Ап. Григорьевъ упрекаетъ Бѣлинскаго за колебанія и противорѣчія въ оцѣнкѣ Пушкина, за развѣнчаніе Татьяны, за непониманіе повѣстей Бѣлкина; но и здѣсь немедленно вслѣдъ за упреками онъ заявляетъ: «Для меня лично... нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что проживи еще нѣсколько лѣтъ великій критикъ,—онъ все бы это понялъ и все бы это лучше насъ всѣхъ выяснилъ... Это была слишкомъ живая, отзывчивая на жизнь и широкая пониманіемъ натура, готовая, при всемъ свойственномъ даровитымъ натурамъ самолюбіи, на жертвы своимъ самолюбіемъ до полнаго самоотреченія». Въ этой статьѣ, кстати упомянуть, находится и такое заявленіе: «Ужъ разумѣется, тѣ, кто видятъ и хотятъ видѣть въ Бѣлинскомъ только соціалиста,—все-таки ближе къ настоящему дѣлу, чѣмъ тѣ, которые хотѣли бы видѣть въ немъ голаго западника» (Соч. Ап. Григорьева, сс. 621—624).

Вообще, Аполлонъ Григорьевъ въ послѣдніе годы своей жизни говорилъ о Бѣлинскомъ при всякомъ удобномъ случаѣ и всегда въ высшей степени сочувственно. Онъ не только высоко цѣнилъ личность и заслуги Бѣлинскаго въ прошломъ, но и придавалъ важное значеніе его взглядамъ въ настоящемъ. «Въ настоящую минуту—писалъ онъ Страхову изъ Оренбурга въ концѣ 1861 г.— великая и честная заслуга журнала было бы умѣть въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній *остановиться* на ученіи Бѣлинскаго до 1844 года, потому что оно (съ нѣкоторыми видоизмѣненіями)— единственно правое» («Эпоха» 1864 г., т. IX, с. 27). Особенно высоко ставилъ Ап. Григорьевъ мнѣнія Бѣлинскаго о Пушкинѣ, Грибоѣдовѣ, Гоголѣ и Лермонтовѣ. «Имя Бѣлинскаго— говоритъ онъ — какъ плющъ, обросло [эти] четыре поэтическихъ вѣнца, четыре великихъ и славныхъ имени... сплелось съ ними такъ, что, говоря о нихъ, какъ объ источникахъ современнаго литературнаго движенія, — постоянно бываешь поставленъ въ необходимость говорить о немъ. Высокій удѣлъ, данный судьбою немногимъ изъ критиковъ,—едва ли даже, за исключеніемъ Лессинга, данный не одному Бѣлинскому» (Соч. Ап. Григорьева. с. 233). А сколько разсыпано въ статьяхъ Ап. Григорьева такихъ, напримѣръ, выраженій о Бѣлинскомъ: «великій критикъ», «великій учитель», «великій вождь», «великій руководитель», «великое имя», «великій и могущественный духъ», «безсмертный борецъ идей», «вождь сознанія», «энергичнѣйшій представитель нашего критическаго сознанія», «геніальная натура» и т. п. Въ заключеніе можно указать, что въ глазахъ Ап. Григорьева «Пушкинъ въ поэзіи, Бѣлинскій въ дѣлѣ сознанія, Брюловъ и Глинка въ живописи и музыкѣ» были наиболѣе блестящими проявленіями общеевропейской цивилизаціи на русской почвѣ. Пушкинъ—наша *сила*, Бѣлинскій—наше *сознаніе*—эта мысль, хотя и въ разныхъ формахъ, неоднократно высказывается въ статьяхъ Аполлона Григорьева, который ближе всѣхъ упомянутыхъ въ этой главѣ современниковъ Бѣлинскаго подошелъ къ правильной оцѣнкѣ его значенія въ исторіи русской литературы и жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бѣлинскій въ оцѣнкѣ художниковъ слова.

I. Писатели старшаго поколѣнія.

Большая часть писателей, о которыхъ шла рѣчь въ предыдущей главѣ, были не только журналистами, критиками, публицистами, но и художниками слова—поэтами, беллетристами, драматургами. Въ настоящей главѣ будетъ показано отношеніе къ Бѣлинскому тѣхъ русскихъ литературныхъ дѣятелей, которые пріобрѣли знаменитость или извѣстность, главнымъ образомъ, въ качествѣ художниковъ слова.

Старѣйшимъ писателемъ, дожившимъ до появленія въ литературѣ Бѣлинскаго, былъ *Дмитріевъ*, родившійся въ 1760 году. Доживая свои послѣдніе дни въ Москвѣ, на покоѣ отъ литературныхъ и служебныхъ трудовъ, онъ слѣдилъ за современной ему литературой и былъ непріятно пораженъ отзывами молодого критика. Дмитріевъ имѣлъ слабость считать себя лучшимъ русскимъ баснописцемъ; въ этомъ его увѣрялъ печатно кн. Вяземскій. Бѣлинскій же въ «Литературныхъ мечтаніяхъ поставилъ Дмитріева гораздо ниже Крылова. «Профессоръ Шевыревъ и эксъ-студентъ Бѣлинскій—писалъ обиженный старикъ кн. Вяземскому—давно уже похоронили не только нашу братью стариковъ, но и васъ, и Батюшкова, и даже Пушкина». По поводу статьи «Ничто о ничемъ» Дмитріевъ писалъ тому же лицу, что Бѣлинскій, «кажется, въ большомъ союзѣ съ Брамбеусомъ и ревнуетъ перещеголять Полевого, громитъ новыхъ литераторовъ съ исклю-

ченіемъ двухъ, о старыхъ же и говорить нечего, они уже давно раздавлены» («Старина и Новизна», II, 182, 185. Спб. 1898).

Вторымъ литературнымъ ветераномъ былъ *Крыловъ*, котораго Бѣлинскій сразу же назвалъ геніальнымъ писателемъ и о басняхъ котораго всегда отзывался съ восторгомъ. Но объ отношеніи великаго баснописца къ Бѣлинскому, съ которымъ, кстати сказать, онъ встрѣчался на вечерахъ у кн. Одоевскаго, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

О *Жуковскомъ* Бѣлинскій написалъ много блестящихъ страницъ, вошедшихъ въ учебники, но не пользовался съ его стороны особымъ сочувствіемъ даже въ эпоху статей о «Бородинской годовщинѣ». Въ началѣ 1840 года Жуковскій жаловался Никитенку, что «Отеч. Записки» «превозносятъ его до небесъ, но такъ неловко, что это уже становится не лестнымъ» (Никитенко, I, 303). Съ теченіемъ времени, когда Бѣлинскій все сильнѣе и сильнѣе уклонялся влѣво, а Жуковскій все глубже и глубже проникался идеями православія, самодержавія и народности, его отношеніе къ критикѣ «Отеч. Записокъ» дѣлалось все болѣе и болѣе враждебнымъ. На Бѣлинскаго и его журналъ Жуковскій смотрѣлъ глазами «Москвитянина», который онъ называлъ «честнымъ журналомъ», и глазами такихъ лицъ, какъ Хомяковъ, Плетневъ и Гоголь. «Графиня Віельгорская привезла для васъ нѣсколько книгъ «Христіанскаго Чтенія» и нѣсколько №№ бѣсовскаго, то есть «Отеч. Записокъ». Такъ писалъ Жуковскій Гоголю лѣтомъ 1844 года (О. И. П. Б. за 1887 г., с. 33) [1]).

[1]) Извѣстенъ разсказъ Герцена о томъ, какъ, встрѣчая новый годъ у кн. Одоевскаго, Бѣлинскій опрокинулъ столикъ съ винами, при чемъ «бутылка бордо пресерьезно начала поливать» бѣлыя форменныя брюки Жуковскаго (Герценъ, II, 321). Панаевъ тоже разсказываетъ про этотъ случай въ присутствіи Жуковскаго, хотя и не упоминаетъ о его пострадавшихъ брюкахъ. Что Бѣлинскій, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ, встрѣтился съ Жуковскимъ у кн. Одоевскаго, это несомнѣнно, такъ какъ подтверждается письмомъ Бѣлинскаго къ К. Аксакову отъ 10 января 1840 года. Но что Бѣлинскій встрѣчалъ новый 1840 годъ (а только объ этомъ годѣ и можетъ быть рѣчь) вмѣстѣ съ Жуковскимъ, это болѣе чѣмъ сомнительно, потому что въ дневникахъ поэта отмѣчено, что вечеръ 31 декабря 1839 года онъ провелъ у Карамзиныхъ. У князя же Одоевскаго Жуковскій былъ 14 октября, 4 и 11 ноября 1839 года. Только въ одну изъ этихъ субботъ и могла быть встрѣча Бѣлинскаго и Жуковскаго и та непріятная сцена, о которой разсказываютъ Герценъ и Панаевъ и на которую

Еще болѣе враждебно относился къ Бѣлинскому *Загоскинъ*. Не говоря уже о томъ, что Бѣлинскій приводилъ Загоскина въ негодованіе крайне пренебрежительными отзывами о его романахъ (за исключеніемъ «Юрія Милославскаго»), этотъ даровитый и благодушный литературный Фамусовъ», какъ называетъ его Аполлонъ Григорьевъ, былъ злѣйшимъ врагомъ тѣхъ идей, распространенію которыхъ служилъ Бѣлинскій. Въ своемъ наивномъ обскурантизмѣ Загоскинъ доходилъ до восхваленія въ печати Бурачка, издававшаго вмѣстѣ съ П. А. Корсаковымъ журналъ «Маякъ». «Что за логическая, свѣтлая и умная голова у твоего товарища Бурачка!—восклицаетъ онъ въ письмѣ къ Корсакову.— Сколько новыхъ, ясныхъ идей, сколько святыхъ истинъ!» (Сочиненія Апол. Григорьева, 581. Спб. 1876). А говоря о Бѣлинскомъ, Загоскинъ сжималъ кулаки и только въ особенно благодушныя минуты называлъ его «умнымъ малымъ», но лишеннымъ «русскаго сердца» (Панаевъ, 205, 208). Бѣлинскій въ его глазахъ стоялъ ниже не только Бурачка, но и Булгарина. «Похвала ваша— писалъ онъ Булгарину 6 октября 1843 года—истинно для меня дорога и приноситъ мнѣ почти столько же чести, сколько всякое новое ругательство какого-нибудь Бѣлинскаго или Краевскаго— этихъ корифеевъ лоскутнаго ряда нашей словесности» («Рус. Ст. 1905 г., № 4, с. 205).

Среди другихъ, менѣе извѣстныхъ, писателей, родившихся въ XVIII вѣкѣ, у Бѣлинскаго также почти не было доброжелателей, но было не мало враговъ. Такъ, упоминавшійся уже въ первой главѣ *М. А. Дмитріевъ*, оберъ-прокуроръ сената и сотрудникъ «Москвитянина», преслѣдовалъ великаго критика своими бездарными виршами, о чемъ будетъ рѣчь дальше. Академикъ *Милоновъ*, переводчикъ «Федры Расина и авторъ трагедіи «Борисъ Годуновъ» (1835), въ которой Бѣлинскій не нашелъ «ни страстей, ни характеровъ, ни стиховъ, ни интереса», выступилъ 18 января 1836 года въ Россійской Академіи съ рѣчью о духѣ словесности иностранной и отечественной, при чемъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ статей «Молвы» и «Телескопа», обрушился на русскую

нѣтъ никакихъ намековъ ни въ письмѣ Бѣлинскаго къ Аксакову, ни въ дневникахъ Жуковскаго («Дневники В. А. Жуковскаго», сс. 507, 510, 511. Спб. 1901). Слѣдуетъ впрочемъ отмѣтить, что Жуковскій пробылъ въ Петербургѣ до марта 1840 года, но въ январѣ этого года ни разу не заглянулъ къ Одоевскому, а за февраль дневники не велись или не сохранились.

критику съ самыми тяжкими обвиненіями, вызвавшими печатное возраженіе Пушкина. «Критика,—говорилъ Милоновъ—сія кроткая наставница и добросовѣстная подруга словесности, нынѣ обратилась въ площадное гаерство, въ литературное тиранство, въ способъ добывать себѣ поживу изъ кармана слабоумія дерзкими и буйными выходками, нерѣдко даже противъ мужей государственныхъ, знаменитыхъ и гражданскими и литературными заслугами. Ни санъ, ни умъ, ни талантъ, ни лѣта, ничто не уважается. Ломоносовъ слыветъ педантомъ. Величайшій геній, оставившій въ достояніе Россіи высокую пѣснь Богу [Державинъ],—пѣснь, которой нѣтъ равной ни на одномъ языкѣ народовъ вселенной, какъ бы не существуетъ для нашей словесности: онъ какъ бы безталанный, оставленъ безъ вниманія. Имя Карамзина, мудреца глубокаго, писателя добросовѣстнаго, мужа чистаго сердцемъ, предано глумленію». Для спасенія «нравственности и словесности» Милоновъ предлагалъ своимъ коллегамъ ни болѣе ни менѣе, какъ заняться литературнымъ сыскомъ (Сочиненія Пушкина, VI, 106. Изд. «Просвѣщенія»).

Забытый въ настоящее время романистъ *Рафаилъ Зотовъ*, неоднократно осмѣянный Бѣлинскимъ, который называлъ его «романистомъ пятнадцатаго класса», въ своихъ фельетонахъ о петербургскомъ театрѣ, помѣщаемыхъ въ «Сѣверной Пчелѣ», громилъ «недобросовѣстность» критики «Отеч. Записокъ», которая, по его словамъ, «съ фанатическою яростью возстаетъ на всякое произведеніе не изъ ихъ литературной касты» (Бѣлинскій, VIII, 357) [1]). А другой, тоже извѣстный въ свое время и неодно-

[1]) Враждебное отношеніе къ Бѣлинскому Рафаила Зотова не помѣшало его сыну Владиміру изъ сотрудника «Маяка» и «Сѣверной Пчелы», гдѣ онъ печаталъ свои юношескія стихотворенія, превратиться, еще при жизни отца, въ поклонника великаго русскаго критика и даже вложить свою лепту въ дѣло его реабилитаціи. Сдѣлавшись во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ редакторомъ «Иллюстраціи», В. Зотовъ помѣстилъ въ этомъ журналѣ портретъ Бѣлинскаго и снимокъ съ его могилы, а также напечаталъ популярный очеркъ его литературной дѣятельности, составленный по статьямъ Чернышевскаго («Иллюстрація» 1858 г., №№ 20 и 38). Позднѣе, въ своихъ воспоминаніяхъ «Петербургъ въ сороковыхъ годахъ», В. Зотовъ заявилъ, что «уже одной колоссальной фигуры Бѣлинскаго достаточно было, чтобы наполнить собою все десятилѣтіе» («Историч. Вѣстникъ» 1890 г., № 1, с. 29).

кратно осмѣянный Бѣлинскимъ, романистъ, *Борисъ Федоровъ*, шелъ еще дальше. Своими наговорами онъ вооружалъ противъ Бѣлинскаго и «Отеч. Записокъ» цензуру въ лицѣ предсѣдателя петербургскаго цензурнаго комитета, гр. Мусина-Пушкина (Никитенко, I, 364). Въ теченіе ряда лѣтъ онъ дѣлалъ изъ «Отеч. Записокъ» выписки отдѣльныхъ мѣстъ, казавшихся ему вредными, и предоставлялъ ихъ въ распоряженіе не только гр. Мусина-Пушкина, но и Булгарина и всякаго, кто хотѣлъ нагадить Бѣлинскому и Краевскому. Объ этомъ благородномъ занятіи Федорова Бѣлинскій зналъ еще въ 1845 году, когда онъ назвалъ его «самолюбивой и жалкой безталантностью, которая ведетъ подробнѣйшій журналъ всего, что кажется ей преступленіями въ ея противникахъ, и готова прислуживаться имъ всякому» (Бѣлинскій, X, 59. Изд. 1860 г.). Въ 1846 году, въ своей запискѣ о соціализмѣ, коммунизмѣ и пантеизмѣ въ Россіи, Булгаринъ довелъ до свѣдѣнія III Отдѣленія о существованіи у Бориса Федорова «семи корзинъ съ выписками, методически расположенными, съ заглавіями: противу Бога, противу христіанства, противу государя, противу самодержавія, противу нравственности и т. п.» По требованію III Отдѣленія Федоровъ подѣлился съ нимъ своимъ матеріаломъ, извлеченнымъ, между прочимъ, изъ статей Бѣлинскаго. «Выписки сіи—говоритъ онъ въ своемъ доносѣ, испещренномъ ссылками на «Отеч. Записки» сороковыхъ годовъ, съ точнымъ указаніемъ номеровъ, отдѣловъ и страницъ,—можно раздѣлить на четыре отдѣла: I. *Противу-народность.* II. *Безнравственность.* III. *Вольнодумство.* IV. *Противу-религіозность. Противу-народность* проявляется въ униженіи русскаго характера и славы предковъ, въ превратномъ представленіи русской исторіи и въ разныхъ нареканіяхъ на отечественное. «Отеч. Записки» позволили себѣ хвалить журналъ, воспрещенный правительствомъ и уличенный въ безразсудномъ направленіи [«Московскій Телеграфъ»], печатали и расхваливали *безнравственныя пѣсни* [«Тоска по волѣ», «Разсчетъ съ жизнью» Кольцова], исторія же [Карамзина], написанная въ духѣ истинной любви къ отечеству и, по самому признанію монарха, достойная русскаго народа, подвергалась нелѣпымъ порицаніямъ. Сужденія о новыхъ русскихъ писателяхъ доведены въ «Отеч. Запискахъ» до *самой грубой личности.* Самохвальство же «Отеч. Записокъ» перешло всѣ границы вѣроятности и приличія» и т. д. (См. Лемке, 313—315).

Кромѣ Булгарина, ближайшимъ сообщникомъ Бориса Федо-

рова, въ его козняхъ противъ «Отеч. Записокъ», а съ 1847 года и противъ «Современника», былъ еще *Калашниковъ*, извѣстный въ свое время авторъ романовъ изъ сибирской жизни, отнесенныхъ Бѣлинскимъ къ «заднему двору» русской литературы (Никитенко, I, 375). Можно привести еще крайне неблагосклонные отзывы двухъ «въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалыхъ» писателей, также обиженныхъ Бѣлинскимъ—*В. И. Панаева*, автора извѣстныхъ въ свое время идиллій, и *Иванчина-Писарева*, поэта карамзинской школы. Первый изъ нихъ, по воспоминаніямъ Головачевой-Панаевой (с. 178), не могъ говорить о Бѣлинскомъ иначе, какъ съ пѣной у рта, и называлъ его писакой, котораго надо посадить на цѣпь и которому надо надѣть намордникъ. Второй въ письмахъ къ цензору Снегиреву называлъ либерализмъ Сенковскаго, Краевскаго и Бѣлинскаго «маратовскимъ», прибавляя: «а дай имъ тысячу душъ—будутъ неприступны для народа» («Старина и Новизна», X, 529).

Слѣдуетъ упомянуть и объ отношеніи къ Бѣлинскому «баловавшаго перомъ» генерала *Скобелева*, дѣда «бѣлаго генерала», автора «Разсказовъ русскаго инвалида». Въ 1837 году онъ погенеральски распекъ Бѣлинскаго въ Пятигорскѣ за не понравившуюся ему въ «Телескопѣ» рецензію, которая была написана другимъ лицомъ. «Наговорилъ мнѣ тьму комплиментовъ—разсказываетъ Бѣлинскій въ письмѣ къ К. Аксакову—и потомъ спросилъ меня, за что я его разругалъ? Я ему сказалъ очень рѣзко, что я не люблю отказываться отъ моихъ литературныхъ дѣлъ, хороши ли они, дурны ли они; что, высказывая рѣзкое мнѣніе о томъ и о семъ, я никогда изъ чувства страха не отказывался отъ нихъ; но что объ немъ писалъ не я, а Селивановскій.—«Какъ не вы? да Надеждинъ самъ былъ у меня, просилъ извиненія и сказалъ мнѣ, что это написали вы, и хорошо, что онъ извинился передо мною, а то ему было бы худо: я хотѣлъ жаловаться императору. Не хорошо, *братецъ*, быть такъ заносчивымъ: Гречъ именно сказалъ о *тебѣ*, что *ты* голова рѣдкая, умъ свѣтлый, перо отличное, но что *ты* дерзокъ и ругаешься на чемъ свѣтъ стоитъ».— Въ этомъ духѣ продолжался нашъ разговоръ. Онъ продолжалъ меня осыпать комплиментами и, въ то же время, ругалъ Надеждина съ такимъ остервенѣніемъ и такимъ тономъ, что я не могъ не замѣтить, что всѣ эти ругательства относились ко мнѣ, а не къ Надеждину, который, поклонившись его превосходительству повинною головою, получилъ полное его прощеніе. Разстались

дружески: онъ пожалъ мнѣ руку и пригласилъ къ себѣ». Письма Бѣлинскаго, сс. 20—21). Ходилъ ли Бѣлинскій къ Скобелеву въ Пятигорскѣ, мы не знаемъ; но въ слѣдующемъ году въ «Московскомъ Наблюдателѣ» онъ далъ такой отзывъ о «Перепискѣ и разсказахъ русскаго инвалида», который, по всей вѣроятности, удовлетворилъ однорукаго генерала, хотя заявленіе Бѣлинскаго, что Скобелевъ «перомъ владѣетъ не хуже, чѣмъ штыкомъ», и отзывается иронiей (Бѣлинскій, IV, 281 и сл.). Впослѣдствіи, сдѣлавшись комендантомъ Петропавловской крѣпости и встрѣчаясь съ Бѣлинскимъ въ Петербургѣ, Скобелевъ полу-шутя, полусерьезно спрашивалъ его: «когда же къ намъ, у меня совсѣмъ готовъ тепленькій казематъ, такъ для васъ и берегу» (Герценъ, II, 320).

Изъ русскихъ писателей, родившихся въ началѣ XIX вѣка, почти всѣ относились къ Бѣлинскому или враждебно или недоброжелательно. Изъ поэтовъ ни *Бенедиктовъ*, ни *Языковъ*, ни *Хомяковъ*, о которомъ уже говорилось въ первой главѣ, не могли питать нѣжныхъ чувствъ къ критику, такъ безжалостно преслѣдовавшему риторику и фразистость въ ихъ поэзіи. Едва ли былъ высокаго мнѣнія о Бѣлинскомъ и *Тютчевъ*, напечатавшій въ «Современникѣ» 1836—1840 годовъ до сорока стихотвореній, въ томъ числѣ такіе перлы русской лирики, какъ «Silentium», «Не то, что мните вы, природа» и др., но не удостоившійся ни единаго отзыва со стороны великаго русскаго критика. Впрочемъ, какъ относился Тютчевъ къ Бѣлинскому, мы не знаемъ. Относительно же Бенедиктова его біографъ, поэтъ Полонскій, допускаетъ возможность, что онъ «невольно вѣрилъ Бѣлинскому». Что касается Языкова, то, сдѣлавшись, по выраженію Герцена, «славянофиломъ по родству» (на его сестрѣ былъ женатъ Хомяковъ), онъ не могъ говорить «безъ крайняго негодованія и отвращенія» обо всѣхъ западникахъ, начиная съ Бѣлинскаго, котораго онъ въ лучшемъ случаѣ называлъ «щелкоперомъ» («Вѣстн. Европы» 1897 г., № 12, с. 649). Разумѣется, для Бѣлинскаго Языковъ не дѣлалъ исключенія, когда въ знаменитомъ своемъ посланіи «Къ не-нашимъ», которое Герценъ назвалъ «доносомъ въ стихахъ», бичевалъ западниковъ, упрекая ихъ въ ненависти къ Россіи, называя ихъ «легкомысленнымъ оплотомъ ученья школы богомерзкой», приписывая имъ предательскія мнѣнья и святотатственные сны и предсказывая, что русская земля отъ нихъ «не приметъ просвѣщенья».

Даль не могъ пожаловаться на дурные отзывы Бѣлинскаго, который въ 1846 году назвалъ его «послѣ Гоголя рѣшительно первымъ талантомъ въ русской литературѣ», но отношеніе его къ критикѣ «Отеч. Записокъ» было крайне неблагосклонное. На вечерахъ у кн. Одоевскаго и гр. Соллогуба онъ доказывалъ, что въ «Москвитянинѣ» «критика благороднѣе и умнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ журналахъ» (Барсуковъ, VI, 266). Другими словами, Шевыревъ въ глазахъ Даля былъ выше Бѣлинскаго, по крайней мѣрѣ, въ 1842 году, къ которому относится приведенный отзывъ. Особенное нерасположеніе питалъ къ Бѣлинскому *Н. Ф. Павловъ*, авторъ извѣстныхъ въ свое время «Трехъ повѣстей», въ которыхъ великій критикъ находилъ болѣе ума и наблюдательности, чѣмъ таланта. «Какой-нибудь Н. Ф. Павловъ—жаловался Бѣлинскій Бакунину въ 1837 году—кричитъ во всеуслышаніе, что я не имѣю права хулить его литературныхъ заслугъ, ибо-де онъ одолжилъ меня деньгами» (Пыпинъ, 611). Когда Бѣлинскій переселился въ Петербургъ, Павловъ приложилъ не мало усилій, чтобы испортить отношенія къ нему Краевскаго и кн. В. Ѳ. Одоевскаго, который былъ однимъ изъ пайщиковъ журнала «Отеч. Записки». «Ради Бога,—писалъ онъ Краевскому въ концѣ 1839 года—воздерживайте нашу московскую ученость, она очень хороша, Бѣлинскій съ большимъ талантомъ, но кто-нибудь передастъ ему нѣмецкую идею, онъ и пойдетъ работать надъ ней, да съ такимъ упорствомъ, что ужъ ничего больше и не признаетъ и не видитъ» (О. И. П. Б. за 1892 г., с. 112). Отъ первыхъ двухъ книжекъ «Отеч. Записокъ», наполненныхъ статьями и рецензіями Бѣлинскаго, Павловъ пришелъ въ ужасъ» и отправилъ къ кн. Одоевскому грозно-справедливое письмо», гдѣ мы находимъ цѣлый обвинительный актъ противъ Бѣлинскаго, составленный изъ тѣхъ упрековъ, которые высказывались по его адресу не только врагами, но и друзьями.

«Вы выписали Бѣлинскаго—писалъ Павловъ:—Вѣдь онъ извѣстенъ. Этотъ мортусъ отправилъ похороны «Телескопа» и «Наблюдателя (Московскаго)». Я думалъ, что для облегченія Краевскаго необходима такая пишущая машина, какъ Бѣлинскій, но мнѣ въ голову не входило, что онъ станетъ то же писать, что писалъ въ «Наблюдателѣ», что дастъ цвѣтъ и свое направленіе «Отеч. Запискамъ»... Если вы не знаете, то доложу до вашего свѣдѣнія, что Бѣлинскій не смыслитъ ни одного иностраннаго языка, слѣдовательно, пишетъ о Гегелѣ по *наслуху, наобумъ*...

Изъ этого выходитъ, что положенія Гегеля перепутаны, не такъ переданы, что васъ на каждомъ шагу поражаетъ какая-то ребяческая самоувѣренность и наглость невѣжества... Человѣкъ не размышляетъ, а безъ доказательствъ, безъ выводовъ, навязываетъ вамъ свое мнѣніе и утверждаетъ, что если вы не примете этого мнѣнія, то вы скотина, дуракъ... Потомъ, если ужъ начнетъ хвалить, то именно по русской пословицѣ: заставь дурака Богу молиться и проч. Ну что, напримѣръ, это значитъ:... *Великая, безконечно-великая черта художественнаго генія—этотъ гусакъ»* [1]. Мы здѣсь умерли было со смѣху. Правда, на языкѣ у Бѣлинскаго великій не значитъ ничего. Вѣдь онъ ужъ писалъ—великій Мочаловъ, ужъ онъ кувыркался передъ переводомъ «Гамлета» Полевого». «Но что говорить—продолжаетъ Павловъ—объ этихъ двухъ ужасныхъ статьяхъ: «Бородинская годовщина» и «Очерки Бородинскаго сраженія»? Что это за сумбуръ!.. Я не противъ философіи... Но у Бѣлинскаго не можетъ быть философіи, а выходитъ одна болтовня, и такая, которая гораздо вреднѣе Булгарина и Сенковскаго... Мнѣ слышать больно, что развертываютъ «Отеч. Записки» и здѣсь, да и у васъ, въ Петербургѣ, и говорятъ, что этого еще не писалъ ни Булгаринъ, ни Гречъ... Примѣръ человѣка, который валяетъ съ плеча обо всемъ, что есть святого,—изъ фразъ его, изъ теченія противорѣчащихъ мыслей можно доказать, что онъ самъ себя не понимаетъ,—человѣка, который все перепуталъ, переврал, какъ, напримѣръ, хоть раздѣленье драматической поэзіи—этотъ примѣръ вреднѣе, гибельнѣе для юношей», чѣмъ дѣятельность Булгарина и Греча. «Бѣлинскаго статьи—говоритъ Павловъ дальше—отняли у васъ много подписчиковъ, а если это продолжится, то на будущій годъ вы увидите справедливость моихъ нападеній. Если вы думаете, что его статьи нравятся молодежи, то отчего же эта молодежь не подписывалась на «Наблюдателя», когда онъ былъ отданъ ему на поруганье? Напротивъ, подписка уменьшилась. Какъ вы не разгадали этого человѣка? Люди, читавшіе Гегеля, какъ, напримѣръ, Хомяковъ, говорятъ, что... статьи Бѣлинскаго—сумбуръ; люди не читавшіе прямо ни слова не понимаютъ и оскорбляются деспотизмомъ тона, съ какимъ онъ предлагаетъ мнѣнія не его собственныя, а слышанныя имъ отъ кого-то. Что дѣйствительно, то

[1]) Въ гоголевской «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ».

разумно—чтобъ это сказать, вѣдь надо вывести изъ чего-нибудь, а безъ вывода орать на весь православный народъ, это просто поступокъ, котораго названіе я отложу до другого времени» («Рус. Ст.» 1904 г., № 4, сс. 198—201).

Письмо Павлова очень цѣнно, какъ показатель широкаго недовольства «примирительными» статьями Бѣлинскаго. Но едва ли можно думать, что авторъ этого письма возмущался, какъ либералъ, а не какъ оскорбленный въ своемъ самолюбіи писатель. Два года спустя Бѣлинскій писалъ уже въ иномъ духѣ, а Павловъ, по поводу «Педанта», «ругался больше всѣхъ» и предлагалъ московскимъ литераторамъ написать кн. Одоевскому коллективное письмо съ просьбой прекратить сношенія съ Краевскимъ и Бѣлинскимъ.

II. Пушкинъ, кн. Одоевскій, Лажечниковъ.

Враждебное или крайне недоброжелательное отношеніе къ Бѣлинскому было почти общимъ правиломъ въ средѣ русскихъ писателей старшаго поколѣнія. Но были также исключенія изъ этого правила, правда, немногочисленныя, но очень цѣнныя въ глазахъ потомства. Прежде всего надо указать, что величайшій русскій поэтъ далеко не раздѣлялъ того предубѣжденія и той вражды, какія сразу же установились по отношенію къ Бѣлинскому среди литературной аристократіи того времени. Напротивъ, имѣются основанія думать, что Пушкинъ желалъ сблизиться съ молодымъ критикомъ и привлечь его къ сотрудничеству въ «Современникѣ». Дѣло въ томъ, что Пушкинъ не разъ выражалъ сожалѣніе, что «литература у насъ кой-какая есть, а критики нѣтъ». «Если бы ты читалъ наши журналы,—писалъ онъ Нащокину лѣтомъ 1831 года—то увидѣлъ бы, что все, что называется у насъ критикой, одинаково глупо и смѣшно». Сознавая пользу и необходимость хорошей критики, Пушкинъ поощрялъ критическую дѣятельность Бестужева, кн. Вяземскаго, Катенина, даже Гоголя. Но ни одинъ изъ названныхъ писателей не оправдалъ надеждъ великаго поэта. Когда появились «Литературныя мечтанія» Бѣлинскаго, Пушкинъ не замедлилъ обратить серьезное вниманіе на восходящее свѣтило русской критики, тѣмъ болѣе, что молодой писатель во многомъ оказался солидарнымъ съ великимъ поэтомъ, особенно во взглядахъ на отдѣльныхъ русскихъ

писателей, преимущественно XVIII вѣка. Пушкинъ понялъ, какія блестящія надежды подаетъ авторъ «Литературныхъ мечтаній», и удостоилъ своимъ вниманіемъ этого «недоучившагося студента» въ то время, когда къ нему относились крайне пренебрежительно и литературныя знаменитости и заурядные журналисты.

Не смущался Пушкинъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что, восторженно относясь къ его прошлой литературной дѣятельности, Бѣлинскій и въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» и въ позднѣйшихъ статьяхъ нисколько не щадилъ его новѣйшихъ произведеній. Въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» онъ оплакиваетъ въ лицѣ Пушкина «горькую невозвратную потерю» для русской литературы. Рецензируя въ 1835 году повѣсти Пушкина, онъ сравниваетъ ихъ съ «холодной, дождливой осенью послѣ прекрасной, роскошной, благоуханной весны». Въ отзывѣ о IV части стихотвореній Пушкина отмѣчается «закатъ таланта», а его сказки, за исключеніемъ «Сказки о рыбакѣ и рыбкѣ», признаются «рѣшительно дурными». Довольно сдержанно встрѣтилъ Бѣлинскій и первую книжку пушкинскаго «Современника», хотя и не рѣшился высказать сразу своего мнѣнія, которое состояло въ томъ, что журналъ этотъ «не будетъ имѣть никакого достоинства и не получитъ ни малѣйшаго успѣха». Не могли понравиться Пушкину и отзывы Бѣлинскаго объ отдѣльныхъ статьяхъ, вошедшихъ въ первую книжку «Современника». Статья А. И. Тургенева о Парижѣ была отнесена къ числу самыхъ дурныхъ и по содержанію и по языку. О кн. Вяземскомъ было сказано: «избавь насъ, Боже, отъ его критикъ такъ же, какъ и отъ его стиховъ». Даже о «Скупомъ рыцарѣ» былъ данъ пренебрежительный отзывъ: этотъ отрывокъ», по заявленію Бѣлинскаго, «ничего не представляетъ для сужденія о себѣ».

Номеръ «Молвы» съ разборомъ первой книжки Современника» вышелъ въ началѣ мая 1836 года, и какъ разъ въ это же время Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву, главнымъ образомъ, по дѣламъ своего журнала: онъ хотѣлъ завязать сношенія съ московскими книгопродавцами и привлечь новыхъ сотрудниковъ. И отзывъ о «Современникѣ» и встрѣчи Пушкина съ сотрудниками «Московскаго Наблюдателя» не могли особенно расположить великаго поэта къ молодому критику. Тѣмъ не менѣе Пушкинъ искалъ личной встрѣчи съ Бѣлинскимъ и для этой цѣли нѣсколько разъ заѣзжалъ къ артисту Щепкину («Рус. Архивъ» 1889 г., № 4, с. 549). Къ сожалѣнію, личное свиданіе не со-

стоялось, и дѣло ограничилось только посылкою Бѣлинскому экземпляра «Современника». «Я оставилъ у тебя—писалъ Пушкинъ Нащокину по возвращеніи изъ Москвы въ Петербургъ—два порожнихъ экземпляра «Современника». Одинъ отдай кн. Гагарину, а другой пошли отъ меня Бѣлинскому (тихонько отъ Наблюдателей NB) и вели сказать ему, что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться».

Сколько въ этихъ строкахъ истинныхъ чувствъ и сколько издательскаго «кокетства», о которомъ Пушкинъ говоритъ въ письмахъ къ женѣ («съ литературою московскою кокетничаю, какъ умѣю»), трудно сказать. Но несомнѣнно, что если Пушкинъ «кокетничалъ» съ Бѣлинскимъ въ интересахъ своего журнала, то очень неудачно: вторая книжка «Современника» подверглась самому безпощадному разбору. Но, кажется, Пушкинъ не кокетничалъ съ Бѣлинскимъ, а имѣлъ серьезное намѣреніе привлечь его къ сотрудничеству въ «Современникѣ», судя по одному письму Нащокина, гдѣ имѣются такія строки: «Бѣлинскій получалъ отъ Надеждина... 3 т. «Наблюдатель» предлагалъ ему 5. Гречъ тоже его звалъ. Теперь, коли хочешь, онъ къ твоимъ услугамъ. Я его не видалъ, но его друзья, и въ томъ числѣ Щепкинъ, говорятъ, что онъ будетъ очень счастливъ, если придется ему на тебя работать. Ты мнѣ отпиши, и я его къ тебѣ пришлю» (Рус. Архивъ 1904 г., № 11, с. 453).

Отвѣтъ Пушкина неизвѣстенъ; думаютъ, что трагическая его смерть положила конецъ переговорамъ, которые могли бы закончиться переселеніемъ Бѣлинскаго въ Петербургъ на три года раньше, чѣмъ это случилось на самомъ дѣлѣ. «По всей вѣроятности,—говоритъ Стоюнинъ,—Пушкинъ дружески сошелся бы съ Бѣлинскимъ, если бы не прервалась дѣятельность нашего поэта. Въ союзѣ между собою много бы они могли сдѣлать и имѣли бы другъ на друга благотворное вліяніе» (Стоюнинъ. «Пушкинъ». с. 401. Спб. 1906). Но если говорить о вѣроятностяхъ, то гораздо болѣе вѣроятно, что Бѣлинскій не сошелся бы съ Пушкинымъ и едва ли даже сдѣлался бы сотрудникомъ его журнала. Достаточно прочесть нападки Бѣлинскаго на «свѣтскій тонъ» «Современника», достаточно познакомиться съ тѣми условіями, которыя онъ поставилъ Краевскому въ началѣ 1837 года, чтобы убѣдиться, что «союзъ» Пушкина съ Бѣлинскимъ былъ невозможенъ. Не могъ же Пушкинъ въ угоду Бѣлинскому разойтись почти со всѣми своими друзьями и прежде всѣхъ съ кн. Вязем-

скимъ, о которомъ молодой критикъ, по собственному его заявленію, не могъ напечатать добраго слова и вообще не могъ говорить «умѣренно и хладнокровно».

Какъ бы то ни было, неизвѣстныя намъ во всѣхъ подробностяхъ заочныя сношенія Пушкина съ Бѣлинскимъ [1]) оставили у послѣдняго пріятныя воспоминанія на всю жизнь. Въ письмѣ Бѣлинскаго къ Гоголю отъ 20 апрѣля 1842 года мы находимъ такія признанія: «Я слышалъ похвалы себѣ отъ умныхъ людей и—что еще лестнѣе—имѣлъ счастье пріобрѣсти себѣ ожесточенныхъ враговъ: и все-таки больше всего этого меня радуетъ доселѣ и всегда будетъ радовать, какъ лучшее мое достояніе, нѣсколько привѣтливыхъ словъ, сказанныхъ обо мнѣ Пушкинымъ и, къ счастью, дошедшихъ до меня изъ вѣрныхъ источниковъ» (Письма Бѣлинскаго, 78). По свидѣтельству Анненкова, Пушкинъ говорилъ, что у Бѣлинскаго есть чему поучиться и тѣмъ, кто его ругаетъ (Анненковъ, 174).

Характерно также для отношеній Пушкина къ Бѣлинскому помѣщеніе въ третьей книжкѣ «Современника» письма къ издателю нѣкоего А. Б., который остался недоволенъ умолчаніемъ о Бѣлинскомъ въ статьѣ Гоголя «О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году», напечатанной въ первой книжкѣ пушкинскаго журнала. «Жалѣю,—говорится въ письмѣ—что вы, говоря о «Телескопѣ», не упомянули о г. Бѣлинскомъ. Онъ обличаетъ талантъ, подающій большую надежду. Если бы съ независимостью мнѣній и съ остроуміемъ своимъ соединялъ онъ болѣе начитанности, болѣе уваженія къ преданію, болѣе осмотрительности,—словомъ, болѣе зрѣлости: то мы бы имѣли въ немъ критика весьма замѣчательнаго» [2]). Это письмо, по словамъ г. Ива-

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить интересное сообщеніе въ письмѣ Кольцова Бѣлинскому отъ 10 января 1841 года: «На дняхъ былъ я у Чаадаева; онъ говорилъ какъ-то къ рѣчи слово, что въ «Наблюдателѣ» или «Телескопѣ» была напечатана ваша статья о Пушкинѣ, и что онъ ее показывалъ ему. Пушкинъ прочелъ съ большой охотой и послѣ прислалъ ему нумеръ «Современника», просилъ передать вамъ, не сказывая, что онъ его прислалъ нарочно для васъ» (Кольцовъ, 234). А по словамъ Панаева, Пушкинъ передавалъ Бѣлинскому «Современникъ» черезъ Щепкина.

[2]) С. А. Венгеровъ называетъ авторомъ этого письма нѣкоего Безсонова, но не сообщаетъ о немъ никакихъ свѣдѣній ни въ «Критико-біографическомъ словарѣ», ни въ «Источникахъ словаря русскихъ писателей».

нова, «первое опредѣляло значеніе критическаго дарованія Бѣлинскаго, и Пушкинъ... имѣетъ право считать за собой, по крайней мѣрѣ косвенную заслугу—самой ранней оцѣнки первостепеннаго русскаго критика» (Ивановъ. «Исторія русской критики», II, 122, Спб. 1900).

И близкій другъ Пушкина, декабристъ *Кюхельбекеръ*, въ далекой Сибири сумѣлъ оцѣнить статьи Бѣлинскаго, хотя приписывалъ ихъ Краевскому. «Краевскій,—говорится въ его дневникѣ 1845 года—безъ всякаго сомнѣнія, лучшій нашъ критикъ, умный, честный, добросовѣстный» («Рус. Ст.» 1891 г., № 10, с. 107) [1]. И *Баратынскій* «цѣнилъ талантъ и умъ Бѣлинскаго», хотя вращался въ средѣ его враговъ и недоброжелателей (Бѣлинскій, VII, 637). Статья Бѣлинскаго о Баратынскомъ (1842 года), отводившая ему первое мѣсто въ пушкинской плеядѣ, называвшая его «поэтомъ мысли», но въ то же время упрекавшая его за вражду къ мысли, за недовѣріе къ наукѣ и просвѣщенію, такъ непріятно поразила и безъ того пессимистически настроеннаго поэта, что вызвала даже его охлажденіе къ поэзіи. (См. сочиненія Н. В.

---

[1] Относительно другого декабриста-писателя, *Бестужева-Марлинскаго*, имѣется указаніе, что онъ въ какой-то статьѣ назвалъ Бѣлинскаго «недоучившимся студентомъ» и что этотъ отзывъ былъ причиной крайне враждебнаго отношенія великаго критика къ знаменитому въ свое время романисту («Рус. Ст.» 1900 г., № 11, с. 449). Но существованіе такой статьи крайне сомнительно: да если такой отзывъ и былъ данъ когда-нибудь, онъ не могъ послужить причиной вражды Бѣлинскаго, потому что отношеніе молодого критика къ Марлинскому вполнѣ опредѣлилось уже въ «Литературныхъ мечтаніяхъ», гдѣ сказано: «нельзя не сознаться, что его талантъ чрезвычайно односторонenъ, что его претензіи на пламень чувства весьма подозрительны, что въ его созданіяхъ нѣтъ никакой глубины, никакой философіи, никакого драматизма; что, вслѣдствіе этого, всѣ герои его повѣстей сбиты на одну колодку и отличаются другъ отъ друга только именами; что онъ повторяетъ себя въ каждомъ новомъ произведеніи; что у него болѣе фразъ, чѣмъ мыслей, болѣе риторическихъ возгласовъ, чѣмъ выраженій чувства» (Бѣлинскій, I, 375). Какъ отнесся Марлинскій къ отзывамъ Бѣлинскаго, мы не знаемъ: въ его письмахъ къ своимъ роднымъ и къ братьямъ Полевымъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній по интересующему насъ вопросу. Можно даже думать, что во время своихъ постоянныхъ переѣздовъ съ мѣста на мѣсто Марлинскій не имѣлъ возможности познакомиться со статьями Бѣлинскаго, хотя о существованіи ихъ могъ знать отъ такихъ своихъ корреспондентовъ, какъ Н. и К. Полевые и Булгаринъ.

Кирѣевскаго, II, 201—202). Отвѣтомъ на статью Бѣлинскаго считаютъ стихотвореніе Баратынскаго «На посѣвъ лѣса», гдѣ находятся такія строфы:

Летѣлъ душой я къ новымъ племенамъ,
Любилъ, ласкалъ ихъ пустоцвѣтный колосъ;
Я дни извелъ, стучась къ людскимъ сердцамъ,
Всѣхъ чувствъ благихъ я подавалъ имъ голосъ.
Отвѣта нѣтъ! Отвергнулъ струны я,
Да хрящъ другой мнѣ будетъ плодоносенъ!
И вотъ ему несетъ рука моя
Зародыши елей, дубовъ и сосенъ...

Можно также думать, что еще до появленія статьи 1842 года Баратынскій задѣлъ Бѣлинскаго слѣдующей эпиграммой, напечатанной въ «Утренней Зарѣ» 1841 года:

Въ рукахъ у этого педанта
Могильный заступъ, не перо:
Журнальнаго негоціанта
Какъ разъ подроетъ онъ бюро.
Онъ громогласный запѣвала,
Да запѣвала похоронъ...
Похоронилъ онъ два журнала,
И третій похоронитъ онъ.
(«Рус. Архивъ» 1899 г., № 11, с. 448).

Кн. В. О. Одоевскій, одинъ изъ самыхъ образованныхъ и гуманныхъ русскихъ писателей первой половины XIX вѣка, подобно Пушкину и Баратынскому, вращался среди литературныхъ и нелитературныхъ враговъ и недоброжелателей Бѣлинскаго и даже выслушивалъ упреки за знакомство съ нимъ, но онъ всегда такъ настойчиво приглашалъ его на свои вечера и обѣды и всегда такъ радушно принималъ его въ своемъ домѣ, что Бѣлинскій, при всемъ своемъ демократическомъ отвращеніи къ аристократическому обществу, не въ состояніи былъ противиться просьбамъ и приглашеніямъ сіятельнаго амфитріона. Друзьямъ и знакомымъ кн. Одоевскаго могло казаться страннымъ и непонятнымъ такое его вниманіе къ Бѣлинскому: они могли даже подозрѣвать, что авторъ «Русскихъ ночей» компрометируетъ себя такимъ предосудительнымъ знакомствомъ изъ малодушія, изъ боязни рѣзкихъ отзывовъ «литературнаго бульдога», какъ называли великаго критика писатели, побаивавшіеся его смѣлаго и откровеннаго пера. На самомъ же дѣлѣ, какъ это обнаружилось изъ опубликованныхъ послѣ смерти кн.

Одоевскаго бумагъ, причина его благосклоннаго отношенія къ Бѣлинскому скрывалась въ томъ, что онъ цѣнилъ великаго критика гораздо лучше и выше, чѣмъ большинство его современниковъ.

«Бѣлинскій—говоритъ кн. Одоевскій—былъ одною изъ высшихъ философскихъ организацій, какія я когда-либо встрѣчалъ въ жизни. Въ немъ было сопряженіе Канта, Шеллинга и Гегеля, сопряженіе вполнѣ органическое, ибо онъ никого изъ нихъ не читалъ... Всякій разъ, когда мы встрѣчались съ Бѣлинскимъ (это было рѣдко), мы съ нимъ спорили жестоко; но я не могъ не удивляться, какимъ образомъ онъ изъ поверхностнаго знанія принциповъ натуральной философіи (Naturphilosophie) развивалъ цѣлый органическій философическій міръ sui generis. Едва имѣя понятіе о Шеллингѣ только, Бѣлинскій самъ собою дошелъ до Гегеля, ему неизвѣстнаго, т.-е. въ Бѣлинскомъ совершился своебытно тотъ переходъ, который въ философскомъ мірѣ совершился появленіемъ Гегеля послѣ Шеллинга... У Бѣлинскаго можно встрѣтить мѣста, гдѣ онъ по предчувствію угадывалъ Конта. Напрасно противники Бѣлинскаго укоряютъ его въ томъ, что онъ не понималъ Гегеля. Нѣтъ! онъ его *вовсе не зналъ*, но сблизился съ нимъ точно такъ же, какъ математикъ, не зная работы другого математика, сближается съ нимъ въ выводахъ единственно развитіемъ данной теоремы... Бѣда Бѣлинскаго — продолжаетъ кн. Одоевскій—въ томъ, что обстоятельства жизни не позволяли ему развиться правильнымъ образомъ... У насъ Бѣлинскому учиться было *негдѣ*. рутинизмъ нашихъ университетовъ не могъ удовлетворить его логическаго въ высшей степени ума; пошлость большей части нашихъ профессоровъ порождала въ немъ лишь презрѣніе: нелѣпыя преслѣдованія неизвѣстно за что развили въ немъ желчь, которая примѣшивалась въ его своебытное философское развитіе и доводила его безстрашную силлогистику до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Обстоятельства жизни воспитали его такъ, что онъ въ каждомъ человѣкѣ видѣлъ или подлеца, или мошенника, или глупца; сознаніе своей логической силы придавало ему много самолюбія, такъ что онъ никогда не могъ сознаться въ ошибочности своихъ выводовъ: безпрестанное ощипываніе въ нашей литературѣ, боязнь вывести на свѣтъ Божій самую невинную мысль, но новую, и потому заранѣе заподозрѣнную, возбудило такую въ Бѣлинскомъ ненависть къ этой пугливости, что онъ въ каждой крайней мысли видѣлъ мысль правдивую, потому только.

что она противорѣчила со всѣмъ окружающимъ. Отсюда его презрѣніе къ русскому филистерству, отъ котораго онъ переходилъ къ презрѣнію ко всему русскому... Бѣлинскій принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые нерѣдко у насъ появляются, которые при другой обстановкѣ означили бы свое поприще въ европейскомъ ученомъ мірѣ, но которые или замерли, или которыхъ сила, какъ сила невпопадъ задержанной машины, получаетъ обратное дѣйствіе и разрушаетъ самую машину. Не порицать слѣдуетъ такихъ людей, но скорбѣть о томъ, что они явились не въ пору« («Рус. Архивъ» 1874 г. Первое полугодіе, сс. 339—342).

Нуждаясь въ нѣкоторыхъ фактическихъ поправкахъ (невѣрно, напримѣръ, что Бѣлинскій «вовсе не зналъ» Гегеля и своимъ умомъ дошелъ до его философіи), приведенныя слова изъ бумагъ кн. Одоевскаго въ глазахъ безпристрастнаго потомства перевѣшиваютъ десятки неблагопріятныхъ и враждебныхъ отзывовъ, на которые не поскупились идейные и личные враги нашего великаго критика при его жизни и послѣ его смерти.

Что касается Бѣлинскаго, то онъ всегда отзывался о сочиненіяхъ кн. Одоевскаго съ большимъ уваженіемъ. Уже въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» было сказано, что «во всѣхъ его созданіяхъ виденъ талантъ могущественный и энергическій, чувство глубокое и страдательное, оригинальность совершенная, знаніе человѣческаго сердца, знаніе общества, высокое образованіе и наблюдательный умъ». Конечно, далеко не все нравилось Бѣлинскому въ сочиненіяхъ и въ личности кн. Одоевскаго. «Онъ очень добрый и простой человѣкъ,—писалъ Бѣлинскій Боткину вскорѣ послѣ переселенія въ Петербургъ—но повытерся свѣтомъ и жизнью, и потому безцвѣтенъ, какъ изношенный платокъ. Теперь его больше всего интересуетъ мистицизмъ и магнетизмъ» (Пыпинъ, 276). Но разногласія по многимъ кардинальнымъ вопросамъ и жестокіе споры не мѣшали Бѣлинскому и въ послѣдній періодъ его литературной дѣятельности высоко цѣнить въ лицѣ кн. Одоевскаго «не только писателя съ большимъ талантомъ, но и человѣка съ глубокимъ, страстнымъ стремленіемъ къ истинѣ, съ горячимъ и задушевнымъ убѣжденіемъ, — человѣка, котораго волнуютъ вопросы времени и котораго вся жизнь принадлежитъ мысли» (Бѣлинскій, IX, 26).

Изъ всѣхъ русскихъ писателей старшаго поколѣнія наиболѣе симпатично, даже дружески, относился къ Бѣлинскому романистъ *Лажечниковъ*. Замѣтивъ способнаго мальчика еще на

школьной скамьѣ чембарскаго уѣзднаго училища, Лажечниковъ очень сердечно и ласково относился къ Бѣлинскому и въ эпоху его студенчества. «Мы сблизились, — говоритъ Лажечниковъ въ своихъ «Замѣткахъ для біографіи Бѣлинскаго»—несмотря на разстояніе лѣтъ; не было заботы и надежды, не было юношескаго увлеченія, которыхъ онъ не повѣрялъ бы мнѣ; случалось мнѣ и отечески пожурить его». Между прочимъ, Лажечниковъ взялъ съ Бѣлинскаго обѣщаніе заняться изученіемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ. Когда Бѣлинскій оставилъ университетъ, Лажечниковъ помогалъ ему въ пріисканіи средствъ къ жизни и, между прочимъ, доставилъ ему мѣсто домашняго секретаря у одного генерала, плохо ладившаго съ правописаніемъ, но тѣмъ не менѣе имѣвшаго страсть печататься подъ псевдонимомъ Дормедонта Прутикова. Лажечниковъ же былъ единственный, кажется, писатель, который печатно (въ «Молвѣ» 1834 года, № 51) заявилъ: «дорожу мнѣніемъ сочинителя «Литературныхъ мечтаній», котораго, впрочемъ, не имѣю чести знать» (Бѣлинскій, I, 447). И онъ, дѣйствительно, кажется, не зналъ объ авторствѣ Бѣлинскаго, котораго спрашивалъ въ письмѣ отъ 26 ноября 1834 года: «чьи это... такія бойкія, умныя «Мечтанія»? (Пыпинъ, 100).

Когда Бѣлинскій по отъѣздѣ Надеждина за границу сталъ издавать «Телескопъ», Лажечниковъ предоставилъ ему безвозмездно отрывокъ изъ своего романа «Колдунъ на Сухаревой башнѣ». «Предпочитаю корысти — писалъ онъ при этомъ — любовь чистой, благородной души; сдѣлать вамъ удовольствіе дороже для меня нѣсколькихъ сотенъ рублей, которые бы мнѣ доставилъ «Наблюдатель» или «Библіотека для Чтенія». «Я люблю васъ, — признается Лажечниковъ въ другомъ письмѣ, — не какъ журналиста, а какъ Бѣлинскаго. Вспомните только наши отношенія, когда мы съ вами гуливали на Божедомку, и вы еще не писывали ничего для печати! Вѣрьте тоже, что я не обижусь вашею критикою, лишь бы она была добросовѣстна» (Пыпинъ, 126). И Лажечникову, при его скромномъ самолюбіи, не приходилось обижаться отзывами Бѣлинскаго, который, не умалчивая о недостаткахъ его, ставилъ автора «Ледяного дома» гораздо выше Загоскина и даже называлъ его «лучшимъ романистомъ пушкинскаго періода». «Какой богатый талантъ, — восклицаетъ Бѣлинскій въ обзорѣ русской литературы 1840 года, — какая страстная натура, какое горячее сердце, какая благородная, воз-

вышенная душа отпечатлѣвается въ его романахъ! Сколько пользы русскому обществу могутъ приносить они, внося въ его жизнь идеальные элементы, побѣждая гуманическимъ началомъ прозаическую черствость его нравовъ!» (V, 487). Въ сороковыхъ годахъ къ различію въ возрастѣ присоединилось различіе въ убѣжденіяхъ, но отношенія Лажечникова къ Бѣлинскому не измѣнились. Будучи тверскимъ вице-губернаторомъ, онъ въ каждый свой пріѣздъ въ Петербургъ посѣщалъ Бѣлинскаго и однажды представилъ на его судъ свою драму «Опричникъ», которая понравилась знаменитому критику, но не была пропущена цензурой.

Въ пятидесятыхъ годахъ, когда началась реабилитація Бѣлинскаго, Лажечниковъ первый, если не считать находившагося въ особыхъ условіяхъ Герцена, выступилъ въ печати со своими воспоминаніями о великомъ русскомъ критикѣ. Въ «Замѣткахъ для біографіи Бѣлинскаго», появившихся въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1859 года (№ 17), кромѣ интересныхъ біографическихъ свѣдѣній, Лажечниковъ даетъ и оцѣнку личности и литературной дѣятельности Бѣлинскаго, выступая горячимъ его защитникомъ и поклонникомъ. «Мало кому изъ молодыхъ писателей — говоритъ Лажечниковъ о «Литературныхъ мечтаніяхъ»—случалось начинать свое поприще такъ смѣло, сильно и самостоятельно. Бѣлинскій выступилъ во всеоружіи даровитаго новатора. Изумленіе читателей было общее. Кто былъ отъ нея въ восторгѣ, кто вознегодовалъ, что дерзкою рукою юноши, недоучившагося студента (какъ узнали вскорѣ), семинариста (какъ называли его иные), однимъ словомъ, человѣка безъ роду-племени, кумиры ихъ сбиты съ пьедестала, на которомъ они, казалось, стояли такъ твердо». «Что бы ни говорили объ его ошибкахъ,—продолжаетъ Лажечниковъ,—за нимъ навсегда останется слава, что онъ сокрушилъ риторику, все натянутое и изысканное, всякую ложь, всякую мишуру и на мѣсто ихъ сталъ проповѣдывать правду въ искусствѣ... Рядомъ съ его теоріей шли Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Кольцовъ, Даль, артисты Мочаловъ и Щепкинъ; за нею слѣдовала цѣлая плеяда высокодаровитыхъ писателей, и во главѣ ихъ Тургеневъ... И теперь вновь выдвинувшіеся изъ литературныхъ рядовъ дѣятели вышли изъ его школы. Артисты Мартыновъ и Садовскій принадлежатъ къ ней. Лучшіе критики нашего времени живутъ ея началами... Никто, какъ Бѣлинскій, не сокрушалъ такъ сильно ложныхъ знаменитостей, никто, какъ онъ, такъ зорко не угадывалъ въ первыхъ опы-

тахъ молодыхъ писателей будущаго замѣчательнаго таланта, не упрочивалъ такъ твердо славы за тѣми, кому она, по его убѣжденіямъ, слѣдовала... Ставъ на стражѣ у алтаря правды, онъ готовъ былъ поднять камень и противъ друга, который осмѣлился бы обратиться спиной къ его богинѣ. Писалъ ли онъ объ учебной книгѣ, о воспитаніи, о художественномъ произведеніи, объ игрѣ актера въ «Гамлетѣ», каждая статья, хотя и писанная на срокъ, для журнала, заключала въ себѣ цѣлую теорію искусства, воспитанія, общественной и личной нравственности».

Въ защиту Бѣлинскаго отъ упрековъ въ крайней рѣзкости его сужденій Лажечниковъ написалъ слѣдующія строки: «Съ раннихъ лѣтъ накипѣла въ немъ ненависть къ обскурантизму, ко всякой неправдѣ, ко всему ложному, въ чемъ бы они ни проявлялись, въ обществѣ или въ литературѣ. Оттого-то его убѣжденія перешли въ его плоть и кровь, слились съ его жизнью. Только съ жизнью онъ и покинулъ ихъ. Прибавьте къ безотрадному зрѣлищу гнилого общества, которое окружало его въ малолѣтствѣ, домашнее горе, бѣдность, нужды, вѣчно его преслѣдовавшія, вѣчную борьбу съ ними, и вы поймете, отчего произведенія его иногда переполнялись желчью, отчего, въ откровенной бесѣдѣ съ нимъ, изъ наболѣвшей груди его вырывались грозно-обличительныя рѣчи, которыя, казалось, душили его. Онъ дѣйствовалъ на общество и литературу, какъ врачъ на больного, у котораго прижигаетъ и вырѣзываетъ язвы: можно ли сказать, что этотъ врачъ не любитъ человѣчество?.. Менѣе страстная и энергическая натура уступила бы обстоятельствамъ и не совершила бы того, что онъ совершилъ въ такую короткую жизнь» (См. сочиненія Лажечникова, т. XII, изд. 1884 г.). Послѣднимъ знакомъ уваженія Лажечникова къ великому критику было посвященіе «Опричника», вышедшаго отдѣльнымъ изданіемъ въ 1867 году, «памяти В. Г. Бѣлинскаго».

III. Писатели современнаго Бѣлинскому поколѣнія.

Среди писателей-сверстниковъ или почти сверстниковъ у Бѣлинскаго было не мало доброжелателей и поклонниковъ, были даже истинные друзья, о которыхъ будетъ говориться въ слѣдующей главѣ, но не было недостатка и въ недоброжелателяхъ и врагахъ, которые не могли его понять или не въ состояніи были возвыситься надъ личными счетами съ нимъ. Такъ, напримѣръ, *Ку-*

кольникъ, пожалованный милостью Сенковскаго въ драматическіе геніи и развѣнчанный Бѣлинскимъ, въ кружкѣ своихъ поклонниковъ ораторствовалъ въ такомъ родѣ: «Тамъ у *нихъ* [въ редакціи «Отеч. Записокъ»], говорятъ, появился какой-то Бѣлинскій; онъ поретъ имъ объективную дичь, приправленную конкретностями, а они думаютъ, что это высшая философія, и слушаютъ его, развѣся уши» (Панаевъ, 338). Графиня *Е. П. Ростопчина*, жалуясь Погодину въ 1856 году на несправедливое отношеніе къ ней русской критики, взваливала вину на Бѣлинскаго. «Первый задѣлъ меня Бѣлинскій изъ ненависти къ Жуковскому, Одоевскому, Плетневу и моимъ друзьямъ высшаго круга и слоя литературы... Меня принесли въ жертву на алтарѣ, воздвигнутомъ Зинаидѣ Р., то-есть г-жѣ Ганъ, тогдашнему кумиру журналовъ, гдѣ она печатала свои повѣсти» (Барсуковъ, XIV, 384—385). Какъ ни странно читать о ненависти Бѣлинскаго къ Жуковскому, Плетневу и особенно къ кн. Одоевскому, дочь гр. Ростопчиной пошла еще дальше матери въ очерненіи свѣтлой памяти Бѣлинскаго и сдѣлала это еще неудачнѣе. «Мать моя—говоритъ она—нашла его слишкомъ дурно воспитаннымъ для посѣщенія ея аристократическихъ вечеровъ въ Петербургѣ, и оскорбленный критикъ отретировался, грозя своимъ опаснымъ кулакомъ» («Историч. Вѣстникъ» 1904 г., № 3, с. 868). Это Бѣлинскій-то, котораго чуть не силой водили къ кн. Одоевскому, стучался въ двери салона гр. Ростопчиной и, потерпѣвъ неудачу, мстилъ ей! Бо́льшую нелѣпость трудно и выдумать. И все это изъ-за того, что Бѣлинскій справедливо усмотрѣлъ у гр. Ростопчиной «разсуждающую и свѣтскую музу» и не призналъ ее первой по достоинству русской писательницей.

Поэтъ *Губеръ*, извѣстный переводчикъ «Фауста», также былъ недоволенъ Бѣлинскимъ, который не нашелъ почти никакого поэтическаго таланта въ его стихотвореніяхъ. Сдѣлавшись фельетонистомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», онъ воспользовался удобнымъ случаемъ задѣть «новую критику», которая своими неумѣренными похвалами будто бы повредила развитію таланта Достоевскаго. Графъ *В. А. Соллогубъ* въ началѣ сороковыхъ годовъ не могъ пожаловаться на недостатокъ вниманія со стороны Бѣлинскаго, довольно высоко цѣнившаго его «сильный и блестящій талантъ. При всемъ своемъ аристократизмѣ, не раздѣляя взглядовъ Бѣлинскаго и вообще мало ему симпатизируя, гр. Соллогубъ считалъ нужнымъ быть съ нимъ вѣжливымъ и деликатнымъ, вѣроятно, чтобы не разсердить «бульдога». «Мнѣ ни разу не при-

ходилось видѣть,—говоритъ Юрій Арнольдъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (II, 207)—чтобъ Соллогубъ иначе его встрѣчалъ, какъ дружескимъ рукопожатіемъ». Но стоило Бѣлинскому охладѣть къ таланту Соллогуба—и дружескія рукопожатія замѣнились пренебрежительнымъ кивкомъ головы даже при встрѣчахъ у общихъ знакомыхъ (См. Панаевъ, 397—398).

Не могъ похвалиться Бѣлинскій особеннымъ вниманіемъ и со стороны *Лермонтова*, въ которомъ, по одной только «Пѣснѣ про купца Калашникова», онъ призналъ «сильное и самобытное дарованіе» и которому, послѣ выхода въ свѣтъ его стихотвореній, готовъ былъ отвести мѣсто рядомъ съ Гете, Пушкинымъ и Байрономъ. Бѣлинскій и Лермонтовъ познакомились еще въ 1837 году, въ Пятигорскѣ, у Н. М. Сатина, друга Герцена и Огарева. «Дѣло шло ладно,—разсказываетъ Сатинъ о первой встрѣчѣ Бѣлинскаго и Лермонтова—пока разговоръ вертѣлся на разныхъ пустякахъ... Но Бѣлинскій не могъ долго удовлетворяться пустословіемъ... онъ съ удивленіемъ началъ говорить о французскихъ энциклопедистахъ и остановился на Вольтерѣ, котораго именно онъ въ то время читалъ. Такой переходъ отъ пустого разговора къ серьезному разбудилъ юморъ Лермонтова. На серьезныя мнѣнія Бѣлинскаго онъ началъ отвѣчать разными шуточками; это явно сердило Бѣлинскаго, который начиналъ горячиться; горячность же Бѣлинскаго болѣе и болѣе возбуждала юморъ Лермонтова, который хохоталъ отъ души и сыпалъ разными шутками. «Да я вотъ что скажу вамъ о вашемъ Вольтерѣ, — сказалъ онъ въ заключеніе: если бы онъ явился теперь къ намъ въ Чембары, то его ни въ одномъ порядочномъ домѣ не взяли бы въ гувернеры. Такая неожиданная выходка, впрочемъ, не лишенная смысла и правды, совершенно озадачила Бѣлинскаго. Онъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ посмотрѣлъ молча на Лермонтова, потомъ, взявъ фуражку и едва кивнувъ головой, вышелъ изъ комнаты. Лермонтовъ разразился хохотомъ. Тщетно я увѣрялъ его, что Бѣлинскій замѣчательно умный человѣкъ; онъ передразнивалъ Бѣлинскаго и утверждалъ, что это недоучившійся фанфаронъ, который, прочитавъ нѣсколько страницъ Вольтера, воображаетъ, что проглотилъ всю премудрость. Бѣлинскій съ своей стороны иначе не называлъ Лермонтова, какъ пошлякомъ, и когда я ему напоминалъ стихотвореніе Лермонтова «На смерть Пушкина»,—онъ отвѣчалъ: «Вотъ важность написать нѣсколько удачныхъ стиховъ! Отъ этого еще не сдѣлаешься поэтомъ и не перестанешь быть

пошлякомъ!» На впечатлительную натуру Бѣлинскаго встрѣча съ Лермонтовымъ произвела такое сильное вліяніе, что въ первомъ же письмѣ изъ Москвы онъ писалъ ко мнѣ: «Повѣрь, что пошлость заразительна, и потому, пожалуйста, не пускай къ себѣ такихъ пошляковъ, какъ Лермонтовъ» («Починъ» 1895 года, сс. 239—240).

Послѣ своего переселенія въ Петербургъ Бѣлинскій встрѣчался съ Лермонтовымъ у Краевскаго и кн. Одоевскаго, но сколько-нибудь близкихъ отношеній между ними не завязалось. «Бѣлинскій—говоритъ Панаевъ—пробовалъ было не разъ заводить съ нимъ серьезный разговоръ, но изъ этого никогда ничего не выходило. Лермонтовъ всякій разъ отдѣлывался шуткой или просто прерывалъ его, а Бѣлинскій приходилъ въ смущеніе» (Панаевъ, 178). Только встрѣтившись съ Бѣлинскимъ съ глазу на глазъ, Лермонтовъ раскрылъ передъ нимъ свою душу и далъ ключъ для пониманія своихъ произведеній. Произошло это свиданіе въ апрѣлѣ 1840 года въ ордонансъ-гаузѣ, гдѣ Лермонтовъ сидѣлъ подъ арестомъ за дуэль съ Барантомъ и гдѣ навѣстилъ его Бѣлинскій. Свиданіе, по словамъ Панаева, продолжалось «часа четыре» и произвело на Бѣлинскаго сильное впечатлѣніе. «Недавно—писалъ онъ Боткину,—былъ я у Лермонтова въ заточеніи и въ первый разъ разговорился съ нимъ отъ души. Глубокій и могучій духъ! Какъ онъ вѣрно смотритъ на искусство, какой глубокій и чисто-непосредственный вкусъ изящнаго! О, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго! Чудная натура!... Печоринъ—это онъ самъ какъ есть. Я съ нимъ спорилъ, и мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого. Я это сказалъ ему—онъ улыбнулся и сказалъ: дай Богъ!» (Пыпинъ, 302—303). «Въ словахъ его—передавалъ Бѣлинскій Панаеву—было столько истины, глубины и простоты! Я въ первый разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ я всегда желалъ его видѣть... Боже мой! Сколько эстетическаго чутья въ этомъ человѣкѣ! Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа въ немъ. Мнѣ наконецъ удалось-таки его видѣть въ настоящемъ свѣтѣ» (Панаевъ, 179).

Изъ писателей, болѣе или менѣе сочувственно относившихся къ Бѣлинскому, можно указать Гребенку, Прокоповича, Судовщикова, *Ѳ. Кони*. Послѣдній въ своемъ журналѣ «Пантеонъ и репертуаръ русской сцены» 1848 года (№ 6) напечаталъ лучшій изъ некрологовъ, вызванныхъ смертью великаго критика. Кони

не умалчиваетъ о недостаткахъ Бѣлинскаго, о его желчности, пристрастности, односторонности, измѣнчивости, рѣзкости, «шаткости основаній его критеріума» и др., но въ то же время онъ признаетъ его «замѣчательнымъ явленіемъ» въ русской критикѣ «по своему оригинальному взгляду, благородному направленію и способу передавать свои идеи». «Постоянно былъ онъ проникнутъ — говорится дальше о Бѣлинскомъ — духомъ пользы отечественной литературы, желалъ ей преуспѣянія и очищенія отъ обветшалыхъ понятій и отъ чужеземнаго вліянія, старался обратить ея творчество къ самороднымъ, національнымъ источникамъ и потому нерѣдко разбивалъ критическимъ жезломъ старые кумиры, которые, держа ее въ оковахъ, совращали съ пути оригинальнаго и самостоятельнаго развитія. Въ этомъ стремленіи возвышенномъ и сознательномъ состоитъ главная заслуга покойнаго». Съ особенной симпатіей относится Кони къ личности великаго критика. «Какъ человѣкъ, Бѣлинскій принадлежалъ къ числу небольшого остатка баснословно-честныхъ людей, которые внутренняго своего судію ставятъ выше всѣхъ благъ земныхъ и, въ ущербъ житейскихъ выгодъ, ищутъ только успокоенія въ своей душевной религіи. Участь ихъ—прибавляетъ Кони—страдать, трудиться и быть постоянно обманутыми судьбой и людьми»...

Изъ писателей разсматриваемаго поколѣнія, не принадлежавшихъ къ близкимъ друзьямъ Бѣлинскаго, хотя и бывшихъ его хорошими знакомыми, съ наибольшей симпатіей относились къ нему Огаревъ и Гончаровъ. *Огаревъ* въ 1839 году негодовалъ на Бѣлинскаго за его «гнусныя статьи» и обвинялъ его въ извращеніи идей Гегеля. Бѣлинскій—писалъ онъ Герцену—«столько же ученикъ Гегеля, сколько я родной братъ китайскаго императора» («Рус. Мысль» 1889 г., № 1, с. 2). Но тотъ же самый Огаревъ содѣйствовалъ примиренію Бѣлинскаго съ Герценомъ и, высоко цѣня его критическій талантъ, передавалъ ему на первоначальный просмотръ свои стихотворенія. *Гончаровъ*, при всей своей умѣренности и аккуратности петербургскаго чиновника, рѣшился въ 1846 году завести личное знакомство съ Бѣлинскимъ, чтобы отдать на его строгій судъ свою «Обыкновенную исторію», которая, какъ извѣстно, понравилась великому критику и вызвала съ его стороны даже нѣсколько преувеличенныя похвалы въ обзорѣ русской литературы 1847 года. Будучи натурой совершенно иного склада по сравненію съ «неистовымъ Виссаріономъ», Гончаровъ во многомъ не сходился съ нимъ, не раздѣлялъ многихъ его сим-

патій и антипатій, возмущался нѣкоторыми его взглядами, даже выражалъ «недовѣріе къ нему самому и къ его скороспѣлому суду», опасаясь скораго разочарованія критика въ достоинствахъ «Обыкновенной исторіи» и въ талантѣ ея творца. Вообще, Гончаровъ не былъ горячимъ поклонникомъ великаго русскаго критика, но это не помѣшало ему впослѣдствіи нарисовать очень симпатичный образъ его въ «Замѣткахъ о личности Бѣлинскаго», написанныхъ для Пыпина въ 1874 году и напечатанныхъ первоначально въ книгѣ «Четыре очерка» (Спб. 1881).

Гончаровъ видитъ въ Бѣлинскомъ горячую и воспріимчивую натуру искренняго и самобытнаго художника, надѣленнаго сильной фантазіей и склоннаго къ крайнимъ увлеченіямъ какъ въ области искусства, такъ и въ сферѣ житейскихъ отношеній. «У него были—говоритъ Гончаровъ о Бѣлинскомъ—постоянныя увлеченія или влеченія... Они составляли основу его честной и прямой натуры. Это влеченія къ идеаламъ свободы, правды, добра, человѣчности, при чемъ онъ нерѣдко ссылался на евангеліе... Этимъ идеаламъ онъ не измѣнялъ, конечно, никогда... Никакихъ уклоненій отъ этихъ путеводныхъ своихъ началъ онъ ни въ комъ не допускалъ и не простилъ бы никому иного исповѣданія въ нравственныхъ, политическихъ или соціальныхъ взглядахъ, кромѣ тѣхъ, какія принималъ и проповѣдывалъ самъ... Въ стремленіи или въ порывахъ... къ этимъ послѣднимъ идеаламъ особенно высказывалось его горячее нетерпѣніе, иногда до ребячества. Въ туманѣ новой какой-нибудь идеи, даже въ родѣ идей Фурье.... если въ ней только искрился намекъ на истину, на прогрессъ, на что-нибудь, что̀ казалось ему разумнымъ или честнымъ, передъ нимъ возникалъ уже опредѣленный образъ ея; нарождавшаяся ипотеза становилась его религіей;—онъ вѣровалъ въ идеалъ въ пеленкахъ, не думая подозрѣвать тутъ какого-нибудь обольщенія, заблужденія или замаскированной лжи. Онъ видѣлъ только одну свѣтлую сторону... Онъ мчался впередъ и никогда не оглядывался. Прошлое для него отживало почти безъ слѣда, лишь только оно кончалось».

«Эта нервозная, впечатлительная и раздражительная натура—говоритъ Гончаровъ дальше — при слабости легкихъ и вообще хрупкости организма,—убила, сожгла этого человѣка... Надо еще удивляться, какъ при... непрерывной напряженной работѣ умственныхъ и душевныхъ силъ въ такомъ скудельномъ сосудѣ, жизнь могла прогорѣть почти до сорока лѣтъ!» Хотя Бѣлинскій въ

концѣ своей жизни жаловался на утомленіе и мечталъ объ отдыхѣ, но «отдыхающій Бѣлинскій», по мнѣнію Гончарова, былъ невозможенъ. «Безъ непрерывной работы,—говоритъ онъ,—безъ этого кипѣнія и броженія вопросовъ и мнѣній внѣ литературной горячки, — я не умѣю представить себѣ его... Ему необходима была его спѣшная литературная работа,—нуженъ и дорогъ былъ и свой маленькій кружокъ, въ своей семьѣ, у очага, среди пяти-шести близкихъ лицъ, гдѣ онъ бился и трепеталъ природною своей жизнью... Это былъ не критикъ, не публицистъ, не литераторъ только—а трибунъ. Публичная его трибуна—въ журналѣ; другая, необходимая ему, дополнявшая первую, совершенно свободная, гдѣ онъ былъ нараспашку, это домашняя трибуна, гдѣ онъ не только зналъ, но такъ сказать, видѣлъ свою силу, повѣрялъ, измѣрялъ ее, любовался ею самъ, глядя, какъ наслаждаются ею другіе». Однимъ словомъ, крайне впечатлительная натура Бѣлинскаго, а не нужда и внѣшнія непріятности, была главной причиной его преждевременной смерти, по мнѣнію Гончарова. «Все равно,—говоритъ онъ—гдѣ бы ни было, при какихъ бы ни было обстоятельствахъ, — онъ всегда горѣлъ и сгорѣлъ бы: прежде всего въ борьбѣ съ ложью и грубостью около, вблизи, и потомъ въ погонѣ за далекими, уходящими изъ всякаго реальнаго достиженія идеалами... Онъ былъ обычной жертвой въ борьбѣ крайняго своего развитія съ цѣлымъ океаномъ всякой сплошной, господствовавшей неразвитости».

Подобно настоящему художнику, «Бѣлинскій — по словамъ Гончарова—въ сферѣ своей дѣятельности также творилъ по-своему, т.-е. угадывалъ смыслъ явленія, чуялъ въ немъ правду или ложь, опредѣлялъ характеръ его, и если явленіе представляло пищу увлеченію, онъ довѣрчиво увлекался самъ и увлекалъ другихъ». Эта способность къ крайнему и беззавѣтному увлеченію, по словамъ Гончарова, поставила Бѣлинскаго «во главѣ критики художественныхъ произведеній и создала даже школу этой критики... Ни до Бѣлинскаго, ни послѣ него, не было у нашихъ критиковъ въ такой степени чуткой способности сознавать въ самомъ себѣ впечатлѣнія отъ того или другого произведенія, сближать и сличать его впечатлѣніемъ другихъ, обобщать ихъ и на этомъ основывать свой судъ. Въ этомъ собственно и состоялъ творческій пріемъ его оцѣнки. Ему помогало еще то, чего недоставало другимъ критикамъ: это страстное сочувствіе къ художественнымъ произведеніямъ. Чѣмъ ярче и сильнѣе талантъ, тѣмъ

страстнѣе было и впечатлѣніе. Оно будило его нервную систему, затрогивало фантазію и порождало эти горячія критическія изліянія, которыя бросали столько свѣту и огня на все, что̀ производила литература замѣчательнаго». Но то же самое основное качество Бѣлинскаго, страстность его натуры, мѣшало ему быть «вполнѣ безпристрастнымъ критикомъ». «Уравновѣшивать строго и спокойно достоинства и недостатки въ талантахъ— было не въ горячей натурѣ Бѣлинскаго», говоритъ Гончаровъ. Онъ часто впадалъ въ ошибки и заблужденія, часто создавалъ себѣ литературныхъ кумировъ, которыхъ скоро безпощадно разбивалъ и осмѣивалъ. «Я мѣняю убѣжденія, это правда, но мѣняю ихъ, какъ мѣняютъ копейку на рубль», сказалъ однажды Бѣлинскій Гончарову, но послѣдній иначе объясняетъ измѣнчивость нѣкоторыхъ литературныхъ симпатій и антипатій «неистоваго Виссаріона». «Онъ мѣнялъ не убѣжденія, а у него мѣнялись впечатлѣнія», говоритъ Гончаровъ о Бѣлинскомъ:—«Онъ какъ Донъ-Жуанъ къ своимъ красавицамъ—относился къ своимъ идеаламъ: обольщался, хладѣлъ, потомъ стыдился многихъ изъ нихъ и какъ будто мстилъ за прежнее свое поклоненіе. Идолы слѣдо̀вали почти непрестанно одинъ за другимъ».

Не скрывая крупныхъ недостатковъ Бѣлинскаго, Гончаровъ въ то же время находитъ, что «эти недостатки были, можетъ быть, неизбѣжны при той роли, какая выпала ему на долю. Ему, какъ какому-то апостолу отрицанія, пришлось разыграть въ сферѣ критики и публицистики то же самое, что, другими способами и пріемами, разыгралъ въ искусствѣ Гоголь, и что̀, иначе уже конечно, продолжало потомъ и продолжаетъ разыгрываться или доигрываться почти всѣми литературными дѣятелями до сихъ поръ. На подобную начинательную литературную роль нужна была именно такая горячая натура, какъ его, и такіе способы и пріемы, какіе съ успѣхомъ были употреблены имъ: другіе, болѣе мягкіе, покойные, строго-обдуманные, не дали бы ему сдѣлать и половины того, что сдѣлалъ онъ, образуя тогда собой, вмѣстѣ съ Гоголемъ, почти всю литературу: надо было разрабатывать едва початую общественную почву... Понятно,—продолжаетъ Гончаровъ—что, соединяя въ себѣ роли публициста, эстетическаго критика и трибуна, провозвѣстника новыхъ грядущихъ началъ общественной жизни, онъ неизбѣжно долженъ былъ впадать въ рѣзкости, иногда крайности, въ лихорадку торопливости, увлеченій, разочарованій, раздраженій, эфемерныхъ симпатій, не-

справедливыхъ антипатій и недомолвокъ—словомъ непрерывной борьбы, безъ оглядки назадъ и безъ остановокъ!» Но «кто не оправдаетъ его, вспомня, съ какой умственной и нравственной тьмой надо было бороться, въ какомъ застоѣ покоилась масса, передъ которой онъ проповѣдывалъ!»

Почти на всемъ протяженіи своихъ «Замѣтокъ» Гончаровъ считается съ тѣми тяжкими обвиненіями, которыя были высказаны по адресу Бѣлинскаго его врагами и недоброжелателями, между прочимъ, Достоевскимъ, который въ 1873 году, на страницахъ «Гражданина», заявилъ, что великій русскій критикъ былъ и атеистъ, и соціалистъ, и коммунистъ, врагъ христіанства, отрицатель семьи, собственности и т. д. Въ характеристикѣ личности Бѣлинскаго Гончаровъ очень близко подошелъ къ Достоевскому, который называлъ «неистоваго Виссаріона» «самой восторженной личностью» и «самымъ торопившимся человѣкомъ въ цѣлой Россіи». Но въ оцѣнкѣ и объясненіи идейныхъ увлеченій Бѣлинскаго Гончаровъ разошелся съ авторомъ «Преступленія и Наказанія» самымъ рѣшительнымъ образомъ. Спокойный, уравновѣшенный, даже апатичный творецъ «Обломова» въ своемъ пониманіи «неистоваго Виссаріона» оказался гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ страстный и болѣзненно-нервный Достоевскій, который, по собственному его признанію, во всемъ и всегда, подобно Бѣлинскому, «за черту переходилъ». И Гончаровъ такъ же, какъ Достоевскій, приходилъ въ ужасъ и негодованіе отъ нѣкоторыхъ крайнихъ взглядовъ Бѣлинскаго, но онъ пользовался ими не для составленія обвинительныхъ актовъ, а для характеристики великаго критика, стараясь при этомъ объяснить его увлеченія и предупреждая возможныя обвиненія въ безнравственности указаніемъ, что ужасныя теоріи находились въ рѣзкомъ противорѣчіи съ частной жизнью провозглашавшаго ихъ человѣка. Такъ, напримѣръ, въ своемъ увлеченіи идеями женской эмансипаціи Бѣлинскій доходилъ до того, что превозносилъ до небесъ Лукрецію Флоріани (героиню романа Жоржъ Сандъ того же имени, переходящую отъ одного любовника къ другому), и даже заявилъ, что это—«богиня, передъ которой весь міръ долженъ стать на колѣни!» «Между тѣмъ,—говоритъ Гончаровъ о Бѣлинскомъ—собственная его семейная жизнь совершенно противорѣчила тому, что проповѣдывалъ онъ на своей трибунѣ о женской свободѣ любить на манеръ Лукреціи Флоріани... Въ семейной жизни трудно отыскать человѣка, который бы съ большимъ уваженіемъ

обращался къ женѣ, чѣмъ онъ... Вообще, глядя на его семейную жизнь, можно было заключить, что на дѣлѣ онъ признавалъ «святость» семейныхъ союзовъ, онъ, не любившій признавать вообще святостей».

Въ концѣ своихъ «Замѣтокъ» Гончаровъ защищаетъ Бѣлинскаго даже отъ такого упрека, который высказывался не только его врагами въ родѣ Шевырева и Погодина, но и такими его друзьями и поклонниками, какъ Тургеневъ, Кавелинъ, Дружининъ и др.,—отъ «несправедливаго поголовнаго и голословнаго упрека... въ необразованности». «Сочиненія его передъ нами:— говоритъ Гончаровъ—гдѣ же грѣшитъ онъ въ нихъ какими-нибудь промахами противъ того или другого знанія, или слабостью въ пониманіи того или другого, о чемъ писалъ? А о чемъ онъ не писалъ и чего не касался? И нигдѣ нѣтъ никакихъ рѣзкихъ обличеній въ незнакомствѣ съ догматикой той или другой науки, того или другого предмета... Какъ далеко ниже его стояли многіе изъ упрекавшихъ его въ своей мнимой учености, нужды нѣтъ, что они занимали ученыя каѳедры и положенія, или сотрудничали въ журналахъ, говорили и писали о древнихъ и новыхъ литературахъ, не зная иногда ни одного, или зная только французскій языкъ». Бѣлинскій, по заявленію Гончарова, «былъ образованнѣе всѣхъ своихъ сотоварищей (не ученѣе, а именно образованнѣе), за исключеніемъ развѣ одного Герцена, правильная подготовка котораго возводила его образованность на степень учености».

Кромѣ «Замѣтокъ о личности Бѣлинскаго», Гончаровъ упоминаетъ о немъ съ большимъ сочувствіемъ и въ статьѣ «Мильонъ терзаній», гдѣ отмѣчаетъ въ его «горячихъ импровизаціяхъ» мотивы и тонъ Чацкаго, и въ статьѣ «Лучше поздно, чѣмъ никогда», гдѣ высказываетъ сожалѣніе, что для «Обрыва» не нашлось такого «тонкаго критическаго истолкователя», какимъ былъ Бѣлинскій для «Обыкновенной исторіи» и Добролюбовъ для «Обломова». И въ частныхъ бесѣдахъ Гончаровъ, по воспоминаніямъ его племянника, всегда съ большимъ уваженіемъ вспоминалъ о Бѣлинскомъ, маска котораго висѣла въ его кабинетѣ («Вѣстникъ Европы» 1908 г., № 11, с. 38).

IV. Гоголь.

Пушкинъ, какъ мы видѣли, обратилъ серьезное вниманіе на Бѣлинскаго, хотя былъ свидѣтелемъ только первыхъ его высту-

пленій на критическомъ поприщѣ. Гоголь на четыре года пережилъ Бѣлинскаго, но оказался не въ состояніи понять и оцѣнить истинное значеніе своего великаго современника и восторженнаго поклонника. Уже въ 1835 году, въ статьѣ «О русской повѣсти и о повѣстяхъ Гоголя», Бѣлинскій провозгласилъ автора «Миргорода» «поэтомъ дѣйствительной жизни» и заявилъ, что «въ наше время онъ является главою литературы, главою поэтовъ. онъ становится на мѣсто, оставленное Пушкинымъ». «Я имѣлъ случай—разсказываетъ Анненковъ—видѣть дѣйствіе этой статьи на Гоголя. Онъ еще тогда не пришелъ къ убѣжденію что московская критика, т.-е. критика Бѣлинскаго, злостно перетолковала всѣ его намѣренія и авторскія цѣли,—онъ благосклонно принялъ замѣтку статьи, а именно, что «чувство глубокой грусти, чувство глубокаго соболѣзнованія къ русской жизни и ея порядкамъ слышится во всѣхъ разсказахъ Гоголя», и былъ доволенъ статьей, и болѣе, чѣмъ доволенъ: онъ былъ осчастливленъ статьей, если вполнѣ вѣрно передавать воспоминанія о томъ времени. Съ особеннымъ вниманіемъ остановился въ ней Гоголь на опредѣленіи качествъ истиннаго творчества, и разъ, когда зашла рѣчь о статьѣ, перечиталъ вслухъ одно ея мѣсто» (Анненковъ, 202). Но даже и въ это время Гоголь не придавалъ особеннаго значенія Бѣлинскому. Въ его статьѣ «О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 годахъ» говорится, что «Телескопъ» «наполнялся статьями, въ которыхъ не было ничего свѣжаго, животрепещущаго». Читая дальше рѣзкіе отзывы о пустотѣ и безсодержательности журнальныхъ статей, все время ожидаешь, что, по крайней мѣрѣ, для Бѣлинскаго и его «Литературныхъ мечтаній» будетъ сдѣлано исключеніе. Напрасное ожиданіе! Утѣшительнымъ исключеніемъ для Гоголя былъ не Бѣлинскій, а Шевыревъ; о Бѣлинскомъ же во всей статьѣ нѣтъ ни единаго слова. Правда, въ черновомъ наброскѣ этой статьи нѣсколько строкъ было удѣлено и Бѣлинскому. «Въ критикахъ Бѣлинскаго — говоритъ Гоголь — виденъ вкусъ. хотя еще не образовавшійся, молодой и опрометчивой, но служащій порукой за будущее развитіе, потому что основанъ на чувствѣ и душевномъ убѣжденіи. При всемъ этомъ въ нихъ много есть въ духѣ прежней семейственной критики, что вовсе неумѣстно, а тѣмъ болѣе для публики» (Соч. Гоголя, VI, 342. Изд. 10-ое. М.-Спб. 1896). И такой до крайности сдержанный отзывъ Гоголь не рѣшился напечатать, по всей вѣроятности, изъ опасенія вызвать неудовольствіе своихъ московскихъ

и петербургскихъ друзей, хотя они въ это время относились къ Бѣлинскому далеко не такъ враждебно, какъ впослѣдствіи.

Осенью 1839 года Гоголь познакомился съ Бѣлинскимъ и лично (раньше они разъ встрѣтились у Аксаковыхъ въ 1835 году) на квартирѣ Н. Я. Прокоповича и потомъ не разъ встрѣчался съ нимъ, между прочимъ, на вечерахъ и обѣдахъ у кн. Одоевскаго. Хотя Шенрокъ увѣряетъ насъ, что «Гоголь уже при первыхъ встрѣчахъ произвелъ нѣсколько отталкивающее впечатлѣніе на Бѣлинскаго надменностью и неискренностью» («Матеріалы для біографіи Гоголя», IV, 45. М. 1898), на самомъ же дѣлѣ, первыя встрѣчи съ Гоголемъ оставили въ Бѣлинскомъ самыя пріятныя воспоминанія. «Поклонись отъ меня Гоголю — пишетъ онъ Константину Аксакову 10 января 1840 года—и скажи ему, что я такъ люблю его, и какъ поэта, и какъ человѣка, что и тѣ немногія минуты, въ которыя я встрѣчался съ нимъ въ Петербургѣ, были для меня отрадою и отдыхомъ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ даже не хотѣлось и говорить съ нимъ, но его присутствіе давало полноту моей душѣ, и въ ту субботу, какъ я не увидѣлъ его у Одоевскаго, мнѣ было душно среди этихъ лицъ и пустынно среди множества» (Письма Бѣлинскаго, 23—24). Въ томъ же письмѣ Бѣлинскій проситъ Аксакова немедленно сообщить, какое впечатлѣніе произведетъ на Гоголя статья о «Горѣ отъ ума». Гоголь прочелъ статью и хотя съ отдѣльными взглядами Бѣлинскаго согласиться не могъ, но, по сообщенію Аксакова, остался доволенъ разборомъ «Ревизора», заявивъ, между прочимъ, что «многое подмѣчено вѣрно». Отзывъ этотъ обрадовалъ Бѣлинскаго, который поспѣшилъ подѣлиться своею радостью съ Боткинымъ. Вообще, Бѣлинскій послѣ знакомства съ Гоголемъ сильно интересуется личностью своего любимаго писателя и часто говоритъ о немъ въ своихъ письмахъ. Что касается Гоголя, то и послѣ личнаго знакомства со своимъ восторженнымъ поклонникомъ онъ не измѣнилъ прежняго недоброжелательнаго отношенія къ нему. «Врядъ ли—говоритъ Анненковъ—Гоголь и считалъ тогда Бѣлинскаго за какую-либо надежную силу. По крайней мѣрѣ, въ мимолетныхъ отзывахъ, слышанныхъ мной отъ него позднѣе (въ 1841 году въ Римѣ) о русскихъ людяхъ той эпохи, Бѣлинскій не занималъ никакого мѣста» (Анненковъ, 204.). Даже больше. По свидѣтельству того же современника, въ Римѣ «Гоголь нѣсколько разъ выражалъ недовольство свое критикой Бѣлинскаго». По всей вѣроятности, именно въ это время Гоголь говорилъ,

что московская критика перетолковала по-своему его намѣренія и цѣли. Можетъ быть, къ этому же времени относится и передаваемый Анненковымъ отзывъ Гоголя о Бѣлинскомъ: «голова недюжинная, но у нея всегда чѣмъ вѣрнѣе первая мысль, нелѣпѣе вторая» (Анненковъ, 58, 174).

Пріѣхавъ осенью 1841 года въ Москву и встрѣтившись тамъ съ Бѣлинскимъ въ большой тайнѣ отъ славянофиловъ и «москвитянъ», Гоголь оказалъ ему не малое довѣріе, вручивъ ему для передачи кн. Одоевскому не пропущенную московской цензурой рукопись «Мертвыхъ Душъ» вмѣстѣ съ письмами къ тому же лицу, а также къ А. О. Смирновой. Но довѣріе это было такъ непрочно, что, не получивъ своевременно отвѣтовъ на свои письма, Гоголь готовъ былъ заподозрѣть Бѣлинскаго въ «невѣрности». Въ это же время Гоголь отклонилъ сдѣланное ему Бѣлинскимъ предложеніе сотрудничать въ «Отеч. Запискахъ», чѣмъ вызвалъ рѣзкое письмо «неистоваго Виссаріона», гдѣ, между прочимъ, было сказано, что «Отеч. Записки» теперь *единственный* журналъ на Руси, въ которомъ находитъ себѣ мѣсто и убѣжище честное и благородное и... умное мнѣніе, что «Отеч. Записки» ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть смѣшиваемы съ холопами знаменитаго села Порѣчья» (Письма Бѣлинскаго, 78). Обруганные Бѣлинскимъ «холопы села Порѣчья», т.-е. Шевыревъ и Погодинъ, были гораздо ближе и дороже Гоголю, чѣмъ Бѣлинскій, и въ выборѣ между «Отеч. Записками» и «Москвитяниномъ» для него не могло быть никакихъ сомнѣній и колебаній. Но скрытный и лукавый Гоголь не далъ прямого отвѣта на оскорбительное для его друзей письмо, онъ ограничился только тѣмъ, что черезъ Прокоповича обѣщалъ «потрактовать и поговорить лично» во время проѣзда черезъ Петербургъ. Нуждаясь въ услугахъ знаменитаго критика для рекомендаціи публикѣ печатавшихся «Мертвыхъ Душъ», Гоголь и во время свиданія съ Бѣлинскимъ въ Петербургѣ велъ себя такъ уклончиво, что разрыва между ними не произошло. Бѣлинскій не могъ не замѣтить, что Гоголь предпочитаетъ ему своихъ московскихъ и петербургскихъ друзей, что онъ даже боится особенно близкихъ отношеній съ нимъ и цѣнитъ въ немъ не столько литературнаго дѣятеля, сколько вліятельнаго журналиста и, вообще, нужнаго человѣка «Подобныя отношенія—говоритъ Шенрокъ — не могли не коробить Бѣлинскаго, но онъ все-таки былъ далекъ отъ мысли предположить въ отношеніи къ себѣ въ Гоголѣ столько высокомѣрія, какъ это было на самомъ

дѣлѣ». Что сказалъ бы Бѣлинскій, если бы онъ узналъ, напримѣръ, что Гоголь передъ выходомъ въ свѣтъ своей «поэмы» писалъ въ одномъ изъ писемъ Прокоповичу слѣдующія строки: «Попроси Бѣлинскаго, чтобы онъ сказалъ что-нибудь о ней въ немногихъ словахъ, какъ можетъ сказать не читавшій ея. Отправься также къ Сенковскому и попроси отъ меня помѣстить въ литературныхъ новостяхъ извѣстіе, что скоро выйдетъ такая-то книга, такого-то, и больше ничего. Въ этомъ, кажется, никто изъ никто не имѣетъ права отказать» (Письма Гоголя, II. 171. Изд. Маркса).

Когда вышли «Мертвыя Души», Бѣлинскій заявилъ, что это—«твореніе чисто-русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько же истинное, столько и патріотическое, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовію къ плодовитому зерну русской жизни; твореніе необъятно-художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта,—и въ то же время, глубокое по мысли, соціальное, общественное и историческое...» (Бѣлинскій, VII, 253). И раньше авторъ «Миргорода» и «Ревизора» въ глазахъ Бѣлинскаго былъ «великій талантъ, геніальный поэтъ и *первый* писатель современной Россіи»; теперь же Гоголь былъ объявленъ «русскимъ національнымъ поэтомъ во всемъ пространствѣ этого слова», въ то время какъ Гречъ, Сенковскій и Полевой, точно сговорившись, поставили творца «Мертвыхъ Душъ» *ниже* Поль-де-Кока.

Бѣлинскій готовъ былъ поставить Гоголя даже выше Пушкина. «Мы видимъ въ Гоголѣ—писалъ онъ уже въ 1842 году—болѣе важное значеніе для русскаго общества, чѣмъ въ Пушкинѣ, ибо Гоголь болѣе поэтъ соціальный, слѣдовательно, поэтъ въ духѣ времени». Но восторженные отзывы Бѣлинскаго мало тронули Гоголя: его отношеніе къ знаменитому критику по-прежнему было холоднымъ и даже пренебрежительнымъ. Уѣхавъ за границу, Гоголь проситъ Прокоповича прислать ему отдѣльные оттиски статей Бѣлинскаго о «Мертвыхъ Душахъ» и о собраніи сочиненій, но въ томъ же самомъ письмѣ проситъ и о присылкѣ критическихъ статей Сенковскаго и Полевого. Не отъ Бѣлинскаго, а отъ Шевырева и Плетнева ждетъ Гоголь наилучшей оцѣнки своего новаго произведенія. «Грѣхъ будетъ на душѣ твоей,—пишетъ онъ Шевыреву—если ты не напишешь разбора

«Мертвыхъ Душъ». Кромѣ тебя, врядъ ли кто другой можетъ правдиво и какъ слѣдуетъ оцѣнить ихъ».—«У васъ много внутренняго, глубоко-эстетическаго чувства, хотя вы не брызжете внѣшнимъ, блестящимъ фейерверкомъ, который слѣпитъ очи большинства». Такъ писалъ Гоголь Плетневу, очевидно, сравнивая его съ Бѣлинскимъ. Въ это время Гоголю были «досадны и несносны» безотчетныя похвалы его сочиненіямъ. Въ его письмахъ сплошь и рядомъ встрѣчаются заявленія, что душа его, какъ манны небесной, жаждетъ упрековъ и указаній недостатковъ. Понятно, что при такомъ настроеніи Гоголю не могли особенно нравиться „восторженныя статьи Бѣлинскаго, тѣмъ болѣе, что авторъ «Мертвыхъ Душъ» былъ несогласенъ съ тѣмъ толкованіемъ, какое давалъ этому произведенію великій критикъ. Гоголь былъ очень недоволенъ, что въ «Мертвыхъ Душахъ» усмотрѣли портретъ Россіи», и Шевыревъ, несогласный съ такимъ взглядомъ, оказался для него «глубокимъ критикомъ-созерцателемъ (Письма Гоголя, II, 200, 231—232). Не придавалъ Гоголь особеннаго значенія восторженнымъ похваламъ Бѣлинскаго, не соглашался и съ тѣми неодобрительными замѣчаніями, которыя дѣлались имъ по поводу нѣкоторыхъ отдѣльныхъ произведеній, напр., по поводу повѣсти «Римъ». «Бѣлинскій смѣшонъ — писалъ Гоголь Шевыреву 1-го сентября 1843 года:—А всего лучше замѣчаніе о Римѣ»; онъ хочетъ, чтобы римскій князь имѣлъ тотъ же взглядъ на Парижъ и французовъ, какой имѣетъ Бѣлинскій» (Письма Гоголя, II, 333).

Живя за границей, Гоголь читалъ русскіе журналы и въ томъ числѣ «Отеч. Записки», но относился онъ къ отечественной журналистикѣ крайне пренебрежительно и не дѣлалъ исключенія для Бѣлинскаго, когда писалъ, напримѣръ, что «современная журнальная литература... это просто плошка, которая не только что подъ-часъ плохо горитъ, но даже еще и воняетъ» (Письма Гоголя, II, 337). Не признавая себя ни славянофиломъ, ни западникомъ, не одобряя такихъ памфлетовъ, какъ посланіе Языкова Къ не-нашимъ», Гоголь все-таки находилъ «больше правды на сторонѣ славянистовъ и восточниковъ». Западниковъ же онъ обвинялъ въ томъ, что «они нѣкоторыя *частности* распространяютъ на *общее*, исключенья выставляютъ въ правила, временныя болѣзни принимаютъ за коренныя, во всякомъ предметѣ видятъ *тѣло* его, а не *духъ*» (Письма Гоголя, III, 42—43). Съ этой точки зрѣнія относился Гоголь и къ статьямъ Бѣлинскаго, въ

которыхъ, кромѣ того, ему не могли нравиться рѣзкіе отзывы объ отдѣльныхъ писателяхъ, напримѣръ, о Языковѣ и Хомяковѣ.

«Глубокій критикъ-созерцатель», какимъ былъ въ глазахъ Гоголя Шевыревъ, находилъ, что творцу «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ» «давно пора... для славы своей скинуть съ себя пятно похвалъ и восклицаній, которыя приносилъ ему Бѣлинскій». И Гоголь, въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями», какъ бы слѣдуя мнѣнію Шевырева, выступилъ съ такими заявленіями, въ которыхъ нельзя было не усмотрѣть самаго пренебрежительнаго отношенія къ мнѣніямъ и оцѣнкамъ великаго русскаго критика. Цѣлые годы разъяснялъ Бѣлинскій, какое громадное значеніе имѣютъ сочиненія Гоголя и въ исторіи русской литературы, и въ развитіи русскаго общественнаго самосознанія. Гоголь же въ предисловіи къ новой книгѣ во всеуслышаніе, точно по рецепту Булгарина и Сенковскаго, объявляетъ всѣ свои сочиненія «необдуманными и незрѣлыми» и считаетъ нужнымъ «искупить безполезность всего», что было имъ напечатано до 1847 года. Бѣлинскій потратилъ массу энергіи для защиты сочиненій Гоголя отъ людей, ставившихъ его ниже Поль-де-Кока. И вдругъ самъ Гоголь заявляетъ: «Въ сочиненіяхъ моихъ гораздо больше того, что нужно осудить, нежели того, что заслуживаетъ хвалу. Всѣ нападенія на нихъ были въ основаніи болѣе или менѣе справедливы... Въ критикахъ Булгарина, Сенковскаго и Полевого есть много справедливаго». Бѣлинскій неоднократно доказывалъ, что Гоголь далъ новое направленіе русской литературѣ, что со времени появленія его повѣстей начинается новый періодъ въ исторіи русской литературы, что всѣ молодые писатели пошли по указанному имъ пути реализма, а самъ Гоголь въ отвѣтъ на всѣ эти общепризнанныя теперь мнѣнія заявилъ: «рожденъ я вовсе не затѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литературной». Всю свою жизнь Бѣлинскій посвятилъ объясненію истинныхъ достоинствъ старыхъ и современныхъ ему русскихъ писателей, а Гоголь выступилъ съ огульнымъ обвиненіемъ, что «журналы сбили и спутали понятія публики о нашихъ поэтахъ».

Приведенныхъ заявленій Гоголя, не говоря уже о главномъ содержаніи и общей тенденціи его «гнусной» книги, въ которой Бѣлинскій усмотрѣлъ не задушевную исповѣдь автора, а желаніе добиться небесными средствами земныхъ цѣлей,—достаточно было, чтобы заставить «неистоваго Виссаріона», по выраженію Барсукова, «залаять собакой, завыть шакаломъ, зажмурить глаза и от-

латься негодованію и бѣшенству». Въ такомъ настроеніи написалъ Бѣлинскій статью о «Перепискѣ съ друзьями», напечатанную въ «Современникѣ» 1847 года, гдѣ ему удалось довольно прозрачно намекнуть, что книга Гоголя не является искреннимъ выраженіемъ настоящихъ взглядовъ автора. Отъ Гоголя не могъ укрыться гнѣвный и раздраженный тонъ статьи Бѣлинскаго, которую онъ получилъ 23 апрѣля 1847 года, но гнѣвъ и раздраженіе критика онъ объяснилъ по-своему. Ему показалось, что Бѣлинскій разсердился потому, что принялъ на свой собственный счетъ выходки противъ журналистовъ вообще и прочиталъ въ «Перепискѣ» «формальное нападеніе на всѣхъ раздѣляющихъ его мысли». — «Мнѣ было очень прискорбно это раздраженіе — писалъ Гоголь Прокоповичу 20 іюня 1847 года—не по причинѣ жесткости словъ... но потому, что, какъ бы то ни было, человѣкъ этотъ говорилъ обо мнѣ съ участіемъ въ продолженіе десяти лѣтъ, человѣкъ этотъ, несмотря на излишества и увлеченія, указалъ справедливо, однакожъ, на многія такія черты въ моихъ сочиненіяхъ, которыхъ не замѣтили другіе, считавшіе себя на высшей точкѣ разумѣнія передъ ними». Гоголь сознается даже, что причислять Бѣлинскаго къ тѣмъ журналистамъ, по адресу которыхъ направлены рѣзкія выраженія «Переписки», было бы съ его стороны неблагодарностью. Если же онъ не выдѣлилъ Бѣлинскаго изъ общей толпы журналистовъ, то сдѣлалъ это потому, что считалъ его неспособнымъ къ «близорукому взгляду и мелкимъ заключеніямъ». «Пожалуйста, — проситъ Гоголь Прокоповича въ томъ же письмѣ — переговори съ Бѣлинскимъ и напиши мнѣ, въ какомъ онъ находится расположеніи духа нынѣ относительно меня. Если въ немъ кипитъ желчь, пусть онъ ее выльетъ противъ меня въ «Современникѣ», въ какихъ ему заблагоразсудится выраженіяхъ, но пусть не хранитъ ея противъ меня въ сердцѣ своемъ. Если же въ немъ угомонилось неудовольствіе, то дай ему при семъ прилагаемое письмецо» (Письма Гоголя, III, 496) [1].

«Я прочелъ съ прискорбіемъ статью вашу обо мнѣ въ «Современникѣ», — писалъ Гоголь самому Бѣлинскому — не потому,

[1]) Въ отвѣтѣ на это письмо Прокоповичъ, между прочимъ, писалъ Гоголю: «зная Бѣлинскаго давно, я не могу не быть увѣреннымъ, что ни одна строчка его не назначалась мщенію за личное оскорбленіе» (Шенрокъ, IV, 558).

чтобы мнѣ прискорбно было униженіе, въ которое вы хотѣли меня поставить въ виду всѣхъ, но потому, что въ немъ слышенъ голосъ человѣка, на меня разсердившагося. А мнѣ не хотѣлось бы разсердить человѣка, даже не любящаго меня, тѣмъ болѣе васъ, который — думалъ я — любилъ меня. Я вовсе не имѣлъ въ виду огорчить васъ ни въ какомъ мѣстѣ моей книги». «Вы взглянули на мою книгу—продолжаетъ Гоголь — глазами человѣка разсерженнаго, а потому почти все приняли въ другомъ видѣ. Оставьте всѣ тѣ мѣста, которыя покамѣстъ еще загадка для многихъ, если не для всѣхъ, и обратите вниманіе на тѣ мѣста, которыя доступны всякому здравому и разсудительному человѣку, и вы увидите, что вы ошиблись во многомъ». Далѣе Гоголь упрекаетъ Бѣлинскаго за чрезмѣрную поспѣшность его сужденій и «оплошные выводы», которыми наполнена его статья. «Какъ можно, напримѣръ,— удивляется Гоголь — изъ того, что я сказалъ, что въ критикахъ, говорившихъ о недостаткахъ моихъ, есть много справедливаго, вывести заключеніе, что критики, говорившія о достоинствахъ моихъ, несправедливы? Такая логика можетъ присутствовать только въ головѣ разсерженнаго человѣка, ищущаго только того, что способно раздражать его, а не оглядывающаго предметъ спокойно со всѣхъ сторонъ». «Я долго носилъ въ головѣ,—продолжаетъ Гоголь—какъ заговорить о критикахъ, которые говорили о достоинствахъ моихъ и которые, по поводу моихъ сочиненій, распространили много прекрасныхъ мыслей объ искусствѣ; я безпристрастно хотѣлъ опредѣлить достоинство каждаго и оттѣнки эстетическаго чутья, которымъ болѣе или менѣе одаренъ былъ каждый; я выжидалъ только времени, когда мнѣ можно будетъ сказать объ этомъ, или, справедливѣе, когда мнѣ прилично будетъ сказать объ этомъ, чтобы не говорили потомъ, что я руководствовался какой-нибудь своекорыстной цѣлью, а не чувствовалъ безпристрастія и справедливости». «Пишите — говоритъ Гоголь въ концѣ своего письма—критики самыя жестокія, прибирайте всѣ слова, какія знаете, на то, чтобъ унизить человѣка, способствуйте къ осмѣянію меня въ глазахъ вашихъ читателей, не пожалѣвъ самыхъ чувствительныхъ струнъ, можетъ быть, нѣжнѣйшаго сердца — все это вынесетъ душа моя, хотя и не безъ боли, и не безъ скорбныхъ потрясеній; но мнѣ тяжело, очень тяжело—говорю вамъ это искренно — когда противъ меня питаетъ личное озлобленіе даже и злой человѣкъ, а васъ я считалъ за добраго человѣка» (Письма Гоголя, III, 491—493).

Гоголь не только пожалѣлъ о тѣхъ выраженіяхъ въ «Перепискѣ съ друзьями», которыя, по его мнѣнію, должны были обидѣть Бѣлинскаго, но даже выступилъ на его защиту передъ кн. Вяземскимъ. «Мнѣ кажется, — писалъ онъ автору статьи «Языковъ и Гоголь» — что выразились вы нѣсколько сурово о нѣкоторыхъ моихъ нападателяхъ, особенно о тѣхъ, которые прежде меня выхваляли. Мнѣ кажется вообще, мы судимъ ихъ слишкомъ неумолимо. Богъ знаетъ, можетъ быть, въ существѣ многіе изъ нихъ добрые люди и влекутся даже нѣкоторымъ, хотя отдаленнымъ желаніемъ добра; но кого не увлекаетъ самолюбіе, нѣкоторый успѣхъ и множество разныхъ соблазновъ, окружающихъ со всѣхъ сторонъ человѣка? Богъ знаетъ, можетъ быть, и намъ будетъ сдѣланъ упрекъ въ гордости за то, что мы нѣсколько жестоко оттолкнули ихъ, оскорбясь какою-нибудь ихъ дерзостью, тогда какъ нашъ совѣтъ, можетъ быть, имъ былъ бы нуженъ и спасъ бы ихъ отъ многаго того, за что ихъ укорять теперь справедливо» (Письма Гоголя, III, 482—483).

Получивъ письмо Гоголя и увидѣвъ, что онъ не понимаетъ истинной причины негодованія, вызваннаго «Перепиской съ друзьями», Бѣлинскій рѣшился сказать ему всю правду и сдѣлалъ это въ своемъ знаменитомъ письмѣ, посланномъ изъ Зальцбрунна. Бѣлинскій объяснилъ Гоголю, что не оскорбленное самолюбіе, а «оскорбленное чувство истины, человѣческаго достоинства» водило его перомъ, когда онъ писалъ статью о «Перепискѣ съ друзьями». «Нельзя молчать,—писалъ Бѣлинскій—когда подъ покровомъ религіи и защитою кнута, проповѣдуютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель». Далѣе въ своемъ письмѣ Бѣлинскій, какъ извѣстно, обозвалъ Гоголя «проповѣдникомъ кнута, апостоломъ невѣжества, поборникомъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристомъ татарскихъ нравовъ», бросилъ ему въ лицо упрекъ въ подлости и посовѣтовалъ «съ искреннимъ смиреніемъ отречься» отъ «Переписки съ друзьями» и искупить «грѣхъ ея изданія въ свѣтъ новыми твореніями».

Еще до полученія письма отъ Бѣлинскаго Гоголю пришлось выслушать не мало крайне оскорбительныхъ отзывовъ по поводу «Переписки съ друзьями». Какъ ни жаждалъ Гоголь упрековъ и указанія недостатковъ, но уже въ мартѣ 1847 года онъ, по собственному признанію, «утомился отъ упрековъ слишкомъ тяжкихъ и жестокихъ». Негодующіе упреки и обличенія, которыя посыпались на него «градомъ со всѣхъ сторонъ», глубоко по-

трясли великаго писателя. Онъ продолжалъ еще увѣрять своихъ друзей, что если его книга не принесла пользы обществу, въ чемъ онъ раньше былъ глубоко убѣжденъ, то все-таки она принесла громадную пользу ему самому, такъ какъ послужила для него «публичной оплеухой» и зеркаломъ, въ которомъ онъ увидѣлъ свое «неряшество». Подъ вліяніемъ упрековъ Гоголь сталъ уже жалѣть, что выпустилъ въ свѣтъ свою «Переписку». «Я размахнулся въ моей книгѣ — писалъ онъ Жуковскому — такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее». «Одно помышленье о томъ,—сознается онъ кн. Львову—съ какимъ неприличіемъ и самоувѣренностью сказано въ ней многое, заставляетъ меня горѣть отъ стыда» (Письма Гоголя, III, 398, 421).

Но упреки Бѣлинскаго оказались столь сильными и жестокими, что при всемъ своемъ тогдашнемъ смиренномудріи Гоголь не могъ не прійти въ крайнее негодованіе. Подъ первымъ впечатлѣніемъ страшныхъ обвиненій Бѣлинскаго Гоголь написалъ длинное и рѣзкое письмо, въ которомъ онъ старается опровергнуть обвиненія и подозрѣнія, вызванныя его злосчастной книгой, старается защитить свои взгляды и свою точку зрѣнія. Въ отвѣтъ на подозрѣнія въ неискренности и корыстныхъ расчетахъ Гоголь писалъ: «Не стану защищать мою книгу. Я самъ на нее напалъ и нападаю. Она была издана въ торопливой поспѣшности, несвойственной моему характеру, разсудительному и осмотрительному. Но движеніе было честное. Никому я не хотѣлъ ею польстить или покадить... Своекорыстныхъ же цѣлей я и прежде не имѣлъ, когда меня еще нѣсколько занимали соблазны міра, а тѣмъ болѣе теперь, когда мнѣ пора подумать о смерти... Ничего я не хотѣлъ ею выпрашивать. Это не въ моей натурѣ... Вспомнили бъ вы по крайней мѣрѣ, что у меня нѣтъ даже угла, и я стараюсь о томъ, какъ бы еще облегчить мой небольшой походный чемоданъ, чтобъ легче было разставаться съ міромъ. Стало быть, вамъ бы слѣдовало поудержаться клеймить меня тѣми обидными подозрѣніями, которыми, признаюсь, я бы не имѣлъ духа запятнать послѣдняго мерзавца». Гоголь снова повторяетъ свой упрекъ, что раздраженіе помѣшало Бѣлинскому понять его книгу, какъ слѣдуетъ. «Вы взглянули на нее распаленными глазами, и все вамъ представилось въ ней въ другомъ видѣ. Вы ее не узнали... Вы говорите, что вы прочли будто сто разъ мою книгу, тогда какъ ваши же слова говорятъ, что вы ее не читали ни разу. Гнѣвъ отуманилъ глаза вамъ и ничего не далъ вамъ увидѣть въ

настоящемъ смыслѣ. Блуждаютъ кое-гдѣ блестки правды посреди огромной кучи софизмовъ и необдуманныхъ юношескихъ увлеченій». Въ эту «кучу софизмовъ» Гоголь сваливаетъ не только дѣйствительно парадоксальныя мнѣнія Бѣлинскаго, но и завѣтныя его убѣжденія въ пользѣ европейской цивилизаціи, въ воспитательномъ значеніи литературы, въ необходимости общественныхъ реформъ и т. д.

Защищая свои взгляды, Гоголь въ то же время жестоко нападаетъ на Бѣлинскаго, при чемъ не скупится на самыя рѣзкія выраженія, заимствуя ихъ изъ арсенала Шевырева и Погодина. «Какое невѣжество!—восклицаетъ онъ по поводу мнѣнія Бѣлинскаго объ отношеніи ученія церкви къ ученію Христа: — какъ дерзнуть съ такимъ малымъ запасомъ свѣдѣній толковать о такихъ великихъ явленіяхъ?.. Нельзя, получа легкое журнальное образованіе, судить о такихъ предметахъ. Нужно для этого изучить исторію церкви. Нужно сызнова прочитать съ размышленіемъ всю исторію человѣчества въ источникахъ, а не въ нынѣшнихъ легкихъ брошюркахъ, написанныхъ Богъ вѣсть кѣмъ. Эти поверхностныя энциклопедическія свѣдѣнія разбрасываютъ умъ, а не сосредоточиваютъ его». По поводу мнѣнія Бѣлинскаго о религіозномъ настроеніи русскаго народа Гоголь писалъ: «Нельзя судить о русскомъ народѣ тому, кто прожилъ вѣкъ въ Петербургѣ, безпрестанно занятый легкими журнальными статейками французскихъ романистовъ... Я болѣе предъ вами имѣю права заговорить о русскомъ народѣ. Всѣ мои сочиненія, по единодушному убѣжденію, показываютъ знаніе природы русскаго человѣка... А что же *вы* представите въ доказательство вашего знанія... природы русскаго народа? Что вы произвели такого, въ которомъ видно это знаніе?» — Въ заявленіи Бѣлинскаго: «я знаю общество наше и духъ его»—Гоголь усмотрѣлъ «отважную самонадѣянность». «Какими данными—спрашиваетъ онъ—вы можете удостовѣрить, что знаете общество? Гдѣ ваши средства къ тому? Показали ли вы гдѣ-нибудь въ сочиненьяхъ своихъ, что вы глубокій вѣдатель души человѣка? Живя почти безъ прикосновенья съ людьми и свѣтомъ, ведя мирную жизнь журнальнаго сотрудника, во всегдашнихъ занятіяхъ фельетонными статьями, какъ вамъ имѣть понятіе объ этомъ громадномъ страшилищѣ?»

Гоголь не только возвращаетъ Бѣлинскому его упреки въ гордости и самомнѣніи, но признаетъ также ложнымъ то направленіе его литературной дѣятельности, которое она приняла во

второй половинѣ сороковыхъ годовъ. «Опомнитесь, вы стоите на краю бездны!—пишетъ Гоголь, пользуясь выраженіемъ Бѣлинскаго:—какъ далеко вы сбились съ прямого пути! въ какомъ вывороченномъ видѣ стали передъ вами вещи!.. Зачѣмъ было вамъ перемѣнять разъ выбранную мирную дорогу? Что могло быть прекраснѣе, какъ показывать читателямъ красоты въ твореньяхъ нашихъ писателей, возвышать ихъ душу и силы до пониманья всего прекраснаго, наслаждаться трепетомъ пробужденнаго въ нихъ сочувствія и такимъ образомъ невидимо дѣйствовать на ихъ души? Дорога эта привела бы васъ къ примиренію съ жизнью, дорога эта заставила бы васъ благословлять все въ природѣ. А теперь уста ваши дышатъ желчью и ненавистью... Зачѣмъ вамъ, вамъ, съ вашею пылкою душою, вдаваться въ этотъ омутъ политической жизни, въ эти мутныя событія современности, среди которой и твердая осмотрительность многосторонняго ума теряется? Какъ же съ вашимъ одностороннимъ, пылкимъ, какъ порохъ, умомъ, уже вспыхивающимъ прежде, чѣмъ еще успѣли узнать, что истина, а что ложь, какъ вамъ не потеряться? Вы сгорите, какъ свѣчка, и другихъ сожжете». — Въ концѣ своего письма Гоголь даетъ Бѣлинскому совѣтъ поучиться. «Начните ученье. Примитесь за тѣхъ поэтовъ и мудрецовъ, которые воспитываютъ душу. Журнальныя занятія вывѣтриваютъ душу, и вы замѣчаете наконецъ пустоту въ себѣ. Вспомните, что вы учились кое-какъ, не кончили даже университетскаго курса. Вознаградите это чтеніемъ большихъ сочиненій, а не современныхъ брошюръ, писанныхъ разгоряченнымъ умомъ, совращающимъ съ прямого взгляда» (Письма Гоголя, IV, 32—41).

Цитированное письмо не дошло до Бѣлинскаго. Гоголь остался недоволенъ своимъ отвѣтомъ и изорвалъ его въ клочки. Не трудно понять, почему онъ въ концѣ концовъ не рѣшился поднять перчатку, брошенную Бѣлинскимъ. Гоголь не отказался отъ основныхъ своихъ религіозныхъ и нравственныхъ идей до конца жизни, но онъ не могъ защищать отдѣльныя свои мнѣнія, противъ которыхъ вооружились даже люди, сочувствовавшіе общему направленію его книги. Гоголь былъ убѣжденъ, что его противникъ «видитъ совершенно одну сторону дѣла и не можетъ даже подумать равнодушно о томъ, что существуетъ и можетъ существовать другая сторона того же дѣла» (Письма Гоголя, IV, 74). Но въ то же время Гоголь видѣлъ, что его противникъ былъ несокрушимо убѣжденъ въ правотѣ своихъ взглядовъ, тогда какъ

онъ самъ чувствовалъ, что почва подъ нимъ колеблется. Упрекая Бѣлинскаго въ незнаніи русскаго народа и совѣтуя ему поучиться, Гоголь не могъ не вспомнить собственнаго заявленія: «я болѣю незнаніемъ многихъ вещей въ Россіи»; не могъ онъ не вспомнить также и крайней легковѣсности своего научнаго багажа. Наконецъ, какъ могъ Гоголь примирить свой совѣтъ Бѣлинскому — вернуться къ чисто-эстетической критикѣ—съ собственнымъ своимъ убѣжденіемъ въ необходимости такого искусства, которое отражало бы запросы общества? «Повѣрь,—писалъ онъ Шевыреву 27 апрѣля 1847 года—что какое ни выпусти художественное произведеніе, оно не возымѣетъ теперь вліянія, если нѣтъ въ немъ именно тѣхъ вопросовъ, около которымъ ворочается нынѣшнее общество, и если въ немъ не выставлены тѣ люди, которые намъ нужны теперь и въ нынѣшнее время. Не будетъ сдѣлано этого—его убьетъ первый романъ, какой ни появится изъ фабрики Дюма» (Письма Гоголя, III, 447). Развѣ не то же самое твердилъ и Бѣлинскій въ концѣ своей литературной дѣятельности? Только «вопросы, около которыхъ ворочается нынѣшнее общество», у Гоголя были одни, а у Бѣлинскаго другіе. Если же нѣкоторые вопросы и оказывались у нихъ общими, то въ средствахъ ихъ разрѣшенія великій юмористъ и великій критикъ рѣзко расходились.

Вмѣсто разорваннаго письма, возстановленнаго впослѣдствіи Кулишемъ, Гоголь послалъ Бѣлинскому другое письмо, несравненно болѣе мягкое по содержанію. Въ этомъ письмѣ Гоголь не опровергаетъ ни одного изъ мнѣній Бѣлинскаго, допускаетъ даже, что, можетъ быть, въ словахъ его есть «часть правды», и открыто сознается въ своемъ невѣжествѣ относительно Россіи. «Мнѣ показалось непреложной истиной,—писалъ Гоголь—что я не знаю вовсе Россіи, что многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я въ чей не былъ, что нынѣ нужно почти сызнова узнавать все то, что есть въ ней теперь, а выводъ изъ всего этого вывелъ я для себя тотъ, что не слѣдуетъ выдавать въ свѣтъ ничего, не только никакихъ живыхъ образовъ, но даже и двухъ строкъ какого бы то ни было писанія, покуда, проживши въ Россіи, не увижу многаго собственными глазами и не пощупаю собственными руками». Гоголь не умолчалъ, конечно, о томъ, что Бѣлинскій видитъ только «одну сторону дѣла», но сдѣлалъ это въ очень мягкой формѣ. «Мнѣ кажется, — говоритъ онъ — что не всякій изъ насъ понимаетъ нынѣшнее время... Настоящій вѣкъ

есть вѣкъ весьма разумнаго сознанія; не горячась, онъ взвѣшиваетъ все, принимаетъ всѣ стороны къ свѣдѣнію, безъ чего не узнать разумной средины вещей. Онъ велитъ оглядывать многостороннимъ взглядомъ старца, а не показывать горячую прыткость рыцаря прошедшихъ временъ. Мы ребенки (sic) передъ этимъ вѣкомъ. Повѣрьте мнѣ, что вы и я равно виноваты передъ этимъ вѣкомъ. Я, по крайней мѣрѣ, сознаюсь въ этомъ, но сознались ли вы? Точно такъ же, какъ я упустилъ изъ виду современныя дѣла и множество вещей, которыя слѣдовало сообразить, точно также упустили и вы; какъ я слишкомъ усредоточился въ себѣ, такъ и вы слишкомъ разбросались. Какъ мнѣ нужно многое узнать изъ того, что знаете вы и чего я не знаю, такъ и вамъ слѣдуетъ узнать хоть часть того, что знаю я и чѣмъ вы напрасно пренебрегаете». И окончаніе письма совершенно иное: Гоголь не даетъ Бѣлинскому совѣтовъ учиться, а съ трогательною заботливостью проситъ его дорожить своимъ здоровьемъ. «А покамѣстъ—пишетъ онъ—помните прежде всего ваше здоровье; оставьте на время современные вопросы. Вы потомъ возвратитесь къ нимъ съ большею свѣжестью и, стало быть, съ большею пользою какъ для себя, такъ и для нихъ. Желаю вамъ отъ всего сердца спокойствія душевнаго, первѣйшаго блага, безъ котораго нельзя дѣйствовать и поступать разумно ни на какомъ поприщѣ» (Письма Гоголя. IV, 45—46).

Болѣе подробно останавливается Гоголь на защитѣ своей книги въ письмахъ къ Анненкову, имѣя въ виду, что эти письма не останутся неизвѣстными и Бѣлинскому. Въ одномъ изъ этихъ писемъ, отъ 12 августа 1847 года, Гоголь, между прочимъ, заявляетъ, что письмо Бѣлинскаго его «огорчило не столько оскорбительными словами... сколько чувствомъ ожесточенья вообще». «Послѣднее—пишетъ Гоголь Анненкову—сокрушительно для его здоровья. Вы теперь при немъ: отводите отъ него все возмущающее духъ его. Убѣдите его прежде всего въ той непреложной истинѣ, что *излишество* теперь удѣлъ всѣхъ, кто только сколько-нибудь имѣетъ сердце небезчувственное къ дѣламъ міра сего, какой-нибудь характеръ и какое-нибудь убѣжденіе» (Письма Гоголя, IV, 46—47). И въ своей «Авторской исповѣди», написанной въ 1847 году, Гоголь считается съ тяжелыми обвиненіями Бѣлинскаго. Онъ протестуетъ противъ обвиненій, будто бы онъ отрицаетъ пользу европейской культуры и «воюетъ противъ просвѣщенія народнаго». Онъ заявляетъ, что «всегда стоялъ за про-

свѣщеніе народное» и «полжизни думалъ о томъ, какъ бы написать истинно полезную книгу для простого народа». «Я очень помню — говоритъ также Гоголь въ «Авторской исповѣди» — и совсѣмъ не позабылъ, что по поводу небольшихъ моихъ достоинствъ явились у насъ очень замѣчательныя критики, которыя навсегда останутся памятниками любви къ искусству, которыя возвысили въ главахъ общества значеніе поэтическихъ созданій». Вообще можно сказать, что никогда Гоголь не относился къ Бѣлинскому съ такимъ уваженіемъ, какъ въ 1847 году, послѣ полученія знаменитаго письма изъ Зальцбрунна. Это страстное посланіе, «чистосердечное и вмѣстѣ изумительное увѣренностью въ непремѣнность своихъ убѣжденій», какъ призналъ самъ Гоголь,—по мнѣнію проф. Кирпичникова, заставило автора «Переписки съ друзьями» «отрѣшиться отъ предвзятыхъ идей, стать на точку зрѣнія честнаго противника и признать окончательно, что міровоззрѣніе Бѣлинскаго имѣетъ такое же право на существованіе, какъ и противоположное ему... Послѣ этого письма Гоголь заинтересовался всѣмъ, что интересовало Бѣлинскаго, и твердо рѣшился, оставивъ публицистику, работать надъ созданіемъ живыхъ образовъ. Съ этихъ поръ Бѣлинскій для него не литературный наѣздникъ, а *одинъ изъ неглупыхъ людей* и *пріятели*, не безъ нѣкотораго основанія считающій книгу его *вредною*» (А. И. Кирпичниковъ. «Очерки по исторіи новой русской литературы», I, 289. М. 1903).

Послѣ 1847 года мы не встрѣчаемъ ни въ перепискѣ Гоголя, ни въ матеріалахъ для его біографіи, собранныхъ Шенрокомъ, никакихъ упоминаній и отзывовъ о Бѣлинскомъ. Даже при встрѣчѣ съ ближайшими друзьями покойнаго критика Гоголь не рѣшался заговорить съ ними о Бѣлинскомъ. «Это имя обожгло бы его губы», говоритъ Тургеневъ, съ которымъ Гоголь долго бесѣдовалъ о своихъ убѣжденіяхъ 20 октября 1851 года. Едва ли можно сомнѣваться, что Гоголю было извѣстно широкое распространеніе по Россіи зальцбруннскаго письма Бѣлинскаго. И, конечно, воспоминаніе о жестокихъ упрекахъ «неистоваго Виссаріона» и мысль, что его суровыя и не всегда справедливыя обвиненія читаетъ вся мыслящая Россія, не могли не усиливать того болѣзненнаго настроенія, въ которомъ находился Гоголь въ послѣдніе годы своей жизни. Не даромъ за четыре мѣсяца до своей смерти «внезапно измѣнившимся, торопливымъ голосомъ» онъ старался убѣдить

Тургенева и Щепкина, что «онъ всегда придерживался однихъ и тѣхъ же религіозныхъ и охранительныхъ началъ».

Фіаско, выпавшее на долю «Переписки», залегло въ сердцѣ Гоголя «неизлѣчимой раной», но, по собственному его признанію, онъ не сердился ни на кого изъ тѣхъ, кто высказалъ ему откровенно свое мнѣніе. «Вслѣдствіе вашего наставленія—писалъ Гоголь глубоко уважаемой имъ старушкѣ Шереметевой передъ путешествіемъ въ Іерусалимъ—я осмотрѣлъ себя и вопросилъ, не имѣю ли чего на сердцѣ противъ кого-либо, и мнѣ показалось, что ни противъ кого ничего не имѣю. Вообще у меня сердце незлобное, и я думаю, что я въ силахъ бы былъ простить всякому за какое бы то ни было оскорбленіе» (Письма Гоголя, IV, 160—161). Существуетъ, правда, мнѣніе, будто бы въ «недоучившемся студентѣ», пріятелѣ Тентетникова, Гоголь хотѣлъ изобразить Бѣлинскаго «въ отместку» за страстное порицаніе «Переписки съ друзьями». Но обѣ дошедшія до насъ редакціи второго тома «Мертвыхъ Душъ», гдѣ является сначала «недоучившійся студентъ», а потомъ вмѣсто него «не докончившій учебнаго курса «эстетикъ»,—относятся къ 1842 году. Слѣдовательно, о мести Гоголя за письмо Бѣлинскаго не можетъ быть и рѣчи, хотя вполнѣ возможно, что образъ «неистоваго Виссаріона» виталъ передъ духовными очами Гоголя, когда онъ изображалъ «недоучившагося студента» и «эстетика», затѣвавшихъ основаніе общества съ цѣлью «доставить прочное счастіе всему человѣчеству, отъ береговъ Темзы до Камчатки». (Подробнѣе объ отношеніяхъ Гоголя и Бѣлинскаго смотри въ моей статьѣ «Гоголь и Бѣлинскій», напечатанной въ «Образованіи» 1902 г., №№ 2—4, откуда взяты нѣкоторыя страницы цѣликомъ).

V. Кольцовъ.

Среди писателей современнаго Бѣлинскому поколѣнія и даже среди близкихъ его друзей, о которыхъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ, совершенно исключительное мѣсто занимаетъ Кольцовъ. Никто не былъ такъ много обязанъ великому русскому критику въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи, никто не вызывалъ такого горячаго сочувствія съ его стороны, и никто не относился къ нему съ такой любовью и съ такимъ уваженіемъ, какъ воронежскій поэтъ-прасолъ.

Личное знакомство Кольцова съ Бѣлинскимъ началось лѣтомъ

1831 года, когда поэтъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Москву; но болѣе или менѣе близкимъ отношеніямъ начало было положено не ранѣе 1836 года, когда Кольцовъ вторично пріѣхалъ въ первопрестольную столицу. Послѣдовавшее въ этомъ году сближеніе было подготовлено извѣстной статьей Бѣлинскаго о стихотвореніяхъ Кольцова, гдѣ полуграмотный прасолъ былъ признанъ истиннымъ поэтомъ и поставленъ гораздо выше Бенедиктова, отъ котораго въ то время были безъ ума и зрѣлые мужи въ родѣ Жуковскаго, и зеленые юноши въ родѣ Тургенева. Уѣхавши изъ Москвы въ Петербургъ, сердечно принятый тамъ и обласканный такими знаменитыми и именитыми писателями, какъ Пушкинъ, Жуковскій, кн. Вяземскій, кн. Одоевскій и др., Кольцовъ не забылъ Бѣлинскаго и прислалъ ему изъ невской столицы два письма. Въ первомъ изъ нихъ, отъ 3 марта 1836 года, мы находимъ такое признаніе: «Мнѣ изъ-за васъ Москва показалась гораздо теплѣе, нежели была прежде. Да, вы подъ доброю планетою рождены, и эта планета велика собой: по крайней мѣрѣ, она черезъ пространство 700 верстъ имѣетъ сильное вліяніе на того человѣка, на котораго вы бросили отблескъ своего луча». Во второмъ письмѣ, отъ 21 марта, Кольцовъ называетъ Бѣлинскаго «человѣкомъ, который посвятилъ себя возвышеннымъ думамъ, который въ полныхъ идеяхъ здраваго смысла выводитъ священныя истины и отдаетъ ихъ цѣлому міру». «Толпа людей—продолжаетъ Кольцовъ на своемъ оригинальномъ языкѣ—любуется ими безусловно: хвала жрецу, исполнителю искусства» (Кольцовъ, 156—157). И по возвращеніи на родину Кольцовъ пишетъ своему московскому другу письма съ приложеніемъ новыхъ своихъ пѣсенъ и съ выраженіемъ соболѣзнованія о закрытіи «Телескопа».

Еще болѣе тѣсное сближеніе и установленіе еще болѣе дружескихъ отношеній Бѣлинскаго и Кольцова произошло въ 1838 г., во время третьей поѣздки воронежскаго поэта въ Москву и Петербургъ. Изъ Петербурга Кольцовъ пишетъ Бѣлинскому цѣлый рядъ писемъ, заканчивая ихъ словами: «любящій васъ душевно», «любящій и почитающій васъ», «всей душой почитающій васъ» и т. п. Занятый своими собственными дѣлами, Кольцовъ въ это время хлопоталъ и по порученіямъ Бѣлинскаго: о помѣщеніи въ печати его статьи «Мочаловъ въ роли Гамлета», о распространеніи его грамматики, о переселеніи его въ Петербургъ. Неудача стараній и хлопотъ объ интересахъ Бѣлинскаго сильно огорчала Кольцова, и въ одномъ изъ писемъ онъ говоритъ: «Мнѣ жаль

до смерти, Виссаріонъ Григорьевичъ, что васъ въ другомъ письмѣ кормлю одпѣми непріятностями. Досадую, что въ такую погоду попалъ въ невыгодные для васъ переговоры». Еще характернѣе откровенный тонъ въ письмахъ Кольцова къ Бѣлинскому. Со стенографическою точностью сообщаетъ онъ Бѣлинскому всѣ отзывы о его сочиненіяхъ и о его личности, не считая нужнымъ щадить сколько-нибудь самолюбіе своего друга. Передавать непріятные отзывы было для Кольцова очень тяжело, но Бѣлинскій просилъ его объ этомъ, и поэтъ исполнялъ просьбу друга. Не менѣе откровененъ Кольцовъ и относительно самого себя, сообщая Бѣлинскому о холодномъ и сухомъ пріемѣ Жуковскаго и кн. Вяземскаго и отдавая на его судъ нѣкоторые некорректные свои поступки въ родѣ неисполненія обѣщаній, данныхъ Полевому и Краевскому. Наконецъ, гдѣ было нужно, скромный прасолъ поднималъ голосъ въ защиту Бѣлинскаго (напримѣръ, на одномъ литературномъ вечерѣ у Плетнева Кольцовъ остановилъ Воейкова). Ко времени этого же пребыванія Кольцова въ Петербургѣ, по всей вѣроятности, относится и тотъ его отзывъ о Бѣлинскомъ, который мы находимъ въ воспоминаніяхъ Панаева: «Бѣлинскій— единственный человѣкъ у насъ въ настоящее время, владѣющій эстетическимъ вкусомъ и понимающій искусство... И какой свѣтлый умъ у этого человѣка! Какое горячее, благородное сердце! Я обязанъ всѣмъ-съ ему; онъ поставилъ меня на настоящую мою дорогу; безъ его совѣтовъ я не рѣшаюсь теперь печатать моихъ мараній: онъ мнѣ говоритъ всегда, что̀ нужно выкинуть, что̀ исправить, что̀ вовсе бросить. Ужъ онъ такъ дотръ ко мнѣ, такое участіе принимаетъ во мнѣ!» (Панаевъ, 146. Панаевъ, кажется, ошибается, относя этотъ отзывъ къ 1836 году).

На возвратномъ пути изъ Петербурга въ Воронежъ Кольцовъ еще разъ остановился на нѣсколько недѣль въ Москвѣ и еще тѣснѣе сблизился съ Бѣлинскимъ. Въ это время Бѣлинскій сдѣлался редакторомъ «Московскаго Наблюдателя», и Кольцовъ, по свидѣтельству его біографа, Де-Пуле («Кольцовъ». Спб. 1878), былъ увлеченъ дѣлами журнала не менѣе редактора. Пребываніе Кольцова въ Москвѣ въ 1838 году имѣло громадное значеніе въ его жизни: помимо пріобрѣтенія лучшаго друга въ лицѣ Бѣлинскаго, это пребываніе отмѣчено особеннымъ подъемомъ творчества Кольцова и расширеніемъ его умственнаго кругозора. «Постоянно пріятное расположеніе духа—говоритъ Бѣлинскій о пребываніи Кольцова въ Москвѣ—было причиной, что онъ написалъ въ это

время много хорошаго». Почти всѣ написанныя въ Москвѣ стихотворенія говорятъ о любви, по всей вѣроятности, благодаря тому обстоятельству, что Кольцовъ раскрылъ передъ Бѣлинскимъ старую рану своего сердца, разсказавши ему о своей несчастной юношеской любви. Это старое горе Бѣлинскій помогъ Кольцову вылить въ художественной формѣ: «не поддержи вы меня въ Москвѣ,—писалъ поэтъ своему другу—я бы ни одной строки не состряпалъ». Дѣло въ томъ, что, не владѣя въ достаточной мѣрѣ языкомъ для выраженія своихъ мыслей и чувствъ, Кольцовъ до конца своей жизни нуждался въ дружеской рукѣ, которая исправляла бы его стихотворенія. Такимъ другомъ для Кольцова въ Воронежѣ былъ Сребрянскій, а въ Москвѣ Бѣлинскій.

Не меньшую роль сыгралъ Бѣлинскій вмѣстѣ съ Бакунинымъ и въ расширеніи умственнаго горизонта воронежскаго прасола. Сами переживая періодъ увлеченія гегельянствомъ, Бѣлинскій и Бакунинъ не упустили случая обратить и Кольцова въ свою философскую вѣру, хотя онъ былъ очень мало подготовленъ къ воспринятію какой бы то ни было философіи. Извѣстны откровенныя признанія Кольцова: «я понимаю субъектъ и объектъ хорошо, но не понимаю еще, какъ въ философіи. поэзіи, исторіи они соединяются до абсолюта»; «субъектъ и объектъ я немножко понимаю, а абсолюта ни крошечки... а если и понимаю, то весьма худо». Но если «абсолютъ» оказался выше пониманія Кольцова, то выводы Бѣлинскаго и Бакунина о примиреніи съ дѣйствительностью, какова бы она ни была, были вполнѣ поняты и усвоены Кольцовымъ. Эти выводы на время примирили Кольцова съ его тяжелымъ положеніемъ въ Воронежѣ и наполнили его сердце горячей благодарностью къ тѣмъ людямъ, которые научили его этому примиренію. Уже въ самомъ началѣ своего перваго письма изъ Воронежа, отъ 15 іюня 1838 года, Кольцовъ пишетъ Бѣлинскому такія строки: «Въ Воронежѣ жить мнѣ противу прежняго вдвое хуже: скучно, грустно, бездомно въ немъ... Дѣла коммерціи безъ меня разстроились порядочно, новыхъ непріятностей куча, что день—то горе, что шагъ—то напасть. Но, слава Богу, какъ-то я ихъ всѣ переношу теперь терпѣливо, и они сдѣлались для меня будто предметами посторонними и до меня почти не касающимися. На душѣ тепло, покойно... Да, благодарю васъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, благодарю всѣхъ вашихъ друзей. Вы и они много для меня сдѣлали, о, слишкомъ, слишкомъ много! Эти послѣдніе два мѣсяца стоили для меня дороже пяти лѣтъ воро-

нежской жизни. Въ эту пору я много разрѣшилъ темныхъ вопросовъ, много разгадалъ неразгаданныхъ прежде истинъ, много узналъ я отъ васъ для души моей святого, чего я цѣлый вѣкъ самъ бы не разрѣшилъ и не сдѣлалъ. Да, я теперь гляжу на себя—и не узнаю. Гдѣ эта безсмѣнная моя печаль, убійственная тоска, эта гадкая буря души, раздоръ самого себя съ собою, съ людьми и съ дѣлами? Нѣту ничего, все прошло, все исчезло,—и я на все гляжу прямо и все сношу, и сношу тяжелое безъ тягости; и всѣмъ этимъ вамъ обязанъ. Вотъ что приковало меня къ вамъ, вотъ почему въ Москвѣ я ничѣмъ не хотѣлъ заняться другимъ, не хотѣлъ быть въ другомъ мѣстѣ, кромѣ васъ» (Кольцовъ, 183—184). Подобнаго рода признанія встрѣчаются и въ другихъ письмахъ Кольцова. Такъ, напримѣръ: «Свѣтъ у меня перемѣнился: люди получшѣли... Дышу вольно, живу широко, и такая полнота обладаетъ мной, какой сроду и не чувствовалъ. Вы въ своемъ кружкѣ переродили меня; въ послѣднюю поѣздку много добра захватилъ у васъ: прежде только и зналъ, что людей проклиналъ, теперь благодарю Бога за жизнь свою» (с. 192). Кольцовъ жалѣетъ только объ одномъ, что ему не удалось прожить лишній мѣсяцъ въ Москвѣ и разрѣшить всѣ темные для него вопросы.

Увлеченіе Кольцова философскими идеями, усвоенными въ Москвѣ, доходило до того, что въ Петербургѣ онъ пускался въ разсужденія и споры «съ важными учеными людьми», а по возвращеніи въ Воронежъ немедленно приступилъ къ просвѣщенію своихъ знакомыхъ, увѣряя ихъ, что «они криво смотрятъ на вещи». Даже со своимъ отцомъ Кольцовъ пустился въ философскія бесѣды и во время одной поѣздки въ степи «взялся ему все доказывать, разсказывать философски» (сс. 183—185). Результаты получались, конечно, очень печальные: въ Петербургѣ смѣялись надъ Кольцовымъ за глаза, а въ Воронежѣ въ глаза ему говорили, что онъ несетъ вздоръ. Неудачная пропаганда новыхъ взглядовъ, привезенныхъ изъ Москвы, испортила отношенія Кольцова къ его воронежскимъ друзьямъ и знакомымъ и сдѣлала его посмѣшищемъ въ глазахъ мѣстной интеллигенціи. Но эта неудача не оказала никакого вліянія на отношенія Кольцова къ Бѣлинскому. Для него онъ готовъ былъ пожертвовать не только воронежскими, но и петербургскими своими знакомыми, напримѣръ, Краевскимъ и Плетневымъ, которые сердились на него за то, что онъ отдавалъ почти всѣ свои стихотворенія въ «Московскій Наблюдатель».

Кольцовъ не только усердно поддерживалъ журналъ Бѣлинскаго, присылая ему свои стихотворенія, но старался оказать ему услуги и другого рода. Какъ въ Петербургѣ онъ думалъ устроить Бѣлинскаго на квартирѣ Никитенка, такъ изъ Воронежа онъ проситъ того же Никитенка, какъ цензора, о содѣйствіи Бѣлинскому въ пропускѣ статей, возбудившихъ подозрѣніе московской цензуры. «Если вы — писалъ Кольцовъ — позволите Бѣлинскому безпокоить такими просьбами, то вы бы для него сдѣлали весьма много добра». Какой бы исходъ ни имѣла эта просьба, она во всякомъ случаѣ является лишнимъ доказательствомъ того глубокаго участія, съ которымъ Кольцовъ относился къ интересамъ своего московскаго друга. Въ письмахъ Кольцова можно найти цѣлый рядъ подобныхъ же доказательствъ. Такъ, напримѣръ, когда «Московскій Наблюдатель» прекратилъ существованіе, Кольцовъ выражалъ неудовольствіе противъ Боткина, который могъ бы оказать журналу Бѣлинскаго матеріальную поддержку. Когда же, вскорѣ послѣ прекращенія «Московскаго Наблюдателя» Бѣлинскій сталъ хлопотать о переселеніи въ Петербургъ, Кольцовъ радовался этой перемѣнѣ и доказывалъ ея необходимость. «Не только это хорошо — писалъ онъ Бѣлинскому — но вамъ нужно тамъ быть». Зная, какъ неблагосклонно были настроены по отношенію къ Бѣлинскому петербургскіе литераторы, за немногими исключеніями, Кольцовъ счелъ своимъ долгомъ снабдить своего друга необходимыми совѣтами и словами ободренія. «Пусть онъ [Петербургъ] на первый разъ васъ не очень ласково приметъ, писалъ Кольцовъ — пусть многіе будутъ смотрѣть на васъ подозрительно, пусть будутъ говорить и то, и се... Богъ съ ними! Ничего не сдѣлаютъ. Вся ихъ выгода въ одномъ: иногда нанесутъ на первый разъ непріятностей, и то легкихъ. Пусть ихъ отуманятъ утро, а оно все-таки разведрится опять, и солнышко засвѣтитъ въ немъ роскошнѣе прежняго и блистательнѣй. Они бы рады сдѣлать и больше, да вы не дадитесь, вы ужъ знаете, какъ съ ними ладить, опытъ васъ заранѣе приготовилъ къ нимъ. «*Ты царь, живи одинъ*» — святая правда, и вашъ девизъ она» (с. 198). По мнѣнію Кольцова, Эрмитажъ, Брюлловъ, Нева, море, даже наружный видъ Петербурга должны съ лихвою вознаградить Бѣлинскаго за всѣ тѣ непріятности, съ которыми онъ встрѣтится въ новой обстановкѣ. Въ будущемъ же Кольцовъ проектировалъ для своего друга путешествіе за границу, между прочимъ, въ Италію для свиданія съ Гоголемъ. «Надо быть въ Италіи и Гер-

маніи,—писалъ онъ—непремѣнно надо: безъ того вамъ умереть нельзя». Мѣсяца черезъ два послѣ приведенныхъ ободреній и пожеланій Кольцовъ написалъ Бѣлинскому «Посланіе» въ стихахъ, заключивающееся такими словами:

Ступай во имя Бога,
Воюй за правду, честь,
Умри на полѣ брани,
Но не бѣги съ него назадъ.

Со времени второй поѣздки Кольцова въ Москву и Петербургъ до слѣдующаго его свиданія съ Бѣлинскимъ въ концѣ 1840 года прошло болѣе двухъ съ половиной лѣтъ. За все это время между Кольцовымъ и Бѣлинскимъ происходитъ оживленная переписка, которая пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе интимный характеръ. На первыхъ порахъ Кольцовъ нѣсколько стѣсняется безпокоить Бѣлинскаго своими письмами, считая ихъ «слишкомъ черезчуръ мелкою дрязгою глупыхъ словъ». Но когда послѣ довольно продолжительнаго молчанія Бѣлинскій прислалъ задушевное письмо, Кольцовъ былъ глубоко тронутъ и избавился отъ возникшихъ было у него сомнѣній. Скоро Бѣлинскій далъ еще болѣе важное доказательство своей искренней дружбы къ Кольцову: онъ понялъ его затруднительное положеніе послѣ смерти Серебрянскаго и предложилъ ему исправлять всѣ его стихотворенія. «Я весь вашъ, весь, навсегда! — писалъ обрадованный Кольцовъ 28 сентября 1839 года:—И пьесъ моихъ вы хозяинъ полный: никуда кромѣ васъ не пойдетъ ни одна» (с. 198). Въ это время Кольцовъ, говоря его собственными словами, любилъ, почиталъ и уважалъ Бѣлинскаго «всей силой души», принадлежалъ ему «весь душой и тѣломъ» и любилъ его такъ, какъ никого больше изъ всѣхъ людей». Кольцовъ благоговѣлъ передъ Бѣлинскимъ и какъ человѣкомъ, и какъ критикомъ. Въ его письмахъ мы находимъ такіе отзывы объ «Отеч. Запискахъ» и критическихъ статьяхъ Бѣлинскаго: «Журналъ—чудо, критика небывалая». «А всего журнала лучше критика,—не льстя и не шутя; одно жаль: нѣтъ вашего имени подъ нею» (сс. 212, 220). «Счастливы вы, Виссаріонъ Григорьевичъ, — говоритъ Кольцовъ въ письмѣ отъ 15 августа 1840 года—что вошли въ этотъ міръ прекрасный и святой, и живете въ немъ широко и раздольно, и выносите съ собою изъ него такъ много святыхъ, божественныхъ истинъ, и такъ одушевленно передаете ихъ намъ. Не шутя и не льстя говорю вамъ.

давно я васъ люблю, давно читаю ваши мнѣнія, читаю и учу, но теперь читаю ихъ больше и больше, и учу ихъ легче, и понимаю лучше. Много они ужъ сдѣлали добра, но болѣе дѣлаютъ и,—можетъ быть, я ошибаюсь,—но только мнѣ все думается, что ваши мнѣнія тащатъ быстро меня впередъ. По крайней мѣрѣ, нѣтъ у меня другихъ минутъ въ жизни, кромѣ тѣхъ, когда я читаю ихъ. Я не знаю, кто бы не убѣдился этими истинами, кому бы онѣ не пришлися по душѣ. Апостолъ вы, а ваша рѣчь—высокая, святая рѣчь убѣжденія» (с. 215). Подобныя признанія въ письмахъ Кольцова встрѣчаются очень часто.

Не удивительно, что Кольцовъ, при всемъ своемъ недовѣріи къ людямъ, не только посылалъ Бѣлинскому всѣ свои стихотворенія, но и раскрывалъ передъ нимъ почти всю свою душу. Благодаря этому обстоятельству его письма къ Бѣлинскому имѣютъ первостепенное біографическое значеніе. Въ этихъ письмахъ мы находимъ и горькія жалобы поэта (скоро отрезвившагося отъ «примиренія») на пошлую среду и грубо-матеріальную жизнь прасола, и задушевныя мечты о лучшемъ будущемъ, когда, освободившись отъ «демона матеріализма», онъ могъ бы свободно отдаться поэзіи и самообразованію. Дѣлился Кольцовъ съ Бѣлинскимъ и своими литературными взглядами, высказывая нерѣдко очень вѣрныя и тонкія сужденія о тогдашнихъ журналахъ и литературныхъ новинкахъ. Наконецъ, не скрывалъ Кольцовъ отъ Бѣлинскаго даже семейныхъ своихъ тайнъ. Уступая просьбамъ отца и матери, онъ чуть было не женился на тысячной купеческой дочери. Выбранная родителями невѣста, по описанію Кольцова, была «очень собой хорошенькая: блондинка, высокая, стройная, граціозная, добренькая, хорошаго поведенія, людей зажиточныхъ отца-матери добраго, семейство большое, капитала порядочно, приданаго много». Одно было худо въ невѣстѣ: Кольцовъ не нашелъ въ ней «душевныхъ интересовъ» и потому колебался, жениться ему или нѣтъ. О своемъ колебаніи онъ сообщилъ Бѣлинскому и получилъ отъ него отвѣтъ, окончательно разстроившій начатое сватовство. «По вашему слову перемѣнилъ мнѣніе,—писалъ Кольцовъ впослѣдствіи:—и теперь, если женюсь, то уже знаю, какую жену мнѣ надо; а до тѣхъ поръ мои внутреннія требованія [были] весьма не велики». Такимъ образомъ, не только въ вопросахъ литературы, но даже въ такомъ интимномъ дѣлѣ, какъ женитьба, «слово Бѣлинскаго было «приговоромъ» для Кольцова.

Бѣлинскій глубоко сочувствовалъ тяжелому положенію Кольцова въ Воронежѣ и звалъ его въ Петербургъ управлять конторой «Отеч. Записокъ» или завѣдывать книжной лавкой. Но ни то, ни другое предложеніе не соотвѣтствовало желаніямъ Кольцова, который не хотѣлъ «изъ мальчика пойти въ работники» и чувствовалъ, что у него «нѣтъ голоса въ душѣ быть купцомъ». Кольцовъ нашелъ только возможность на время пріѣхать въ Петербургъ въ концѣ 1840 г. Объ этомъ свиданіи онъ уже давно мечталъ: «Ахъ, дай-то Богъ, чтобы оно скорѣе исполнилось. Рвется душа видѣть васъ, слушать васъ» (с. 219). Такъ же нетерпѣливо ждалъ свиданія и Бѣлинскій, который съ теченіемъ времени все больше и больше любилъ Кольцова, какъ поэта и человѣка. «Кольцова расцѣлуй — писалъ онъ Боткину 4 октября 1840 года — и скажи ему, что жду не дождусь его пріѣзда, словно свѣтлаго праздника... Скажи, чтобъ пріѣзжалъ прямо ко мнѣ, нигдѣ не останавливаясь ни на минуту, если не хочетъ меня разобидѣть» (Пыпинъ. 333). Проживъ съ Бѣлинскимъ на его квартирѣ болѣе мѣсяца, Кольцовъ еще болѣе привязался къ своему другу, который былъ съ нимъ «такъ хорошъ, что писать объ этомъ не достанетъ дести бумаги», какъ выразился поэтъ въ письмѣ къ своей сестрѣ. «Да, милый Виссаріонъ Григорьевичъ, — писалъ Кольцовъ изъ Москвы 10 января 1841 года — гдѣ вы, — тамъ для меня жизнь всегда теплѣе, а гдѣ васъ нѣтъ, — другое дѣло. Чѣмъ больше проходитъ время, тѣмъ больше эта истина доказывается опытомъ. Я теперь яснѣй началъ чувствовать, какъ цѣлый міръ иногда сосредоточивается въ одномъ человѣкѣ. Кажется, скоро придетъ пора, что вы для меня замѣните всѣхъ и вся. Моя душа часто начинаетъ говорить про это, и никуда не просится жить, какъ къ вамъ» (Кольцовъ, 232). Въ своихъ письмахъ изъ Москвы Кольцовъ проявляетъ самую трогательную заботливость объ интересахъ Бѣлинскаго, даже о его гардеробѣ, и жалѣетъ о его тяжеломъ матеріальномъ положеніи. Но и теперь онъ все еще смотрѣлъ на Бѣлинскаго настолько снизу вверхъ, что не рѣшался считать себя достойнымъ дружбы человѣка, котораго, по его словамъ, «втайнѣ всѣ любятъ и боятся», мнѣнія котораго «всѣ читаютъ» и считаютъ приговоромъ. Когда Бѣлинскій въ одномъ изъ своихъ писемъ назвалъ Кольцова другомъ, послѣдній писалъ въ отвѣтъ: «Не насмѣшка ли это? Вѣрю отъ души, что вы надо мной смѣяться не захотите; но, Виссаріонъ Григорьевичъ, надо быть здѣсь особенно откровеннымъ.

Я этого имени не стою и не заслужилъ, и не оправдаю, кажется, его передъ вами никогда... Съ нѣкотораго времени я сознаю яснѣе, что душа у меня груба, и если есть въ ней чувство, то его не такъ въ ней много, и оно тепло, но не горячо, а для дружбы надо чувство чистое и горячее. Если Богъ мнѣ дастъ устроить свои дѣла, пріѣду въ Петербургъ, поживу съ вами; тогда увидите лучше, и я ужъ покажусь вамъ весь нараспашку съ хорошими и дурными сторонами (с. 241—242).

Съ твердымъ намѣреніемъ раздобыть средствъ для переселенія въ Петербургъ пріѣхалъ Кольцовъ въ Воронежъ, но желанію его не суждено было осуществиться. Онъ больше уже не увидѣлъ ни Петербурга, ни Бѣлинскаго, хотя не переставалъ стремиться на берега Невы до конца своей жизни. Въ рѣдкомъ письмѣ Кольцова не упоминается объ этомъ завѣтномъ его желаніи. «Много прошло дней въ сожалѣніи, что не могу ѣхать въ Петербургъ», писалъ Кольцовъ 1 марта 1841 года. Только во время самыхъ сильныхъ припадковъ болѣзни Кольцовъ переставалъ «грезить о Петербургѣ», но какъ только здоровье его поправлялось, онъ начиналъ «волочиться мыслью по Петербургу». Въ отвѣтъ на безотрадныя письма Кольцова и его жалобы на свою болѣзнь и на разрывъ съ родными, Бѣлинскій неоднократно приглашалъ своего друга въ Петербургъ и сообщалъ, что для него уже есть отдѣльная комната. «Жить въ Петербургѣ и съ вами — писалъ Кольцовъ — вѣнецъ желаній... Эту необходимость давно ужъ я чувствую душою, давно мнѣ день и ночь шепчетъ тайный голосъ объ этомъ, давно я мыслію живу не въ Воронежѣ, а въ Питерѣ, и нѣсколько лѣтъ одно у меня тайное желаніе переселиться въ Петербургъ, бросить Воронежъ» (с. 256). Но сначала недостатокъ средствъ, а потомъ болѣзнь не выпустили Кольцова изъ Воронежа, и онъ принужденъ былъ ограничиваться только мечтами да перепиской съ Бѣлинскимъ.

Переписка эта была не особенно частая, но она представляетъ такой же цѣнный матеріалъ для біографіи Кольцова, какъ и прежнія его письма. Своему другу Кольцовъ откровенно и подробно сообщалъ о полномъ разрывѣ съ отцомъ и съ сестрой и объ ихъ «подлостяхъ», о своей роковой связи съ Лебедевой, о своей болѣзни и т. д. Сообщалъ также Кольцовъ Бѣлинскому свои мнѣнія объ отдѣльныхъ его статьяхъ. Такъ, напримѣръ, 18 декабря 1841 года онъ писалъ: «Критика ваша о древнихъ стихотвореніяхъ Кирши Данилова чудо какъ хороша. Я не чи-

таю, а пожираю ее... Одно нехорошо: ваша статья растянулась на четыре номера». «Вашу критику — писалъ Кольцовъ о статьѣ «Русская литература въ 1841 году»—прочелъ съ остервенѣніемъ, прочелъ и перечелъ... Одно мнѣ не понравилось: напрасно вы ее расположили въ разговорную форму»... И въ послѣднихъ письмахъ Кольцова, такъ же какъ и въ прежнихъ, мы часто встрѣчаемся съ выраженіемъ самой нѣжной любви и привязанности къ Бѣлинскому. «Много захватилъ добра отъ васъ и полюбилъ васъ — писалъ Кольцовъ: — какъ я люблю васъ — объ этомъ ни въ концѣ, ни въ началѣ нечего больше подписывать; люблю я васъ, какъ больше любить никого на свѣтѣ не могу» (с. 252). «Каждый день думаю объ васъ, бесѣдую съ вами по нѣсколько часовъ» (с. 266). Когда же эти мысленныя бесѣды не удовлетворяли Кольцова, онъ писалъ Бѣлинскому длинныя письма, обнажая передъ нимъ свою душу, разсказывая о себѣ и хорошее и дурное, испрашивая его совѣтовъ и отдавая свои поступки на его строгій судъ.

Бѣлинскій не оставлялъ Кольцова безъ совѣтовъ и утѣшеній, неоднократно приглашалъ его въ Петербургъ и наконецъ въ началѣ 1842 года самымъ категорическимъ образомъ предложилъ ему бросить все и, *спасая душу*, ѣхать къ нему. «Богаты не будемъ,—писалъ Бѣлинскій Боткину—сыты будемъ. За счастье почту дѣлиться съ нимъ всѣмъ... Пиши къ нему и заклинай ѣхать, ѣхать и ѣхать» (Пыпинъ, 414). Но Кольцовъ прекрасно зналъ, что Бѣлинскому почти нечѣмъ было дѣлиться съ другими, и отклонилъ его великодушное предложеніе, а за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти даже прекратилъ съ нимъ переписку. Біографъ поэта склоненъ объяснять его молчаніе разочарованіемъ въ Бѣлинскомъ и охлажденіемъ къ нему. Но едва ли можетъ быть сомнѣніе, что именно изъ любви къ своему другу Кольцовъ не желалъ мучить его разсказами о своемъ безнадежномъ состояніи. Онъ зналъ, какъ близко къ сердцу принимаетъ Бѣлинскій его положеніе, какъ сильно онъ разстраивается послѣ полученія его писемъ. Еще до возвращенія въ Воронежъ изъ Москвы, 27 января 1841 года, Кольцовъ писалъ Бѣлинскому: «Прошу объ одномъ: такъ какъ я съ вами теперь хитрить не буду ни въ одномъ словѣ, а вы такой человѣкъ, что вамъ чужая боль, какъ своя больна, то напередъ условіе: какъ бы у меня дѣла ни пошли дурно, и чтобъ впереди гадкаго ни случилось, — меня не утѣшать, надеждъ не сулить, говорить правду, и чужую боль на

душу не принимать, считать все, что мое, дѣломъ постороннимъ и до васъ вовсе не касающимся» (с. 238). Въ другомъ письмѣ Кольцова, написанномъ за годъ до его смерти, снова повторяется та же самая просьба: «Ваша благородная натура или любитъ всей душой, или ненавидитъ; но ваше участіе меня не обрадовало, но опечалило. Я писалъ къ вамъ обо всемъ, что у меня дѣлается и что со мною дѣлаютъ, не для того, чтобъ васъ этимъ поразить, убивать и мучить; а потому, что у меня на душѣ мои дѣла отяготѣли, и мнѣ ихъ надо было куда-нибудь передать, чтобы хоть на время отвязаться отъ нихъ, забыться. Передать—кому же? Кромѣ васъ у меня некому, ну вотъ вамъ я и написалъ о нихъ. Съ этихъ же поръ между нами должно положить условіе, что я долженъ писать къ вамъ обо всемъ откровенно, какъ это и было до сей поры, да иначе я не могу и сдѣлать, но чтобы вамъ обо мнѣ не безпокоиться, не заботиться, не мучиться» (с. 254). Разумѣется, подобныхъ просьбъ Бѣлинскій исполнить не могъ, и вполнѣ естественно, что Кольцовъ, не желая терзать сердце своего друга, рѣшился прекратить съ нимъ переписку.

Еще меньше правды въ заявленіяхъ Де-Пуле, что Кольцовъ, будучи, по скрытности и лукавству своей натуры, «роднымъ братомъ» Гоголя, и въ своихъ отношеніяхъ къ Бѣлинскому былъ такимъ же лукавцемъ, эгоистомъ и человѣкомъ «себѣ на умѣ». Письма Кольцова не позволяютъ сомнѣваться, что, хотя онъ, дѣйствительно, былъ человѣкомъ «себѣ на умѣ», но ни съ кѣмъ не былъ такъ откровененъ, какъ съ Бѣлинскимъ, и ни къ кому не относился съ такимъ дружескимъ расположеніемъ, какъ къ Бѣлинскому [1].

---

[1]) Слѣдуетъ упомянуть, что своей книгой о Кольцовѣ *Де-Пуле* вызвалъ сильное негодованіе поклонниковъ великаго русскаго критика. Онъ доказываетъ, что хотя «Кольцовъ подъ вліяніемъ Бѣлинскаго прошелъ хорошую эстетическую школу», зато, съ другой стороны, Бѣлинскій привилъ своему другу и восторженному поклоннику «собственную болѣзненность и раздражительность», вызвалъ у него «внутреннее раздвоеніе, разладъ съ самимъ собою, тревоги, недовольство», испортилъ его отношенія къ петербургскимъ литераторамъ, къ воронежской интеллигенціи, даже къ родной семьѣ. «Бѣлинскій—по заявленію Де-Пуле—тащилъ и вырывалъ Кольцова изъ той среды, гдѣ только онъ и былъ мыслимъ, изъ той почвы, въ которую талантъ его пустилъ глубокіе корни. Вырвать ему совсѣмъ не удалось, но искалѣчить Кольцова, сдѣлать его несчастнымъ удалось вполнѣ, хотя и не

VI. Бѣлинскій въ современной ему „изящной“ литературѣ.

Сражаясь съ Бѣлинскимъ въ печатныхъ статьяхъ, принимавшихъ иногда характеръ доносовъ, ругая его въ интимныхъ письмахъ и частныхъ бесѣдахъ, выступая противъ него даже съ формениыми доносами по цензурному или жандармскому вѣдомствамъ, современные ему писатели не брезгали и пасквилями разнаго рода, въ стихахъ и въ прозѣ. Поставщиками этой литературы были почти исключительно писатели старшаго поколѣнія, само

преднамѣренно, а безсознательно». Но признавая Бѣлинскаго, совершенно несправедливо, злымъ геніемъ Кольцова, Де-Пуле въ то же время высоко цѣнилъ великаго критика, во всякомъ случаѣ, относился къ нему гораздо лучше большинства другихъ публицистовъ консервативнаго лагеря. Въ той же самой біографіи Кольцова онъ называетъ Бѣлинскаго «отличнымъ журналистомъ и первоклассньмъ критическимъ талантомъ», который, несмотря на бѣдный запасъ знаній, сдѣлался «передовымъ вождемъ цѣлой эпохи, а не одного поколѣнія русскихъ людей». Въ 1881 году, въ извѣстной своей статьѣ «Нигилизмъ, какъ патологическое явленіе русской жизни», Де-Пуле крайне грубо и несправедливо протестуетъ противъ названія ненавистныхъ ему «отцевъ нигилизма», Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева, продолжателями и преемниками Бѣлинскаго. «Бѣлинскій — говоритъ онъ — шелъ впередъ съ «университетскимъ знаменемъ», отправлялся отъ «уваженія» къ наукѣ, а не отъ вражды къ ней, не со «съвистками» и ляганіемъ копытомъ, какъ это дѣлали мнимые его продолжатели. Самъ не кончивъ университетскаго курса, самъ поставленный въ положеніе, постоянно возбуждавшее раздраженіе и желчь, Бѣлинскій тѣмъ не менѣе вліялъ на современное ему юношество успокаивающимъ, культурнымъ образомъ, возбуждая въ немъ лишь идеальные помыслы, а не животные инстинкты, романтическое уваженіе къ женщинѣ, а не циническій развратъ, высокое чувство гуманности, а не скотскій эгоизмъ» («Рус. Вѣстникъ» 1881 г. № 11, с. 100). И въ біографіи Никитина, приложенной къ его сочиненіямъ, Де-Пуле также съ сочувствіемъ говоритъ о Бѣлинскомъ: «Стремленіе къ идеалу онъ проводилъ путемъ эстетическаго, глубоко-жизненнаго воспитанія, путемъ благоговѣйнаго уваженія къ наукѣ, знанію, путемъ, наконецъ, самаго внутренняго, культурнаго, такъ сказать, гуманизма... Полное любви и вѣры въ человѣка направленіе Бѣлинскаго, несмотря на всѣ его крайности, должно было выработать изъ себя нѣчто глубоко-жизненное, что и доказало позднѣйшее... время».

собой разумѣется, болѣе или менѣе чувствительно задѣтые отзывами великаго критика.

«Киргизъ-Кайсакъ» г. Ушакова—читаемъ мы въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» —былъ явленіемъ удивительнымъ и неожиданнымъ: онъ отличается глубокимъ чувствомъ и другими достоинствами истинно-художественнаго произведенія, и между тѣмъ принадлежитъ автору «Кота Бурмосѣка» и длинныхъ и скучныхъ статей о театрѣ, о польской литературѣ, о томъ, о семъ, отличающихся беззубымъ остроуміемъ и забавными претензіями на критическій талантъ и ученость» (Бѣлинскій, I, 387). Разумѣется, *Ушаковъ* остался крайне недоволенъ такимъ отзывомъ молодого критика и, подхвативъ ходившіе о немъ слухи и свѣдѣнія, состряпалъ повѣсть «Піюша», которая нашла пріютъ въ «Библіотекѣ для Чтенія». Въ этой повѣсти изображенъ Виссаріонъ Кривошеинъ, или попросту Висяша, который такъ же, какъ и Бѣлинскій, былъ недоучившимся студентомъ, поклонникомъ нѣмецкой философіи, учителемъ, наконецъ, критикомъ. Вотъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ мѣстъ изъ этого пасквиля на великаго русскаго критика.

Поступивъ въ университетъ, «Висяша, не знавшій русскаго синтаксиса, толковалъ о непреложныхъ законахъ изящнаго... Не зная порядочно ариѳметики, Висяша судилъ и рядилъ о Фихте и Гегелѣ и былъ такъ убѣжденъ въ тождествѣ міровъ идеальнаго и реальнаго, что смѣло называлъ презрѣнными невѣждами тѣхъ, которые не понимали знаменитаго тождества. Въ особенности плѣнился Висяша шеллинговымъ *я*. О, это *я* сдѣлалось его любимымъ конькомъ. — *Я* утверждаю! *я* говорю! *я* докажу! О, *я* когда примусь за это!—*Я* дамъ имъ знать! Нѣтъ, если бы *я* захотѣлъ! *Я* чувствую себя! *Я* понимаю совсѣмъ иначе!.. Сдѣлавшись человѣкомъ съ высшими взглядами и воспаривши умомъ до небесъ, естественнымъ образомъ Висяша забылъ все мелочное, все земное, въ томъ числѣ и науки. На словахъ былъ онъ молодецъ... А на экзаменахъ —другое дѣло. Несмотря на то. Висяша намѣренъ былъ получить степень доктора этико-политико-математико-археологико-физико-философико-филологическихъ наукъ—не менѣе. Въ добрый часъ, Висяша! учись только, и все получишь». Но Висяша занимался только верхоглядствомъ да посѣщеніемъ трактировъ и, наконецъ, былъ исключенъ изъ университета «за дурное поведеніе».

Затѣмъ Висяша поступаетъ на военную службу, дослужи-

зается до офицерскаго чина, но скоро его выживаютъ со службы, какъ «человѣка наглаго, дерзкаго, самонадѣяннаго, пустого и ни къ чему неспособнаго». Потерпѣвъ неудачу на ученомъ и военномъ поприщахъ, Висяша дѣлается педагогомъ. «Какой-то богатый помѣщикъ не разъ прислушивался къ высокомудрымъ рѣчамъ Висяши. Помѣщикъ ничего не понималъ, но Висяша говорилъ съ такою увѣренностью, что нельзя было не убѣдиться въ обширности его познаній и въ неизмѣримости его глубокомыслія. Онъ такъ отважно всѣхъ называлъ дураками, что должно было самого его признать умнѣйшимъ изъ смертныхъ. Помѣщикъ разсудилъ, что такой человѣкъ—кладъ для его дѣтей, и Висяша сдѣлался ихъ наставникомъ за порядочную плату. Вскорѣ оказались плоды мудраго ученія. Дѣти сдѣлались дерзки, наглы, непослушны и всѣхъ стали называть дураками. Отецъ увидѣлъ, что очередь доходитъ до него и, при всемъ его уваженіи къ Висяшиной мудрости, попросилъ его убираться изъ дому. Болѣе всего помѣщикъ удивлялся тому, что ученики такого всезнающаго человѣка, послѣ четырехлѣтняго ученія, не имѣли понятія ни о какой наукѣ. Зато ругаться были они удальцы и смѣло увѣряли, что прежнее поколѣніе, то-есть люди старѣе сорока лѣтъ, недостойны жить на свѣтѣ. Висяша втерся было въ домъ другого помѣщика, который лучше понималъ достоинства новѣйшаго поколѣнія и высшихъ взглядовъ. Но и тамъ его постигла та же бѣда: онъ былъ выгнанъ изъ дома, какъ человѣкъ не только пустой и безполезный, но и вредный. Послѣ такихъ неудачъ какъ не возымѣть еще бо̀льшаго презрѣнія ко всему роду человѣческому?»

Наконецъ Висяша является въ Москву, надѣясь, что здѣсь, «какъ на новую Данаю, польется на него золотой дождь... Откуда и за что? Изъ московскихъ журналовъ, за трансцендентальную и верхоглядную критику, то есть за то, что̀ людьми порядочными называется площадною бранью въ печати». «Висяша—говорится въ концѣ повѣсти—теперь всѣмъ недоволенъ, даже и тѣмъ, что солнце свѣтитъ. Такъ, почтенный читатель, когда вы въ театрѣ, сидя въ креслахъ, съ удовольствіемъ смотрите на пьесу и на игру актеровъ и слышите, что̀ позади васъ кто-то ропщетъ, презрительно насмѣхается и говоритъ въ полголоса по-русски: «что за мерзость!» по-французски: «quelle horreur!»—вы, не оглядываясь, знайте, что за вами сидитъ Висяша. Когда вы читаете хорошую книгу и, наслаждаясь ею въ душѣ, говорите

спасибо автору, и вдругъ вамъ приносятъ журналъ, въ которомъ та же книга оцѣнена ниже поношенныхъ лаптей,—повѣрьте, что эта оцѣнка сдѣлана Висяшею. Чѣмъ бы вы ни были довольны. Висяша будетъ вамъ доказывать, что вы не должны быть довольны. И спросите его, чего онъ самъ хочетъ. Онъ вамъ отвѣтитъ—ничего! я только не хочу того, что нравится другимъ и что доставляетъ имъ удовольствіе и счастіе» («Библіотека для Чтенія» 1835 г., іюль).

Брантъ, съ которымъ читатель уже встрѣчался въ первой главѣ, преслѣдовалъ Бѣлинскаго не только въ фельетонахъ «Сѣверной Пчелы», но и въ своихъ романахъ. Въ романѣ «Жизнь, какъ она есть» (Спб. 1843) онъ даетъ изображеніе литературнаго вечера у одной французской герцогини и пользуется случаемъ свести личные счеты съ русскими писателями. Тамъ можно узнать Сенковскаго, Краевскаго, Панаева, наконецъ Бѣлинскаго, главнаго критика журнала, напоминающаго «какую-то учено-литературную энциклопедію». Это—«человѣкъ не совсѣмъ глупый и не безъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, но съ такими превратными понятіями о вещахъ и съ такимъ страннымъ, ошибочнымъ направленіемъ ума, что лучше было бы для ближнихъ и для него самого, если бъ онъ былъ совершеннымъ глупцомъ и невѣждой». Самому издателю «энциклопедіи» приписываются такія преступленія, въ которыхъ больше всѣхъ былъ виноватъ Бѣлинскій. «Вдругъ, ни съ того, ни съ сего, онъ возвѣстилъ міру—а міръ его знать не зналъ, вѣдать не вѣдаетъ—возвѣстилъ, что во Франціи вовсе нѣтъ и не бывало никогда литературы, что Корнель, Расинъ, Вольтеръ и другіе классическіе писатели наши, составляющіе честь и гордость націи, были не что иное, какъ незначительныя и одностороннія явленія, далеко не заслуживающія той славы и почести, какими равно удостоивали ихъ и современники и потомство. Но, уничтожая старыя, всѣми признанныя знаменитости, надобно было создать новые кумиры. Удивительная энциклопедія не затруднилась тѣмъ и, съ свойственнымъ ей безстыдствомъ, дерзко провозгласила геніями какихъ-то упырей, прославляла ихъ небывалые таланты и никому неизвѣстныя заслуги. Но, увы, эта отчаянная выходка не удалась: она встрѣчена была громкимъ хохотомъ и всеобщими насмѣшками, тѣмъ естественнѣе, что длинныя диссертаціи, которыми энциклопедія мечтала обратить вверхъ дномъ понятія здраваго смысла и истиннаго вкуса, были написаны тяжело и въ высшей степени нескладно, языкомъ вар-

варскимъ, ирокезскимъ. Изложеніе, какъ нарочно, совершенно соотвѣтствовало дикости и странности мыслей этого новаго взгляда на литературу. Взбѣшенный неудачею, непризнанный энциклопедистъ утѣшаетъ себя теперь памфлетами, ругательствами на все, что только подпадаетъ подъ собственное полуграмотное перо его, или подъ перья достойныхъ его сподвижниковъ,—на все, что только пользуется въ обществѣ отличіями и репутаціей» (Бѣлинскій, VIII, 446).

Не оставляли Бѣлинскаго въ покоѣ и современные ему «драматурги». Уже въ 1839 году въ Александринскомъ театрѣ была поставлена комедія «Семейный судъ», гдѣ изображенъ студентъ Виссаріонъ Григорьевичъ Глупинскій, толкующій о гегелевой философіи, объективной индивидуальности и прочихъ мудреныхъ вещахъ (Вольфъ. «Хроника петербургскихъ театровъ», I, 71. Спб. 1877). Въ 1840 году извѣстный уже читателю *Нарѣжный* въ своей комедіи «Новый Недоросль» изобразилъ Бѣлинскаго въ лицѣ новаго Кутейкина. Это—«литераторъ (25 лѣтъ), послѣдователь *юной школы;* онъ не кончилъ университетскаго курса, потому что русскіе университеты находитъ недостаточными для образованія его генія, и нашелъ за лучшее самому (безъ руководителей) заняться современною литературою и въ особенности германскою философіею, въ которой онъ ничего не понялъ. Онъ безпощадно бранитъ Бальзака, Жоржъ Зандъ и проч. и безпрестанно ихъ обкрадываетъ, критикуетъ всѣхъ русскихъ писателей, отъ Ломоносова до Полевого включительно, усиливается быть преобразователемъ отечественнаго языка и сочиняетъ однѣ повѣсти ниже всякой критики, искажаетъ языкъ своими нововведеніями, въ которыхъ самъ путается» («Маякъ» 1840 г., ч. VI, с. 64. Ср. Бѣлинскій, VI, 581—582).

Въ 1843 году въ Петербургѣ была напечатана комедія В. Не....го «Демонъ стихотворства», гдѣ изображенъ журналистъ Туманинъ. По словамъ самого автора, онъ долженъ былъ служить «выраженіемъ нѣмецкой философіи, которая всегда почти изъясняется языкомъ туманнымъ, неопредѣленнымъ, надутымъ». А вотъ и образчикъ того языка, которымъ онъ говоритъ въ комедіи:

А есть комедія у насъ: ея творецъ—
Мой закадычный другъ.—Вотъ это образецъ!
Жизнь улетучилась въ созданьи этомъ дивномъ
Въ какое-то слитнóе единствó,
И въ духѣ творчества субъектно-объективномъ

Искусства видно въ немъ—цвѣтенье, торжество!
Пластичность образовъ и формы просвѣтлѣнье —
Въ ней осязательны. А какъ ужъ соблюденъ
Основный общаго законъ,
Законъ замкнутости и обособленья!

Авторомъ этой комедіи былъ, по всей вѣроятности, *В. Псковъ*, напечатавшій въ 1839 году «Вечерніе разсказы», о которыхъ Бѣлинскій въ «Московскомъ Наблюдателѣ» не могъ ничего сказать, потому что уже на 22-ой страницѣ убѣдился въ невозможности прочесть ихъ (Бѣлинскій, VIII, 352—353, IV, 254).

Въ 1844 году, во второмъ выпускѣ своего сборника «Москва и москвичи», *Загоскинъ* напечаталъ «Литературный вечеръ», гдѣ, несомнѣнно, изображенъ Бѣлинскій въ лицѣ критика Наянова, который характеризуется такимъ образомъ: «Варсонофій Николаевичъ Наяновъ, длинный, худой, косматый молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи. Онъ пошелъ было сначала по ученой части, да что-то не посчастливилось: науки ему не дались, языки также, званіе дѣйствительнаго студента также; но онъ зналъ имена всѣхъ современныхъ писателей, затвердилъ нѣсколько латинскихъ словъ, вытвердилъ наизусть всю ученую нѣмецкую терминологію и сверхъ того обладалъ необычайнымъ даромъ болтать безъ устали по два часа сряду, не сказавъ рѣшительно ничего. Съ такимъ богатымъ запасомъ нельзя было ему оставаться въ числѣ простыхъ обыкновенныхъ мыслителей; вотъ онъ и рѣшился испытать свои силы на литературномъ поприщѣ. Читающая публика, которую онъ теперь называетъ всегда толпою, не умѣла оцѣнить его высокаго дарованія. Варсонофій Николаевичъ Наяновъ остервенился, окунулъ свое перо въ желчь и началъ свирѣпствовать, то-есть писать на всѣхъ рецензіи и ругательства. Все это въ порядкѣ вещей: бездарный писатель, который хочетъ, во что бы то ни стало, продолжать писать, всегда превращается въ неумолимаго критика; это плебей, который ненавидитъ всѣхъ патриціевъ: чѣмъ выше талантъ, тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ старается онъ забросать его грязью. Да и что за радость повторять слова толпы и хвалить вмѣстѣ съ нею писателей, именами которыхъ гордится Россія? То ли дѣло поднять свою святотатственную руку на Ломоносова, Державина, Карамзина, Дмитріева, и хоть не доказать, а сказать, по крайней мѣрѣ, что они были писатели вовсе бездарные, и что новое поколѣніе и знать ихъ не хочетъ! Конечно, люди умные, читая этотъ литературный пасквиль,

станутъ пожимать плечами; но зато дураки,—а вѣдь ихъ очень много,—закричатъ въ одинъ голосъ:

Ай, моська, знать она сильна,
Что лаетъ на слона!»

На литературномъ вечерѣ Наяновъ говоритъ фразами, или явно пародирующими языкъ Бѣлинскаго или взятыми почти дословно изъ его статей. Вотъ два примѣра: «Какая глубина, какой взглядъ, какая энергія, какое безпрерывное проявленіе обособленныхъ идей, какъ развертываетъ онъ эту высокую идею Гегеля, что бытіе и небытіе одно и то же!» «Мы и теперь еще толкуемъ о какой-то народной литературѣ, какъ будто бы у насъ есть какая-нибудь литература!.. У насъ не было литературы и нѣтъ ея! Нѣсколько современныхъ намъ великихъ писателей, опередившихъ свой вѣкъ, не составляютъ еще народной словесности: она должна быть богата прошедшимъ». Послѣ такихъ заявленій легко представить, что «Взглядъ на русскую словесность», который читаетъ Наяновъ на литературномъ вечерѣ, пародируетъ «Литературныя мечтанія» Бѣлинскаго. «Онъ доказывалъ въ немъ,—говоритъ Загоскинъ о Наяновѣ,—что у насъ нѣтъ никакой литературы, что всѣ наши великіе писатели, начиная съ Ломоносова, не написали ничего путнаго, и что всѣ современные литераторы, разумѣется, за исключеніемъ писателей одного съ нимъ прихода, люди бездарные, безграмотные, съ дѣтскими взглядами, съ пошлыми идеями и съ кваснымъ патріотизмомъ». Наяновъ у Загоскина не только дерзкій неучъ, посягнувшій на славу литературныхъ знаменитостей, но и явно недобросовѣстный въ своихъ оцѣнкахъ критикъ. Нѣкоего поэта Лучкова онъ приглашалъ къ сотрудничеству въ своемъ журналѣ, свидѣтельствуя свое «глубочайшее уваженіе къ его «самобытному и прекрасному таланту»; а теперь онъ называетъ того же самаго Лучкова «ничтожнымъ подбирателемъ риѳмъ, пошлымъ и водянымъ до невѣроятности» (Соч. Загоскина, VII, 185—214. Изд. 1898 г.).

Такъ отомстилъ Загоскинъ за крайне пренебрежительный отзывъ о его послѣднихъ историческихъ романахъ въ обзорѣ русской литературы 1843 года. «Въ нихъ онъ ударился—говоритъ Бѣлинскій о Загоскинѣ—въ какую-то странную, псевдо-патріотическую пропаганду и политику и началъ съ особенной любовью живописать разбитые носы и свороченныя скулы извѣстнаго рода героевъ, въ которыхъ онъ думаетъ видѣть достойныхъ предста-

вителей чисто-русскихъ нравовъ, и съ особеннымъ паѳосомъ прославлять любовь къ соленымъ огурцамъ и кислой капустѣ».

Изображали Бѣлинскаго и въ басняхъ. Въ 1841 году въ I томѣ «Русской Бесѣды» появилась басня Бориса Федорова «Комаръ», гдѣ изображенъ одинъ изъ «журнальныхъ комаровъ», заносчивый и хвастливый критикъ Пигмейкинъ. Въ 1842 году первая статья Бѣлинскаго о Державинѣ вызвала болѣе злую басню «Крысы», напечатанную первоначально въ «Маякѣ» и перепечатанную затѣмъ въ «Москвитянинѣ». Вотъ эта анонимная басня, снабженная *голубымъ* окончаніемъ (Бѣлинскій, VIII, 131—132):

Въ книгопродавческой обширной кладовой,
Среди печатныхъ книгъ, уложенныхъ стѣной,
Прогрызли какъ-то изъ подполья
Лазейку крысы для себя
И, поживиться всѣмъ любя,
Нашли довольно тутъ и пищи и приволья.
Не знаю, какъ печать
Учились крысы разбирать;
Но дѣло въ томъ, онѣ, какъ знали,
Стихотворенія читали,
Поэзію зубами рвали,
И начали судить, рядить,
Поэтовъ, какъ котовъ, бранить,
И на Державина напали.
Одна безхвостая на полку взобралась:
Давно у этой забіяки
Отгрызли хвостъ *собаки*,
Но крысъ учить она взялась.
«Державинъ былъ талантъ для всѣхъ временъ великій!
«Великій онъ поэтъ лишь для своей поры,
«А не для нашей онъ норы;
«Для насъ пѣвецъ онъ полудикій!
«Для насъ—поэзіи въ немъ нѣтъ;
«Для насъ едва ли онъ какой-нибудь поэтъ;
«Для насъ все мертво въ немъ, скажу чистосердечно.
«Не наша то вина, и не его, конечно,
«Мы не винимъ его, а судимъ лишь о немъ;
«Пусть судятъ же и насъ путемъ!..»
Такую крыса рѣчь и долго-бъ продолжала,
Но груда книгъ, свалясь, безхвостую прижала,
Она пищитъ, скребетъ... котъ Васька близко былъ
И судъ по формѣ совершилъ.
Литературныхъ крысъ я наглости дивился:
Знать Васька-котъ запропастился.

Особенно часто вдохновлялъ Бѣлинскій убогую музу *М. А. Дмитріева*, этого «пѣвца домостроевскихъ порядковъ и молчалинскихъ идеаловъ» по выраженію г. Иванова. Дмитріевъ, по свидѣтельству Герцена, въ устной бесѣдѣ не прочь былъ полиберальничать, но возмущался, что «Бѣлинскій не имѣетъ достаточнаго уваженія къ тому, къ чему онъ самъ не имѣетъ уваженія» (Герценъ, VI, 38). Какъ было уже упомянуто въ первой главѣ, онъ подбивалъ Погодина къ доносамъ на «Отеч. Записки» и самъ писалъ, по выраженію Герцена, «доносы въ стихахъ», которые даже неразборчивымъ Погодинымъ не всегда допускались на страницы «Москвитянина» (см. Барсуковъ, VI, 311). Изъ произведеній Дмитріева, направленныхъ противъ Бѣлинскаго, прежде всего слѣдуетъ упомянуть напечатанное въ «Москвитянинѣ» 1842 года длинное посланіе «Безыменному критику». Изъ девятнадцати четырехстишій этого «доноса» непосредственное отношеніе къ Бѣлинскому имѣютъ только первыя шесть строфъ, которыя здѣсь перепечатываются изъ I части «Стихотвореній» М. А. Дмитріева (М. 1865) съ варьянтами изъ «Москвитянина».

Нѣтъ! твой подвигъ непохваленъ!
Не привѣтъ Россіи онъ! [1]
Карамзинъ тобой ужаленъ
Ломоносовъ уязвленъ! [2]
Кто ни честенъ, кто ни славенъ,
Ни радѣлъ странѣ родной,
И Жуковскій и Державинъ
Дерзкой тронуты рукой!
Ты всю Русь лишилъ дѣяній,
Какъ младенца, до Петра,
Не признавъ бытописаній [3]
Славы, чести и добра!
Все язвить—что знаменито;
Что высоко—низводить;
Чувствомъ нравственнымъ открыто
Насмѣхаться и шутить;
Лить на прошлое отраву,
И трубить для всѣхъ ушей
Лишь сегодняшнюю славу,
Лишь сегодняшнихъ людей;
Подточивши цвѣтъ Россіи,

[1]) Варьянтъ: Онъ Россіи не привѣтъ!
[2]) Варьянтъ: Ломоносовъ—не поэтъ!
[3]) Варьянтъ: Обнаживъ бытописаній

Червемъ къ корню подползать—
Духъ ли это анархіи,
Иль невѣжества печать?

Въ томъ же 1842 году Дмитріевъ написалъ посланіе «Къ нимъ», обращенное ко всѣмъ западникамъ, гдѣ, по всей вѣроятности, по адресу Бѣлинскаго употреблены такія выраженія, какъ «журнальный свистокъ», «клеветникъ» и «совратитель».

Изъ ненапечатанныхъ въ свое время и не вошедшихъ въ «Стихотворенія» М. А. Дмитріева произведеній можно упомянуть его пародію «Новая Свѣтлана», направленную противъ Полевого, но изображающую и Бѣлинскаго въ долговой тюрьмѣ:

Вотъ на койкѣ на одной
Ликъ знакомый, не чужой.
Глядь—плебей Бѣлинскій.
Страшенъ милый прежде видъ;
Не двуногимъ онъ глядитъ,
А ужъ съ рожей свинской.

По всей вѣроятности, тѣмъ же самымъ тупымъ и озлобленнымъ перомъ была создана и надпись къ портрету Бѣлинскаго, извлеченная издателемъ «Русскаго Архива» изъ одного рукописнаго сборника:

Не говори, что ты плебей,
Не хвастайся своей лакейскою натурой.
Она сама гласитъ твоей фигурой:
И плюй и бей!

(См. «Русскій Архивъ» 1885 г., № 4, с. 654).

Бѣлинскій относился довольно добродушно къ направленнымъ противъ него произведеніямъ «изящной» словесности и даже перепечатывалъ въ своихъ статьяхъ изображавшіе его стихи и прозу; только на «доносы» въ печати онъ обыкновенно возражалъ съ той энергіей, которая только допускалась тогдашней цензурой. Особенное негодованіе вызывалъ въ немъ М. Дмитріевъ. Въ «Литературныхъ и журнальныхъ замѣткахъ», напечатанныхъ въ послѣдней книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1842 годъ, посланіе «Безыменному критику» подвергнуто самому язвительному разбору, при чемъ Бѣлинскій даетъ понять, что считаетъ это стихотвореніе доносомъ (Бѣлинскій, VII, 510—512). Въ слѣдующемъ году Бѣлинскій напечаталъ въ одной рецензіи такія строки: «Чтобъ добиться... постоянно убѣгающей его славы, г-нъ Михайло

Дмитріевъ, вмѣсто дидактическаго рода, въ безполезномъ упражненіи которымъ онъ убѣдился, изобрѣлъ теперь новый, до него небывалый родъ поэзіи, произведенія котораго можно было бы назвать «риѳмованными денонціаціями» на безнравственность критиковъ, не признающихъ въ ихъ сочинителѣ ни искры поэтическаго таланта. Въ рукахъ человѣка талантливаго и остраго такія стихотворенія были бы по крайней мѣрѣ опасны для его враговъ; но г. Михайло Дмитріевъ доставляетъ своимъ врагамъ только одно невинное удовольствіе—смѣяться надъ беззубою злостью его странныхъ стихотвореній» (Бѣлинскій, VIII, 295).

VII. Писатели младшаго поколѣнія.

Больше всего почитателей и поклонниковъ Бѣлинскаго было среди писателей младшаго поколѣнія, выступившихъ на литературное поприще въ сороковыхъ годахъ и прославившихъ своими произведеніями вторую половину минувшаго вѣка. Почти всѣ писатели этого поколѣнія были въ большей или меньшей степени учениками великаго критика, такъ какъ читали его статьи, а иногда пользовались и его устными совѣтами, будучи его близкими друзьями, какъ Некрасовъ и Тургеневъ, или хорошими знакомыми, какъ Григоровичъ, Аполлонъ Майковъ и Достоевскій. Не всѣ писатели этого поколѣнія оставили намъ отзывы о своемъ учителѣ, но и того, что мы знаемъ, достаточно, чтобы судить, какое значеніе имѣлъ Бѣлинскій для идейнаго и художественнаго развитія «писателей сороковыхъ годовъ».

Полонскій, напримѣръ, въ 1891 году на извѣстный запросъ г. Ледерле о книгахъ, наиболѣе способствовавшихъ умственному и нравственному развитію, далъ такой отвѣтъ: «Въ университетѣ... больше другихъ вліяли на меня Бѣлинскій, Гоголь и Лермонтовъ... Бѣлинскій былъ въ особенности полезенъ тѣмъ, что, читая его, мнѣ стало ясно, что стихи еще не поэзія, и я сталъ отличать отъ нея всякую фальшь или риторику. Его взгляды и чутье ко всему истинному въ искусствѣ несомнѣнно вліяли на развитіе моего эстетическаго чувства» («Мнѣнія русскихъ людей о лучшихъ книгахъ для чтенія», с. 65. Спб. 1895). Еще болѣе жаркимъ поклонникомъ Бѣлинскаго былъ *Плещеевъ*, попавшій въ солдаты за распространеніе знаменитаго письма о «Перепискѣ» Гоголя. Въ его глазахъ Бѣлинскій былъ

Знаменоносецъ правды вѣчной
И мыслей сѣятель благихъ,

какъ онъ выразился въ стихотвореніи «На могилѣ Тургенева».

Салтыковъ, въ своемъ автобіографическомъ письмѣ къ г. Венгерову отъ 28 апрѣля 1887 года, сообщаетъ, что, когда онъ учился въ Александровскомъ лицеѣ, на него «преимущественно вліяли... «Отеч. Записки» и Бѣлинскій» (Письмо приложено къ книгѣ К. К. Арсеньева «Салтыковъ-Щедринъ». Спб. 1906). Въ своей книгѣ «За рубежомъ» Салтыковъ упоминаетъ, что, по окончаніи курса въ лицеѣ, онъ, «воспитанный на статьяхъ Бѣлинскаго, естественно, примкнулъ къ западникамъ» и къ петрашевцамъ, «къ тому безвѣстному кружку, который инстинктивно прилѣпился... къ Франціи Сенъ-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и въ особенности Жоржъ Занда». Еще раньше, въ книгѣ «Сатиры въ прозѣ» (очеркъ «Литераторы-обыватели»), Салтыковъ съ восторгомъ и умиленіемъ вспоминаетъ «золотыя времена» своей юности, когда «лилось полное страсти слово Бѣлинскаго, волнуя и утѣшая... и наполняя сердца... скорбью и негодованіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указывая цѣль для... стремленій»—вѣрность добру и истинѣ, «честный бой съ лицемѣріемъ, равнодушіемъ и неправдою». А въ концѣ своей жизни, въ «Пошехонской старинѣ», суровый сатирикъ изобразилъ идеальнаго представителя русской молодежи сороковыхъ годовъ въ лицѣ Валентина Бурмакина и сдѣлалъ эту «высоконравственную и почти непорочную личность»—«ученикомъ Грановскаго и страстнымъ почитателемъ Бѣлинскаго».

Приведенные отзывы тѣмъ дороже для насъ, что они принадлежатъ писателямъ, первыя произведенія которыхъ были встрѣчены Бѣлинскимъ очень сурово. У Полонскаго Бѣлинскій призналъ столь «миніатюрный» талантъ, что его «можно разсмотрѣть и замѣтить только черезъ микроскопъ». По заявленію Бѣлинскаго, «Полонскому рѣшительно не о чемъ писать, т.-е. нечего вкладывать въ свой гладкій, а иногда и дѣйствительно поэтическій стихъ». Въ книжкѣ Полонскаго «Стихотворенія 1845 года» великій критикъ нашелъ удачные стихи и куплеты, но не нашелъ «ни одного удачнаго стихотворенія» (Бѣлинскій, X, 407 и сл. Изд. 1860 г.). Вышедшая въ 1846 году книжка стихотвореній Плещеева встрѣтила еще болѣе суровый пріемъ. Въ статьѣ «Взглядъ на русскую литературу 1846 года» она была причислена къ тѣмъ «эфемернымъ явленіямъ, которыя, даже и не будучи ли-

шены относительныхъ достоинствъ, перелистываются, какъ новость, для того, чтобы быть потомъ забытыми». Даже знаменитое стихотворенiе Плещеева «Впередъ безъ страха и сомнѣнья», повидимому, не понравилось Бѣлинскому, который въ желанiи молодого поэта придать своимъ стихотворенiямъ «современное направленiе» усмотрѣлъ не болѣе, какъ «плѣнной мысли раздраженье». Что касается Салтыкова, то мы не знаемъ ни печатныхъ, ни письменныхъ отзывовъ Бѣлинскаго о его первыхъ повѣстяхъ «Противорѣчiе» и «Запутанное дѣло»; но устные отзывы были, кажется, не особенно благопрiятны. «Помнится,—говоритъ Салтыковъ въ автобiографическомъ письмѣ о своей первой повѣсти—Бѣлинскiй назвалъ ее бредомъ младенческой души».

Гораздо больше надеждъ возлагалъ Бѣлинскiй на *Григоровича* послѣ появленiя его повѣстей «Деревня» и «Антонъ Горемыка». Хотя редакцiя «Современника» и не считала возможнымъ хвалить повѣсть, напечатанную въ «Отеч. Запискахъ», все же Бѣлинскiй назвалъ «Деревню» однимъ изъ лучшихъ беллетристическихъ произведенiй 1846 года и призналъ въ ея авторѣ «замѣчательный талантъ» для «физiологическихъ очерковъ» изъ крестьянскаго быта. Правда, вмѣстѣ съ тѣмъ Бѣлинскiй заявилъ, что у Григоровича «нѣтъ ни малѣйшаго таланта къ повѣсти», что изъ главной героини его «Деревни» «вышло лицо довольно безцвѣтное и неопредѣленное». Но годъ спустя Бѣлинскiй призналъ Григоровича способнымъ сочинять не только «физiологическiе очерки», но даже романы, хотя и не могъ по цензурнымъ соображенiямъ, высказать тѣхъ «грустныхъ и важныхъ мыслей», которыя были навѣяны чтенiемъ «Антона Горемыки», и того «страшнаго, гнетущаго, мучительнаго, удушающаго впечатлѣнiя», которое произвела эта знаменитая повѣсть на нервныхъ читателей въ родѣ «неистоваго Виссарiона».

Что касается Григоровича, то въ его «Литературныхъ воспоминанiяхъ» разсказывается, что онъ «ждалъ, какъ счастья, видѣть Бѣлинскаго» и «переступалъ его порогъ робко, съ волненiемъ», что, «увлеченный его статьями, его авторитетомъ», онъ не могъ сердиться и досадовать на него за не особенно лестный отзывъ о «Деревнѣ». Григоровичъ называетъ Бѣлинскаго «честнѣйшимъ изъ людей, но склоннымъ къ увлеченiю». По его словамъ, «Бѣлинскiй, человѣкъ въ высшей степени пылкiй и впечатлительный, искренно привязанный къ друзьямъ, нерѣдко, однакожъ, переносилъ свои увлеченiя то къ одному изъ нихъ, то къ другому;

отсюда происходила та перемѣнчивость, то внезапное пристрастіе, въ которомъ его упрекали лучшіе его пріятели». Но Григоровичъ упоминаетъ о склонности великаго критика къ быстрымъ переходамъ и увлеченіямъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы осуждать его. «Увлекаться—говоритъ Григоровичъ—могутъ только люди, у которыхъ въ душѣ священная искра,—люди, одаренные богатою, одушевленною натурой, способные сильно испытывать впечатлѣнія и горячо принимать ихъ къ сердцу или мозгу. Такіе люди, при всей своей неровности, всегда оставляютъ послѣ себя результатъ въ томъ или другомъ родѣ, смотря по своей спеціальности; во всякомъ случаѣ, отъ нихъ больше пользы, чѣмъ отъ людей ко всему равнодушныхъ, прямолинейныхъ, обсахаренныхъ въ узкомъ эгоизмѣ, прикрывающихъ его видомъ благоразумія и строгой разсудительности» (См. мою замѣтку «Бѣлинскій и Григоровичъ» въ «Образованіи» 1900 г., № 4).

Далѣе, мы знаемъ, что *Писемскій* также «былъ жаркимъ поклонникомъ Гоголя и статей Бѣлинскаго», которыя «на эстетическія его теоріи имѣли большое вліяніе» (Сочиненія Б. Н. Алмазова, III, 403. М. 1892). Но только художественнаго критика и цѣнилъ Писемскій въ Бѣлинскомъ, а къ Бѣлинскому-публицисту относился скорѣе отрицательно. Между прочимъ, въ романѣ Писемскаго «Люди сороковыхъ годовъ» порицается знаменитое письмо къ Гоголю и высказывается сожалѣніе, что «высокое дарованіе» Бѣлинскаго «сбили съ толку» западныя общественно-политическія идеи, воспринятыя имъ «съ чужого голоса». Тамъ же поклонникомъ Бѣлинскаго-публициста изображенъ студентъ Саловъ, по выраженію г. Иванова, «самый низкій негодяй, какого могъ видѣть Московскій университетъ въ своихъ стѣнахъ» («Писемскій», сс. 74 и сл. Спб. 1898). Въ концѣ своей жизни, въ извѣстномъ письмѣ къ Буслаеву, Писемскій высказываетъ желаніе, чтобы романисты шли «рука объ руку» съ критиками и историками литературы, «какъ это было при Бѣлинскомъ и продолжалось нѣкоторое время послѣ него». «Бѣлинскій—прибавляетъ Писемскій—въ этомъ случаѣ былъ замѣчательное явленіе: онъ не столько любилъ свои писанія, сколько то, о чемъ онъ писалъ, и какъ самъ, говорятъ, выражался про себя, что онъ «недоносокъ-художникъ».... и потому такъ высоко цѣнилъ доносковъ-художниковъ» (См. письма Писемскаго во второмъ изданіи полнаго собранія его сочиненій).

Къ числу почитателей Бѣлинскаго можно отнести и *Авдѣева*, который, между прочимъ, въ повѣсти «Въ сороковыхъ годахъ»

(«Вѣстникъ Европы» 1876 года, №№ 9—11) изобразилъ великаго критика въ лицѣ Семирѣченскаго. «Онъ былъ—говоритъ Авдѣевъ—нехорошъ собою, но умные, то горячо вспыхивающіе, то ласково смотрящіе голубоватые глаза, красивый лобъ, нервная въ высшей степени впечатлительная воспріимчивость и особенно отзывчивая страстность дѣлали его наружность пріятной и сочувственной: это былъ Семирѣченскій, извѣстный критикъ того времени, ненавидимый литераторами стараго закала, дорогой другъ и талантливѣйшій выразитель мнѣній молодого кружка», т.-е. кружка московскихъ западниковъ, изображеннаго въ этой повѣсти (№ 10, с. 117). Можно еще упомянуть, что поэтъ *Никитинъ*, по свидѣтельству его біографа, «возмужалъ и воспитался подъ вліяніемъ Бѣлинскаго, подъ вліяніемъ тогдашнихъ «Отеч. Записокъ», которыя онъ читалъ хотя урывочно, но, можно сказать, до опьяненія» («Рус. Архивъ» 1863 г., сс. 979—980).

Изъ писательницъ этого поколѣнія въ число поклонницъ и ученицъ великаго критика можно занести «русскую Жоржъ-Сандъ», Хвощинскую-Заіончковскую, Жадовскую и даже Кохановскую-Соханскую. *Хвощинская* считала Бѣлинскаго своимъ учителемъ и называла его «вѣчнымъ и единственнымъ нашимъ примѣромъ, учителемъ цѣлой школы» («Рус. Ст.» 1891 г., № 2, с. 454). О стихотвореніяхъ *Юліи Жадовской* Бѣлинскій отозвался, въ обзорѣ русской литературы 1846 года, довольно сдержанно, признавъ въ ней только «что-то въ родѣ поэтическаго таланта». Но эта «сухая правда» дорого цѣнилась поэтессой, какъ видно изъ ея письма къ проф. Шиллю отъ 14 іюля 1858 года. «Нѣтъ,—писала она—послѣ Бѣлинскаго критика наша не та. Онъ одинъ умѣлъ, хотя рѣзко, но вѣрно, обозначить достоинство того или другого произведенія. Его сухая правда цѣнилась мною дорого». Мнѣнію Бѣлинскаго Жадовская придавала такое важное значеніе, что ей не доставила особеннаго удовольствія статья Добролюбова, признавшаго въ ея стихотвореніяхъ «присутствіе истинной поэзіи» (Сочиненія Жадовской, IV, 60—61. Спб. 1886).

Кохановская въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ читала въ числѣ русскихъ журналовъ и «Отеч. Записки», но не обратила вниманія на критическія статьи Бѣлинскаго. По крайней мѣрѣ, въ ея «Автобіографіи», написанной для Плетнева, мы находимъ такое суммарное заявленіе: «вдругъ мнѣ опротивѣла вся эта нелѣпость фантазій, эта грязная, грубая толкотня журнальныхъ ссоръ и только-что не дракъ, высокоименуемая «критикой».

Но впослѣдствіи Кохановская сумѣла оцѣнить Бѣлинскаго, не смотря на свои славянофильскія симпатіи и знакомства. Въ письмѣ къ Дружинину въ 1857 году она называетъ Бѣлинскаго, какъ автора статей о Пушкинѣ, «несравненнымъ» критикомъ, а два года спустя, въ статьѣ «Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина», присланной въ славянофильскій журналъ «Русская Бесѣда», она назвала Бѣлинскаго «возвышеннымъ критикомъ», чѣмъ вызвала недовольство редактора, И. С. Аксакова (Н. Н. Платонова. «Кохановская», сс. 40—42, 84. Спб. 1909).

Особенное мѣсто среди писателей разсматриваемаго поколѣнія занимаютъ Аполлонъ Майковъ и Достоевскій, которые вначалѣ были поклонниками великаго критика, а потомъ стали относиться къ его памяти враждебно. *Майковъ*, въ которомъ Бѣлинскій готовъ былъ видѣть преемника Пушкина и Лермонтова, внимательно относился къ указаніямъ своего восторженнаго цѣнителя: онъ не перепечатывалъ забракованныхъ имъ пьесъ, исправлялъ не понравившіеся ему стихи и до извѣстной степени слѣдовалъ рецепту Бѣлинскаго при созданіи трагедіи «Два міра». Бѣлинскій въ своей статьѣ о стихотвореніяхъ Майкова указалъ, что основная мысль его поэмы «Олинѳъ и Эсѳирь»,—«контрастъ и взаимныя отношенія умирающаго язычества и торжествующаго христіанскаго міра»,—выступила бы ярче, если бы вмѣсто эпикурейца Олинѳа поэтъ выставилъ послѣдняго римлянина, который стоическою жизнью и трагическою смертью, а также тоскою о прошломъ своего отечества, выразилъ бы «все субстанціальное, все, чѣмъ великъ былъ республиканскій Римъ» (Бѣлинскій, VII, 95). И Майковъ создалъ образъ Деція, который, по заявленію самого поэта, «долженъ былъ вмѣщать въ себѣ все, что древній міръ произвелъ великаго и прекраснаго». Еще болѣе замѣтно вліяніе статьи Бѣлинскаго на поэмѣ Майкова «Три смерти». По словамъ г. Венгерова, «страстный поэтъ-гражданинъ Луканъ и величавый стоикъ Сенека олицетворяютъ именно то, чѣмъ въ восторженномъ представленіи Бѣлинскаго «великъ былъ республиканскій Римъ» (Бѣлинскій, VII, 568).

Въ срединѣ сороковыхъ годовъ Майковъ въ идейномъ отношеніи колебался между западничествомъ и офиціальной народностью. «Вдругъ налетѣла буря Бѣлинскаго:—вспоминалъ онъ много лѣтъ спустя—новыя идеи о бракѣ, что онъ не нуженъ... жоржъ-зандизмъ... о соціальныхъ условіяхъ; старый міръ съ его религіей, устройствомъ общества отживаетъ, нуженъ новый...

словомъ, западничество дохнуло всею своею силой и охватило, конечно, и меня, но не вполнѣ, и вотъ почему: потому что матушка моя, какъ москвичка, выписывала и «Москвитянинъ» Погодина; а въ немъ другое вѣяніе, а главное, что меня въ немъ плѣнило—это открытіе славянскаго міра» (Златковскій. «А. Н. Майковъ», с. 44. Спб. 1898). Это двойственное вліяніе отразилось, между прочимъ, въ поэмѣ Майкова «Двѣ судьбы» (1845), гдѣ Владиміръ, главный герой, изображенъ передовымъ человѣкомъ «въ родѣ Печорина, только университетскаго и начитавшагося твореній Бѣлинскаго» и совмѣщающаго «и русскія чувства изъ «Москвитянина»... и Бѣлинскаго западничество». Горячія тирады Бѣлинскаго противъ «чистаго искусства» и его требованіе, чтобы искусство отзывалось на злобы дня, отразились не только въ «Двухъ судьбахъ», гдѣ герой изъ Печорина превращается въ самаго зауряднаго помѣщика-крѣпостника, но и въ поэмѣ «Машенька» (1845), передающей исторію институтки, соблазненной офицеромъ-ловеласомъ, потомъ брошенной имъ и вернувшейся къ своему отцу-чиновнику. Но вліяніе «Москвитянина», а также совѣтъ Жуковскаго Майкову съ презрѣніемъ оттолкнуть «тенденціи, оскверняющія поэзію», въ концѣ концовъ пересилили вліяніе Бѣлинскаго. Въ 1857 году Майковъ, по свидѣтельству Пыпина («Мои замѣтки»), относился «очень враждебно» къ либераламъ, не дѣлая исключенія и для Бѣлинскаго, а въ слѣдующемъ году, издавая свои стихотворенія, онъ выбросилъ поэмы: «Двѣ судьбы» и «Машенька», признавъ ихъ «фальшивыми», хотя Бѣлинскимъ онѣ были встрѣчены очень сочувственно.

VIII. Достоевскій.

Достоевскій при первомъ же выступленіи своемъ на литературное поприще былъ восторженно встрѣченъ Бѣлинскимъ и сдѣлался его близкимъ знакомымъ и преданнымъ ученикомъ, но скоро разошелся съ нимъ и впослѣдствіи своими враждебными отзывами о величайшемъ русскомъ критикѣ затмилъ злѣйшихъ его враговъ.

Личное знакомство Достоевскаго съ Бѣлинскимъ началось въ маѣ 1845 года. Въ это время Достоевскій былъ авторомъ «Бѣдныхъ людей» и собирался отдать ихъ въ «Отеч. Записки», гдѣ еще сотрудничалъ Бѣлинскій, статьи котораго молодой писатель, по собственному его заявленію, «читалъ уже нѣсколько лѣтъ съ

увлеченіемъ». Достоевскій боялся, что «грозный и страшный» критикъ осмѣетъ его повѣсть, но опасенія эти не оправдались. Прочитавъ «Бѣдныхъ людей» еще въ рукописи, Бѣлинскій пришелъ въ восторгъ и пожелалъ познакомиться съ молодымъ авторомъ, а когда къ нему привели Достоевскаго, осыпалъ его произведеніе самыми лестными похвалами и прямо заявилъ ему, что онъ будетъ великимъ писателемъ. Восторженныя похвалы Бѣлинскаго необыкновенно сильно подѣйствовали на такую впечатлительную натуру, какъ Достоевскій. «Я вышелъ отъ него—вспоминалъ Достоевскій въ 1877 году—въ упоеніи. Я остановился на углу его дома, смотрѣлъ на небо, на свѣтлый день, на проходившихъ людей, и весь, всѣмъ существомъ своимъ, ощущалъ, что въ жизни моей произошелъ торжественный моментъ, переломъ навѣки, что началось что-то совсѣмъ новое, но такое, чего я и не предполагалъ тогда даже въ самыхъ страстныхъ мечтахъ моихъ (А я былъ тогда страшный мечтатель). «И неужели вправду я такъ великъ», стыдливо думалъ я про себя въ какомъ-то робкомъ восторгѣ». «Какіе люди, какіе люди! Вотъ гдѣ люди!—мысленно восклицалъ Достоевскій по адресу Бѣлинскаго и его друзей:— О, я буду достойнымъ этихъ похвалъ... Я заслужу, постараюсь стать такимъ же прекраснымъ, какъ они, пребуду вѣренъ!.. У нихъ однихъ истина, а истина, добро, правда всегда побѣждаютъ и торжествуютъ надъ порокомъ и зломъ, мы побѣдимъ; о, къ нимъ, къ нимъ!»—Въ эти минуты Бѣлинскій былъ для Достоевскаго такой свѣтлой, высоконравственной личностью, что послѣдній стыдился и боялся своего восторженнаго цѣнителя. «О, какъ я легкомысленъ, и если бы Бѣлинскій только узналъ, какія во мнѣ есть дрянныя, постыдныя вещи!» «Я все это думалъ,—вспоминалъ Достоевскій потомъ о своей первой встрѣчѣ съ Бѣлинскимъ,—я припоминаю ту минуту въ самой полной ясности. И никогда потомъ я не могъ забыть ее. Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я въ каторгѣ, вспоминая ее, укрѣплялся духомъ. Теперь еще вспоминаю ее каждый разъ съ восторгомъ» (Сочиненія Достоевскаго, XI, 29—33. Изд. Маркса).

Съ осени 1845 года Достоевскій «весьма часто» посѣщалъ Бѣлинскаго, велъ съ нимъ оживленныя бесѣды и горячіе споры о религіозныхъ и общественныхъ вопросахъ, возмущался до слезъ нѣкоторыми антирелигіозными выходками «неистоваго Виссаріона», тѣмъ не менѣе «страстно» принялъ «все его ученіе». Первые печатные отзывы Бѣлинскаго о «Бѣдныхъ людяхъ» и особенно о

«Двойникѣ» были далеко не такими восторженными, какъ устные, и сильно задѣли «расхлеставшееся» самолюбіе Достоевскаго; но въ 1846 году онъ еще поддерживаетъ самыя близкія отношенія съ Бѣлинскимъ и его семьей, хотя разссорился почти со всѣми его друзьями и былъ недоволенъ его охлажденіемъ къ «Бѣднымъ людямъ» и «Двойнику». «Что же касается до Бѣлинскаго,—писалъ Достоевскій своему брату 26 ноября 1846 года—то это такой слабый человѣкъ, что даже въ литературныхъ мнѣніяхъ у него пять пятницъ на недѣлѣ. Только съ нимъ я сохранилъ прежнія добрыя отношенія. Онъ человѣкъ благородный». «Бываю у Бѣлинскаго», сообщаетъ Достоевскій брату и въ письмѣ 17 декабря 1846 года (Письма Достоевскаго, сс. 58, 60. Полное собраніе сочиненій Достоевскаго. Спб. 1883. Т. I). Но вскорѣ послѣ этого письма Достоевскій окончательно разошелся съ Бѣлинскимъ, который не могъ выносить крайняго самолюбія и крайней подозрительности молодого писателя, да и къ таланту его сильно охладѣлъ. «Надулись же мы, другъ мой,—писалъ онъ Анненкову въ февралѣ 1848 года—съ Достоевскимъ-геніемъ!... Я, первый критикъ, разыгралъ роль осла въ квадратѣ». Далѣе въ томъ же письмѣ говорится, что Достоевскій «глубоко убѣжденъ, что все человѣчество завидуетъ ему и преслѣдуетъ его» («Анненковъ и его друзья», с. 610).

«Мы разошлись—вспоминаетъ Достоевскій въ «Дневникѣ писателя» 1873 года—отъ разнообразныхъ причинъ, весьма, впрочемъ, неважныхъ во всѣхъ отношеніяхъ» (Достоевскій, IX, 172). Но въ 1849 году, во время процесса петрашевцевъ, въ своей оправдательной запискѣ Достоевскій заявилъ, что его ссора съ Бѣлинскимъ «произошла изъ-за идей о литературѣ и о направленіи литературы». «Взглядъ мой — говоритъ Достоевскій—былъ радикально противоположный взгляду Бѣлинскаго. Я упрекалъ его въ томъ, что онъ силится дать литературѣ частное, недостойное ея, назначеніе, низводя ее единственно до описанія, если можно такъ выразиться, однихъ газетныхъ фактовъ или скандалезныхъ происшествій. Я именно возражалъ ему, что желчью не привлечешь никого, а только надоѣшь смертельно всѣмъ и каждому, хватая встрѣчнаго и поперечнаго на улицѣ, останавливая каждаго прохожаго за пуговицу фрака и начиная сильно проповѣдывать ему и учить его уму-разуму. Бѣлинскій разсердился на меня, и, наконецъ, отъ охлажденія мы перешли къ формальной ссорѣ, такъ что и не видались, наконецъ, другъ

съ другомъ въ продолженіе всего послѣдняго года его жизни» («Петрашевцы», с. 90. М. 1907. Изд. Саблина).

Въ томъ же самомъ документѣ Достоевскій даетъ оцѣнку личности Бѣлинскаго и его знаменитаго письма къ Гоголю, чтеніе и распространеніе котораго было признано однимъ изъ тягчайшихъ преступленій петрашевцевъ. «Письмо Бѣлинскаго—говоритъ Достоевскій — написано слишкомъ странно, чтобъ возбудить къ себѣ сочувствіе. Ругательства отвращаютъ сердце, а не привлекаютъ его; а все письмо начинено ими и желчью написано. Наконецъ, вся статья—образецъ бездоказательности, недостатокъ, отъ котораго Бѣлинскій никогда не могъ избавиться въ своихъ критическихъ статьяхъ и который усиливался по мѣрѣ истощенія нравственныхъ и физическихъ силъ его въ болѣзни... Нѣсколько времени я былъ знакомъ съ Бѣлинскимъ довольно коротко. Это былъ превосходный человѣкъ, какъ человѣкъ. Но болѣзнь, сведшая его въ могилу, сломила въ немъ даже и человѣка. Она ожесточила, очерствила его душу и залила желчью его сердце. Воображеніе его, разстроенное, напряженное, увеличивало все въ колоссальныхъ размѣрахъ, и показывало ему такія вещи, которыя одинъ онъ и способенъ былъ видѣть. Въ немъ явились вдругъ такіе недостатки и пороки, которыхъ и слѣда не было въ здоровомъ состояніи. Между прочимъ явилось самолюбіе, крайне раздражительное и обидчивое. Въ журналѣ, въ которомъ онъ числился сотрудникомъ и гдѣ за болѣзнію очень мало работалъ,—ему связывала редакція руки и уже не давала писать слишкомъ серьезныхъ статей. Это оскорбляло его. И вотъ въ этомъ-то состояніи онъ написалъ письмо свое къ Гоголю». Крайне преувеличивши «пороки» Бѣлинскаго и сообщивши очень далекія отъ истины свѣдѣнія о положеніи его въ «Современникѣ», Достоевскій дальше заявилъ, что онъ прочелъ знаменитое письмо не съ цѣлью выставить его образцомъ, «формулой, которой нужно слѣдовать», а просто какъ «литературный памятникъ», не лишенный «нѣкотораго рода литературнаго достоинства», но неспособный «никого... привести въ соблазнъ». «Что меня касается,—прибавляетъ Достоевскій—я буквально не согласенъ ни съ однимъ изъ преувеличеній, находящихся» въ письмѣ. «Изъ уваженія къ человѣку,—говоритъ онъ дальше—уже умершему, замѣчательному въ свое время, котораго многіе уважаютъ за нѣкоторыя литературно-эстетическія статьи его, написанныя дѣйствительно съ большимъ знаніемъ

литературнаго дѣла,—наконецъ, изъ щекотливаго чувства по поводу нашей ссоры за идеи, которая многимъ извѣстна, я прочелъ всю переписку, воздержавшись отъ всякихъ замѣчаній и съ полнымъ безпристрастіемъ» («Петрашевцы», 89—90).

Въ своей оправдательной запискѣ Достоевскій, во что бы то ни стало, хотѣлъ убѣдить судей, что онъ далекъ отъ солидарности съ знаменитымъ письмомъ, написаннымъ, по его словамъ, «въ болѣзни, въ разстройствѣ умственномъ и душевномъ». Но судьи не могли допустить, чтобы Достоевскій изъ одного только литературнаго интереса неоднократно читалъ письмо Бѣлинскаго въ разныхъ домахъ и давалъ списывать съ него копіи. Едва ли можно сомнѣваться, что Достоевскій читалъ это письмо «съ полнымъ сочувствіемъ», какъ выразился Орестъ Миллеръ,—придавая ему важное значеніе и не отставая въ этомъ отношеніи отъ другихъ петрашевцевъ.

Вліяніе каторги сказалось на Достоевскомъ неизгладимыми физическими и нравственными послѣдствіями. Припадки падучей, которою онъ страдалъ еще до ареста, усилились во время пребыванія въ Сибири. Тамъ же было положено начало и тому измѣненію міросозерцанія Достоевскаго, которое обнаружилось уже въ эпоху изданія «Времени», а особенно рѣзко выразилось въ «Дневникѣ писателя». Но на отношеніяхъ Достоевскаго къ памяти Бѣлинскаго вліяніе каторги на первыхъ порахъ почти незамѣтно. Напротивъ, онъ относится къ нему гораздо лучше, чѣмъ можно было ожидать, судя по отзывамъ оправдательной записки. Въ далекой Сибири Достоевскій часто вспоминалъ о великомъ критикѣ и, вспоминая свою первую встрѣчу съ нимъ, «укрѣплялся духомъ». Объ этой «самой восхитительной минутѣ во всей жизни своей» Достоевскій напомнилъ и въ романѣ «Униженные и оскорбленные», появившемся въ журналѣ «Время» за 1861 годъ. Иванъ Петровичъ, отъ лица котораго разсказывается романъ,—это самъ Достоевскій, а первое литературное произведеніе разсказчика, внѣ всякаго сомнѣнія, — «Бѣдные люди». «Б. обрадовался, какъ ребенокъ, прочитавъ мою рукопись», разсказываетъ Иванъ Петровичъ. Этотъ Б., конечно, Бѣлинскій. Въ семьѣ Ихменевыхъ Иванъ Петровичъ читалъ свой романъ и много разсказывалъ о Бѣлинскомъ. Разсказы эти были такого свойства, что старикъ Ихменевъ «началъ читать критическія статьи Б., котораго онъ почти не понималъ, но говорилъ до восторга и горько жаловался на враговъ его, писавшихъ въ «Сѣ-

верномъ Трутнѣ», т.-е. въ «Сѣверной Пчелѣ» Булгарина. «Онъ былъ человѣкъ хорошій, великодушный, симпатичный, съ чувствомъ, съ сердцемъ», говоритъ Достоевскій о Бѣлинскомъ устами того же Ихменева.

Одновременно съ романомъ «Униженные и оскорбленные» Достоевскій напечаталъ въ журналѣ «Время» статью «Г.—бовъ [Добролюбовъ] и вопросъ объ искусствѣ». Въ началѣ этой статьи, защищая «блестящую дѣятельность Бѣлинскаго» отъ нареканій со стороны «Отеч. Записокъ», Достоевскій, между прочимъ, заявилъ, что «въ двухъ страницахъ Бѣлинскаго сказано больше объ исторической части русской литературы, чѣмъ во всей дѣятельности «Отеч. Записокъ», съ 48 года до нашихъ временъ», то-есть до 1861 года. Сочувственный, хотя не во всемъ справедливый отзывъ о Бѣлинскомъ находится и въ объявленіи о подпискѣ на журналъ «Время» 1862 года. «Еслибъ Бѣлинскій— говорится въ этомъ объявленіи, составленномъ Достоевскимъ,— прожилъ еще годъ, онъ бы сдѣлался славянофиломъ, т.-е. попалъ бы изъ огня въ полымя; ему ничего не оставалось болѣе; да сверхъ того онъ не боялся, въ развитіи своей мысли, никакого полымя. Слишкомъ ужъ много любилъ человѣкъ». Наконецъ, мы имѣемъ письмо Достоевскаго отъ 5 января 1863 года къ вдовѣ Бѣлинскаго. Письмо это представляетъ очень цѣнный документъ, такъ какъ показываетъ намъ, какія чувства питалъ Достоевскій къ памяти своего учителя въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. «Письмо ваше—писалъ, между прочимъ, Достоевскій въ отвѣтъ на письмо Марьи Васильевны Бѣлинской—произвело на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Я до того любилъ и уважалъ вашего незабвеннаго мужа и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ такъ пріятно было припомнить все то лучшее время моей жизни, что я отъ души мысленно поблагодарилъ васъ за то, что вамъ вздумалось написать ко мнѣ... Признаюсь, когда я прошлаго года былъ дней пять въ Москвѣ, мнѣ приходила мысль быть у васъ и напомнить вамъ о себѣ и о прошломъ... Намъ вѣдь много есть о чемъ переговорить, многое припомнить» («Рус. Вѣдомости» 1894 г., № 241).

Но во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ въ отношеніяхъ Достоевскаго къ Бѣлинскому произошелъ рѣзкій переломъ. Въ 1867 году за границей, куда Достоевскій уѣхалъ, спасаясь отъ кредиторовъ, онъ написалъ статью «Знакомство мое съ Бѣлинскимъ» для сборника «Чаша», задуманнаго бывшимъ сотруд-

никомъ «Времени» и «Эпохи» Бабиковымъ, авторомъ романа «Глухая улица». Воспоминанія эти были окончены въ Женевѣ въ сентябрѣ 1867 года и оттуда присланы Аполлону Майкову, но напечатаны не были и затерялись вмѣстѣ съ другими статьями, предназначавшимися для сборника. Написано было всего на два печатныхъ листа, но, несмотря на такой незначительный объемъ, воспоминанія о Бѣлинскомъ отняли у Достоевскаго массу времени и труда. «Кончилъ... эту проклятую статью: «Знакомство мое съ Бѣлинскимъ»—писалъ Достоевскій Ап. Майкову 15 сентября 1867 года:—До того она меня измучила и до того трудно ее было писать, что я дотянулъ до сего времени и, наконецъ-то, со скрежетомъ зубовнымъ кончилъ. Штука была въ томъ, что я сдуру взялся за такую статью. Только что притронулся писать и сейчасъ увидалъ, что возможности нѣтъ написать *цензурно* (потому что я хотѣлъ писать все). 10 листовъ романа было бы легче написать, чѣмъ эти 2 листа! Изъ всего этого вышло, что эту растреклятую статью я написалъ, если все считать въ сложности, разъ пять, и потомъ все перекрещивалъ и изъ написаннаго опять передѣлывалъ. Наконецъ, кое-какъ вывелъ статью,— но до того дрянная, что изъ души воротитъ. Сколько драгоцѣннѣйшихъ фактовъ я принужденъ былъ выкинуть! Какъ и слѣдовало ожидать, осталось все самое дрянное и золотосрединное. Мерзость!» (Письма Достоевскаго, с. 178).

Въ какомъ духѣ были написаны не дошедшія до насъ воспоминанія Достоевскаго о Бѣлинскомъ, можно судить по его заграничнымъ письмамъ къ Ап. Майкову и Страхову. Въ письмѣ къ Майкову отъ 16—28 августа 1867 года онъ называетъ Бѣлинскаго родоначальникомъ «либералишекъ и прогрессистовъ», которые «ругать Россію находятъ первымъ своимъ удовольствіемъ и удовлетвореніемъ». А въ концѣ слѣдующаго года Достоевскій написалъ Майкову изъ Флоренціи такія строки: «Никогда не повѣрю словамъ Аполлона Григорьева, что Бѣлинскій кончилъ бы славянофильствомъ. Не Бѣлинскому кончить было этимъ. Это былъ только..... и больше ничего. Большой поэтъ въ свое время; но развиваться далѣе не могъ. Онъ кончилъ бы тѣмъ, что состоялъ бы у какой-нибудь здѣшней м—мъ Гёггъ адъютантомъ по женскому вопросу на митингахъ и разучился бы говорить по-русски, не выучившись все-таки по-нѣмецки» (Письма Достоевскаго, сс. 172, 201). Еще болѣе ужасные отзывы о Бѣлинскомъ мы находимъ въ письмахъ Достоевскаго къ Страхову.

«Бѣлинскій—писалъ Достоевскій весной 1871 года—былъ немощенъ и безсиленъ талантишкомъ, а потому и проклялъ Россію и принесъ ей сознательно столько вреда».

Страховъ считалъ «лучшимъ нашимъ критикомъ, дѣйствительнымъ основателемъ русской критики» Аполлона Григорьева, но въ то же время высоко цѣнилъ и Бѣлинскаго, его талантъ и заслуги, и счелъ нужнымъ поднять голосъ въ его защиту. Но заступничество человѣка, котораго Достоевскій считалъ «единственнымъ критикомъ въ наше время», только подлило масла въ огонь. Въ слѣдующемъ своемъ письмѣ Достоевскій написалъ Страхову такія возмутительныя строки о Бѣлинскомъ, какихъ не писалъ ни одинъ изъ самыхъ злѣйшихъ и ожесточеннѣйшихъ враговъ великаго критика. «Я обругалъ Бѣлинскаго болѣе какъ явленіе русской жизни, нежели лицо. Это было самое смрадное, тупое и позорное явленіе русской жизни. Одно извиненіе—въ неизбѣжности этого явленія. И увѣряю васъ, что Бѣлинскій помирился бы теперь на такой мысли: «А вѣдь это оттого не удалось коммунѣ, что она все-таки прежде всего была французская, т.-е. сохраняла въ себѣ заразу національности. А потому надо пріискать такой народъ, въ которомъ нѣтъ ни капли національности и который способенъ бить, какъ я, по щекамъ свою мать (Россію)». И съ пѣной у рта бросился бы писать поганыя статьи свои, позоря Россію, отрицая великія явленія ея (Пушкина),—чтобъ окончательно сдѣлать Россію *вакантною* націею, способною стать во главѣ общечеловѣческаго дѣла. Іезуитизмъ и ложь нашихъ передовыхъ двигателей онъ принялъ бы со счастьемъ. Но вотъ что еще: вы никогда его не знали, а я зналъ и видѣлъ, и теперь осмыслилъ вполнѣ. Этотъ человѣкъ ругалъ мнѣ........... [Богочеловѣка?] и между тѣмъ никогда онъ не былъ способенъ самъ себя и всѣхъ двигателей всего міра сопоставить со Христомъ для сравненія. Онъ не могъ замѣтить того, сколько въ немъ и въ нихъ мелкаго самолюбія, злобы, нетерпѣнія, раздражительности, подлости, а главное, самолюбія. Онъ не сказалъ себѣ никогда: что-же мы поставимъ вмѣсто него? Неужели себя, тогда какъ мы такъ гадки? Нѣтъ, онъ никогда не задумался надъ тѣмъ, что онъ самъ гадокъ; онъ былъ доволенъ собой въ высшей степени, и это была уже личная, смрадная, позорная тупость.—Вы говорите,—продолжаетъ Достоевскій—что онъ былъ талантливъ. Совсѣмъ нѣтъ, и Боже! какъ навралъ о немъ въ своей статьѣ Григорьевъ! Я помню мое юношеское удивленіе, когда я прислушивался

къ нѣкоторымъ чисто-художественнымъ его сужденіямъ (напр., о «Мертвыхъ Душахъ»); онъ до безобразія поверхностно и съ пренебреженіемъ относился къ типамъ Гоголя и только радъ былъ до восторга, что Гоголь *обличалъ*. Здѣсь, въ эти 4 года, я перечиталъ его критики. Онъ обругалъ Пушкина, когда тотъ бросилъ свою фальшивую ноту и явился съ «Повѣстями Бѣлкина» и съ «Арапомъ». Онъ съ удивленіемъ провозгласилъ ничтожество «Повѣстей Бѣлкина». Онъ въ повѣсти Гоголя «Коляска» не находилъ художественнаго цѣльнаго созданія и повѣсти, а только шуточный разсказъ. Онъ отрекся отъ окончанія «Евгенія Онѣгина». Онъ первый выпустилъ мысль о камеръ-юнкерствѣ Пушкина. Онъ сказалъ, что Тургеневъ не будетъ художникомъ... Я бы могъ вамъ,—продолжаетъ Достоевскій—набрать такихъ примѣровъ сколько угодно для доказательства неправды его критическаго чутья и «воспріимчиваго трепета», о которомъ вралъ Григорьевъ (потому что самъ былъ поэтъ)» (Письма Достоевскаго, сс. 310—313).

Какимъ образомъ «благородный», «незабвенный» человѣкъ превратился въ глазахъ Достоевскаго въ «самое смрадное, тупое и позорное явленіе русской жизни»? Объяснить такую рѣзкую перемѣну можно только болѣзненнымъ состояніемъ Достоевскаго и тѣми поистинѣ ужасными условіями, среди которыхъ ему пришлось писать свои воспоминанія о Бѣлинскомъ и перечитывать его статьи. Онъ уѣзжаетъ за границу «спасать не только здоровье, но даже жизнь», но страшные припадки падучей преслѣдуютъ его и за границей. Уѣхавъ изъ Россіи отъ долгового отдѣленія, Достоевскій испытываетъ за границей по временамъ страшную нужду, которая иногда обострялась до того, что онъ несъ въ закладъ послѣднее бѣлье, закладывалъ штаны, чтобы послать телеграмму, не имѣлъ денегъ даже для отправки рукописи въ редакцію. А тутъ еще изнурительная срочная работа, чтобы доставить во-время рукопись Каткову, и такія потрясенія, какъ смерть дочери Сони, для спасенія которой Достоевскій соглашался принять «крестную муку». И въ довершеніе всего этого подозрительное отношеніе русской полиціи, помнившей, что Достоевскій былъ политическимъ преступникомъ, и вскрывавшей его письма. «Каково это вынести человѣку чистому, патріоту, предавшемуся имъ до измѣны своимъ прежнимъ убѣжденіямъ», писалъ глубоко-оскорбленный Достоевскій Аполлону Майкову.

Если принять во вниманіе всѣ указанныя обстоятельства и

вспомнить еще собственное заявленіе Достоевскаго: «вездѣ-то и во всемъ я до послѣдняго предѣла дохожу, всю жизнь за черту переходилъ», то можно до нѣкоторой степени понять происхожденіе возмутительныхъ отзывовъ о Бѣлинскомъ въ письмахъ къ Страхову. Въ письмахъ изъ-за границы «многострадальный писатель» срывалъ свою злобу на чемъ попало: онъ ругаетъ нѣмцевъ, ругаетъ французовъ, ругаетъ швейцарцевъ, ругаетъ поляковъ, ругаетъ всю Европу, ругаетъ либеральныя газеты и русскихъ «либералишекъ», ругаетъ Литературный фондъ, ругаетъ людей сороковыхъ годовъ, въ томъ числѣ Тургенева, Грановскаго и Герцена, ругаетъ, наконецъ, самого себя («натура моя подлая и слишкомъ страстная»). Удивительно ли, что Достоевскій не пощадилъ и Бѣлинскаго и, встрѣтивъ отпоръ со стороны Страхова, въ своихъ ругательствахъ переступилъ границу вмѣняемости? «Усвоивъ себѣ извѣстную точку зрѣнія,—говоритъ К. К. Арсеньевъ—можно не видѣть пользы, принесенной Бѣлинскимъ, можно, пожалуй, признавать его вліяніе безусловно вреднымъ,—но для того, чтобы отрицать въ немъ даже талантъ, даже критическій тактъ, чтобы видѣть въ немъ «личную, смрадную, позорную тупость», нужно потерять всякое чувство справедливости, всякую способность здраво смотрѣть на вещи. Такая потеря—въ человѣкѣ съ дарованіемъ Достоевскаго—возможна только подъ условіемъ временной невмѣняемости, въ пароксизмѣ нравственной и умственной боли, доводящемъ до ослѣпленія, до самозабвенія» («Вѣстникъ Европы» за 1884 г., № 1, с. 388).

Можно допустить, что и воспоминанія Тургенева о Бѣлинскомъ, появившіяся въ 1869 году, также оказали нѣкоторое вліяніе на ужасныя заявленія Достоевскаго въ письмахъ къ Страхову. Сравнивая отзывы и мнѣнія Достоевскаго и Тургенева о Бѣлинскомъ, можно подумать, что первый изъ нихъ точно задался цѣлью опровергнуть всѣ утвержденія второго. Для Тургенева Бѣлинскій—«идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ слова»; для Достоевскаго—«самое смрадное, тупое и позорное явленіе русской жизни». По свидѣтельству Тургенева, «Бѣлинскій любилъ Россію», онъ былъ «даже патріотъ»: по мнѣнію Достоевскаго, онъ страшно ненавидѣлъ Россію и воспитывалъ ненависть къ ней. По заявленію Тургенева, «Бѣлинскій былъ не слишкомъ высокаго мнѣнія о самомъ себѣ... Скромность его была непритворна и чистосердечна». Достоевскій увѣрялъ Страхова, что Бѣлинскій «былъ доволенъ собой въ высшей степени», и что самолюбіе было преобладающей

чертой его характера. Тургеневъ говоритъ, что эстетическое чутье Бѣлинскаго было «почти непогрѣшительно»; для Достоевскаго это прославленное чутье—предразсудокъ и т. д.

Письма Достоевскаго къ Страхову сдѣлались извѣстными только въ 1883 г. Но отраженіе того настроенія великаго писателя, которое продиктовало ему возмутительные отзывы о Бѣлинскомъ, можно найти и въ романѣ «Бѣсы», написанномъ за границей, и въ «Дневникѣ писателя» за 1873 г. Хотя отзывы Достоевскаго въ романѣ и въ «Дневникѣ», по сравненію съ письмами къ Страхову, и не столь возмутительны, но цѣль ихъ клонилась во всякомъ случаѣ къ дискредитированію Бѣлинскаго, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ читателей «Русскаго Вѣстника» и «Гражданина». Читателямъ романа «Бѣсы» устами Степана Трофимовича Верховенскаго сообщалось, что Бѣлинскій въ извѣстномъ своемъ письмѣ горячо укорялъ Гоголя за то, что тотъ вѣруетъ «въ какого-то Бога». Шатовъ, устами котораго говоритъ самъ Достоевскій, доказываетъ, что Бѣлинскій не любилъ ни Россіи, ни русскаго народа, что онъ, подобно любопытному въ баснѣ Крылова, «не примѣтилъ слона въ кунсткамерѣ [т.-е. русскаго народа], а все вниманіе свое устремилъ на французскихъ соціальныхъ букашекъ». Въ томъ же самомъ романѣ гимназистъ проповѣдуетъ безнравственность пятой заповѣди и ссылается на авторитетъ Бѣлинскаго, а его учитель заявляетъ, что ему «достовѣрно извѣстно», будто бы Бѣлинскій «проводилъ цѣлые вечера со своими друзьями, дебатируя и предрѣшая заранѣе даже самыя мелкія, такъ сказать, кухонныя подробности въ будущемъ соціальномъ устройствѣ». Изъ опубликованныхъ недавно матеріаловъ къ роману «Бѣсы» видно, что Достоевскій хотѣлъ выступить съ еще болѣе компрометирующими Бѣлинскаго разоблаченіями. Шатовъ долженъ былъ заявить, что Бѣлинскій и всѣ западники ненавидѣли Россію и русскій народъ, что ихъ «либерализмъ, кончившій антинаціональностью и личною ненавистію къ Россіи,—есть застой и сумбуръ». Въ уста Верховенскаго-отца вкладывается такое заявленіе: «Я помню писателя Д—[т. е. Достоевскаго], тогда еще почти юношу. Бѣлинскій обращалъ его въ атеизмъ и на возраженія Д., защищавшаго Христа, ругалъ Христа» (Полное собр. соч. Достоевскаго, VIII, 606, 610, 614. Изд. 6-е. Спб. 1905).

Въ 1873 году Достоевскій сдѣлался редакторомъ основаннаго кн. Мещерскимъ «Гражданина» и въ первомъ же номерѣ этого журнала выступилъ съ обвиненіями Бѣлинскаго въ атеизмѣ и

соціализмѣ. «Въ первые дни знакомства,—говоритъ Достоевскій о Бѣлинскомъ—привязавшись ко мнѣ всѣмъ сердцемъ, онъ тотчасъ же бросился, съ самою простодушною торопливостью, обращать меня въ свою вѣру... Я засталъ его страстнымъ соціалистомъ, и онъ прямо началъ со мной съ атеизма. Въ этомъ много для меня знаменательнаго,—именно удивительное чутье его и необыкновенная способность глубочайшимъ образомъ проникаться идеей... Выше всего цѣня разумъ, науку и реализмъ, онъ въ то же время понималъ глубже всѣхъ, что одни разумъ, наука и реализмъ могутъ создать лишь муравейникъ, а не соціальную «гармонію», въ которой бы можно было ужиться человѣку. Онъ зналъ, что основа всему—начала нравственныя. Въ новыя нравственныя основы соціализма... онъ вѣрилъ до безумія и безо всякой рефлексіи; тутъ былъ одинъ лишь восторгъ. Но какъ соціалисту, ему прежде всего слѣдовало низложить христіанство; онъ зналъ, что революція непремѣнно должна начинать съ атеизма. Ему надо было низложить ту религію, изъ которой вышли нравственныя основанія отрицаемаго имъ общества. Семейство, собственность, нравственную отвѣтственность личности—онъ отрицалъ радикально. Безъ сомнѣнія, онъ понималъ, что, отрицая нравственную отвѣтственность личности, онъ тѣмъ самымъ отрицаетъ и свободу ея; но онъ вѣрилъ всѣмъ существомъ своимъ,... что соціализмъ не только не разрушаетъ свободу личности, а, напротивъ возстановляетъ ее въ неслыханномъ величіи, но на новыхъ и уже адамантовыхъ основаніяхъ. Тутъ оставалась, однако, сіяющая личность самого Христа, съ которою всего труднѣе было бороться. Ученіе Христово онъ, какъ соціалистъ, необходимо долженъ былъ разрушать, называть его ложнымъ и невѣжественнымъ человѣколюбіемъ, осужденнымъ современною наукой и экономическими началами; но все-таки оставался пресвѣтлый ликъ Богочеловѣка, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудотворная красота. Но въ безпрерывномъ, неугасимомъ восторгѣ своемъ Бѣлинскій не остановился даже и передъ этимъ неодолимымъ препятствіемъ, какъ остановился Ренанъ, провозгласившій въ своей полной безвѣрія книгѣ Vie de Jesus, что Христосъ, все-таки, есть идеалъ красоты человѣческой, типъ недостижимый, которому нельзя уже болѣе повториться даже и въ будущемъ». «Вашъ Христосъ,—сказалъ однажды Бѣлинскій Достоевскому—если бы родился въ наше время, былъ бы самымъ незамѣтнымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ; такъ и стушевался бы при ны-

нѣшней наукѣ и при нынѣшнихъ двигателяхъ человѣчества», и только въ лучшемъ случаѣ «онъ бы... примкнулъ къ соціалистамъ и пошелъ за ними». Дальше Достоевскій перечисляетъ и тѣхъ «двигателей человѣчества», которыхъ Бѣлинскій цѣнилъ особенно высоко: это были Жоржъ Сандъ, Кабе, Пьеръ Леру, Прудонъ, Фейербахъ и Штраусъ.

Раньше, какъ было упомянуто, Достоевскій вмѣстѣ съ Апол. Григорьевымъ допускалъ, что атеизмъ и соціализмъ Бѣлинскаго былъ временной стадіей его идейнаго развитія, что въ ближайшемъ будущемъ «онъ бы сдѣлался славянофиломъ». Въ «Дневникѣ писателя» Достоевскій отказывается отъ этого мнѣнія. «О, напрасно писали потомъ,—говоритъ онъ—что Бѣлинскій, если бы прожилъ дольше, примкнулъ бы къ славянофильству. Никогда бы не кончилъ онъ славянофильствомъ. Бѣлинскій, можетъ быть, кончилъ бы эмиграціей, если бы прожилъ дольше и если бы удалось ему эмигрировать, и скитался бы теперь маленькимъ и восторженнымъ старичкомъ съ прежнею теплою вѣрой, не допускающей ни малѣйшихъ сомнѣній, гдѣ-нибудь по конгрессамъ Германіи и Швейцаріи, или примкнулъ бы къ какой-нибудь нѣмецкой m-me Гёггъ, на побѣгушкахъ по какому-нибудь женскому вопросу».

Не остановившись передъ публичнымъ обвиненіемъ Бѣлинскаго въ атеизмѣ и соціализмѣ и давши такимъ образомъ сильный козырь въ руки его враговъ, Достоевскій, однакоже, не рѣшился повторить въ печати тѣхъ мнѣній о личности и талантѣ великаго критика, которыя мы находимъ въ письмахъ къ Страхову. О Бѣлинскомъ, какъ критикѣ, въ «Дневникѣ писателя» вовсе не говорится; о Бѣлинскомъ же, какъ человѣкѣ, сообщается только, что «это была самая восторженная личность», «беззавѣтно восторженная» въ теченіе всей своей жизни, что «это былъ самый торопившійся человѣкъ въ цѣлой Россіи», грустившій часто при видѣ медленности прогресса, что, отрицая въ теоріи семейство, онъ въ то же время былъ «хорошимъ мужемъ и отцомъ», что онъ «никогда не рисовался», хотя и хорошо сознавалъ свое значеніе. «А вотъ какъ зароютъ въ могилу... тогда только спохватятся и узнаютъ, кого потеряли», сказалъ онъ однажды Достоевскому. Кромѣ того Достоевскій называетъ Бѣлинскаго «самымъ счастливѣйшимъ изъ людей» и «всеблаженнымъ человѣкомъ», потому что у него была «теплая вѣра въ

свою идею» и «удивительное спокойствіе совѣсти» (См. «Дневникъ писателя» за 1873 г., гл. II).

Очевидно, «Дневникъ» писался въ болѣе спокойномъ состояніи, чѣмъ письма къ Страхову, вслѣдствіе чего Достоевскій могъ отнестись къ своему учителю болѣе объективно, чѣмъ за границей. Да и цензурныя соображенія оказали не малое вліяніе на сдержанность Достоевскаго. Не даромъ послѣ выхода въ свѣтъ перваго номера «Гражданина» Достоевскій въ разговорѣ съ Всеволодомъ Соловьевымъ высказалъ сожалѣніе, что онъ не могъ сказать о Бѣлинскомъ всего, что хотѣлъ, между прочимъ, не могъ привести его собственныхъ словъ. «Онъ передалъ мнѣ—говоритъ Соловьевъ—одинъ разговоръ съ Бѣлинскимъ, который, дѣйствительно, напечатать нельзя и который вызвалъ съ моей стороны замѣчаніе, что вѣдь отъ слова до дѣла еще далеко, что у каждаго человѣка могутъ быть самыя чудовищныя быстролетныя мысли, и, однако, эти мысли никогда не превращаются въ дѣло, и только иные люди, въ извѣстныя минуты, любятъ съ напускнымъ цинизмомъ какъ бы похваляться какой-нибудь дикой мыслью». Достоевскій не согласился со сдѣланнымъ ему возраженіемъ, заявивъ, что «у Бѣлинскаго слово не расходилось съ дѣломъ, что онъ если что сказалъ, то могъ и сдѣлать» (См. статью Всев. Соловьева «Большой человѣкъ» въ «Истор. Вѣстникѣ» 1881 г., № 3, и въ собраніи сочиненій его, т. VI. Спб. 1887).

Въ послѣдніе годы своей жизни Достоевскій относился къ памяти Бѣлинскаго болѣе спокойно и безпристрастно, чѣмъ въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Въ «Дневникѣ писателя» за 1876 и 1877 годы имя Бѣлинскаго упоминается довольно часто, и отзывы Достоевскаго въ большинствѣ случаевъ такого рода, что могутъ служить для опроверженія нѣкоторыхъ его же собственныхъ прежнихъ заявленій о великомъ критикѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1876 году Достоевскій взялъ назадъ свое заявленіе, что Бѣлинскій никогда не сдѣлался бы славянофиломъ. Теперь во враждѣ славянофиловъ и западниковъ онъ видитъ одно «великое недоразумѣніе съ обѣихъ сторонъ». Теперь Достоевскій признаетъ и у Бѣлинскаго такое же «русское чутье», какъ и у славянофиловъ. Соціалистомъ и революціонеромъ, по заявленію Достоевскаго, Бѣлинскій былъ только по отношенію къ Европѣ. По отношенію же къ Россіи онъ былъ «самый крайній боецъ за русскую правду, за русскую особь, за русское начало», хотя боецъ безсознательный, потому что все

это онъ отрицалъ и «считалъ басней». Бѣлинскій теперь для Достоевскаго даже «въ нѣкоторомъ смыслѣ... консерваторъ и именно потому, что въ Европѣ онъ соціалистъ и революціонеръ». «Славянофилы—говоритъ Достоевскій о Бѣлинскомъ—могли бы счесть его своимъ самымъ лучшимъ другомъ», и въ предположеніи Аполлона Григорьева, что если бы Бѣлинскій прожилъ долѣе, то навѣрно бы примкнулъ къ славянофиламъ, —по мнѣнію Достоевскаго—«была мысль». Однимъ словомъ, «европеецъ Бѣлинскій, отрицавшій въ то же время Европу, оказался въ высшей степени русскимъ, несмотря на всѣ провозглашенныя имъ о Россіи заблужденія».

Какъ ни парадоксальны приведенныя заявленія Достоевскаго (они и взяты изъ той главы «Дневника», которая имѣетъ заглавіе «Мой парадоксъ»), но въ нихъ, конечно, болѣе правды, а главное, болѣе безпристрастнаго и спокойнаго отношенія къ Бѣлинскому, чѣмъ въ тѣхъ обличеніяхъ, которыя находятся въ «Бѣсахъ» и въ «Гражданинѣ». Превращеніе «атеиста» Бѣлинскаго въ православнаго славянофила вовсе не было въ глазахъ Достоевскаго невозможной метаморфозой. Въ ненапечатанной главѣ «Бѣсовъ» онъ вкладываетъ въ уста живущаго на покоѣ епископа Тихона такое заявленіе: «Совершенный атеистъ стоитъ на предпослѣдней верхней ступени до совершеннѣйшей вѣры». Достоевскій зналъ это, можно думать, по собственному опыту. «Главный вопросъ,... которымъ я мучился сознательно и безсознательно всю жизнь—существованіе Бога», писалъ онъ Ап. Майкову въ 1870 году. А въ записной книжкѣ Достоевскаго можно найти такія замѣтки по адресу его противниковъ: «Мерзавцы дразнили меня *необразованною* и ретроградною вѣрою въ Бога. Этимъ олухамъ и не снилось такой силы отрицаніе Бога, какое положено въ Инквизиторѣ и въ предшествовавшей главѣ, которому отвѣтомъ служитъ *весь романъ* [«Братья Карамазовы»]. Не какъ дуракъ же (фанатикъ) я вѣрую въ Бога. И эти хотѣли меня учить и смѣялись надъ моимъ неразвитіемъ! Да ихъ глупой природѣ и не снилось такой силы отрицаніе, которое перешелъ я. Имъ ли меня учить!» «И въ Европѣ такой силы атеистическихъ *выраженій* нѣтъ и *не было*. Стало быть не какъ мальчикъ же я вѣрую во Христа и его исповѣдую, а черезъ большое *горнило сомнѣній* моя *осанна* прошла, какъ говоритъ у меня же, въ томъ же романѣ, чортъ» (Письма Достоевскаго, сс. 368—369, 375).

Что касается отношенія Бѣлинскаго къ Христу, то Достоевскій

не могъ не знать восторженныхъ строкъ великаго критика о христіанствѣ въ статьѣ «Взглядъ на русскую литературу 1847 года», гдѣ Христосъ называется «искупителемъ рода человѣческаго» и «сыномъ Бога». Ор. Миллеръ въ «Матеріалахъ для жизнеописанія Ѳ. М. Достоевскаго» (см. I томъ сочиненій Достоевскаго въ изданіи 1883 года) объясняетъ восторженные отзывы Бѣлинскаго о гуманизирующей роли христіанства вліяніемъ автора «Бѣдныхъ людей». «Ясно,—говоритъ онъ—что бесѣды съ Достоевскимъ заставляли его [Бѣлинскаго] подвергать пересмотру такъ страстно усвоенныя имъ антихристіанскія заключенія» (с. 77). Но мы знаемъ, что и задолго до знакомства съ Достоевскимъ Бѣлинскій писалъ о христіанствѣ и о евангеліи такія «трепетныя слова», лучше которыхъ, даже по мнѣнію Погодина, «мудрено сказать кому бы то ни было». Не даромъ въ анонимной книгѣ «Бѣлинскій какъ моралистъ» (Спб. 1862), инспирированной министромъ народнаго просвѣщенія Головнинымъ и напечатанной первоначально въ «Сынѣ Отечества» Старчевскаго, на основаніи соотвѣтствующихъ цитатъ изъ сочиненій великаго критика, сдѣлано такое заявленіе: «рѣдко у кого изъ свѣтскихъ писателей можно еще встрѣтить такое благоговѣніе къ слову евангелія, какъ у него» (с. 78).

Еще болѣе сочувственно относится Достоевскій къ Бѣлинскому въ «Дневникѣ писателя» за 1877 годъ. Въ январскомъ номерѣ онъ прямо съ восторгомъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Бѣлинскимъ и называетъ первое свиданіе съ великимъ критикомъ «самой восхитительной минутой» во всей своей жизни,—минутой, воспоминанія о которой подкрѣпляли его духъ на каторгѣ, а теперь наполняютъ его сердце «восторгомъ». Въ ноябрьскомъ номерѣ Достоевскій, разсказывая исторію глагола «стушеваться», пользуется случаемъ, чтобы упомянуть о томъ, что Бѣлинскій устроилъ вечеръ, на которомъ читались первыя главы «Двойника», гдѣ впервые было употреблено слово «стушеваться», очень понравившееся хозяину. Эти любовно разсказанные эпизоды даютъ право думать, что отношеніе Достоевскаго къ Бѣлинскому, какъ человѣку, послѣ 1871 года рѣзко измѣнилось. Въ самомъ дѣлѣ, не сталъ бы Достоевскій съ любовью и даже «съ восторгомъ» вспоминать о своемъ личномъ знакомствѣ съ Бѣлинскимъ, если бы смотрѣлъ на него черезъ очки той злобы и ненависти, которой пропитаны его заграничныя письма, и если бы выступленіе на литературное поприще было для него «груст-

нымъ, роковымъ временемъ», какъ было сказано въ «Гражданинѣ». Въ послѣдніе годы своей жизни Достоевскій относится къ памяти Бѣлинскаго до того деликатно, что, полемизируя съ его мнѣніями, не упоминаетъ даже его имени. Особенно характерна въ этомъ отношеніи знаменитая рѣчь Достоевскаго о Пушкинѣ.

Перемѣна, происшедшая въ отношеніяхъ Достоевскаго къ Бѣлинскому, отразилась не только въ публицистическихъ, но и въ художественныхъ его произведеніяхъ. Въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», послѣднемъ романѣ Достоевскаго, Коля Красоткинъ со словъ Ракитина заявляетъ, что Христосъ былъ «вполнѣ гуманная личность и живи въ наше время, онъ бы прямо примкнулъ къ революціонерамъ и, можетъ быть, игралъ бы видную роль». «Это еще старикъ Бѣлинскій... говорилъ», прибавляетъ Коля. Слова, вложенныя въ уста Коли Красоткина, очень характерны по сравненію съ прежними заявленіями Достоевскаго объ отношеніи Бѣлинскаго къ Христу. Раньше Достоевскій взводилъ на Бѣлинскаго обвиненіе, что онъ «ругаль Христа» и обрекалъ Его на незамѣтную роль, если бы Онъ явился въ наше время. Теперь оказывается, что Бѣлинскій считалъ Христа «гуманною личностью» и предоставлялъ ему «видную роль». И что всего удивительнѣе, такое мнѣніе идетъ отъ Ракитина, личности, изображенной въ романѣ самыми непривлекательными чертами. Но еще характернѣе заявленіе Алеши, что Бѣлинскій «этого нигдѣ не написалъ». Такимъ образомъ, какъ бы для ослабленія своихъ прежнихъ обвиненій, Достоевскій не только смягчилъ свои прежніе отзывы объ отношеніи Бѣлинскаго къ Христу, но даже подвергъ эти отзывы сомнѣнію. Разъ Бѣлинскій «этого нигдѣ не написалъ», значитъ, заявленіе Коли могло быть и выдумкой неразборчиваго на средства Ракитина. Къ такому мнѣнію долженъ былъ прійти читатель «Братьевъ Карамазовыхъ». Нельзя пройти молчаніемъ и того факта, что Алеша Карамазовъ оказывается такимъ хорошимъ знатокомъ сочиненій Бѣлинскаго, что можетъ категорически заявить Колѣ: «онъ этого *нигдѣ* не написалъ». Трудно сказать опредѣленно, сознательно или безсознательно Достоевскій заставилъ своего любимца прочитать *всѣ* сочиненія Бѣлинскаго, но нигдѣ въ романѣ мы не находимъ указаній, чтобы это чтеніе помѣшало Алешѣ сдѣлаться тою прекрасною личностью, какою изобразилъ его Достоевскій. Даже болѣе, въ романѣ нѣтъ никакихъ указаній, которыя помѣшали бы думать, что, хотя отчасти,

вліяніе Бѣлинскаго сдѣлало Алешу «раннимъ человѣколюбцемъ» и правдолюбцемъ, готовымъ за правду пожертвовать даже жизнью. Одно, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» отношеніе Достоевскаго къ Бѣлинскому совершенно иное, чѣмъ въ «Бѣсахъ» [1]).

Болѣе спокойное и терпимое отношеніе къ Бѣлинскому дало Достоевскому возможность понять и основную черту въ характерѣ «неистоваго Виссаріона». Незадолго до смерти Достоевскаго въ его записной книжкѣ сдѣланъ такой отзывъ о Бѣлинскомъ: «Необычайная стремительность къ воспріятію новыхъ идей съ необычайнымъ желаніемъ каждый разъ, съ воспріятіемъ новаго, растоптать все старое, съ ненавистью, съ оплеваніемъ, съ позоромъ Какъ бы жажда отмщенія старому». Указанная черта въ характерѣ Бѣлинскаго помогла Достоевскому объяснить многое, что раньше казалось ему страннымъ, непонятнымъ и даже возмутительнымъ въ «бѣшеныхъ выходкахъ» великаго критика. Теперь не было уже надобности для объясненія подобныхъ выходокъ приписывать Бѣлинскому разнаго рода низменныя чувства, хотя самыя выходки попрежнему глубоко возмущали Достоевскаго. О томъ, что Бѣлинскій «ругалъ Христа», Достоевскій всегда говорилъ съ негодованіемъ. «Этимъ объяснилось для меня,—говоритъ Орестъ Миллеръ,—до тѣхъ поръ казавшееся мнѣ страннымъ крайнее нерасположеніе его къ Бѣлинскому». Но это нерасположеніе не мѣшало Достоевскому, какъ мы видѣли, въ спокойныя минуты называть Бѣлинскаго благороднымъ и незабвеннымъ человѣкомъ, однимъ изъ лучшихъ людей, а первое знакомство съ нимъ считать лучшимъ временемъ всей своей жизни, воспоминанія о которомъ подкрѣпляло его на каторгѣ и наполняло его сердце восторгомъ на закатѣ его жизни. (См. мою статью «Достоевскій и Бѣлинскій» въ «Мірѣ Божіемъ» 1904 г., № 1, откуда перепечатаны нѣкоторыя страницы цѣликомъ).

---

[1]) Нужно также замѣтить, что еще въ 1870 г. у Достоевскаго явилась мысль написать романъ на тему объ атеизмѣ. Въ этомъ романѣ предполагалось вывести Грановскаго и Бѣлинскаго, которые должны были пріѣхать въ монастырь къ заключенному тамъ Чаадаеву. Легко вообразить, къ какомъ отвратительномъ видѣ былъ бы изображенъ Бѣлинскій, если бы задуманный романъ былъ написанъ тотчасъ же послѣ «Бѣсовъ». «Неистовый Виссаріонъ», навѣрное, перещеголялъ бы въ кощунствѣ самого Ѳедора Павловича Карамазова.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Бѣлинскій въ оцѣнкѣ друзей.

I. Матеріальная и интеллектуальная помощь друзей.

Бѣлинскій не былъ понятъ и оцѣненъ профессорами Московскаго университета, которые не только плохо кормили его духовной пищей, но еще и оскорбляли его человѣческое достоинство грубымъ обращеніемъ. Инспекторъ студентовъ проф. Перевощиковъ не могъ простить Бѣлинскому, что онъ вмѣстѣ съ Чистяковымъ, извѣстнымъ впослѣдствіи педагогомъ, явился коноводомъ во время одного столкновенія казеннокоштныхъ студентовъ съ инспекціей (см. Пыпинъ, 41), и отрекомендовалъ его съ самой дурной стороны и ректору Двигубскому и новому инспектору проф. Щепкину. «Какъ только я пріѣхалъ [съ родины осенью 1830 года],—пишетъ Бѣлинскій—то ректоръ призвалъ меня въ правленіе и началъ бранить за то, что я поздно пріѣхалъ... Когда ректоръ говорилъ со мною, то Перевощиковъ безпрестанно кричалъ, что меня надобно выгнать изъ университета. Наконецъ ректоръ въ заключеніе спектакля сказалъ: *замѣтьте этого молодца: при первомъ случаѣ его надобно выгнать*. Многіе казенные же пріѣзжали гораздо послѣ меня, и имъ за это ни слова не сказали. Передъ окончаніемъ холеры я не ночевалъ ночи двѣ или три дома. Прихожу къ Щепкину за однимъ дѣломъ, и онъ начинаетъ меня ругать: говоритъ, что меня за это *онъ* отдастъ, какъ какого-нибудь *каналью*, въ солдаты, и наконецъ съ презрѣніемъ началъ выгонять изъ своихъ комнатъ» (Пыпинъ, 39). Стоило университетскому начальству узнать, что дерзкій и безпокойный студентъ

занимается сочиненіемъ вольнодумныхъ драмъ—и участь Бѣлинскаго была рѣшена. «Несмотря на то,—пишетъ Бѣлинскій—что мой цензоръ [проф. Л. А. Цвѣтаевъ] въ присутствіи всѣхъ членовъ [цензурнаго] комитета, расхвалилъ мое сочиненіе и мои таланты какъ нельзя лучше, оно признано было безнравственнымъ, безчестящимъ университетъ» (Пыпинъ, 50). Бѣлинскому грозили даже ссылкой въ Сибирь, и въ концѣ концовъ онъ былъ уволенъ изъ университета, при чемъ Щепкинъ въ офиціальной бумагѣ призналъ «ограниченность» его способностей [1]).

Зато среди московскихъ студентовъ у Бѣлинскаго оказалось не мало друзей, которые лучше университетскихъ педагоговъ сумѣли оцѣнить его пламенную натуру со всѣми ея «неистовствами» и «нелѣпостями». Первымъ по времени другомъ Бѣлинскаго изъ среды московскихъ студентовъ былъ Петровъ, извѣстный впослѣдствіи оріенталистъ. «Мы часто бываемъ вмѣстѣ,—писалъ Бѣлинскій въ концѣ 1829 года—судимъ о литературѣ, наукахъ и другихъ благородныхъ предметахъ и всегда разстаемся съ новыми идеями... Вотъ дружба, которою я могу по справедливости хвалиться». «Связь съ моимъ любезнымъ Петровымъ—писалъ Бѣлинскій брату въ 1834 году—и многими другими, можно сказать, отборными по уму, образованности, талантамъ и благородству чувствъ молодыми людьми заставляетъ меня иногда забывать о моихъ несчастіяхъ. Въ семействѣ Петрова я принятъ, какъ родной. Его мать, добрая, умная и любезная старушка, для меня истинно вторая мать» (Пыпинъ, 38, 68). Въ число этихъ «отборныхъ» молодыхъ людей раньше другихъ вошли Станкевичъ, К. Аксаковъ, педагогъ Невѣровъ, поэты Клюшниковъ и Красовъ, а также Ефремовъ, читавшій впослѣдствіи лекціи по географіи въ Московскомъ университетѣ. Позднѣе къ числу московскихъ друзей Бѣлинскаго присоединились Боткинъ, Бакунинъ, Катковъ, а затѣмъ Кудрявцевъ, Грановскій, Герценъ, Кетчеръ, Кавелинъ, Евгеній Коршъ и др. Изъ петербургскихъ литераторовъ, еще не покидая Москвы, Бѣлинскій близко сошелся съ Панаевымъ, а послѣ переселенія въ Петербургъ онъ пріобрѣлъ друзей въ лицѣ

[1]) Существуетъ извѣстіе, что отъ доктора Армфельда, ординатора университетской студенческой больницы, а впослѣдствіи профессора Московскаго университета, требовали медицинскаго свидѣтельства о слабости способностей Бѣлинскаго. «Но Армфельдъ отказался дать такое свидѣтельство, потому что былъ совершенно противнаго мнѣнія о Бѣлинскомъ» (Пыпинъ, 645).

Анненкова, Некрасова, Тургенева, не считая такихъ менѣе замѣчательныхъ и менѣе извѣстныхъ лицъ, какъ художникъ Горбуновъ, писатель Кульчицкій, педагогъ А. А. Комаровъ, И. И. Масловъ, Н. Н. Тютчевъ, М. А. Языковъ и др.

Вообще надо сказать, что «Бѣлинскій—по словамъ Панаева—привязывалъ къ себѣ не только людей мыслящихъ, вполнѣ понимавшихъ его и разумно ему сочувствовавшихъ, но и людей самыхъ нехитрыхъ, не имѣвшихъ никакого понятія объ отвлеченныхъ предметахъ». Изъ числа такихъ друзей Бѣлинскаго заслуживаетъ вниманія *кн. П. Д. Козловскій*, бывшій инспекторомъ Константиновскаго межевого института въ то время, когда Бѣлинскій былъ тамъ учителемъ. Въ Москвѣ кн. Козловскій уступилъ Бѣлинскому «лучшую половину своей квартиры», а въ Петербургѣ ухаживалъ за нимъ, какъ нянька за ребенкомъ, «и всякій день на столѣ Бѣлинскаго появлялись какіе-нибудь сюрпризы: то окорокъ ветчины, то какая-нибудь необыкновенная колбаса. то бутылка бургонскаго». По желанію же кн. Козловскаго однимъ изъ воспитанниковъ межевого института былъ нарисованъ акварельный портретъ Бѣлинскаго, воспроизведенный при второмъ томѣ его сочиненій въ изданіи подъ редакціей С. А. Венгерова (Панаевъ, 333; Бѣлинскій, II, 608).

«Неистовый» въ любви и ненависти, Бѣлинскій и въ дружескія отношенія вносилъ эту же основную черту своего страстнаго характера. Онъ склоненъ былъ быстро воспламеняться и не менѣе быстро охладѣвать, склоненъ былъ предъявлять къ дружбѣ преувеличенныя требованія, которыя не всегда могли быть удовлетворены. Отсюда его нерѣдкія размолвки съ друзьями, скоро, впрочемъ, прекращавшіяся, особенно, если онѣ происходили на почвѣ недоразумѣній личнаго характера. Нервный и раздражительный, Бѣлинскій принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, о которыхъ говорятъ, что у нихъ «тяжелый характеръ», которые не могутъ возбуждать особенно сильныхъ чувствъ любви и дружбы. Но Бѣлинскій ни въ коемъ случаѣ не могъ пожаловаться ни на недостатокъ друзей, ни на холодность ихъ дружбы. Едва ли кому другому приходилось такъ часто убѣждаться въ справедливости той истины, что настоящіе друзья познаются только въ черный день. Въ матеріальномъ отношеніи вся жизнь великаго критика была почти сплошнымъ чернымъ днемъ, и всегда находились дружескія руки, которыя оказывали ему помощь даже въ тѣ годы, когда онъ, казалось, былъ вполнѣ обезпеченъ.

«Кого я не грабилъ,—писалъ Бѣлинскій Герцену въ 1846 г.—даже Кетчера, богатаго человѣка!» Бѣднякъ Кетчеръ не могъ особенно много и часто помогать Бѣлинскому, но болѣе состоятельные друзья неоднократно ссужали его довольно значительными суммами. «По пріѣздѣ изъ Прямухина [имѣнія Бакуниныхъ]—писалъ Бѣлинскій въ 1837 году—я взялъ 600 р. у Боткина... Передъ пасхой я опять взялъ денегъ у Боткина, кромѣ того Аксаковъ еще помогъ мнѣ. Отъѣзжая на Кавказъ, я опять взялъ 500 р. у Боткина, 800 у Ефремова, да еще и поѣхалъ на его счетъ!» (Пыпинъ, 615). Еще чаще приходилось друзьямъ Бѣлинскаго удовлетворять такія его просьбы: «Нѣтъ ли, братъ, лишнихъ сапогъ? Завтра жду своихъ отъ сапожника, а нынче не въ чемъ выйти. Одолжи также и фрака... Нѣть ли у тебя лишней красненькой?» («Памяти Бѣлинскаго», сс. 113—115). Послѣ прекращенія «Московскаго Наблюдателя» и до переселенія въ Петербургъ, въ 1839 году, Бѣлинскій, такъ же какъ и послѣ закрытія «Телескопа», существовалъ почти исключительно поддержкою своихъ друзей (Пыпинъ, 173). Чаще всѣхъ выручалъ Бѣлинскаго изъ бѣды Боткинъ, при чемъ онъ входилъ даже изъ-за него въ долги. И позже, когда Бѣлинскій былъ уже сотрудникомъ «Отеч. Записокъ», Боткинъ оказывалъ ему матеріальную помощь. Въ 1843 году, напримѣръ, онъ писалъ Краевскому: «Снабдите Бѣлинскаго деньгами, сколько ему будетъ нужно. Я вамъ вышлю ихъ *тотчасъ* по увѣдомленіи... Ради Бога исполните мою сердечную просьбу» (О. И. П. Б. за 1889 г., с. 68). Герценъ иногда предоставлялъ Бѣлинскому гонораръ, который долженъ былъ получать отъ Краевскаго за свои статьи. Въ 1846 году московскими друзьями была устроена поѣздка Бѣлинскаго на югъ Россіи: Щепкинъ взялъ его съ собою въ качествѣ спутника, не платящаго прогоновъ, а на дорожные расходы Герценъ вручилъ Бѣлинскому «явленныхъ» 500 рублей. Въ 1847 году, когда Бѣлинскаго нужно было отправить за границу, Боткинъ собралъ на поѣздку 2000 рублей ассигн., изъ коихъ 500 руб. были его собственные. «Поѣздка моя въ Силезію—писалъ Бѣлинскій Тургеневу—рѣшена. Этимъ я обязанъ Боткину. Онъ нашелъ средство и протолкалъ меня. Нѣтъ, никогда я не хлопоталъ и никогда не буду хлопотать такъ о себѣ, какъ онъ хлопоталъ обо мнѣ. Сколько писемъ написалъ онъ по этому поводу ко мнѣ, къ Анненкову, къ Герцену, къ брату своему, сколько разговоровъ, толковъ имѣлъ то съ тѣмъ, то съ другимъ!» (Соч. Тургенева,

XII, 57—58. Изд. Маркса). Боткинъ мечталъ даже о томъ, чтобы дать Бѣлинскому возможность провести зиму за границей («Анненковъ и его друзья», сс. 536, 540. Спб. 1890). Не слѣдуетъ также забывать, что благодаря капиталу Панаева явилась возможность пріобрѣсти отъ Плетнева «Современникъ», чтобы создать для Бѣлинскаго новый органъ печати взамѣнъ покинутыхъ имъ «Отеч. Записокъ».

Вообще, друзья Бѣлинскаго помогали ему при всякомъ случаѣ, а кто былъ лишенъ этой возможности, тотъ искренно жалѣлъ объ этомъ, подобно Грановскому. «Бѣлинскій—писалъ онъ въ 1845 году Фроловымъ—умираетъ съ голоду и работаетъ изъ-за куска хлѣба. Доктора совѣтуютъ отдохнуть—но гдѣ средства, чѣмъ жить? У Герцена нѣтъ денегъ, у меня кромѣ долговъ нѣтъ ничего, слѣдовательно, мы не въ состояніи ему помочь» (Грановскій, II, 420). Можно упомянуть еще, что Тургеневъ, по свидѣтельству Анненкова, однажды до того увлекся чувствомъ жалости къ Бѣлинскому, что обѣщалъ подарить ему сто душъ крестьянъ, когда получитъ наслѣдство по смерти своей матери [1]). Понятно, что никогда не выходившій изъ хронической нужды Бѣлинскій не въ состояніи былъ платить своихъ громадныхъ долговъ. Сначала займы ему «жгли руки и душу», но въ концѣ жизни онъ пользовался помощью друзей съ болѣе спокойнымъ сердцемъ. «Герценъ предложилъ мнѣ денегъ—писалъ онъ женѣ въ 1846 г. объ упомянутыхъ 500 рубляхъ:—Объ отдачѣ ихъ ему я и думать не намѣренъ. И это меня нисколько не безпокоитъ, не мучитъ и не унижаетъ въ собственныхъ глазахъ... Если бы подобный поступокъ съ моей стороны я считалъ предосудительнымъ, это значило бы, что я самъ, будучи богатъ, не иначе помогъ бы бѣдному пріятелю въ его стѣсненномъ положеніи, какъ внутренно презирая его за то, что онъ взялъ у меня денегъ, зная, что ему нечѣмъ будетъ заплатить мнѣ» («Памяти Бѣлинскаго», с. 142).

---

[1]) Бѣлинскій, конечно, обратилъ это предложеніе автора «Записокъ Охотника» въ шутку. «Жена!—закричалъ онъ—иди благодарить Ивана Сергѣевича: онъ насъ помѣщиками дѣлаетъ» (Анненковъ, 484). По воспоминаніямъ свояченицы Бѣлинскаго, Орловой, Тургеневъ вызвался быть крестнымъ отцомъ сына Бѣлинскаго, Владимира, и обѣщалъ подарить своему крестнику небольшую деревню, и жена Бѣлинскаго склонна была принять этотъ даръ. «Я не для себя возьму, а для ребенка», заявила она («Лепта Бѣлинскаго». М. 1892).

Впрочемъ, въ слѣдующемъ году, въ письмѣ Бѣлинскаго къ Боткину, мы опять находимъ жалобу, что «жизнь на подаяніяхъ становится невыносимою» (Пыпинъ, 512).

Кромѣ денежной помощи друзья Бѣлинскаго оказывали ему не мало услугъ своими литературными трудами. Они предоставляли въ его распоряженіе свои статьи, стихотворенія, повѣсти, переводы для «Телескопа» и для «Московскаго Наблюдателя», когда эти журналы редактировалъ Бѣлинскій, при чемъ ни о какомъ гонорарѣ, конечно, не было и рѣчи. Даже въ «Отеч. Запискахъ» многіе изъ московскихъ друзей Бѣлинскаго на первыхъ порахъ работали даромъ, чтобы поддержать новый журналъ, давшій постоянный заработокъ знаменитому критику. Когда Бѣлинскій вырвался изъ кабалы у Краевскаго и задумалъ издать учено-литературный сборникъ, въ его распоряженіи оказалась такая масса матеріала, что сборнику рѣшено было дать имя «Левіаѳанъ». Если бы изданіе этого монументальнаго сборника состоялось, тамъ оказались бы почти всѣ друзья и близкіе знакомые Бѣлинскаго, причастные литературѣ. Кромѣ того друзьямъ Бѣлинскаго удалось привлечь къ участію въ сборникѣ даже такихъ колебавшихся между славянофилами и западниками лицъ, какъ Н. А. Мельгуновъ и знаменитый историкъ Соловьевъ, приславшій монографію «Даніилъ Галицкій». Когда Панаевъ и Некрасовъ пріобрѣли отъ Плетнева «Современникъ», друзья Бѣлинскаго не помѣшали ему воспользоваться собраннымъ для «Левіаѳана» матеріаломъ, хотя и на другихъ условіяхъ. Правда, далеко не всѣ друзья Бѣлинскаго, особенно московскіе, покинули вслѣдъ за нимъ «Отеч. Записки», но они не сдѣлали этого, главнымъ образомъ, потому, что великій критикъ оказался сотрудникомъ, а не хозяиномъ новаго журнала.

Можно указать не мало и другихъ услугъ, оказанныхъ Бѣлинскому его друзьями. Его братьямъ давали уроки К. Аксаковъ и Станкевичъ, конечно, безвозмездно. Онъ былъ принятъ, какъ родной, въ семьяхъ Аксакова и Петрова. Онъ отдыхалъ отъ нужды и отъ работы у Бакуниныхъ, въ ихъ тверскомъ имѣніи Прямухинѣ. Онъ жилъ на дачѣ у знаменитаго комика Щепкина и пользовался гостепріимствомъ его сына въ Берлинѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ жилъ у Панаева. Во время поѣздки на югъ Россіи Щепкинъ смотрѣлъ за Бѣлинскимъ, «словно дядька за недорослемъ». Во время заграничной поѣздки Бѣлинскаго роль дядекъ и нянекъ исполняли

Тургеневъ и Анненковъ. Тургеневъ обѣщалъ выѣхать къ Бѣлинскому навстрѣчу, «жить въ Штеттинѣ и, подобно Моинѣ, бродя по морскому берегу, ждать Фингала», но прежде чѣмъ онъ успѣлъ исполнить свое обѣщаніе, Бѣлинскій очутился на его квартирѣ въ Берлинѣ. «Вы можете теперь быть совершенно спокойны на его счетъ; я его беру на свое попеченіе и отвѣчаю вамъ за него своей головой» (Письма Бѣлинскаго, с. 126). Такъ писалъ Тургеневъ женѣ своего друга и сдержалъ свое слово. Онъ показалъ Бѣлинскому Берлинъ, Дрезденъ, Саксонскую Швейцарію и привезъ его наконецъ въ Зальцбруннъ, гдѣ провелъ съ нимъ болѣе мѣсяца, служа до пріѣзда Анненкова единственнымъ собесѣдникомъ и переводчикомъ. Потомъ онъ еще разъ встрѣтился съ Бѣлинскимъ въ Парижѣ, гдѣ служилъ для него проводникомъ.

Еще бо́льшія услуги оказалъ Бѣлинскому во время этого путешествія Анненковъ. Не говоря уже о томъ, что онъ далъ на поѣздку 400 франковъ, онъ измѣнилъ планъ своего путешествія, отказался отъ посѣщенія Греціи и Константинополя, явился въ Зальцбруннъ на смѣну Тургенева и привезъ Бѣлинскаго въ Парижъ. Въ Парижѣ Анненковъ каждый день посѣщалъ своего друга во время его пребыванія въ лѣчебницѣ въ Пасси и былъ его единственнымъ собесѣдникомъ и «нянькой», когда Тургеневъ и Герцены уѣхали изъ Парижа.

Вообще, друзья окружали Бѣлинскаго въ концѣ его жизни самымъ заботливымъ уходомъ и оказывали ему всевозможные знаки любви и уваженія, которые глубоко трогали великаго критика. Когда Бѣлинскій пріѣхалъ въ Москву весной 1846 года, его чествовали тамъ торжественнымъ обѣдомъ, а при отъѣздѣ на югъ Россіи со Щепкинымъ компанія избранныхъ друзей провожала его до первой почтовой станціи. «Вѣроятно, вы слышали—писалъ Герценъ Краевскому—о réception monstre, которое здѣсь было сдѣлано Бѣлинскому: огромный обѣдъ у Шевалье и дюжина обѣдовъ дружескихъ, потомъ проводы за 18 верстъ» (О. И. И. Б. за 1890 г., с. 68). «Принятъ я былъ—писалъ Бѣлинскій женѣ — до того ласково и радушно, что это глубоко меня тронуло, хотя я и привыкъ къ дружескому вниманію порядочныхъ людей. Безо всякой ложной скромности скажу, что мнѣ часто приходитъ въ голову мысль, что я не стою такого вниманія... Дамы просто носятъ меня на рукахъ... озябну, укутываютъ своими шалями, надѣваютъ на меня свои мантильи, приносятъ мнѣ подушки, подаютъ стулья» («Памяти Бѣлинскаго»,

с. 119). «Говорю тебѣ безъ фразъ и лицемѣрія, что любовь ко мнѣ друзей моихъ часто меня конфузитъ и грустно на меня дѣйствуетъ, ибо, по совѣсти, не чувствую, не сознаю себя стоящимъ ея» (Пыпинъ, 519). Такъ писалъ Бѣлинскій Боткину въ 1847 году по поводу стараній друзей устроить его поѣздку за границу.

Послѣ смерти Бѣлинскаго его друзья собрали необходимую сумму для похоронъ и для помощи его семьѣ, оставшейся безъ всякихъ средствъ. «Въ день смерти — разсказываетъ Орлова — пришелъ Панаевъ, прошелъ въ заднюю комнату, гдѣ была сестра и сказалъ ей захлебывающимся отъ рыданій голосомъ: «Ради Бога, ни о чемъ не заботьтесь, все будетъ сдѣлано». И дѣйствительно, похоронили его въ складчину пріятели, которые и содержали насъ до конца ноября», когда вдова Бѣлинскаго уѣхала въ Москву, гдѣ получила мѣсто кастелянши въ Александровскомъ институтѣ. Кромѣ петербургскихъ друзей, оказали помощь семьѣ Бѣлинскаго и московскіе его друзья. «Бѣлинскій умеръ вчера, — писалъ Грановскій своей женѣ, — сейчасъ отправляюсь къ [Н. Н.] Тютчеву, гдѣ сговоримся, какъ похоронить его и что на первый случай сдѣлать для его семейства. Онъ не оставилъ по себѣ ни гроша буквально... Мы дали свои деньги на погребеніе. Скажи московскимъ друзьямъ, чтобы и они готовили деньги. Вдовѣ и дѣтямъ Бѣлинскаго нельзя же просить подаянія». «Вчера утромъ—говорится въ слѣдующемъ письмѣ Грановскаго — мы похоронили Бѣлинскаго... Его несчастная жена достойна крайняго сожалѣнія. Мы собрали уже для нея 500 рублей серебромъ. И затѣмъ каждый ежегодно будетъ давать ей небольшую сумму. Я подписался на 36 руб. сер. и уже отдалъ деньги» (Грановскій, II, 273—274). Наиболѣе существенную помощь оказалъ семьѣ Бѣлинскаго, кажется, Тургеневъ, по возвращеніи изъ-за границы и полученіи наслѣдства отъ матери въ 1850 году. Онъ купилъ библіотеку своего друга и назначилъ его дочери ежегодную пенсію, а въ 1848 году предлагалъ Некрасову издать въ пользу семьи Бѣлинскаго «Записки Охотника». Можно еще упомянуть, что, когда въ 1859 году возникъ Литературный фондъ, вдовѣ Бѣлинскаго была назначена на воспитаніе дочери пенсія въ наивысшемъ размѣрѣ (600 рублей), благодаря тому, что въ составѣ комитета находились такіе друзья великаго критика, какъ Анненковъ, Кавелинъ и Тургеневъ, и такіе его поклонники и почитатели, какъ Чернышевскій, Дру-

жининъ, Дудышкинъ и Галаховъ, который и внесъ предложеніе о назначеніи пенсіи [1]).

Какъ ни велики были матеріальныя жертвы, принесенныя для Бѣлинскаго его друзьями, несравненно большее значеніе имѣла для великаго критика ихъ интеллектуальная помощь. Можно смѣло сказать, что безъ этой помощи мы не имѣли бы въ лицѣ Бѣлинскаго идейнаго вождя и «властителя думъ» русской интеллигенціи сороковыхъ годовъ. Когда двери Московскаго университета закрылись передъ авторомъ «Дмитрія Калинина», у него оказался свой, «вольный», университетъ, гдѣ главными профессорами были такія лица, какъ Станкевичъ, Бакунинъ, Боткинъ, Катковъ. Станкевичъ знакомилъ Бѣлинскаго, почти не владѣвшаго нѣмецкимъ языкомъ, съ философіей Шеллинга, Бакунинъ—съ философіей Фихте и съ гегелевской философіей права, Катковъ—съ «Эстетикой» Гегеля, Боткинъ—съ нѣмецкой поэзіей и эстетикой. Въ Петербургѣ у Бѣлинскаго также оказались недурные профессора въ лицѣ хорошихъ знатоковъ западно-европейскихъ литературъ Анненкова и Тургенева. Тургеневъ, кромѣ того, передавалъ ему «самые свѣжіе, послѣдніе выводы» нѣмецкой философіи, привезенной имъ изъ Берлина. Анненковъ же, лично знакомый съ Марксомъ и Энгельсомъ, посвятилъ Бѣлинскаго въ доктрину научнаго соціализма и вообще знакомилъ его съ новѣйшими теченіями философской и общественной мысли на Западѣ. Разговоры и споры съ такимъ высоко и разностороннеобразованнымъ человѣкомъ, какъ Герценъ, также много содѣйствовали умственному развитію Бѣлинскаго.

Друзья Бѣлинскаго не ограничивались передачей ему въ разговорахъ и письмахъ результатовъ своего чтенія и размышленія. Они хотѣли, чтобы онъ въ просвѣщеньи всегда стоялъ наравнѣ съ вѣкомъ и снабжали его книгами и совѣтами, что читать. «До смерти хочется,—писалъ ему Грановскій въ началѣ сороковыхъ годовъ,—чтобы ты поболѣе читалъ: это бы освѣжило тебя. Читай французскихъ историковъ и достань себѣ Encyclopédie nouvelle, она познакомитъ тебя съ Leroux [французскій соціалистъ Пьеръ Леру]. Одинъ изъ самыхъ умныхъ и благородныхъ людей въ Европѣ. Читай Виссаріонъ, а не то черезъ годъ тебѣ трудно бу-

---

[1]) Съ 1866 года пенсія была сокращена на половину по предложенію самой М. В. Бѣлинской и въ такомъ размѣрѣ получалась ею до самой ея смерти, послѣдовавшей въ 1890 году («Юбилейный Сборникъ Литературнаго Фонда», с. 17. Спб. 1910).

детъ писать» (Грановскій, II, 440). Но Бѣлинскій, заваленный журнальной работой, рѣдко имѣлъ досугъ читать «большія книги», да къ тому же онъ плохо читалъ по-французски и вовсе не могъ читать по-нѣмецки. Друзья и тутъ не оставили его безъ своей помощи. Они переводили для него съ иностранныхъ языковъ отдѣльныя статьи и мѣста изъ капитальныхъ сочиненій, составляли даже спеціально для него компиляціи объ отдѣльныхъ интересовавшихъ его историческихъ эпохахъ и лицахъ. Такъ, Боткинъ присылалъ ему въ переводѣ отрывки изъ журнала лѣвыхъ гегельянцевъ «Hallesche Jahrbücher». Панаевъ переводилъ для него статьи Леру и перевелъ краткую исторію великой французской революціи съ добавленіями изъ «Moniteur universel», откуда, между прочимъ, была переведена рѣчь Робеспьера о Высшемъ Существѣ [1]). Одинъ изъ петербургскихъ друзей Бѣлинскаго, кажется, Анненковъ, сдѣлалъ для него переводъ нѣсколькихъ главъ и важнѣйшихъ мѣстъ изъ знаменитой книги Фейербаха «Сущность христіанства». Грановскій собирался написать цѣлую статью о Робеспьерѣ спеціально для Бѣлинскаго. Наконецъ, друзья прямо помогали ему при составленіи статей, если дѣло касалось вопросовъ, въ которыхъ великій критикъ былъ недостаточно освѣдомленъ. По свидѣтельству Галахова, Кетчеръ «помогалъ Бѣлинскому, когда послѣдній нуждался для своихъ критическихъ статей въ какихъ-нибудь матеріалахъ нѣмецкой литературы» («Истор. Вѣст.» 1892 г., № 2, с. 409). По свидѣтельству Анненкова, «страницы о романтизмѣ въ статьяхъ Бѣлинскаго написаны Боткинымъ» («Анненковъ и его друзья», с. 578). Кавелинъ написалъ обзоръ русской исторической литературы для статьи Бѣлинскаго «Русская литература 1846 года». Однимъ словомъ, «всякій клалъ свою посильную лепту въ общую сокровищницу, которою была критика Бѣлинскаго», какъ писалъ впослѣдствіи Боткинъ.

II. Бакунинъ и Катковъ.

Бѣлинскій пользовался горячей любовью и уваженіемъ своихъ друзей и какъ человѣкъ, и какъ литературный дѣятель. Ихъ

---

[1]) По свидѣтельству В. А. Панаева, эта рукописная компиляція могла бы составить книгу до двадцати печатныхъ листовъ («Рус. Ст.» 1901 г., № 9).

воспоминанія и письма не оставляютъ никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ. Конечно, далеко не все въ Бѣлинскомъ нравилось его друзьямъ. Многихъ непріятно поражали его «неистовость», рѣзкость выраженій, его нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ, частая перемѣна его взглядовъ и симпатій. Многихъ возмущали его статьи о «Бородинской годовщинѣ», которыя Огаревъ называлъ «гнусными», а Грановскій—«подлыми». Но даже и въ это печальное время у «неистоваго Виссаріона» были и поклонники и защитники въ родѣ Кетчера и Боткина, который хвалилъ статью о Менцелѣ, какъ «одну изъ самыхъ живыхъ, одушевленныхъ статей, какія [онъ] когда-либо читалъ» (Пыпинъ, 289). Слѣдуетъ также упомянуть, что на первыхъ порахъ московскіе друзья Бѣлинскаго не возлагали особыхъ надеждъ на его литературную дѣятельность и вовсе не предвидѣли, что ему суждено оставить такой глубокій слѣдъ въ исторіи русскаго просвѣщенія. Они думали, что для сколько-нибудь плодотворной литературной дѣятельности у него не хватаетъ образованія, знаній, и выражали недовольство, что онъ пишетъ журнальныя статьи вмѣсто того, чтобы заниматься самообразованіемъ. Дѣло доходило до того, что крайне требовательные друзья Бѣлинскаго заявили ему, что у него нѣтъ эстетическаго чувства, что онъ не имѣетъ права «писать и печататься по недостатку *объективнаго наполненія*» (Милюковъ. «Изъ исторіи русской интеллигенціи», с. 93. Спб. 1902). Это происходило въ 1838 году, когда Бѣлинскій былъ уже авторомъ «Литературныхъ мечтаній» и статей о Гоголѣ и Кольцовѣ, а строгими «цѣнителями и судьями» были Бакунинъ и Боткинъ. Вообще, московскіе друзья были гораздо требовательнѣе къ Бѣлинскому, чѣмъ петербургскіе, были менѣе солидарны съ нимъ во взглядахъ и нерѣдко смотрѣли на него сверху внизъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ друзей у Бѣлинскаго дѣло дошло или до полнаго разрыва, какъ съ Аксаковымъ и Катковымъ, или до болѣе или менѣе значительнаго охлажденія, какъ съ Бакунинымъ и Кудрявцевымъ.

Бакунинъ много сдѣлалъ для философскаго развитія Бѣлинскаго: не даромъ послѣдній признавалъ, что послѣ Станкевича онъ никому такъ много не былъ обязанъ въ этомъ отношеніи, какъ своему «философскому другу» Мишелю. Но самъ Бакунинъ почти во все время своей дружбы съ Бѣлинскимъ относился къ нему нѣсколько свысока, иногда даже крайне пренебрежительно. Въ 1836 году, когда Бѣлинскій готовъ былъ «впасть или въ

бѣшеное, изступленное отчаяніе, или въ мертвую апатію», Бакунинъ принялъ въ немъ живое участіе, призывалъ его «къ возстанію, говоря, что видитъ въ немъ зародышъ великаго», и, чтобы пробудить его отъ «постыднаго усыпленія», привезъ его въ деревню своего отца, въ село Прямухино Тверской губерніи. Бѣлинскій, дѣйствительно, «воскресъ» въ Прямухинѣ; но въ то же время своей «армейской неделикатностью» и «грубыми выходками», своими насмѣшками, остротами и шутками надъ недостатками Бѣлинскаго, надъ его влюбчивостью, Бакунинъ сумѣлъ сдѣлать трехмѣсячное пребываніе своего друга въ тверской деревнѣ почти сплошнымъ адомъ. «О, ты вонзалъ мнѣ ножъ въ сердце и, вонзая, поворачивалъ его, какъ бы веселясь моими муками», писалъ впослѣдствіи Бѣлинскій Бакунину (Милюковъ, 84—85). Влюбившись въ одну изъ сестеръ Бакунина, Бѣлинскій старался «вопросами, полувопросами и намеками» разузнать у него, есть ли какая-нибудь надежда на взаимность; но тотъ, какъ нарочно, только дразнилъ и мучилъ своего друга.

Когда въ слѣдующемъ году Бѣлинскій уѣхалъ на Кавказъ и въ письмѣ оттуда «раскрылъ» Бакунину свою душу, тотъ далъ холодный отвѣтъ, гдѣ сообщалъ о своемъ окончательномъ и полномъ возрожденіи и въ то же время заявлялъ о своемъ рѣшительномъ намѣреніи разойтись съ Бѣлинскимъ и Станкевичемъ, какъ съ людьми «безнадежно падшими» (Милюковъ, 88). Правда, въ концѣ 1837 года Бакунинъ снова сошелся со своимъ «безнадежно падшимъ» другомъ и поселился съ нимъ на одной квартирѣ въ Москвѣ, хотя даже въ самыя благодушныя минуты считалъ Бѣлинскаго неисправимымъ грѣшникомъ противъ «духа» и причислялъ его къ козлищамъ, погрязшимъ въ пошлой житейской прозѣ (Милюковъ, 92). Но когда Бѣлинскій сталъ посвоему толковать гегелевскую «дѣйствительность» и началъ эмансипироваться отъ суровой диктатуры своего «философскаго друга», послѣдній не счелъ для себя возможнымъ жить подъ одной кровлей со строптивымъ ученикомъ и даже поставилъ діагнозъ объ отсутствіи у него эстетическаго чувства. Бакунинъ даже заявилъ въ письмѣ къ Боткину, что не считаетъ больше Бѣлинскаго въ числѣ своихъ ближайшихъ друзей (Милюковъ, 95).

Бѣлинскій старался оправдаться передъ Бакунинымъ и защитить свое собственное пониманіе гегелевской «дѣйствительности», но особеннаго успѣха не имѣлъ. «На теоретическія упражненія Бѣлинскаго онъ смотрѣлъ довольно пренебрежительно, а личныя

побужденія, ихъ вызывавшія, продолжали казаться ему довольно низменными» (Милюковъ, 96). Тѣмъ не менѣе и послѣ этой ссоры послѣдовало примиреніе и даже вторичное посѣщеніе Бѣлинскимъ Прямухина въ 1838 году. «Міръ состоялся—говоритъ г. Милюковъ—но безъ тѣхъ изліяній, которыми въ былое время друзья уничтожали взаимныя недоразумѣнія. У обоихъ остался смутный осадокъ взаимнаго недовольства другъ другомъ». Когда въ томъ же году, по поводу смерти одной изъ сестеръ Бакунина, Бѣлинскій обратился къ нему со своими сердечными изліяніями въ цѣломъ рядѣ писемъ, отъ друга стали получаться «сухіе» отвѣты, гдѣ давалось понять Бѣлинскому, что участіе его является неумѣстнымъ и непрошеннымъ. Въ одномъ изъ писемъ Бакунинъ прямо заявлялъ, что «сестры для него слишкомъ святой предметъ, чтобы онъ могъ говорить о нихъ со всякимъ» (Милюковъ, 100). Переписка друзей не прекратилась даже послѣ такого оскорбленія, но «длинныя диссертаціи» Бѣлинскаго мало трогали Бакунина. Онъ попрежнему называлъ своего друга «жалкимъ добрымъ малымъ, котораго ожидаетъ скорая и неизбѣжная погибель въ пошлой дѣйствительности», и который смѣшонъ и несносенъ со своими попытками теоретическаго самооправданія и со своимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ въ чужія семейныя дѣла (Милюковъ, 103).

При всемъ своемъ уваженіи къ Бакунину Бѣлинскій не могъ долго вести переписку въ такомъ тонѣ. «Съ Мишелемъ я разстался—сообщалъ онъ Станкевичу въ концѣ 1838 года:—Чудесный человѣкъ, глубокая, самобытная, львиная природа—этого у него нельзя отнять; но его претензіи... дѣлаютъ невозможнымъ дружбу съ нимъ. Онъ любитъ идеи, а не людей, хочетъ властвовать своимъ авторитетомъ, а не любить» (Пыпинъ, 244). Въ слѣдующемъ письмѣ Бѣлинскій сообщалъ Станкевичу, что они разошлись съ Бакунинымъ, какъ умные люди, мирно, «съ уваженіемъ другъ къ другу», и что въ сущности между ними «никогда не было дружбы», такъ какъ натуры ихъ «враждебно противоположны» (Пыпинъ, 247). Переселившись въ Петербургъ, Бѣлинскій на первыхъ же порахъ встрѣтился тамъ съ Бакунинымъ, и между ними возобновились прежніе философскіе споры и бесѣды, изъ которыхъ великій критикъ извлекъ много пользы, благодаря «дьявольской способности» его друга передавать отвлеченныя мысли. Въ это время Бакунинъ, по словамъ Пыпина, «очень цѣнилъ Бѣлинскаго и пропагандировалъ его имя вездѣ,

гдѣ могъ», между прочимъ, являлся его защитникомъ въ кружкѣ Герцена (Пыпинъ, 275, 306). Но прежней дружбы между ними уже не могло возстановиться, потому что и въ это время Бакунинъ, по ироническому заявленію Бѣлинскаго, кромѣ глубокой натуры и генія требовалъ еще отъ друзей «одинаковаго взгляда на погоду и одинаковаго вкуса даже въ гречневой кашѣ—условіе sine qua non», а своимъ собственнымъ поведеніемъ онъ вызывалъ негодованіе и даже презрѣніе друзей. «Ты правъ, что онъ трусъ», писалъ Бѣлинскій Боткину, имѣя въ виду уклоненіе Бакунина отъ дуэли съ Катковымъ, нанесшимъ ему оскорбленіе дѣйствіемъ на квартирѣ Бѣлинскаго, который считалъ виновникомъ происшедшей ссоры своего «философскаго друга» и соглашался быть секундантомъ его противника. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Берлинъ, куда Бакунинъ отправился осенью 1840 года, онъ написалъ Бѣлинскому письмо, гдѣ сознавался въ своихъ недостаткахъ и старался вызвать симпатію со стороны своего бывшаго ученика, но отвѣта не послѣдовало (С. Невѣдѣнскій. «Катковъ и его время», сс. 59—63. Спб. 1888).

Только два года спустя, когда Бакунинъ выступилъ въ газетѣ Арнольда Руге «Deutsche Jahrbücher» 1842 года со статьей «Die Reaction in Deutschland», заканчивающейся знаменитымъ заявленіемъ: «Страсть къ разрушенію есть вмѣстѣ и творческая страсть»,— Бѣлинскій счелъ возможнымъ возобновить переписку со своимъ бывшимъ другомъ, оказавшимся въ лагерѣ лѣвыхъ гегельянцевъ. «Мы, я и Мишель,—писалъ Бѣлинскій брату Бакунина—искали Бога по разнымъ путямъ — и сошлись въ одномъ храмѣ» (Пыпинъ, 419). Но въ этомъ храмѣ они молились на разныхъ языкахъ и разнымъ богамъ. Это взаимное непониманіе особенно рѣзко обнаружилось въ 1847 году, когда старые друзья встрѣтились въ Парижѣ и возобновили свои споры, но уже не на философскія, а на соціальныя темы. Въ то время какъ Бакунинъ доказывалъ, что буржуазія—зло, которое нужно уничтожить какъ можно скорѣе для достиженія лучшаго общественнаго устройства, Бѣлинскій стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что «государства безъ средняго класса осуждены на вѣчное ничтожество», что «внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію». Въ то время какъ Бакунинъ былъ уже «апостоломъ разрушенія», анархистомъ, и возлагалъ всѣ свои надежды на народныя массы, Бѣлинскій заявлялъ, что «для Россіи

теперь нуженъ новый Петръ Великій», и одно время даже питалъ надежду, что императоръ Николай I положитъ начало освобожденію крестьянъ (Пыпинъ, 639; «Анненковъ и его друзья», сс. 602, 611). Вообще, Бакунинъ въ новой стадіи своего развитія не понравился Бѣлинскому. Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ къ Боткину онъ называетъ Бакунина «нѣмцемъ, который родился мистикомъ, идеалистомъ, романтикомъ и умретъ имъ» (Пыпинъ 637). Бакунинъ, со своей стороны, выказалъ въ это время самое пренебрежительное отношеніе къ литературной дѣятельности величайшаго русскаго критика, считая ее слишкомъ слабымъ и недостаточнымъ средствомъ для борьбы съ *гнусной* дѣйствительностью. «Въ Лондонѣ—сообщаетъ Герценъ о Бакунинѣ—онъ говорилъ въ 1862 противъ насъ почти то, что говорилъ въ 1847 противъ Бѣлинскаго». Для него «*мало было* пропаганды, надо было неминуемо приложеніе» (Герценъ, III, 488). «Онъ часто говорилъ со мной о Бѣлинскомъ—вспоминаетъ Головачева-Панаева о Бакунинѣ—и сожалѣлъ, что тотъ напрасно тратитъ свои силы и способности, пытаясь втиснуть въ узкую рамку литературы свою дѣятельность, что его могутъ удовлетворить односторонніе литературные интересы. Онъ жестоко ошибается,—говорилъ Бакунинъ,—въ немъ клокочутъ самые животрепещущіе общечеловѣческіе вопросы. Онъ преждевременно истлѣетъ отъ внутренняго огня, который постоянно долженъ тушить въ себѣ. Непростительно такому даровитому человѣку, подобно безпутному моту, расточать свое духовное богатство безъ пользы. Возможно ли человѣку свободно излагать свои мысли, убѣжденія, когда его мозгъ сдавленъ тисками, когда онъ можетъ каждую минуту ожидать, что къ нему явится будочникъ, схватитъ его за шиворотъ и посадитъ въ будку. Право, смѣшно и даже обидно смотрѣть, что человѣкъ, при такой обстановкѣ лѣзетъ изъ кожи, дурачитъ самого себя надеждами, что можетъ что-нибудь сдѣлать для общей пользы. Ужасная минута ожидаетъ Бѣлинскаго, когда онъ, искалѣченный физически и нравственно, вдругъ прозритъ, что его дѣятельность, надъ которой онъ столько лѣтъ медленно изнывалъ, гроша не стоитъ» (Воспоминанія Головачевой-Панаевой, сс. 138—139. Спб. 1890).

Съ такимъ высокомѣрно-несправедливымъ отношеніемъ къ литературной дѣятельности великаго русскаго критика Бакунинъ, по всей вѣроятности, не разстался до конца своихъ дней; но къ личности Бѣлинскаго онъ относился съ большимъ уваженіемъ и

ставилъ его гораздо выше Грановскаго. «Какая огромная разница, какая пропасть между нимъ и нашимъ русскимъ Дидеротомъ,—нашимъ неумытымъ реалистомъ по темпераменту и по натурѣ—Виссаріономъ Бѣлинскимъ! Этотъ весь отдавался предмету,—Грановскій принималъ предметъ въ себя, дѣлалъ его своимъ украшеніемъ, своею изящною позою, а если предметъ въ немъ не укладывался, урѣзывалъ его или совсѣмъ отбрасывалъ отъ себя». Такъ писалъ Бакунинъ Огареву 23 ноября 1869 года, ознакомившись съ біографіей Грановскаго, составленной А. Станкевичемъ («Письма Бакунина къ Герцену и Огареву», с. 350. Спб. 1906).

Катковъ такъ же, какъ и Бакунинъ, оказалъ Бѣлинскому не мало интеллектуальныхъ услугъ: въ 1837 году онъ познакомилъ его съ эстетикой Гегеля и съ Ретшеромъ, нѣмецкимъ теоретикомъ искусства; позже, въ Петербургѣ, онъ также дѣлился съ Бѣлинскимъ результатами своихъ занятій. «Чѣмъ больше думаю,—писалъ Бѣлинскій Боткину въ началѣ 1841 года — тѣмъ яснѣе вижу, что пребываніе въ Питерѣ Каткова дало сильный толчокъ движенію моего сознанія. Личность его проскользнула по мнѣ, не оставивъ слѣда; но его взгляды на многое — право, мнѣ кажется, что они мнѣ больше дали, чѣмъ ему самому» (Пыпинъ, 354). Бѣлинскій на первыхъ порахъ высоко цѣнилъ и личныя качества и литературный талантъ Каткова и предсказывалъ ему блестящую будущность. «Чудесный малый!.. Голова свѣтлая, сердце чистое—вотъ Катковъ», писалъ Бѣлинскій Бакунину въ 1837 году («Сборникъ Общества Любителей Росс. Словесности на 1891 годъ», с. 279—280). «Онъ одинъ изъ лучшихъ людей, какихъ только встрѣчалъ я въ жизни», говорится въ одномъ письмѣ Бѣлинскаго къ Панаеву (Панаевъ, 378). А вотъ отзывы изъ писемъ Бѣлинскаго къ Боткину: «Онъ полонъ дивныхъ и дикихъ силъ... Я вижу въ немъ великую надежду науки и русской литературы. Онъ далеко пойдетъ, далеко, куда нашъ братъ и носу не показывалъ и не покажетъ... Я читаю его статьи съ особеннымъ уваженіемъ — наслаждаюсь ими и учусь мыслить». «Глубокая натура, могучій умъ, блестящій... богатая надежда въ будущемъ» и т. п. (Невѣдѣнскій, 51—52, 64).

Но не укрылся отъ зоркаго взгляда Бѣлинскаго и главный недостатокъ Каткова — его чудовищное самолюбіе. «Въ немъ бездна самолюбія и эгоизму... Онъ носитъ въ себѣ страшнаго врага—самолюбіе, которое, при его кровяномъ, животномъ орга-

низмѣ, чортъ знаетъ до чего можетъ довести его», писалъ Бѣлинскій Боткину (Пыпинъ, 622—623). «Онъ—пузырь, надутый самолюбіемъ и готовый ежеминутно лопнуть», говорилъ о Катковѣ Бѣлинскій по свидѣтельству Кавелина (Кавелинъ, 1087). На почвѣ этого самолюбія произошло и крушеніе дружбы Бѣлинскаго съ Катковымъ, который иногда позволялъ себѣ относиться къ своему восторженному почитателю почти съ такимъ же высокомѣріемъ, какъ раньше Бакунинъ. «Онъ велъ себя со всѣми нами, — сообщалъ Бѣлинскій Боткину — какъ геніальный юноша съ людьми добрыми, но недалекими, и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько грубостей и дерзостей... которыхъ нельзя забыть»... (Пыпинъ, 622). Еще до отъѣзда Каткова въ Берлинъ, въ 1840 году у Бѣлинскаго начались съ нимъ и идейныя разногласія, между прочимъ, по вопросу объ отношеніи къ философіи Шеллинга: но дружескія отношенія не были прерваны, и въ своихъ заграничныхъ письмахъ Катковъ часто и любовно вспоминаетъ о Бѣлинскомъ, обѣщаетъ «шарахнуть въ него безбожно-длиннымъ письмомъ» и, дѣйствительно, сообщаетъ ему о глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ на него шеллинговой философіей откровенія.

«Смотри, братъ,—предупреждалъ Бѣлинскаго Грановскій—не поддайся берлинской философіи, которую собирается привезти къ намъ Катковъ» (Грановскій, II, 440). Бѣлинскій не поддался этой философіи, и его дружба съ Катковымъ кончилась. «Это Хлестаковъ въ нѣмецкомъ вкусѣ», писалъ Бѣлинскій Боткину о возвратившемся изъ Берлина Катковѣ (Певѣдѣнскій, 93). Оскорбленный въ своемъ самолюбіи Катковъ отшатнулся отъ Бѣлинскаго и его друзей и впослѣдствіи до самой своей смерти относился къ памяти великаго русскаго критика враждебно. Не даромъ основанный имъ въ 1856 году журналъ «Русскій Вѣстникъ», даже въ эпоху своей либеральной программы, давалъ пріютъ крайне неблагосклоннымъ отзывамъ о Бѣлинскомъ. Уже въ 1856 году на страницахъ этого журнала появилось заявленіе, что въ прежнее время въ русской періодической прессѣ «господствовали баши-бузуки, которые занимали журнальные аванпосты и носились съ гиканьемъ въ отдѣлахъ критики, библіографіи, обозрѣніи журналистики»,—и въ этомъ заявленіи тогдашніе читатели усмотрѣли прозрачный намекъ на Бѣлинскаго (Колюпановъ. «Біографія А. И. Кошелева», II, 420—421. М. 1892). Въ 1861 году въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появляется извѣстная уже

читателю статья Лонгинова «Бѣлинскій и его лже-ученики». Позже, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, кромѣ романа Достоевскаго «Бѣсы», въ «Русскомъ Вѣстникѣ» печатается рядъ статей г. Авсѣенка, гдѣ доказывалось, что Бѣлинскій второй половины сороковыхъ годовъ, Бѣлинскій-публицистъ, принесъ много вреда Россіи. Въ концѣ жизни Каткова въ «Русскомъ Вѣстникѣ» была напечатана еще болѣе враждебная и несправедливая статья «Глава изъ исторіи нашей литературы», вышедшая изъ-подъ пера престарѣлаго историка и публициста *Щебальскаго*, почти сверстника Бѣлинскаго («Рус. Вѣстникъ» 1884 г., № 12, и 1885 г., № 2).

Въ глазахъ Щебальскаго Бѣлинскій—«весьма даровитый», но, подобно Герцену, «соскочившій съ рельсовъ» писатель. Онъ отличался необыкновенной чуткостью къ явленіямъ литературной жизни: «отъ его зоркой наблюдательности въ мірѣ книгъ не ускользалъ ни проблескъ едва обнаруживающагося таланта, ни легкое дрожаніе пера, которое обличаетъ начинающую старѣть руку». Но зато «Бѣлинскій рѣшительно лишенъ былъ способности наблюдать живую дѣйствительность», онъ былъ «отъ головы до пятокъ *книжный человѣкъ*, теоретикъ, доктринеръ». «Всѣ эволюціи и перевороты, совершавшіеся во внутреннемъ мірѣ Бѣлинскаго, имѣли источникомъ не живую дѣйствительность, а увлеченія книжныя, теоретическія, умозрительныя. Эта умозрительность не представляла особыхъ неудобствъ, пока ея дѣйствіе ограничивалось исключительно сферой искусства, науки, философіи». Но когда «мысль Бѣлинскаго спустилась изъ отвлеченій въ дѣйствительность», его программой сдѣлались «протестъ противъ всего существующаго и стремленіе къ обновленію во всѣхъ сферахъ». Заявляя въ одномъ письмѣ: «я начинаю любить человѣчество *маратовски*», Бѣлинскій, по словамъ Щебальскаго, выходилъ даже «на тотъ путь, на которомъ находятся кинжалъ, ядъ, динамитъ... и висѣлица» (№ 12, сс. 508—518). Разбирая полемику Бѣлинскаго съ Гоголемъ, Щебальскій отказываетъ великому критику въ правдивости, честности, добросовѣстности и зрѣлости мышленія. «Пока Бѣлинскій — говоритъ онъ — читалъ, или точнѣе, пока ему переводили и толковали философовъ старой школы, онъ распинался за православіе и самодержавіе, онъ превосходилъ Греча въ ортодоксальности религіозной и политической и не уступалъ автору «Переписки съ друзьями» въ пропагандѣ смиренія и терпѣнія. Но стоило Боткину объяснить, что

нынѣ слѣдуетъ понимать Гегеля по толкованію лѣвой стороны гегеліанцевъ и открыть такимъ образомъ дверь къ фейербахизму, и нашъ мыслитель, нашъ «великій критикъ» бросается въ объятія Герцена и слѣдуетъ за нимъ до порога «Полярной Звѣзды» и «Колокола»... потому что... письмо Бѣлинскаго къ Гоголю не уступаетъ заграничнымъ статьямъ Герцена ни по содержанію, ни по тону. Конечно, этого не случилось бы, если-бъ онъ былъ зрѣлѣе умомъ». Относительно будущихъ «поворотовъ» въ міросозерцаніи Бѣлинскаго Щебальскій считаетъ одинаково вѣроятнымъ и сотрудничество въ «Колоколѣ», и участіе въ польской экспедиціи Бакунина, и даже поступленіе въ монахи на Аѳонѣ (№ 2, сс. 612—614).

Что касается *Кудрявцева*, извѣстнаго профессора Московскаго университета и преемника Грановскаго на каѳедрѣ всеобщей исторіи, то, еще будучи студентомъ, онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ близкихъ друзей Бѣлинскаго, который восхищался и его личными качествами и его беллетристическимъ талантомъ. «Это человѣкъ съ истиннымъ поэтическимъ дарованіемъ и чудеснѣйшею душою». «Вотъ человѣкъ, къ которому любовь моя похожа на страсть». «Я этого человѣка очень люблю и много уважаю». Такіе отзывы о Кудрявцевѣ мы находимъ въ письмахъ Бѣлинскаго 1838, 1841 и 1843 годовъ (Пыпинъ, 224 и 385; «Починъ» 1896 г., с. 178). Молодой студентъ, конечно, умѣлъ цѣнить вниманіе и любовь Бѣлинскаго и въ своихъ письмахъ обращался къ нему съ выраженіемъ самаго теплаго сочувствія» (Пыпинъ, 307). Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ первое время по переселеніи Бѣлинскаго въ Петербургъ, но къ срединѣ сороковыхъ годовъ между друзьями произошло замѣтное охлажденіе. Бѣлинскій пересталъ восторгаться повѣстями Нестроева (псевдонимъ Кудрявцева), а тотъ не сочувствовалъ новому направленію литературной дѣятельности своего учителя. Когда въ 1845 году Кудрявцевъ проѣздомъ за границу посѣтилъ Бѣлинскаго, «встрѣча ихъ—сообщаетъ Анненковъ—оказалась въ высшей степени сдержанной, холодной, напряженной... и весь ходъ разговора, завязавшагося между старыми друзьями, ясно показывалъ, что тутъ лежитъ, въ скрытой формѣ, довольно сильно назрѣвшій раздоръ... Бесѣда падала сама собой, и старые друзья хладнокровно разстались, обмѣниваясь самыми пошлыми вопросами на прощаніи, точно посторонніе». Но и послѣ прекращенія дружескихъ отношеній Кудрявцевъ

не переставалъ питать къ Бѣлинскому чувства уваженія. «Тотъ же самый Кудрявцевъ—говоритъ Анненковъ—черезъ годъ, когда я посѣтилъ его уже въ Берлинѣ, при мнѣ очень сурово и рѣшительно остановилъ нѣкоего г. С—ва, ученика и поклонника Шеллинга, но только очень низкой пробы, когда тотъ вздумалъ, очертя голову, ругать Бѣлинскаго огуломъ» (Анненковъ, 287—288). Можно еще упомянуть, что, когда Бѣлинскій собиралъ матеріалъ для своего «Левіафана», Кудрявцевъ прислалъ изъ-за границы повѣсть «Безъ разсвѣта». А какъ относился къ Кудрявцеву Бѣлинскій въ концѣ своей жизни, объ этомъ мы можемъ судить по его письму къ Боткину отъ 4 марта 1847 года, гдѣ, между прочимъ, находятся такія строки: «Кажется, таланту Кудрявцева—вѣчная память. Этотъ человѣкъ, видно, никогда не выйдетъ изъ своей коры. Онъ и въ Парижъ привезъ свою Москву. Что за узкое созерцаніе, что за бѣдные интересы, что за ребяческіе идеалы, что за исключительность типовъ и характеровъ... Кудрявцевъ — духовно-малолѣтній, нравственный и умственный недоросль» и т. д. (Пыпинъ, 522).

III. Станкевичъ и Боткинъ.

Дружескія отношенія Бѣлинскаго съ К. Аксаковымъ, Бакунинымъ, Катковымъ и Кудрявцевымъ въ концѣ концовъ не выдержали идейныхъ разногласій и личныхъ столкновеній. Но тѣ же самыя причины оказались безсильными, чтобы разорвать его дружбу съ такими людьми, какъ Станкевичъ, Боткинъ, Грановскій, Герценъ и Кавелинъ.

Станкевичъ, по своей мягкой, созерцательной натурѣ, былъ прямой противоположностью «неистовому Виссаріону», тѣмъ не менѣе уже въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ его друзей. Уже лѣтомъ 1834 года въ письмѣ къ Красову Станкевичъ, посылая поклонъ Бѣлинскому, приписываетъ: «читай ему и письмо—я передъ вами нагъ». «Бѣлинскому, Ефремову я открытъ», говорится въ другомъ письмѣ (Пыпинъ, 107). Крайне деликатнаго и уравновѣшеннаго Станкевича непріятно поражала рѣзкость Бѣлинскаго въ мнѣніяхъ, выраженіяхъ и поступкахъ, и онъ старался не только расширить его міросозерцаніе, знакомя его съ нѣмецкой философіей и поощряя къ изученію иностранныхъ языковъ, но и смягчить его угловатую натуру своимъ кроткимъ вліяніемъ. «Будь тѣмъ хо-

чешь — хоть журналистомъ, хоть альманашникомъ — все будетъ хорошо, только будь посмирнѣе», писалъ Станкевичъ Бѣлинскому въ 1836 году (Панаевъ, 196).

Старанія Станкевича были почти безуспѣшны, но его дружба и уваженіе къ Бѣлинскому отъ этого мало страдали. Подъ грубоватой корой Станкевичъ сумѣлъ разглядѣть прекрасное сердце своего друга и его сильный умъ. «Общество, въ которомъ я бесѣдую еще о старыхъ предметахъ, согрѣвающихъ душу, — пишетъ Станкевичъ Невѣрову въ маѣ 1834 года — ограничивается Бѣлинскимъ и Красовымъ: эти люди способны вспыхнуть, прослезиться отъ всякой прекрасной мысли, отъ всякаго благороднаго подвига!» (Переписка Станкевича, с. 93. М. 1857). Въ слѣдующемъ году Станкевичъ возмущается, что одинъ изъ членовъ ихъ кружка, Сергѣй Строевъ, неодобрительно отзывался о статьяхъ Бѣлинскаго: «И этотъ человѣкъ говоритъ, что критики Бѣлинскаго пахнутъ кабакомъ! Я не одобряю слишкомъ полемическаго тона у Бѣлинскаго; но это душа добрая, энергическая, умъ свѣтлый...» (с. 141). Когда Бѣлинскій уѣхалъ въ Прямухино къ Бакунинымъ, Станкевичъ сильно радовался за своего друга, надѣясь, что общество образованныхъ и симпатичныхъ людей, особенно сестеръ Бакунина, подѣйствуетъ самымъ благотворнымъ образомъ на «неистоваго Виссаріона». «Я увѣренъ, — писалъ Станкевичъ Невѣрову, — что эта поѣздка будетъ имѣть на него благодѣтельное вліяніе. Полный благородныхъ чувствъ, съ здравымъ, свободнымъ умомъ, добросовѣстный, онъ нуждается въ одномъ только: на опытѣ, не по однимъ понятіямъ, увидѣть *жизнь* въ благороднѣйшемъ ея смыслѣ» и т. д. (с. 189). Когда въ Петербургѣ остались недовольны статьей Бѣлинскаго о Бенедиктовѣ и стали упрекать за ея рѣзкій тонъ Станкевича, послѣдній писалъ Невѣрову въ концѣ 1836 года: «Я — цензоръ Бѣлинскаго? Напротивъ, я самъ свои переводы, которыхъ два или три въ «Телескопѣ», подвергалъ цензорству Бѣлинскаго, въ отношеніи русской грамоты, въ которой онъ знатокъ, а въ мнѣніяхъ всегда готовъ съ нимъ посовѣтоваться и очень часто послѣдовать его совѣтамъ» (с. 200).

Къ журнальной дѣятельности Бѣлинскаго Станкевичъ относился довольно холодно, хотя статьи его ему и нравились. Онъ жалѣлъ, что сотрудничество въ журналахъ мѣшаетъ Бѣлинскому заниматься самообразованіемъ и готовиться къ чему-нибудь болѣе важному и серьезному, чѣмъ писаніе статей и рецензій. «Ду-

шенно жалѣю, что тебѣ позволили издавать «Телескопъ»: одна «Молва» завалитъ тебя дѣломъ», писалъ Станкевичъ Бѣлинскому лѣтомъ 1835 года (Пыпинъ, 121). «Вспомни,—писалъ онъ 30 мая слѣдующаго года,—что Погодинъ всѣхъ насъ называетъ рецензентами» и ждетъ, чтобы мы сами что-нибудь сдѣлали—начинай же что-нибудь дѣлать» (Переписка Станкевича, 175). Такъ писалъ Станкевичъ полтора года спустя послѣ появленія «Литературныхъ мечтаній», которыя, кстати сказать, онъ считалъ «хорошей статьей» (с. 124).

Уѣхавши за границу, Станкевичъ продолжалъ относиться къ Бѣлинскому съ самой трогательной дружбой, хотя и не одобрялъ его увлеченія примиреніемъ съ дѣйствительностью и его отрицательнаго отношенія къ поэзіи Шиллера. Онъ прилагалъ даже старанія къ тому, чтобы отрезвить Бѣлинскаго и Бакунина и за пять мѣсяцевъ до своей смерти въ письмѣ къ Грановскому изъ Флоренціи помѣстилъ такія строки: «Извѣстія о литературныхъ трудахъ и понятіяхъ нашихъ знакомыхъ не утѣшительны. Что имъ дался Шиллеръ? что за ненависть?.. Такъ какъ они не понимаютъ, что такое дѣйствительность, то я думаю, что они уважаютъ *слово*, сказанное Гегелемъ. А если его авторитетъ силенъ у нихъ, то пусть прочтутъ, что онъ говоритъ о Шиллерѣ въ «Эстетикѣ» въ разныхъ мѣстахъ, также о «Валленштейнѣ» въ мелкихъ сочиненіяхъ. А о дѣйствительности пусть прочтутъ въ «Логикѣ», что дѣйствительность въ смыслѣ непосредственности, внѣшняго бытія—есть случайность; что дѣйствительность, въ ея истинѣ, есть *Разумъ*, Духъ. А если Шиллеръ, по ихъ мнѣнію, не есть поэтъ дѣйствительности, а туманный, то я предлагаю имъ въ поэты Свѣчина, который описываетъ, какъ въ сраженіи: *шпага* [illegible] *разговорила*. Но можешь сказать имъ только аргументы, безъ *яда насмѣшки*—это только ожесточаетъ, а они люди хорошіе, и я съ ними ссориться не хочу» (с. 311).

По свидѣтельству Тургенева, Станкевичъ въ Берлинѣ отзывался о Бѣлинскомъ «хоть дружественно, но нѣсколько насмѣшливо» («Вѣстникъ Европы» 1899 г., № 1, с. 12), но эта насмѣшливость не помѣшала Станкевичу положить начало дружескимъ отношеніямъ къ Бѣлинскому со стороны Грановскаго и Тургенева и даже вызвать симпатію къ нему у берлинскаго профессора Вердера.

Нѣтъ надобности много говорить о томъ, какія нѣжныя чувства питалъ Бѣлинскій къ человѣку, который, по отзыву одного

современника, былъ для него «полезнѣе университета», котораго онъ считалъ «великой геніальной душой», призванной совершить великое дѣло (Пыпинъ, 136, 197). «О, если бы ты зналъ, Ефремовъ,—писалъ Бѣлинскій по смерти Станкевича, какъ я завидую тебѣ: ты жилъ съ нимъ цѣлый годъ, ты присутствовалъ при его послѣднихъ минутахъ, ты навсегда сохранилъ живую память его просіявшаго по смерти лица. Я ничего не знаю, что бы могло сравниться съ твоимъ счастіемъ... Бога ради, Ефремовъ, увѣдомь меня, какъ можно подробнѣе обо всемъ, до малѣйшей подробности — и какъ онъ жилъ, и какъ умиралъ... Собери всѣ мои письма къ Станкевичу для доставленія ко мнѣ... Для меня священна собственная моя строка, которую читали его глаза» («Памяти Бѣлинскаго», сс. 116—117). «У Бѣлинскаго—вспоминаетъ Панаевъ—слезы дрожали на глазахъ», когда онъ разсказывалъ о Станкевичѣ (Панаевъ, 196).

Послѣ Станкевича самая тѣсная дружба связывала Бѣлинскаго съ Боткинымъ. «Они были—по словамъ Пыпина—совершенно открыты другъ передъ другомъ, взаимно повѣряли себя, дѣлились самыми интимными мыслями и ощущеніями» (Пыпинъ, 92). Эта интимность и откровенность дружбы была причиной ихъ ссоры въ 1838 году, когда они оказались влюбленными въ одну и ту же дѣвушку, сестру Бакунина. Дѣло доходило до того, что когда Боткинъ и замѣшанный въ эту ссору Катковъ входили въ одну дверь, Бѣлинскій выходилъ въ другую. Но Боткинъ сдѣлалъ первый шагъ къ примиренію, и дружба ихъ возобновилась, чтобы не прекращаться до самой смерти Бѣлинскаго. Послѣ переселенія въ Петербургъ у него началась съ Боткинымъ обширная переписка, придающая такой интересъ книгѣ Пыпина о Бѣлинскомъ и служащая незамѣнимымъ источникомъ для знакомства съ идейнымъ развитіемъ великаго критика въ сороковыхъ годахъ.

Бѣлинскій очень высоко цѣнилъ Боткина за его отзывчивость къ чужому горю и называлъ его даже «святымъ человѣкомъ» (Пыпинъ, 616). Боткинъ не оставался въ долгу передъ своимъ другомъ, хотя и не доходилъ до такого гиперболическаго выраженія своихъ чувствъ. Онъ признавался Бѣлинскому, что чувствуетъ себя счастливѣе, когда бываетъ съ нимъ вмѣстѣ (Пыпинъ, 139). «Я былъ и взволнованъ, и восторженъ, и умиленъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ — пораженъ и изумленъ: я никогда не могъ предполагать въ человѣкѣ столько любви и такой дружбы» (Пы-

нинъ, 273). Такъ передавалъ Бѣлинскій Бакунину свои впечатлѣнія отъ перваго письма, полученнаго имъ въ Петербургѣ отъ Боткина. Въ одномъ письмѣ къ Н. А. Герцену Боткинъ признается, что о самомъ себѣ онъ можетъ говорить «съ однимъ только человѣкомъ — Бѣлинскимъ» («Рус. Мысль» 1892 г., № 8, с. 5). Къ срединѣ сороковыхъ годовъ оживленная переписка Боткина съ Бѣлинскимъ ослабѣваетъ, но дружескія связи не прекращаются. «Встрѣча моя—писалъ Боткинъ Анненкову въ концѣ 1846 года—съ нашими общими пріятелями была для меня необыкновенно пріятна и интересна. Изъ нихъ, разумѣется, первое мѣсто принадлежитъ Бѣлинскому». Сообщивши дальше объ опасномъ состояніи здоровья своего друга и о его тяжелой семейной обстановкѣ, Боткинъ продолжаетъ: «У меня однакожъ нѣтъ ни одного слова, ни одного чувства, которое бы осуждало Бѣлинскаго. Нѣтъ, въ этой желчной слабости, вѣчной младенческой беззащитности, въ этой безпрерывной борьбѣ теоретическаго, добросовѣстнаго ума съ вопіющимъ и оскорбленнымъ сердцемъ Бѣлинскій возбуждаетъ во мнѣ не только самое задушевное участіе, но привязанность, которая сильнѣе моей прежней къ нему привязанности. И потомъ—этотъ человѣкъ такъ видимо близится къ смерти! Я не могу безъ страданія слышать его удушающаго кашля» («Анненковъ и его друзья», сс. 520, 522). Во время этого свиданія у Боткина явилась мысль устроить поѣздку Бѣлинскаго за границу, а когда эта поѣздка, благодаря его стараніямъ, осуществилась, онъ писалъ Анненкову: «Богъ знаетъ, какъ дорого бы было для меня пройтись съ Бѣлинскимъ по [парижскимъ] бульварамъ» (тамъ же, с. 548).

Послѣ временнаго сомнѣнія въ литературномъ талантѣ Бѣлинскаго Боткинъ сталъ обнаруживать болѣе благопріятное отношеніе и къ его литературной дѣятельности. Онъ хвалитъ статьи «Отеч. Записокъ», не исключая даже статьи о Менцелѣ. «Статья на Аксакова очень удалась—пишетъ онъ Краевскому въ 1842 г.—и здѣсь [въ Москвѣ] всѣмъ нравится... Библіографіей не нахвалуются... Статья о Баратынскомъ достойно заключила собою годъ» (О. И. П. Б. за 1889 г., сс. 49, 50). Позже онъ хвалитъ статью объ «Евгеніи Онѣгинѣ», такъ какъ видитъ въ ней переходъ къ «французскому взгляду» на искусство, переходъ отъ нѣмецкихъ теорій, которыя, по его мнѣнію, «чуть не убили здравый смыслъ въ нашей критикѣ» и подъ вліяніемъ которыхъ Бѣлинскій «нагородилъ» много «дикостей». Но даже въ концѣ 1846 года Бо-

кинъ выражалъ недовольство, что «Бѣлинскій, *почти* освободясь отъ гегеліанскихъ теорій, еще крѣпко сидитъ въ *художественности*, и отъ этого его критика еще далеко не имѣетъ той свободы, оригинальности, того простого и дѣльнаго взгляда, къ которымъ онъ способенъ по своей природѣ» («Анненковъ и его друзья», с. 527). А въ слѣдующемъ году Боткинъ склоненъ былъ считать литературное поприще великаго критика поконченнымъ. «Скажу вамъ по секрету:—писалъ онъ Краевскому—я считаю литературное поприще Бѣлинскаго поконченнымъ. Онъ сдѣлалъ свое дѣло. Теперь нужно и больше такта и больше знанія. Еще о русской литературѣ онъ можетъ говорить (да и она у него, увы, сдѣлалась рутиною), а чуть немного выходитъ изъ нея, изъ рукъ вонъ плохо» (О. И. П. Б. за 1889 г., с. 79). «А о критикѣ—писалъ Боткинъ Анненкову—вообще скажу только одно: нашего друга время, кажется, миновалось» («Анненковъ и его друзья», с. 537). Такой пессимизмъ былъ, кажется, навѣянъ на Боткина самимъ Бѣлинскимъ. «Я и самъ—говоритъ онъ въ письмѣ къ Кавелину отъ 22 ноября 1847 года—ѣхалъ за границу съ тяжелымъ и грустнымъ убѣжденіемъ, что поприще мое кончилось, что я сдѣлалъ все, что дано было мнѣ сдѣлать, что я измочалился, выписался, выболтался и сталъ похожъ на выжатый и вымоченный въ чаю лимонъ» («Русская Мысль» 1892 г., № 1, с. 112).

Послѣ смерти Бѣлинскаго Боткинъ сильно измѣнился въ своихъ политическихъ и литературныхъ взглядахъ. Уже въ 1856 г. онъ возмущался «несвоевременностью и ребяческой откровенностью» Чернышевскаго въ его статьяхъ о Бѣлинскомъ, а позже, въ шестидесятыхъ годахъ, онъ боялся встрѣчаться за границей съ Герценомъ, радовался стѣсненіямъ русской печати, ругалъ молодое поколѣніе, восторгался Катковымъ въ эпоху польскаго возстанія и т. д. Но къ памяти Бѣлинскаго Боткинъ продолжалъ относиться съ большимъ уваженіемъ. Въ 1857 году Дружининъ хотѣлъ, чтобы Боткинъ далъ ему право заявить въ печати о его роли и участіи въ духовномъ развитіи и литературной дѣятельности Бѣлинскаго. Боткинъ отвѣтилъ отказомъ. «Что же касается—писалъ онъ—до моихъ отношеній къ Бѣлинскому,—то право трудно рѣшить, по крайней близости этихъ отношеній, на которую сторону было больше вліянія... Выгода моя состояла только въ томъ, что я зналъ по-нѣмецки и смѣло могъ справляться съ источниками... Всякій кладетъ свою посильную лепту въ общую

сокровищницу, которою была критика Бѣлинскаго. Одинъ меньше, другой больше,—но какъ теперь разберешь?» (Сборникъ «XXV лѣтъ», сс. 499—500. Спб. 1884). Въ 1860 году чтенiе напечатанныхъ въ «Современникѣ» воспоминанiй Панаева съ письмами Бѣлинскаго произвело на Боткина такое сильное впечатлѣнiе что онъ «цѣлый вечеръ проходилъ точно во снѣ, забылъ идти на одинъ званый вечеръ и до перваго часа ночи бродилъ по Парижу, совершенно погруженный въ прошлое» (Фетъ. «Мои воспоминанiя», I, 319. М. 1890). «Близость и дружба съ Бѣлинскимъ—говоритъ Анненковъ — были самымъ дорогимъ воспоминанiемъ Боткина, и еще въ Ахенѣ, за мѣсяцъ до своей смерти, слушая чтенiе одного изъ старыхъ писемъ къ нему Бѣлинскаго... онъ нѣсколько разъ останавливалъ чтенiе, говоря: «Погодите... дайте отдохнуть... это меня ужасно волнуетъ... Господи, какъ интересно!. Еслибъ вы знали, какое это было славное время!» («Анненковъ и его друзья», с. 578).

IV. Грановскiй.

Сближенiе Грановскаго съ Бѣлинскимъ произошло благодаря Станкевичу. Живя вмѣстѣ со Станкевичемъ въ Берлинѣ, Грановскiй такъ много хорошаго наслышался отъ него о Бѣлинскомъ, что еще прежде, чѣмъ узналъ его лично, сталъ относиться къ нему съ большой симпатiей, хотя и не придавалъ особеннаго значенiя его литературной дѣятельности. Въ 1838 году онъ обрадовался, когда узналъ, что Бѣлинскiй сдѣлался негласнымъ редакторомъ «Московскаго Наблюдателя», «не потому,—писалъ онъ чтобы видѣлъ въ этомъ пользу для нашей литературы, а за Бѣлинскаго», т. е. потому, что послѣднiй получалъ возможность жить литературнымъ заработкомъ. Онъ даже написалъ письмо къ Бѣлинскому, гдѣ извѣщалъ, что, можетъ быть, пришлетъ что-нибудь для его журнала (Пыпинъ, 245). Въ это же время Грановскiй, защищая Бѣлинскаго, поссорился въ Вѣнѣ съ молодыми русскими учеными Сергѣемъ Строевымъ и Бодянскимъ. Превозносить Бѣлинскаго, какъ писателя,—писалъ онъ Станкевичу и Невѣрову 20 мая 1838 года—я совсѣмъ не имѣлъ охоты, но гнусныя выходки Строева и безсмысленное эхо его, Бодянскiй, взбѣсили меня. По обыкновенiю, я перешелъ въ крайность, расхвалилъ Бѣлинскаго до небесъ и кончилъ личностями. «По крайней мѣрѣ, [сказалъ Грановскiй], Бѣлинскiй благородный человѣкъ,

если вы отрицаете у него все прочее, это одно дѣлаетъ его рѣдкимъ явленіемъ въ русской журналистикѣ». Строевъ отвѣчалъ, что Бѣлинскій даже не благородный человѣкъ... Противнѣе всего—прибавляетъ Грановскій—было слушать сужденія Строева и Бодянскаго о невѣжествѣ Бѣлинскаго» (Грановскій, II, 341).

Осенью 1839 года Грановскій пріѣхалъ въ Москву и сблизился съ Бѣлинскимъ, несмотря на то, что былъ недоволенъ его литературной дѣятельностью и рѣзко расходился съ нимъ въ отдѣльныхъ взглядахъ. «Мы сошлись—писалъ Грановскій Станкевичу—какъ старые пріятели. Убѣжденія наши рѣшительно противоположны, но это не мѣшаетъ мнѣ любить его за то, что въ немъ есть. Однимъ словомъ, въ жизни, въ частныхъ сношеніяхъ его нельзя не любить» (Грановскій, II, 363). «Мы сошлись какъ нельзя лучше и ближе—писалъ и Бѣлинскій тому же Станкевичу:—Грановскій есть первый и единственный человѣкъ, котораго я полюбилъ отъ всей души, несмотря на то, что... наши убѣжденія (самыя кровныя)—діаметрально противоположны, такъ что бѣлое для него—черно для меня и наоборотъ» (Пыпинъ, 249). Они не сходились въ оцѣнкѣ иностранныхъ и русскихъ писателей (Шиллера, Гейне, Уланда, Пушкина, Лермонтова) и даже поссорились изъ-за Гоголя. Еще менѣе сходства оказалось въ общественно-политическихъ взглядахъ Грановскаго и Бѣлинскаго, преклонявшагося въ это время передъ «гнусной *расейской* дѣйствительностью».

Уважая и любя Бѣлинскаго, Грановскій сильно скорбѣлъ о его увлеченіяхъ и боялся за его литературную карьеру. «Бѣлинскій—писалъ онъ Станкевичу въ концѣ 1839 года—уѣхалъ въ Петербургъ къ Краевскому. Я боюсь за него... Въ литературѣ онъ Богъ знаетъ что дѣлаетъ. Вообрази, душа моя, что мнѣ вездѣ приходится защищать его отъ упрека въ подлости. Болѣе всего мучитъ меня то, что студенты наши и лучшіе—стали считать его подлецомъ въ родѣ Булгарина, особливо послѣ послѣдней его статьи [о Бородинской годовщинѣ]... Онъ, въ самомъ дѣлѣ, говоритъ дичь. Статья, дѣйствительно, гнусная и глупая» и т. д. «Бѣда въ томъ—писалъ Грановскій въ слѣдующемъ письмѣ—что онъ страшно портитъ себѣ будущность; онъ хочетъ дѣйствовать на людей и отбиваетъ отъ себя хорошее мнѣніе ихъ. Если бы его бранили профессора и старики, я смѣялся бы, но его бранятъ и начинаютъ презирать студенты, молодежь еще теплая еще живая» (Грановскій, II, 363—365).

Грановскій пристально слѣдилъ за эволюціей убѣжденій Бѣлинскаго по его статьямъ и длиннымъ письмамъ къ Боткину и съ удовольствіемъ отмѣчалъ малѣйшіе симптомы отрезвленія. «Бѣлинскій воюетъ теперь въ Питерѣ—писалъ онъ Станкевичу въ февралѣ 1840 года:—достается всѣмъ. Иногда забавно, иногда досадно читать его. Но онъ начинаетъ повторять себя. О Шиллерѣ, который однажды печатно былъ поставленъ на ряду съ Загоскинымъ,—молчитъ. Должно быть смекнулъ, что напакостилъ». «Отъ Бѣлинскаго—говорится дальше—пришло письмо грустное и тяжелое. Ему не хорошо въ Петербургѣ. Бѣшеное уваженіе дѣйствительности проходитъ. Пишетъ, что Богъ знаетъ что отдалъ бы, чтобы воротить статью о [Бородинской годовщинѣ]... Жаль бѣднаго Виссаріона. При чтеніи его письма мнѣ стало больно за него» (Грановскій, II, 378, 383). Радуясь отрезвленію Бѣлинскаго, жалѣя, что ему приходится расплачиваться за свои идейныя увлеченія страшными муками совѣсти, Грановскій въ то же время старался оправдать эти увлеченія и взвалить главную отвѣтственность за нихъ на Бакунина, приписывая его «нечистому вліянію»—«гадкія, можно сказать, подлыя статьи» о Бородинской годовщинѣ (Грановскій, II, 403).

Когда Бѣлинскій предалъ проклятію свое «гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусной дѣйствительностью» и созналъ свое кровное родство съ Шиллеромъ, «благороднымъ адвокатомъ человѣчества, яркой звѣздой спасенія, эманципаторомъ общества отъ кровавыхъ предразсудковъ преданія»,—главныя разногласія въ общественныхъ и литературныхъ взглядахъ Бѣлинскаго и Грановскаго исчезли, и «неистовый Виссаріонъ» хочетъ полнаго примиренія съ московскимъ профессоромъ. Въ знакъ этого примиренія онъ хотѣлъ бы получить отъ Грановскаго статью для «Отеч. Записокъ»; но тотъ не только уклонялся отъ сотрудничества въ журналѣ Бѣлинскаго, но и самому ему не писалъ ни слова. «Что Грановскій?—спрашиваетъ Бѣлинскій Боткина въ мартѣ 1841 г.:—Кстати: увѣдомь меня, что онъ—сердится на меня за что, или просто не любитъ? Я о немъ и разспрашиваю, и пишу, и поклоны посылаю; отъ него себѣ не вижу ни отвѣта, ни привѣта. Скажи всю правду—я въ обморокъ не упаду... Хотя—говорю искренно—люблю и уважаю этого человѣка и дорожу его о себѣ мнѣніемъ» (Пыпинъ, 477).

Отвѣтомъ на упреки и досаду Бѣлинскаго были «дружескія письма» Грановскаго, изъ которыхъ въ изданной его переписк[ѣ]

помѣщено, къ сожалѣнію, только одно. Письмо это занято изложеніемъ взгляда Грановскаго на Робеспьера, котораго онъ, въ противоположность Бѣлинскому, цѣнилъ очень низко, и заканчивается приведенными уже совѣтами не поддаться философіи Шеллинга и поболѣе читать. «Несмотря на наше разногласіе о Робеспьерѣ—писалъ, между прочимъ, Грановскій—почти во всемъ прочемъ я съ тобой согласенъ» (Грановскій, II, 439—440). Въ это же приблизительно время Грановскій проявилъ такой же героизмъ при защитѣ Бѣлинскаго, какъ и раньше, при столкновеніи съ Бодянскимъ и Строевымъ. Неистовая ругань друзей Шевырева по поводу «Педанта» вывела Грановскаго изъ терпѣнія, и онъ жалѣлъ, что у него нѣтъ готовой статьи, чтобы послать ее въ «Отеч. Записки» и засвидѣтельствовать такимъ образомъ о своей солидарности съ журналомъ Бѣлинскаго. Когда же одинъ изъ братьевъ Кирѣевскихъ, ругавшій Бѣлинскаго «словами, приводящими въ трепетъ всякаго православнаго», обратился къ Грановскому съ вопросомъ: «неужели вы не постыдитесь подать Бѣлинскому руку?»—тотъ отвѣтилъ: «не только не постыжусь подать руки, а хоть даже на площади передъ всѣми обниму его» (О. И. П. Б. за 1889 г., с. 45).

Поѣздка Бѣлинскаго въ Москву въ 1843 году и свиданіе съ Грановскимъ содѣйствовали ихъ окончательному сближенію и установленію между ними тѣхъ отношеній, которыя Кавелинъ называетъ «великой дружбой», а Джаншіевъ—«знаменитымъ дуумвиратомъ». Но эта «великая дружба» не была и не могла быть полной дружбой. Бѣлинскій и Грановскій глубоко уважали другъ друга, и по свидѣтельству Анненкова, «не могли говорить другъ о другѣ безъ умиленія и глубокаго сердечнаго чувства» (Анненковъ, 285). Но по своимъ натурамъ это были рѣзко противоположные люди. Грановскій—говоритъ Кавелинъ—былъ натура въ высшей степени художественная, гармоническая, нѣжная, сосредоточенная... Всякая рѣзкость была ему непріятна, всякая односторонность его шокировала... Представьте же себѣ рядомъ съ Грановскимъ Бѣлинскаго, страстнаго, нервнаго, вѣчно переходящаго изъ одной крайности въ другую, необузданнаго и мало образованнаго. Онъ не могъ не смущать иногда Грановскаго своими выходками, точно такъ же, какъ и самъ, вѣроятно, не разъ бѣсился и выходилъ изъ себя отъ гармонической сосредоточенной умѣренности и идеальности Грановскаго... О Бѣлинскомъ Грановскій говорилъ всегда съ большимъ уваженіемъ, съ

большой любовью, но прибавлялъ, что онъ страшно увлекается и впадаетъ въ крайности» (Кавелинъ, 1097—1098). Свое недовольство слишкомъ рѣзкимъ тономъ въ статьяхъ Бѣлинскаго Грановскій выражалъ и въ письмахъ къ друзьямъ. «Зачѣмъ Orlando furioso—писалъ онъ 15 ноября 1843 года Кетчеру—безобразитъ превосходныя статьи цинизмомъ выраженій и дикостью отдѣльныхъ мыслей. Что за охота плеваться? Вѣдь такимъ образомъ можно плюнуть и въ собственное лицо и въ собственное убѣжденіе» (Грановскій, II, 459). Бѣлинскій, съ своей стороны, жаловался на излишнюю умѣренность и сдержанность своего друга: «онъ человѣкъ хорошій... но одно въ немъ худо—модерація» (Пыпинъ, 477).

Между прочимъ, поводомъ къ взаимнымъ упрекамъ, съ одной стороны, въ рѣзкости и нетерпимости, съ другой—въ «модераціи», было отношеніе Бѣлинскаго и Грановскаго къ московскимъ славянофиламъ и къ партіи «Москвитянина». Въ то время какъ Бѣлинскій называлъ себя «жидомъ по натурѣ» и не хотѣлъ имѣть ничего общаго съ «филистимлянами», то-есть славянофилами и представителями офиціальной народности,—Грановскій старался поддерживать съ ними добрыя отношенія, хотя къ отдѣльнымъ представителямъ этихъ кружковъ относился съ крайней брезгливостью. «Модерація» Грановскаго дошла до того, что на обѣдѣ, устроенномъ въ честь его послѣ публичныхъ лекцій 1843—1844 года [1]), онъ провозгласилъ тостъ за Шевырева и напечаталъ въ «Москвитянинѣ» статью, чѣмъ вызвалъ крайнее негодованіе Бѣлинскаго. «Грановскій хочетъ знать,—писалъ онъ Герцену въ маѣ 1844 года—читалъ ли я его статью въ «Москвитянинѣ»? Нѣтъ, и не буду читать; скажи ему, что я не люблю ни видѣться съ друзьями въ неприличныхъ мѣстахъ, ни назначать имъ тамъ свиданія» (Герценъ, II, 423; Пыпинъ, 481). И Грановскій скоро долженъ былъ согласиться, что «неистовый Виссаріонъ» въ данномъ случаѣ былъ правъ въ своемъ негодованіи и въ своей нетерпимости. Послѣ стихотворенія Языкова «Къ не-нашимъ», гдѣ Грановскій названъ «сладкорѣчивымъ книжникомъ, оракуломъ юношей-невѣждъ», послѣ обнаружившихся интригъ Шевырева и его партіи противъ диссертаціи Грановскаго, послѣдній долженъ былъ увидѣть своихъ противниковъ въ истинномъ свѣтѣ. «Я каюсь—

[1]) Извѣщая Кетчера объ успѣхѣ своихъ лекцій, Грановскій, между прочимъ, писалъ: «Орландо былъ бы доволенъ мною» (Грановскій, II, 460).

говорилъ онъ по свидѣтельству Панаева—въ своемъ глупомъ заблужденіи. Бѣлинскій тысячу разъ правъ. Примиреніе съ господами, дѣйствующими противъ насъ такими средствами, глупо и нелѣпо» (Панаевъ, 274—275). «Поклонись Бѣлинскому:—писалъ Грановскій Кетчеру въ мартѣ 1845 года—мы его часто и любовно вспоминаемъ. Я помирился даже съ его невозможными рѣчами, понимая, какъ онѣ сходятъ съ благороднаго языка. Но что за дрянь большая часть нашихъ противниковъ!» (Грановскій, II, 464).

Но отъ примиренія съ рѣзкимъ тономъ Бѣлинскаго было еще очень далеко до солидарности съ его взглядами. Воспоминанія Анненкова сохранили интересные споры московскихъ западниковъ о Бѣлинскомъ на дачѣ въ подмосковномъ селѣ Соколовѣ, лѣтомъ 1845 года. Грановскій не допускалъ никакого спора объ умѣ, талантѣ и честности Бѣлинскаго и усматривалъ въ его случайныхъ замѣткахъ «цѣлое ученіе». Но самъ онъ съ отдѣльными пунктами этого ученія расходился самымъ рѣшительнымъ образомъ и вообще въ это время стоялъ гораздо дальше отъ Бѣлинскаго, чѣмъ въ началѣ сороковыхъ годовъ. «Съ особеннымъ удареніемъ на словахъ» Грановскій, по свидѣтельству Анненкова, сдѣлалъ въ Соколовѣ такое заявленіе: «во взглядѣ на русскую національность и по многимъ другимъ литературнымъ и нравственнымъ вопросамъ я сочувствую гораздо болѣе славянофиламъ, чѣмъ Бѣлинскому, «Отеч. Запискамъ» и западникамъ». Между прочимъ, онъ возмущался «рѣзкими, антинаціональными выходками Бѣлинскаго» и хотя соглашался, что онѣ исходятъ «изъ горячаго демократическаго чувства, возмущеннаго тѣмъ состояніемъ, до котораго доведены народныя массы», тѣмъ не менѣе считалъ эти выходки явленіемъ печальнымъ и ненормальнымъ. Интересно отмѣтить и высказанное въ это же время мнѣніе Грановскаго о благотворномъ яко-бы вліяніи николаевской цензуры на знаменитаго критика. «Если Бѣлинскій—говорилъ онъ сдѣлался силой у насъ, то этимъ онъ обязанъ, конечно, во-первыхъ, самому себѣ, а во-вторыхъ, и нашей цензурѣ. Она ему не только не повредила, но оказала большую услугу. Съ его нервнымъ, раздражительнымъ характеромъ, рѣзкимъ словомъ и увлеченіями онъ никогда бы не справился, безъ цензуры, со своимъ собственнымъ матеріаломъ. Она, цензура, заставила его обдумывать планы своихъ критикъ и способы выраженія и сдѣлала его тѣмъ, чѣмъ онъ есть. По моему глубокому убѣжденію, Бѣлинскій не имѣетъ

права жаловаться на цензуру, хотя и благодарить тут не за что: она, конечно, также не знала, что дѣлать» (Анненковъ, 275—277).

Съ теченіемъ времени разногласія въ убѣжденіяхъ Грановскаго и Бѣлинскаго сдѣлались еще значительнѣе и замѣтно отразились на ихъ дружбѣ. Переходъ Бѣлинскаго изъ «Отеч. Записокъ» въ «Современникъ» также послужилъ новымъ поводомъ къ взаимнымъ неудовольствіямъ. Бѣлинскій надѣялся, что его московскіе друзья, въ томъ числѣ Кавелинъ, Герценъ и Грановскій, прекратятъ сотрудничество въ журналѣ Краевскаго и будутъ печатать свои произведенія исключительно въ обновленномъ «Современникѣ». Это онъ считалъ необходимымъ для успѣха журнала. Друзья же Бѣлинскаго, недовольные, что онъ оказался въ новомъ журналѣ не хозяиномъ, а сотрудникомъ, не считали нужнымъ разрывать сношенія съ Краевскимъ. Подобное отношеніе возмущало Бѣлинскаго до глубины души: въ равнодушіи своихъ друзей къ «Современнику» онъ видѣлъ гибель журнала. Въ порывѣ негодованія онъ написалъ Боткину длинное и рѣзкое письмо, разсчитывая подѣйствовать, главнымъ образомъ, на Грановскаго и Кавелина. Въ отвѣтъ на это письмо Грановскій откровенно заявилъ, что такъ какъ «Отеч. Записки» и «Современникъ» издаются въ одномъ направленіи, то онъ очень радъ, что вмѣсто одного—два хорошихъ журнала, и готовъ помогать обоимъ. «Подите, растолкуйте такому шуту,—писалъ Бѣлинскій Анненкову,—что именно по одинаковости направленія оба журнала и не могутъ съ успѣхомъ существовать вмѣстѣ, но должны вредить другъ другу» («Анненковъ и его друзья», с. 597).

Впрочемъ, Бѣлинскій скоро раскаялся въ рѣзкихъ выраженіяхъ по адресу своихъ друзей и въ письмахъ къ Кавелину неоднократно проситъ забыть «столько же глупое, сколько и длинное письмо къ Боткину», при чемъ извиняется передъ Грановскимъ въ рѣзкихъ отзывахъ и о немъ самомъ и о его другѣ Фроловѣ. Грановскій, конечно, забылъ эту непріятную для обоихъ сторонъ переписку и по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ концѣ мая 1848 года, не замедлилъ посѣтить умирающаго Бѣлинскаго. «Былъ у Бѣлинскаго—писалъ Грановскій женѣ:—Онъ при послѣднемъ издыханіи. Жена его сказала мнѣ, что наканунѣ моего пріѣзда онъ былъ цѣлый день въ бреду и все говорилъ со мной. Онъ лежитъ въ забытьи, но узналъ меня, протянулъ мнѣ руку,

пожалъ мою и сказалъ: «прощай, братъ Грановскій, умираю». Страшно и больно» (Грановскій, II, 273).

Смерть избавила Бѣлинскаго отъ тяжелыхъ испытаній, между прочимъ, избавила его и отъ разрыва съ Грановскимъ. А разрывъ этотъ былъ неизбѣженъ и вслѣдствіе рѣзкой противоположности ихъ натуръ и особенно вслѣдствіе дѣлавшагося все болѣе и болѣе замѣтнымъ разногласія въ вопросахъ политическихъ и религіозныхъ. «Между Бѣлинскимъ и Грановскимъ—говоритъ близко знавшій ихъ обоихъ Кавелинъ—была великая дружба, но я думаю, что непосредственной симпатіи между ними не было, да и не могло быть. Это были двѣ натуры совершенно противоположныя... Если бъ эти натуры не сплочали въ тѣснѣйшій союзъ внѣшнія обстоятельства, благородство общихъ стремленій, личная безукоризненность и гнетъ мысли, науки и литературы сверху, Бѣлинскій и Грановскій впослѣдствіи бы разошлись, какъ Грановскій впослѣдствіи разошелся съ Герценомъ» (Кавелинъ, 1098). Этотъ разрывъ тѣмъ тяжелѣе былъ бы для Грановскаго, что онъ высоко цѣнилъ Бѣлинскаго не только какъ благородную личность, но и какъ литературнаго дѣятеля. «Грановскій—говоритъ его первый біографъ, А. В. Станкевичъ—любилъ Бѣлинскаго за чистоту убѣжденій, за энергію, за неизмѣнно благородныя и нравственныя его побужденія... Вспоминая Бѣлинскаго въ послѣднее время своей жизни, Грановскій высказывалъ мнѣніе, что, принимая во вниманіе уровень и размѣры умственнаго и нравственнаго состоянія современнаго Бѣлинскому русскаго общества, можно сравнивать значеніе его дѣятельности для послѣдняго съ значеніемъ дѣятельности Лессинга для современной ему Германіи» (Грановскій, I, 110). Такимъ образомъ, обычное въ русской и даже въ иностранной литературѣ сопоставленіе Бѣлинскаго съ Лессингомъ едва ли не впервые было высказано Грановскимъ (См. мою статью «Бѣлинскій и Грановскій» въ «Образованіи» 1901 г., № 7—8).

V. Герценъ.

Герценъ и Бѣлинскій одновременно состояли студентами Московскаго университета, но въ періодъ студенчества не были даже близкими знакомыми, потому что слушали лекціи на разныхъ факультетахъ и принадлежали къ двумъ студенческимъ кружкамъ, между которыми было очень мало общаго. До

ссылки — говоритъ Герценъ въ «Быломъ и Думахъ» — между нашимъ кругомъ и кругомъ Станкевича не было большой симпатіи. Имъ не нравилось наше почти исключительно политическое направленіе, намъ не нравилось ихъ почти исключительно умозрительное. Они насъ считали фрондерами и французами, мы ихъ сентименталистами и нѣмцами» (Герценъ, II, 310). Литературная дѣятельность Бѣлинскаго въ «Молвѣ» и «Телескопѣ» не обратила на себя особеннаго вниманія Герцена, хотя въ вятской ссылкѣ онъ и читалъ журналъ Надеждина. «Какъ въ университетѣ — говоритъ о Герценѣ его біографъ — онъ не былъ близокъ съ Бѣлинскимъ, такъ и въ ссылкѣ нѣтъ заявленій интереса къ тому, что писалъ въ это время будущій его другъ и соратникъ» (Ч. Вѣтринскій. «Герценъ». с. 67. Спб. 1908). Въ эпоху «Московскаго Наблюдателя» Бѣлинскій также не могъ вызывать особенныхъ симпатій Герцена, судя по ироническимъ отзывамъ о «молодыхъ философахъ нашихъ» въ XXV главѣ «Былого и Думъ».

Во второй половинѣ 1839 года Герценъ неоднократно пріѣзжалъ изъ Владиміра въ Москву и на первыхъ же порахъ столкнулся съ Бѣлинскимъ. «Бѣлинскій, — разсказываетъ Герценъ — самая дѣятельная, порывистая, діалектически-страстная натура бойца, проповѣдывалъ тогда индѣйскій покой созерцанія и теоретическое изученіе вмѣсто борьбы. Онъ вѣровалъ въ это воззрѣніе и не блѣднѣлъ ни передъ какимъ послѣдствіемъ, не останавливался ни передъ моральнымъ приличіемъ, ни передъ мнѣніемъ другихъ, котораго такъ страшатся люди слабые и несамобытные; въ немъ не было робости, потому что онъ былъ силенъ и искрененъ; его совѣсть была чиста. «Знаете ли, что съ вашей точки зрѣнія, сказалъ я ему, думая поразить его моимъ революціоннымъ ультиматумомъ, вы можете доказать, что... самодержавіе, подъ которымъ мы живемъ, разумно и должно существовать». «Безъ всякаго сомнѣнія», отвѣчалъ Бѣлинскій и прочелъ мнѣ «Бородинскую годовщину» Пушкина. Этого я не могъ вынести и отчаянный бой закипѣлъ между нами... Бакунинъ хотѣлъ примирить, объяснить, *заговорить*, но настоящаго мира не было. Бѣлинскій, раздраженный и недовольный, уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда далъ по насъ послѣдній яростный залпъ въ статьѣ, которую назвалъ «Бородинской годовщиной». Я прервалъ съ нимъ тогда всѣ сношенія» (Герценъ, II, 314). «Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его отъѣзда въ Петербургъ — гово-

ритъ Герценъ дальше—пріѣхали и мы туда. Я не шелъ къ нему. Огареву моя ссора съ Бѣлинскимъ была очень прискорбна, онъ понималъ, что нелѣпое воззрѣніе у Бѣлинскаго была переходная болѣзнь, да и я понималъ; но Огаревъ былъ добрѣе. Наконецъ онъ натянулъ своими письмами свиданіе», во время котораго «неистовый Виссаріонъ» отрекся отъ «Бородинской годовщины». «Съ этой минуты и до кончины Бѣлинскаго, мы шли съ нимъ — прибавляетъ Герценъ—рука въ руку» (Герценъ, II, 318—319).

Разсказъ Герцена о его разрывѣ и примиреніи съ Бѣлинскимъ гораздо точнѣе разсказовъ Анненкова и Панаева, но все-таки нуждается въ нѣкоторыхъ поправкахъ и дополненіяхъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что послѣ «Бородинской годовщины» Герценъ вовсе не прервалъ сношеній съ Бѣлинскимъ а, наоборотъ, нашелъ возможнымъ посѣтить его на квартирѣ Панаева во время своего кратковременнаго пребыванія въ Петербургѣ въ декабрѣ 1839 года. Правда, эта встрѣча оказалась очень холодной: «умный, добрый, прекрасный человѣкъ—писалъ Бѣлинскій о Герценѣ:—но если бъ Богъ привелъ болѣе не видѣться, хорошо бы» (Пыпинъ, 281). Но полнаго разрыва не произошло и въ этотъ разъ, судя по тому, что въ письмахъ къ Боткину и Кетчеру Бѣлинскій проситъ передать поклонъ и Герцену (Пыпинъ, 284, 306). Что касается примиренія, то, кромѣ Огарева, ему содѣйствовалъ и Кетчеръ, который высоко цѣнилъ Бѣлинскаго, хотя страшно ругалъ его за «примирительныя» статьи («Рус. Архивъ» 1887 г., № 3, с. 361). «Вся литературная сволочь—писалъ онъ Герцену въ 1840 году—и въ подметки не годится... нелѣпому Бѣлинскому... Несмотря на всѣ уродливости, я все-таки совѣтовалъ бы не расходиться совершенно съ Бѣлинскимъ и не слушать всѣхъ вздоровъ даже изъ устъ Михаила Александровича», т.-е. Бакунина («Рус. Мысль» 1889 г., № 1, сс. 11—12).

Примиреніе съ Бѣлинскимъ произошло не раньше лѣта 1840 года, когда Герценъ переселился въ Петербургъ и поступилъ на службу въ канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ. А въ концѣ этого года они уже хорошіе друзья или, по крайней мѣрѣ, очень близкіе знакомые. «Мнѣ съ нимъ легко и свободно — писалъ Бѣлинскій Боткину:—Что онъ ругалъ меня въ Москвѣ за мои *абсолютныя* статьи—это новое право съ его стороны на мое уваженіе и расположеніе къ нему» (Пыпинъ, 344). Герценъ уже въ это время даетъ Бѣлинскому на просмотръ свои литера-

турные труды и съ большимъ вниманіемъ относится къ его мнѣніямъ. Два драматическихъ опыта Герцена въ стихахъ, «Лициній» и «Вильямъ Пеннъ», не дошли до насъ, потому что Бѣлинскому не понравилась «рубленая проза» этихъ произведеній (см. Герценъ, II, 217). Благодаря одобренію Бѣлинскаго въ послѣдней книгѣ «Отеч. Записокъ» за 1840 годъ появляется «Записки одного молодого человѣка», этотъ первый набросокъ знаменитыхъ мемуаровъ Герцена.

Съ этого времени Бѣлинскій и Герценъ отзываются другъ о другѣ очень сочувственно и даже восторженно. «Благородная личность—мало такихъ людей на землѣ», писалъ Бѣлинскій о Герценѣ Боткину въ 1841 году (Пыпинъ, 380). «Герценъ—большой человѣкъ въ нашей литературѣ—писалъ Бѣлинскій въ 1846 г.:— У него страшно много ума, такъ много, что я и не знаю, зачѣмъ его столько человѣку... Онъ можетъ оказать сильное и благодѣтельное вліяніе на современность» (Пыпинъ, 498). Прекрасные отзывы давалъ Бѣлинскій и въ печати о произведеніяхъ Герцена, начиная съ «полныхъ ума, чувства, оригинальности и остроумія» «Записокъ одного молодого человѣка» и кончая романомъ «Кто виноватъ?» «Какая во всемъ поразительная вѣрность дѣйствительности, какая глубокая мысль, какое единство дѣйствія, какъ все соразмѣрно—ничего лишняго, ничего недосказаннаго; какая оригинальность слога, сколько ума, юмора, остроумія, души, чувства!» Такъ отзывается Бѣлинскій въ обзорѣ русской литературы 1845 года о первой части герценовскаго романа. А въ обзорѣ русской литературы 1847 г. Герценъ называется «по преимуществу поэтомъ гуманности» и авторомъ научныхъ статей, «отличающихся замѣчательнымъ умомъ, талантомъ, остроуміемъ, оригинальностью взгляда на предметы и оригинальностью выраженія» (Ср. Анненковъ, 286, 288—289).

Глубокой симпатіей къ Бѣлинскому проникнуты и записи Герцена въ его дневникѣ 1842—1844 годовъ. «Письмо отъ Бѣлинскаго. Фанатикъ, человѣкъ экстремы, но всегда открытый, сильный, энергичный. Его можно любить или ненавидѣть, середины нѣтъ. Я истинно его люблю. Типъ этой породы людей—Робеспьеръ. Человѣкъ для нихъ ничего, убѣжденіе все» (14 ноября 1842 г.). «Письма отъ J. Elisard'a [Бакунина] и отъ Бѣлинскаго. Одинъ умомъ дошелъ до того, чтобъ выйти изъ паутины; другой страдаетъ, глубоко страдаетъ, безпокойный духъ его мечется, ломаетъ себя. И когда же онъ дойдетъ до свѣтлаго, гармоническаго раз-

витія? или есть натуры, которыхъ вся жизнь въ томъ и состоитъ, что они ломаются? Впрочемъ, много и внѣшнихъ обстоятельствъ имѣютъ вліяніе на него. Не деньги, а недостатокъ симпатій, недостатокъ близкихъ людей, одиночество, на которое обрекъ его Петербургъ» (15 февраля 1843 года). «Письмо отъ Огарева, письмо отъ Бѣлинскаго... Какъ прекрасны люди, какъ Огаревъ и, въ другомъ родѣ, какъ Бѣлинскій. Какой любовью и какимъ привѣтомъ мы окружены!» (15 апрѣля 1843 года). «Скоро будетъ Бѣлинскій; жду, очень жду его. Я мало имѣлъ близкихъ отношеній по внѣшности съ нимъ, но мы много понимаемъ другъ друга. И я люблю его рѣзкую односторонность, всегда полную энергіи и безстрашную. Потомъ онъ по-своему симпатиченъ... Онъ пишетъ мнѣ о моемъ счастіи, а я ему хочу высказать, какъ я не умѣлъ понять его, какъ я забылся, зазнался. Онъ меня осудитъ, и мнѣ останется, покраснѣвъ и затаивъ слезу, слушать» (15 мая 1843 года). «Гостили [въ Покровскомъ] Бѣлинскій, Боткинъ, Грановскіе... Бѣлинскій не перемѣнился ни на волосъ, вѣчно въ экстремѣ; но глубоко вникающій и симпатичный съ одной стороны, рѣзкій до цинизма въ словахъ, но вѣрный въ смѣлости и не трусъ, конечно, въ консеквентности. Я люблю его рѣчь и недовольный видъ и даже ругательства» (30 іюня 1843 года). «Бѣлинскій женился; кажется, въ мірѣ нѣтъ человѣка менѣе способнаго къ семейной жизни, несмотря на то, что въ груди его гигантская способность любви и даже самоотверженія» (1 декабря 1843 года).

1843 годъ, когда Бѣлинскій гостилъ у Герцена на дачѣ въ селѣ Покровскомъ, содѣйствовалъ ихъ сближенію и укрѣпленію ихъ дружбы; зато въ слѣдующемъ году между ними произошло нѣкоторое охлажденіе вслѣдствіе рѣзкой полемики Бѣлинскаго со славянофилами. Герцену такъ же, какъ и Грановскому, не нравилась крайняя нетерпимость Бѣлинскаго, хотя онъ и выступалъ его защитникомъ въ спорахъ съ Ив. Кирѣевскимъ и Хомяковымъ. «Огромное письмо—говорится въ дневникѣ Герцена—въ видѣ диссертаціи отъ Бѣлинскаго. Возраженіе на мое, писанное къ Ивану Павловичу [Галахову]; энергія и невозможность дѣла сломили его. Возможность внутренняя и невозможность внѣшняя превращаютъ силы въ ядъ, отравляющій жизнь; онѣ загниваютъ въ организмѣ, бродятъ и разлагаются, отсюда взглядъ гнѣва и желчи, односторонность въ самомъ мышленіи. Бѣлинскій пишетъ: «я жидъ по натурѣ и съ филистимлянами за однимъ столомъ

ѣсть не могу»; онъ страдаетъ и за свои страданья хочетъ ненавидѣть и ругать филистимлянъ, которые вовсе не виноваты въ его страданіяхъ. Филистимляне для него славянофилы, я самъ не согласенъ съ ними, но Бѣлинскій не хочетъ понять истину въ fatras ихъ нелѣпостей. Онъ не понимаетъ славянскій міръ; онъ смотритъ на него съ отчаяніемъ, и не правъ, онъ не умѣетъ *чаять жизни будущаго вѣка*, а это чаяніе есть начало возникновенія будущаго» (17 мая 1844 года).

Герценъ отвѣтилъ Бѣлинскому такимъ же длиннымъ письмомъ, въ которомъ утѣшалъ его и старался, какъ можно думать, склонить его къ умѣренности по отношенію къ противникамъ. При этомъ, полемизируя со своимъ другомъ, Герценъ имѣлъ возможность лишній разъ убѣдиться, что «вовсе не такъ далекъ отъ многихъ воззрѣній его» (30 мая 1844 года). Но Бѣлинскій не сдался на упреки и утѣшенія своего друга. «Письмо отъ Бѣлинскаго —пишетъ Герценъ—съ желчью и досадой писанное. Странный человѣкъ, онъ ищетъ любви, онъ полонъ нѣжности и, между тѣмъ, такъ раздражителенъ, такъ *нетерпимъ*, что при малѣйшемъ разномысліи готовъ обругать человѣка. Я знаю его и люблю, но иной могъ бы отвѣчать въ квадратѣ колко. Бѣлинскій не остался бы назади, и прекрасныя отношенія лопнули бы. Не такъ ли онъ разошелся съ Аксаковымъ? Разумѣется, онъ къ мнѣніямъ Аксакова симпатіи наконецъ не могъ имѣть; Аксаковъ свое москвобѣсіе довелъ до absurdissimum, но нельзя же было и порвать такъ холодно связи многихъ лѣтъ» (14 августа 1844 г.). Впрочемъ, несмотря на недовольство Бѣлинскимъ, Герценъ еще раньше, чѣмъ Грановскій, вынужденъ былъ согласиться съ «неистовымъ» своимъ другомъ. Уже въ сентябрѣ 1844 года ему «начинаютъ быть противны» и Хомяковъ, и К. Аксаковъ, и Ив. Кирѣевскій, и онъ записываетъ въ дневникѣ 4 сентября 1844 года: «Бѣлинскій правъ. Нѣтъ мира и свѣта съ людьми до того розными». Такимъ образомъ, дружба Герцена съ Бѣлинскимъ въ концѣ концовъ выдержала испытаніе, которому она подверглась въ 1844 году. Результатомъ ихъ рѣзкой полемики въ письмахъ было только нѣкоторое смягченіе Бѣлинскаго по отношенію къ славянофиламъ, которыхъ онъ уже началъ отдѣлять отъ такихъ представителей офиціальной народности, какъ Шевыревъ и Погодинъ, потому что «Герценъ объяснилъ ему лучшія стороны своихъ славянофильскихъ друзей» (Пыпинъ, 484). Кромѣ того Герценъ объяснилъ Бѣлинскому неловкость нѣкоторыхъ его «анти-

національныхъ» выраженій и взглядовъ, которые возмущали не только славянофиловъ, но и Грановскаго, какъ было уже упомянуто.

Вообще, Герценъ принималъ близко къ сердцу какъ матеріальные, такъ и литературные интересы своего друга, радуясь успѣху его статей и стараясь, чтобы онѣ были безупречны во всѣхъ отношеніяхъ. Между прочимъ, въ письмахъ Герцена къ Краевскому, напечатанныхъ въ приложеніи къ «Отчету Императорской Публичной Библіотеки» за 1890 годъ, мы находимъ лестные для Бѣлинскаго отзывы о его статьяхъ. «Статья эта— говоритъ Герценъ о статьѣ «Русская народная поэзія»—поставитъ Бѣлинскаго у многихъ головою выше. Я не умѣю хвалить, а что ни начну говорить, все выйдетъ одна похвальба. А ей Богу, статья Бѣлинскаго увлекательна» (с. 40). «Статья о «Тарантасѣ» [гр. Соллогуба]—писалъ Герценъ въ 1845 году—верхъ совершенства... читается всѣми съ восторгомъ; Бѣлинскій ею поднялся даже въ глазахъ нѣкоторыхъ враговъ, о друзьяхъ говорить нечего» (сс. 51—52). Изъ этихъ же писемъ мы видимъ, что, узнавъ о желаніи Бѣлинскаго уйти изъ «Отеч. Записокъ», Герценъ приложилъ не мало стараній, чтобы заставить Краевскаго удержать въ своемъ журналѣ знаменитаго критика. «Потеря такого сотрудника—писалъ онъ 25 февраля 1846 года—равняется Ватерлоо... Критика «Отеч. Записокъ» составляла ихъ соль; рѣзкій характеръ ея дѣйствовалъ сильно на читателей, она [и пострадаетъ, ибо imitatorum pecus Бѣлинскаго все-таки pecus. Безъ Бѣлинскаго охладѣютъ многіе вкладчики». Далѣе выражается желаніе «какъ можно скорѣе услышать о вторичномъ вступленіи Роберта Пиля въ критическое министерство «Отеч. Записокъ» (с. 66).

Послѣ встрѣчи въ Москвѣ, въ маѣ 1846 года, въ послѣдній разъ Герценъ видѣлся съ Бѣлинскимъ въ Парижѣ, осенью 1847 г., и окружилъ его тѣми заботами и попеченіями, какими обыкновенно окружаютъ безнадежно больныхъ близкихъ людей. Разстался Герценъ со своимъ другомъ съ самыми мрачными предчувствіями. «Наканунѣ отъѣзда Бѣлинскаго изъ Парижа—вспоминалъ впослѣдствіи Герценъ—мы проводили его вечеромъ домой и пошли гулять на Елисейскія поля. Страшно ясно видѣлъ я, что для Бѣлинскаго все кончено, что я ему въ послѣдній разъ жалъ руку. Сильный, страстный боецъ сжегъ себя, смерть уже вываяла крупными чертами свою близость на изстрадавшемся лицѣ его. Онъ былъ въ злѣйшей чахоткѣ, а все еще полонъ святой

энергіи и святого негодованія, все еще полонъ своей мучительной, «злой» любви къ Россіи». Когда въ это время эмигрантъ Сазоновъ, подобно Бакунину, высказалъ сожалѣніе, что для Бѣлинскаго не нашлось другой работы, кромѣ журнальной, да еще въ когтяхъ цензуры, и заявилъ, что съ такими силами, при другихъ обстоятельствахъ и на другомъ поприщѣ, онъ сдѣлалъ бы больше,— Герценъ рѣзко возразилъ: «одна критическая статья Бѣлинскаго полезнѣе для новаго поколѣнія, чѣмъ игра въ конспираціи и въ государственныхъ людей» (Герценъ III, 196—197). Можно еще упомянуть, что, прослушавши въ Парижѣ знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, Герценъ сказалъ Анненкову: «это—геніальная вещь, да это, кажется, и завѣщаніе его» (Анненковъ, 356). Завѣщаніе это, кстати сказать, Герценъ десять лѣтъ спустя сдѣлалъ программой своего «Колокола», гдѣ такъ же, какъ и въ письмѣ Бѣлинскаго, на первыхъ порахъ требовалось только «освобожденіе слова отъ цензуры, освобожденіе крестьянъ отъ помѣщиковъ, освобожденіе податного состоянія отъ побоевъ». Не даромъ Герцена называютъ иногда освобожденнымъ отъ цензуры Бѣлинскимъ.

Послѣ смерти Бѣлинскаго Герценъ первый могъ заговорить о своемъ покойномъ другѣ въ печати съ полной откровенностью. Въ своей книжкѣ «О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи», появившейся первоначально на нѣмецкомъ языкѣ въ журналѣ «Deutsche Jahrbücher» 1851 года, выдержавшей затѣмъ три изданія на французскомъ языкѣ и вышедшей въ русскихъ переводахъ только въ 1907 году, если не считать нелегальнаго литографированнаго перевода 1861 года,—Герценъ сообщаетъ краткія и не всегда вѣрныя свѣдѣнія о жизни Бѣлинскаго и подчеркиваетъ «неистовость» его натуры и революціонность его настроенія. «Мученикъ своихъ сомнѣній и мыслей, энтузіастъ, поэтъ въ діалектикѣ, оскорбленный всѣмъ, что его окружало», Бѣлинскій, по словамъ Герцена, «таялъ въ мукахъ... трепеталъ отъ негодованія и содрогался отъ злобы». «Разъ освоившись съ системой Гегеля, онъ первый изъ его московскихъ адептовъ возсталъ, если не противъ самого Гегеля, то по крайней мѣрѣ противъ способа его толкованія... Онъ не старался что-либо спасти отъ огня анализа и отрицанія, и онъ, совершенно естественно, возсталъ противъ половинныхъ рѣшеній, робкихъ заключеній и малодушныхъ уступокъ». «Бѣлинскій—говорится дальше—много сдѣлалъ для пропаганды. Вся учащаяся молодежь питалась его статьями;

онъ образовалъ эстетическій вкусъ у публики, онъ придалъ мысли силу. Его критика шла гораздо дальше, чѣмъ критика Полевого, поднимая другіе вопросы, возбуждая другія сомнѣнія... Его слогъ былъ часто угловатъ,—но всегда полонъ энергіи. Онъ сообщалъ свою мысль такъ, какъ понималъ ее, со страстью. Чувствуешь въ каждомъ словѣ, что этотъ человѣкъ пишетъ своей кровью, своими нервами, чувствуешь, сколько онъ ихъ растрачиваетъ и какъ онъ чахнетъ; болѣзненный, раздражительный, онъ не зналъ границъ ни любви, ни ненависти. Онъ часто увлекался, иногда даже очень неосновательно, но онъ всегда оставался абсолютно искреннимъ... Онъ былъ одинъ изъ самыхъ свободныхъ людей, онъ не былъ связанъ ни вѣрованіями, ни традиціями. Онъ [не зависѣлъ отъ общественнаго мнѣнія и не признавалъ никакихъ авторитетовъ; онъ не боялся ни гнѣва друзей, ни ужаса добрыхъ душъ. Онъ всегда былъ на стражѣ критики, готовый опубликовать, заклеймить все то, что онъ считалъ низкимъ или подлымъ». Между прочимъ, Герценъ признаетъ большой заслугой Бѣлинскаго его безпощадную борьбу со славянофилами (Герценъ «О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи». Переводъ А. Тверитинова. Стр. 108, 128—132. Спб. 1907).

Четыре года спустя Герценъ приступилъ къ изданію «Полярной Звѣзды» и въ первой же книжкѣ напечаталъ ту главу «Былого и Думъ» (въ первоначальной редакціи), гдѣ разсказывается о его ссорѣ и примиреніи съ Бѣлинскимъ и дается еще болѣе блестящая характеристика личности и литературной дѣятельности «неистоваго Виссаріона». Въ дѣятельности Бѣлинскаго, послѣ его отрезвленія отъ увлеченія гегельянствомъ, Герценъ усматриваетъ «живое, мѣткое, оригинальное сочетаніе идей философскихъ съ революціонными». «Я считаю Бѣлинскаго — говоритъ онъ — однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ николаевскаго періода. Послѣ либерализма, кое-какъ пережившаго 1825 годъ въ Полевомъ, послѣ мрачной статьи Чаадаева, является выстраданное, желчное отрицаніе и страстное вмѣшательство во всѣ вопросы Бѣлинскаго. Въ рядѣ критическихъ статей онъ кстати и не кстати касается всего, вездѣ вѣрный своей ненависти къ авторитетамъ, часто подымаясь до поэтическаго воодушевленія. Разбираемая книга служила ему по большей части матеріальной точкой отправленія, на полдорогѣ онъ бросалъ ее и впивался въ какой-нибудь вопросъ. Ему достаточенъ стихъ: «Родные люди вотъ какіе» въ «Онѣгинѣ», чтобъ вызвать къ суду семейную жизнь и разобрать

до нитки отношенія родства. Кто не помнитъ его статью о «Тарантасѣ», о «Парашѣ» Тургенева, о Державинѣ, о Мочаловѣ и Гамлетѣ? Какая вѣрность своимъ началамъ, какая неустрашимая послѣдовательность, ловкость въ плаваніи между цензурными отмелями и какая смѣлость въ нападкахъ на литературную аристократію, на писателей первыхъ трехъ классовъ, на статсъ-секретарей литературы, готовыхъ всегда взять противника не мытьемъ, такъ катаньемъ, не анти-критикой, такъ доносомъ. Бѣлинскій стегалъ ихъ безпощадно, терзая мелкое самолюбіе чопорныхъ, ограниченныхъ творцовъ эклогъ, любителей образованія, благотворительности и нѣжности; онъ отдавалъ на посмѣяніе ихъ дорогія *задушевныя* мысли, ихъ поэтическія мечтанія, цвѣтущія подъ сѣдинами, ихъ наивность, прикрытую аннинской лентой. Какъ же они за то его и ненавидѣли!» (Герценъ, II, 319—320).

Разсказавши затѣмъ о крайней застѣнчивости Бѣлинскаго въ незнакомомъ или многолюдномъ обществѣ, Герценъ продолжаетъ: «Но въ этомъ застѣнчивомъ человѣкѣ, въ этомъ хиломъ тѣлѣ обитала мощная, гладіаторская натура! Да, это былъ сильный боецъ! онъ не умѣлъ проповѣдывать, поучать, ему надобенъ былъ споръ. Безъ возраженій, безъ раздраженія, онъ не хорошо говорилъ, но когда онъ чувствовалъ себя уязвленнымъ, когда касались до его дорогихъ убѣжденій, когда у него начинали дрожать мышцы щекъ и голосъ прерываться, тутъ надобно было его видѣть: онъ бросался на противника барсомъ, онъ рвалъ его на части, дѣлалъ его смѣшнымъ, дѣлалъ его жалкимъ и по дорогѣ съ необычайной силой, съ необычайной поэзіей развивалъ свою мысль. Споръ оканчивался очень часто кровью, которая у больного лилась изъ горла. Блѣдный, задыхающійся, съ глазами, остановленными на томъ, съ кѣмъ говорилъ, онъ дрожащей рукой поднималъ платокъ ко рту и останавливался, глубоко огорченный, уничтоженный своей физической слабостью. Какъ я любилъ и какъ жалѣлъ я его въ эти минуты! Притѣсняемый—говоритъ дальше Герценъ—денежно литературными подрядчиками, притѣсняемый нравственно цензурой, окруженный въ Петербургѣ людьми мало симпатичными, снѣдаемый болѣзнью, для которой балтійскій климатъ былъ убійственъ, Бѣлинскій становился раздражительнѣе и раздражительнѣе. Онъ чуждался постороннихъ, былъ до дикости застѣнчивъ и иногда недѣли цѣлыя проводилъ въ мрачномъ бездѣйствіи. Тутъ редакція посылала записку за запиской, требуя оригинала, и закабаленный литераторъ со скрежетомъ зубовъ брался за перо и

писалъ тѣ ядовитыя статьи, трепещущія отъ негодованія, тѣ обвинительные акты, которые такъ поражали читателей» (Герценъ, II, 321—322).

И въ другихъ, позднѣе напечатанныхъ, главахъ «Былого и Думъ» о Бѣлинскомъ говорится при всякомъ удобномъ случаѣ и всегда съ глубокимъ сочувствіемъ и признаніемъ его выдающихся личныхъ качествъ и громадныхъ заслугъ въ развитіи русскаго общества. Такъ, въ главѣ XXX упоминается о значеніи Бѣлинскаго для журналовъ «Отеч. Записки» и «Современникъ». «Бѣлинскій, вскормивши своею кровью «Отеч. Записки», поставилъ на ноги ихъ побочнаго сына и далъ имъ обоимъ такой толчокъ, что они могли нѣсколько лѣтъ продолжать свой путь съ одними корректорами и батырщиками, литературными митрами и книжными грѣшниками. Бѣлинскаго имя было достаточно, чтобъ обогатить два прилавка и сосредоточить все лучшее въ русской литературѣ въ тѣхъ редакціяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, — въ то время какъ талантъ Кирѣевскаго и участіе Хомякова не могли дать ни ходу, ни читателей «Москвитянину» (Герценъ, II, 427). Въ другомъ мѣстѣ своихъ мемуаровъ Герценъ говоритъ, что хотя Бѣлинскій и Прудонъ не знали нѣмецкаго языка, не прочитали ни одного произведенія Гегеля и ни одной диссертаціи его *лѣвыхъ* и *правыхъ* послѣдователей, но поняли его методу лучше, чѣмъ «всѣ схоліасты, изучавшіе ее до потери волосъ и до морщинъ» (Герценъ, II, 391).

Можно упомянуть еще замѣтку Герцена по поводу книги Анненкова о Станкевичѣ и отдѣльнаго изданія сочиненій Бѣлинскаго. «Изъ вдругъ раскрывшагося окна въ больничной палатѣ — говоритъ Герценъ — дунуло свѣжимъ воздухомъ полей, молодымъ запахомъ весны... Николай перевязалъ артерію, но кровь переливалась проселочными тропинками. Вотъ эти-то волосяные сосуды и оставили свой слѣдъ въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, въ перепискѣ Станкевича». Дальше мы находимъ такія строки о взаимныхъ отношеніяхъ Бѣлинскаго и Станкевича: «Взглядъ Станкевича на художество, на поэзію и ея отношеніе къ жизни выросъ въ статьяхъ Бѣлинскаго въ ту новую мощную критику, въ то новое воззрѣніе на міръ, на жизнь, которое поразило все мыслящее въ Россіи и заставило съ ужасомъ отпрянуть отъ Бѣлинскаго всѣхъ педантовъ и доктринеровъ. Бѣлинскаго Станкевичу приходилось обарканивать; увлекающійся за всѣ предѣлы талантъ его, страст-

ный, безпощадный, злой отъ нетерпимости, оскорблялъ эстетически уравновѣшенную натуру Станкевича» (Герценъ, II, 332).

Имя Бѣлинскаго нерѣдко встрѣчается и на страницахъ «Колокола». Уже въ № 2 (отъ 1 августа 1857 года) появилась старая статья Герцена «Москва и Петербургъ», гдѣ сказано, что «Бѣлинскій, проповѣдывавшій въ Москвѣ народность и самодержавіе, черезъ мѣсяцъ [?] по пріѣздѣ въ Петербургъ заткнулъ за поясъ самого Анахарсиса Клотса» (Герценъ, IV, 57). Въ 1859 г. (№ 37) въ «Отвѣтѣ на письмо изъ Польши», крайне враждебное по отношенію къ Россіи, Герценъ спрашиваетъ своего корреспондента: «а знакома ли вамъ дѣятельность такихъ людей, какъ Бѣлинскій, какъ Грановскій, образовавшихъ цѣлыя поколѣнія молодыхъ людей?» [1]). Въ статьѣ «Very dangerous!!!» (№ 44), направленной противъ «Современника», Герценъ опять вспоминаетъ идейныхъ вождей сороковыхъ годовъ, заявляя, что Сенковскому недоставало «того, что было въ такомъ избыткѣ у Бѣлинскаго, у Грановскаго,—того вѣчно тревожащаго демона любви и негодованія, котораго видно въ слезахъ и смѣхѣ» и т. д. (Герценъ, VI, 245). Упомянуты Бѣлинскій съ Грановскимъ и въ статьѣ «Лишніе люди и желчевики», вызванной свиданіемъ и спорами Герцена съ Чернышевскимъ (№ 83).

Въ 1863 году въ статьѣ «1831—1863» Герценъ называетъ Бѣлинскаго «дѣйствительнымъ революціонеромъ въ нашей литературѣ» и даетъ такую характеристику: «Бѣлинскій былъ человѣкъ необыкновенно свободный, его ничто не стѣсняло, ни предразсудки схоластики, ни предразсудки среды, онъ является полный вопросовъ—ищетъ разрѣшеній, не подтасовывая выводовъ и не пугаясь ихъ. Онъ откровенно ошибается и искренно ищетъ другого разрѣшенія; у него была въ виду одна истина и ничего развѣ ея. Бѣлинскій вышелъ на сцену безъ герба, безъ знамени, безъ диплома, онъ не принадлежалъ ни къ какой церкви, ни къ какому сословію, онъ ничѣмъ не былъ связанъ, и никому не присягалъ. Ему нечего было щадить, но за то онъ могъ всему сочувствовать. Въ первую минуту, когда онъ, искушаемый зміемъ нѣмецкаго любомудрія, увлекся *разумностью всего сущаго*, онъ безбоязненно написалъ свою бородинскую статью. Какую страшную

[1]) «Объ огромномъ вліяніи Бѣлинскаго» Герценъ разсказывалъ своимъ польскимъ друзьямъ и знакомымъ еще къ 1848 году въ Парижѣ (Герценъ, III, 278).

чистоту надобно было имѣть, какую самобытную независимость и безконечную свободу, чтобъ напечатать что-нибудь въ родѣ оправданія Николая въ началѣ сороковыхъ годовъ? Эту *чистоту эпохи* поняли тѣ самые люди, которые не могли простить двухъ стихотвореній Пушкину, которые отвернулись отъ Гоголя за его «Переписку съ друзьями». На Бѣлинскаго многіе (и я въ томъ числѣ) сердились, но чувствовали, что заблужденіе искренно, что онъ воротится. Такъ и было. Въ Бѣлинскомъ мы встрѣчаемъ ту великую отрѣшенность отъ впередъ идущихъ понятій и авторитетовъ, которая составляетъ отличительную черту и силу русскаго генія... Идеалъ Бѣлинскаго, идеалъ нашъ, наша церковь и родительскій домъ, въ которомъ воспитывались наши первыя мысли и сочувствія, былъ *западный міръ* съ его наукой, съ его революціей, съ его уваженіемъ къ лицу, съ его политической свободой, съ его художественнымъ богатствомъ и несокрушимымъ упованіемъ» («Колоколъ», № 161).

Въ 1865 году, во второмъ изъ «Писемъ къ противнику» (Юрію Самарину), Герценъ называетъ Бѣлинскаго «самой революціонной натурой николаевскаго времени» и жалѣетъ, что «онъ былъ сведенъ на эстетическую критику, на гегелеву философію и дальніе намеки» (Герценъ, VI, 389). Вспоминаетъ Герценъ Бѣлинскаго и въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ произведеній, въ письмахъ къ Огареву о Базаровѣ, появившихся въ послѣдней книжкѣ «Полярной Звѣзды» (1869). «Когда Бѣлинскій, долго слушая объясненія кого-то изъ друзей о томъ, что *духъ* приходитъ къ самосознанію въ человѣкѣ, съ негодованіемъ отвѣчалъ: «такъ это я не для себя сознаю, а для духа... что же я ему за дуракъ достался, лучше не буду вовсе думать, что мнѣ за забота до его сознанія»... Онъ былъ «*нигилистъ*» (Герценъ, V, 437). И при встрѣчахъ со своими старыми русскими друзьями и молодыми поклонниками, посѣщавшими его въ Лондонѣ и въ Швейцаріи, Герценъ «много и тепло» говорилъ о своихъ отношеніяхъ къ Бѣлинскому и Грановскому, о чемъ, между прочимъ, упоминаетъ Пятковскій въ статьѣ «Двѣ встрѣчи съ Герценомъ» («Наблюдатель» 1900 г., № 2).

Приведенныхъ отзывовъ Герцена о Бѣлинскомъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы признать нисколько не преувеличенными тѣ заявленія, которыя мы находимъ въ воспоминаніяхъ Панаева, Кавелина и Анненкова. «Герценъ глубоко уважалъ Бѣлинскаго», говоритъ Панаевъ (с. 266). По словамъ Кавелина, «Герценъ высоко

цѣнилъ умъ Бѣлинскаго, говоря, что у него совершенно русская, свѣтлая голова, удивительно послѣдовательная, бьющая до конца. Въ примѣръ онъ приводилъ, что Бѣлинскій, не зная по-нѣмецки и только изъ отрывочныхъ разговоровъ друзей познакомившись съ системой Гегеля, тотчасъ же сообразилъ, въ чемъ дѣло и суть его, и самъ, безъ чьей-либо помощи, вывелъ всѣ послѣдствія изъ гегелевской философіи, которыя выведены изъ нея позднѣе либеральной и радикальной фракціей гегелевскихъ послѣдователей» (Кавелинъ, 1097). «Прямая, неуклонная, откровенная дѣятельность Бѣлинскаго приходилась ему всегда по душѣ», говоритъ о Герценѣ Анненковъ. «Я былъ свидѣтелемъ,—заявляетъ онъ дальше—что до конца жизни ни Грановскій, ни Герценъ, ни Бѣлинскій не могли говорить другъ о другѣ безъ умиленія и глубокаго сердечнаго чувства» (Анненковъ, 276, 285).

Можно еще упомянуть, что Герценъ остался недоволенъ «Воспоминаніями о Бѣлинскомъ» Тургенева и въ концѣ шестидесятыхъ годовъ собирался, кажется, по совѣту Огарева, написать свои болѣе подробныя воспоминанія о великомъ русскомъ критикѣ (Пассекъ. «Изъ дальнихъ лѣтъ», III, 214. Спб. 1889). По всей вѣроятности, только смерть помѣшала Герцену осуществить это намѣреніе и лишила русскую литературу, можетъ быть, еще болѣе блестящихъ страницъ о Бѣлинскомъ, чѣмъ тѣ, которыя мы имѣемъ въ «Быломъ и Думахъ».

Первыя по времени воспоминанія Герцена о Бѣлинскомъ оказались *первыми* и въ литературномъ отношеніи. Въ воспоминаніяхъ другихъ друзей Бѣлинскаго мы находимъ больше интересныхъ подробностей о его идейномъ развитіи и частной жизни, но никому не удалось такъ выпукло и ярко нарисовать образъ «неистоваго Виссаріона», какъ это сдѣлано авторомъ «Былого и Думъ». Можно только пожалѣть, что Герценъ черезчуръ сгустилъ краски при изображеніи революціоннаго настроенія Бѣлинскаго и нѣкоторыми своими отзывами о немъ оказалъ услугу врагамъ великаго русскаго критика. Называя Бѣлинскаго «революціонеромъ» и даже «самой революціонной натурой», Герценъ, защищавшій его отъ упрековъ Бакунина и Сазонова, очевидно, считалъ Бѣлинскаго революціонеромъ въ психологическомъ, а не въ политическомъ смыслѣ этого слова, то-есть революціонеромъ по настроенію, а не по пріемамъ политической борьбы. Но враги Бѣлинскаго не хотѣли дѣлать этого различія и могли ссылаться на Герцена, когда изображали великаго критика «любителемъ

страшныхъ соціальныхъ переворотовъ, свирѣпымъ мечтателемъ, питающимся надеждой на крушеніе общества» Анненковъ, 349). Друзьямъ и поклонникамъ Бѣлинскаго приходилось считаться съ подобнаго рода обвиненіями и, опровергая или смягчая ихъ, полемизировать съ Герценомъ.

VI. Кавелинъ.

Самымъ молодымъ и наиболѣе восторженнымъ изъ московскихъ друзей Бѣлинскаго былъ Кавелинъ. Въ 1834—1835 г. Бѣлинскій готовилъ Кавелина къ поступленію въ Московскій университетъ и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ давалъ ему уроки русскаго языка, словесности, исторіи и географіи. «Училъ онъ меня плохо—вспоминаетъ Кавелинъ:—Задавалъ по книжкѣ, выслушивалъ разсѣянно, безъ дополненій и поясненій, и наконецъ предоставилъ меня собственной судьбѣ, говоря, что я юноша умный и съ учебникомъ справлюсь самъ. Но насколько онъ былъ плохой педагогъ, мало знающій свой предметъ, которому онъ училъ, настолько онъ благотворно дѣйствовалъ на меня возбужденіемъ умственной дѣятельности, умственныхъ интересовъ, уваженія и любви къ знанію и нравственнымъ принципамъ. Мы занимались съ нимъ больше разговорами, въ которыхъ не было ничего педагогическаго въ школьномъ смыслѣ, и я только по счастливой случайности не провалился на экзаменѣ; но эти разговоры оставили во мнѣ гораздо больше, чѣмъ детальное и аккуратное знаніе учебника и руководства. Чтобы понять и оцѣнить это, надо вспомнить время и среду, въ которыхъ я жилъ. Страшное безсмысліе, отсутствіе всякихъ соціальныхъ, научныхъ и умственныхъ стремленій, тоскливый и рабскій биготизмъ, самодержавный и крѣпостной status quo, какъ естественная норма жизни, дворянское чванство и пустѣйшая ежедневная жизнь, наполненная мало искренними родственными отношеніями, сплетнями и пошлостями дворянскаго кружка, погруженнаго въ микроскопическія ежедневныя дрязги, придворные слухи, допотопное хозяйство, свѣтскіе этикеты и туалеты. Для юноши эта среда была заразой, и тѣ, которые въ ней не опошлѣли и изъ нея выбрались, были обязаны, подобно мнѣ, тѣмъ струйкамъ свѣта, которыя контрабандой врывались, чрезъ Бѣлинскаго и ему подобныхъ, въ эту тину и болото». «Вообще,—заявляетъ Кавелинъ дальше — отрицательное отношеніе ко всей окружающей меня дѣйствительности,

соціальной, религіозной и политической, благодаря Бѣлинскому, во мнѣ засѣло, хотя въ очень наивной, неопредѣленной и мечтательной формѣ» (Кавелинъ, 1082—1083).

«Разстались мы съ Бѣлинскимъ очень дружески» — говоритъ Кавелинъ, который въ то время «больше инстинктомъ, чѣмъ головой... полюбилъ его и привязался къ нему». Панаевъ разсказываетъ, какъ Кавелинъ, будучи уже студентомъ, увидя на улицѣ Бѣлинскаго, бросился его обнимать и цѣловать и, задыхаясь отъ радости, говорилъ: «Виссаріонъ Григорьевичъ! Какъ я радъ васъ видѣть, Виссаріонъ Григорьевичъ!» (Панаевъ, 250). «Я бросился его обнимать и цѣловать,—расказываетъ самъ Кавелинъ,—но онъ меня оттолкнулъ, потому что не любилъ ребяческихъ изліяній любви» (Кавелинъ, 1084). Особенно тѣсно сблизился Кавелинъ съ Бѣлинскимъ во время пребыванія въ Петербургѣ въ 1842—1843 годахъ. Изъ Москвы онъ пріѣхалъ большимъ поклонникомъ славянофиловъ, въ частности, Хомякова. Въ письмахъ 1842 года къ Д. А. Валуеву («Рус. Архивъ» 1900 г., № 4) онъ исповѣдуетъ чисто-славянофильскіе взгляды и называетъ Хомякова «нашимъ общимъ наставникомъ-руководителемъ на жизненномъ пути». Въ Петербургѣ Кавелинъ на первыхъ порахъ былъ частымъ посѣтителемъ кн. Вяземскаго, у котораго «всегда съ особеннымъ удовольствіемъ» проводилъ время. Но стоило Кавелину осенью 1842 поселиться на одной квартирѣ съ Кульчицкимъ и Н. Тютчевымъ, куда часто приходилъ Бѣлинскій, — и ученикъ Хомякова и поклонникъ кн. Вяземскаго не замедлилъ перейти въ лагерь западниковъ. «Вліяніе Бѣлинскаго на мое нравственное и умственное воспитаніе за этотъ періодъ моей жизни — говоритъ Кавелинъ—было неизмѣримо, и оно никогда не изгладится изъ моей памяти. Я его боготворилъ, благоговѣлъ передъ нимъ» (Кавелинъ, 1086). Бѣлинскій, съ своей стороны, въ концѣ сороковыхъ годовъ любилъ Кавелина едва ли не болѣе, чѣмъ всѣхъ остальныхъ своихъ друзей. «Кавелина обними за меня — писалъ онъ Боткину въ 1847 году:—Это сынъ моего сердца, у меня къ нему особенная симпатія» (Пыпинъ, 527). Высоко также цѣнилъ Бѣлинскій и научные труды своего друга. «Статья Кавелина [«Взглядъ на юридическій бытъ древней Руси»] —эпоха въ исторіи русской исторіи, съ нея начнется философское изученіе нашей исторіи», писалъ Бѣлинскій Герцену въ 1846 году, предупреждая мнѣніе потомства («Рус. Мысль» 1891 г., № 1, с. 17).

Въ концѣ 1847 года дружба Бѣлинскаго съ Кавелинымъ, такъ

же какъ съ Боткинымъ и Грановскимъ, была временно омрачена рѣзкой перепиской по поводу участія московскихъ друзей великаго критика въ «Отеч. Запискахъ»,—участія, которое онъ считалъ «зловреднымъ и опаснымъ» для «Современника». «Кавелинъ и Грановскій — писалъ Бѣлинскій Боткину — какъ будто уговорились съ тобою губить «Современникъ», отнимая у него, своимъ участіемъ въ «Отеч. Запискахъ», возможность стать твердо на ноги» (Пыпинъ, 634). А самому Кавелину Бѣлинскій прислалъ «яростное и длинное» письмо, до насъ не дошедшее, гдѣ ругалъ своего друга «на всѣ корки, какъ только онъ одинъ умѣлъ ругаться». «Смыслъ ругательствъ — говоритъ Кавелинъ — былъ тотъ, что я мальчишка, прекраснодушествующій москвичъ, дрянной мечтатель и т. д.» (Кавелинъ, 1093). Но очень скоро Бѣлинскій пожалѣлъ о рѣзкихъ письмахъ къ Боткину и Кавелину и съ извиненіемъ взялъ назадъ всѣ обидныя для московскихъ друзей заявленія. И обруганный сильнѣе всѣхъ Кавелинъ не только поставилъ крестъ надъ этой непріятной исторіей, но и содѣйствовалъ разсѣянію тѣхъ тучекъ, которыя омрачили отношенія Грановскаго и Бѣлинскаго.

Послѣ смерти Бѣлинскаго Кавелинъ до конца своихъ дней былъ однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ и преданныхъ его памяти учениковъ и друзей. По свидѣтельству проф. Д. А. Корсакова, Кавелинъ, «всегда съ глубокою благодарностью припоминалъ, какъ много обязанъ въ собственномъ нравственномъ развитіи своему бывшему учителю... и высоко ставилъ нравственныя достоинства и характеръ Бѣлинскаго» (Кавелинъ, 1244). Въ сердцѣ Кавелина Бѣлинскій занималъ почетное мѣсто рядомъ съ Грановскимъ и Герценомъ. «Ты былъ для меня пищей и школой— писалъ онъ Герцену въ 1859 году:—Ты былъ для меня тѣмъ же, чѣмъ Бѣлинскій и Грановскій... Ты съ Бѣлинскимъ и Грановскимъ играли самую большую роль въ моей жизни; вами я воспитался; мнѣ кажется, я могъ бы ощущать въ себѣ тѣ струны, которыя наложены каждымъ изъ васъ» («Всемірный Вѣстникъ» 1903 г., № 8). О своей близости къ великому русскому критику Кавелинъ заявлялъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Даже на вопросъ императрицы Маріи Александровны, отчего онъ пользуется репутаціей отчаяннаго либерала, Кавелинъ отвѣтилъ: «Всѣ либералы были моими друзьями, Грановскій былъ мой другъ, Бѣлинскій былъ мой наставникъ и другъ, Герценъ былъ тоже очень мнѣ близокъ» («Вѣстникъ Европы» 1886 г., № 8, с. 556).

Въ 1873—1874 году по просьбѣ Пыпина Кавелинъ написалъ свои «Воспоминанія о В. Г. Бѣлинскомъ», полностью напечатанныя только въ 1899 году. Помимо интересныхъ свѣдѣній объ учительствѣ Бѣлинскаго, о его петербургской жизни въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ, о его наружности, Кавелинъ приводитъ еще цѣлый рядъ крайне характерныхъ мнѣній и отзывовъ великаго критика о всевозможныхъ вопросахъ. Въ воспоминаніяхъ Кавелина Бѣлинскій является передъ нами такимъ же «неистовымъ Виссаріономъ», какимъ онъ изображенъ и въ воспоминаніяхъ другихъ его друзей и знакомыхъ. «Ненависть и любовь его—говоритъ Кавелинъ—одинаково выражались страстно, подчасъ ребячески, съ чудовищными преувеличеніями, но въ которыхъ всегда лежала вѣрная, свѣтлая и глубокая мысль, которую мы понимали». Даже въ игру въ преферансъ Бѣлинскій, по свидѣтельству Кавелина, «вносилъ всѣ перипетіи страсти, отчаянія и радости, точно участвовалъ въ великихъ историческихъ событіяхъ». Особенно подчеркиваетъ Кавелинъ то огромное нравственное вліяніе, которое имѣлъ Бѣлинскій на своихъ петербургскихъ друзей. «Онъ имѣлъ на меня и на всѣхъ насъ чарующее дѣйствіе. Это было нѣчто гораздо болѣе оцѣнки ума, обаянія таланта,—нѣтъ, это было дѣйствіе человѣка, который не только шелъ далеко впереди насъ яснымъ пониманіемъ стремленій и потребностей того мыслящаго меньшинства, къ которому мы принадлежали, не только освѣщалъ и указывалъ намъ путь, но всѣмъ своимъ существомъ жилъ для тѣхъ идей и стремленій, которыя жили во всѣхъ насъ, отдавался имъ страстно, наполнялъ ими свою жизнь. Прибавьте къ этому гражданскую, политическую и всякую безупречность, безпощадность къ самому себѣ при большомъ самолюбіи, и вы поймете, почему этотъ человѣкъ царилъ въ кружкѣ самодержавно. Мы понимали, что онъ въ своихъ сужденіяхъ часто бывалъ не правъ, увлекался страстью далеко за предѣлы истины; мы знали, что свѣдѣнія его (кромѣ русской литературы и ея исторіи) были не очень-то густы; мы видѣли, что Бѣлинскій часто поступалъ какъ ребенокъ, какъ ребенокъ капризничалъ, малодушествовалъ и увлекался, и между собою подтрунивали надъ нимъ. Но все это исчезало передъ подавляющимъ авторитетомъ великаго таланта, страстной благороднѣйшей гражданской мысли и чистой личности безъ пятна,—личности, которой нельзя было подкупить ничѣмъ,—даже ловкой игрой на струнѣ самолюбія. Бѣлинскаго въ нашемъ

кружкѣ не только нѣжно любили и уважали, но и побаивались. Каждый пряталъ гниль, которую носилъ въ своей душѣ, какъ можно подальше... Его вліяніе поставило много честныхъ и честно думающихъ людей на Руси. Многіе, побывавши подъ сильнымъ его вліяніемъ, сдѣлали меньше гадостей, чѣмъ могли бы сдѣлать по естественному влеченію» (Кавелинъ, 1086). Свои воспоминанія о Бѣлинскомъ Кавелинъ заканчиваетъ такой много-знаменательной фразой: «образъ его я ношу въ своей головѣ и въ своемъ сердцѣ, какъ святыню».

Послѣ воспоминаній о Бѣлинскомъ, только отчасти использованныхъ Пыпинымъ, Кавелинъ выступилъ съ возраженіями противъ нѣкоторыхъ выводовъ, которые были сдѣланы біографомъ великого русскагокритика. Особенное вниманіе Кавелинъ обратилъ на заявленіе Пыпина, что между Бѣлинскимъ и его преемниками въ русской критикѣ, Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, не было той противоположности, которую подчеркнулъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Въ своей статьѣ «Бѣлинскій и послѣдующее движеніе русской критики» («Недѣля» 1875 г., № 40) Кавелинъ не сталъ всецѣло на сторону Тургенева, который «увлекся полемикой», но все-таки усмотрѣлъ существенное различіе между Бѣлинскимъ и его послѣдователями въ томъ, что послѣдніе, по его мнѣнію, были голыми отрицателями, тогда какъ первый всегда дѣйствовалъ во имя нравственнаго идеала.

По словамъ Кавелина, «представляя собою переходъ русской мысли изъ сферы отвлеченной—литературной, эстетической, философской—въ общественную, Бѣлинскій носилъ въ себѣ идеалъ нравственной человѣческой личности, какъ онъ создался у насъ по-европейскимъ образцамъ цѣлымъ періодомъ историческаго развитія, и въ то же время страстно отрицалъ наше тогдашнее общественное безобразіе. Бѣлинскій ясно понималъ необходимость реформъ, нетерпѣливо ждалъ ихъ осуществленія, и чѣмъ дальше, тѣмъ отрицательнѣе относился къ окружавшей его дѣйствительности. По своей точкѣ зрѣнія, по своей натурѣ и по тогдашнему настроенію лучшихъ умовъ, Бѣлинскій не могъ довольствоваться однимъ чисто теоретическимъ наслажденіемъ истиной, красотой и нравственнымъ идеаломъ, а хотѣлъ видѣть осуществленнымъ то, въ чемъ былъ глубоко убѣжденъ, чему былъ преданъ всѣмъ сердцемъ. Тѣмъ сильнѣе раздражала его житейская гниль и пошлость, на которыя онъ натыкался на каждомъ шагу... Но про Бѣлинскаго никакъ нельзя сказать, чтобъ онъ былъ пре-

ставителемъ отрицательнаго направленія... Не надо забывать, что передъ Бѣлинскимъ, во всю его жизнь, носились идеалы, которые давали тонъ и смыслъ его отрицанію; идеалы его, правда, мѣнялись, но никогда, до конца своей жизни, онъ не разставался съ ними. Только во имя идеаловъ Бѣлинскій относился отрицательно сперва къ предшествовавшей русской литературѣ, потомъ и къ русской современной дѣйствительности. Къ нему вполнѣ примѣняется замѣчаніе, что ненависть есть оборотная сторона любви. И то и другое шло у него рядомъ, въ тѣснѣйшей связи. Именно потому, что Бѣлинскій имѣлъ идеалы, вносилъ ихъ въ свою дѣятельность, вліяніе его и было такъ сильно. Бѣлинскій воспиталъ цѣлыя поколѣнія и воспиталъ ихъ не однимъ отрицаніемъ отжившаго, отсталаго, негоднаго, но и поднятіемъ мысли и настроенія на высоту нравственнаго идеала, который потомъ формулировался каждымъ по-своему и служилъ ему точкой опоры въ практической дѣятельности... Наполнить пустоту въ нашихъ мысляхъ, вылѣчить насъ отъ нравственнаго безсилія могутъ только идеалы,.. горячее, честное исканіе которыхъ составляетъ глубокій смыслъ многострадальной журнальной и критической дѣятельности Бѣлинскаго» (Кавелинъ, 1106—1108, 1114).

Статья Кавелина, въ которой онъ называетъ себя «бывшимъ ученикомъ» Бѣлинскаго, «преданнымъ ему всѣмъ сердцемъ, живо и свято хранящимъ его память до сихъ поръ»,—вызвала возраженія со стороны Пыпина и Шелгунова. Пыпинъ въ своей статьѣ «Объ упадкѣ современной критики» («Вѣстникъ Европы» 1876 г., № 1) заявилъ, что «идеалы новой критики во многомъ были тождественны съ идеалами Бѣлинскаго... но во многомъ новые идеалы были шире». Что касается *Шелгунова*, то онъ настолько увлекся защитой Чернышевскаго и Добролюбова, что оказался несправедливымъ по отношенію къ Бѣлинскому. «По своему энтузіазму продолжатели Бѣлинскаго—по заявленію Шелгунова—даже выше его». Бѣлинскій не доросъ до общественно-реальной зрѣлости и до конца жизни виталъ въ туманномъ идеализмѣ. «Самое благородство Бѣлинскаго и вся вдохновлявшая его сила являлись чѣмъ-то неяснымъ, расплывающимся». Да и слушателями Бѣлинскаго, по мнѣнію Шелгунова, «было всего десять человѣкъ, а понимали его, можетъ быть, сто человѣкъ» («Недѣля» 1875 г., № 49. Статья «Еще объ идеалахъ»). А годомъ раньше въ той же «Недѣлѣ» (1874 г., № 43) Шелгуновъ выступилъ съ протестомъ противъ восторженныхъ отзывовъ о

Бѣлинскомъ, вызванныхъ опубликованіемъ его писемъ въ статьяхъ Пыпина. «Бѣлинскій говоритъ Шелгуновъ никогда не былъ ни богомъ, ни полубогомъ, въ немъ не было никогда ни титанизма, ни той кровяной и мозговой силы, какою отличались нѣкоторые изъ его современниковъ. Бѣлинскій по преимуществу натура нервная, и ни отъ его писемъ, ни отъ его сочиненій не прыщетъ ни силой тонкаго аналитическаго ума, ни той несокрушимой энергіей активности, которая выдвигаетъ человѣка впередъ и дѣлаетъ его предводителемъ партіи, главою движенія. Конечно, Бѣлинскій необыкновенно честный человѣкъ, искренній, глубоко нравственный... но это былъ не такой человѣкъ, послѣ котораго вы могли бы сказать, что русская земля производить подобныхъ людей уже не въ состояніи, и никогда больше такихъ и не произведетъ». Очевидно, Шелгуновъ ставилъ Бѣлинскаго ниже Герцена, а можетъ быть, и Бакунина.

Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что приведенные отзывы о Бѣлинскомъ его младшаго современника въ значительной степени должны быть отнесены на счетъ полемическаго увлеченія. Въ написанныхъ болѣе спокойнымъ тономъ статьяхъ «Попытки русскаго самосознанія» («Дѣло» 1874 г., №№ 1 и 2) Шелгуновъ говоритъ о Бѣлинскомъ совершенно другимъ языкомъ. По его словамъ, «Россія справедливо гордится Бѣлинскимъ; въ немъ она должна гордиться не только достигнутыми результатами, но и размѣромъ предпринятаго имъ гигантскаго труда. Бѣлинскому нужно было перечесть все, что написала и напечатала Россія въ теченіе ста лѣтъ, каждому писателю опредѣлить его мѣсто, разъяснить задачи искусства, покончить царившій въ искусствѣ хаосъ понятій, уничтожить литературныя суевѣрія, господство старыхъ авторитетовъ и завоевать новому движенію мысли то передовое мѣсто, которое у него оспаривали люди старыхъ понятій. Хотя споръ шелъ, повидимому, исключительно объ искусствѣ, о его формахъ и задачахъ... но тѣмъ не менѣе сущность художественной критики заключалась въ томъ, чтобы задачею искусства сдѣлать преслѣдованіе соціально-прогрессивныхъ цѣлей, сдѣлать литературу орудіемъ общественнаго развитія». Благодаря этому, «критика Бѣлинскаго имѣла громадное, плодотворное вліяніе и на развитіе понятій общества, и на литературу».

Возраженія Пыпина и Шелгунова, само собой разумѣется, нисколько не поколебали той любви и того уваженія, съ которыми Кавелинъ относился къ памяти Бѣлинскаго. Однимъ изъ послѣд-

нихъ памятниковъ этой любви и этого уваженія является коротенькая замѣтка Кавелина въ «Русской Мысли» 1882 года о новомъ портретѣ Бѣлинскаго, нарисованномъ художникомъ Астафьевымъ. Кавелинъ опять называетъ себя «бывшимъ ученикомъ и другомъ» Бѣлинскаго и относитъ его къ числу «замѣчательнѣйшихъ дѣятелей русской культуры во второй четверти девятнадцатаго вѣка» (Кавелинъ, 1114).

VII. Панаевъ.

Петербургскіе друзья Бѣлинскаго относились къ нему съ еще большимъ уваженіемъ, чѣмъ московскіе: они видѣли въ немъ не столько товарища, нуждавшагося въ ихъ матеріальной и интеллектуальной помощи, не столько соратника въ борьбѣ съ «гнусной *россійской* дѣйствительностью», сколько учителя, на котораго они смотрѣли не сверху внизъ, какъ москвичи, а снизу вверхъ. Не одинъ только Кавелинъ свидѣтельствуетъ, что «этотъ человѣкъ царилъ въ кружкѣ самодержавно». По словамъ Панаева, «Бѣлинскій очень горячо любилъ всѣхъ своихъ петербургскихъ пріятелей; [а] они благоговѣли передъ нимъ, смотрѣли на него, какъ на своего учителя, слушали его, не переводя дыханія, и принимали на вѣру каждую его строчку, каждое его слово. Каждый изъ нихъ готовъ былъ за него въ огонь и въ воду... Его любили и вмѣстѣ боялись, несмотря на его кроткую, нѣжную и увлекающуюся натуру,—боялись, потому что Бѣлинскій безпощадно высказывалъ правду въ глаза своимъ друзьямъ и жестоко преслѣдовалъ насмѣшкою различныя ихъ слабости» (Панаевъ, 331, 385—386).

Этотъ Панаевъ былъ первымъ по времени и однимъ изъ наиболѣе восторженныхъ петербургскихъ друзей Бѣлинскаго. Вотъ какъ онъ вспоминалъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ «Литературными мечтаніями»: «Начало этой статьи привело меня въ такой восторгъ, что я охотно бы тотчасъ поскакалъ въ Москву, если бы это было можно, познакомиться съ авторомъ ея и прочесть поскорѣе ея продолженіе. Новый, смѣлый, свѣжій духъ ея такъ и охватилъ меня... Какъ ничтожны и жалки казались мнѣ, послѣ этой горячей и смѣлой статьи, пошлыя, рутинныя критическія статейки о литературѣ, появлявшіяся въ московскихъ и петербургскихъ журналахъ!» (Панаевъ, 142).

После «Литературныхъ мечтаній» и статьи о Бенедиктовѣ

Панаевъ «уже не пропускалъ ни одной статейки Бѣлинскаго» и сильно интересовался личностью страшнаго и неумолимаго по отношенію къ литературнымъ кумирамъ критика, который, тѣмъ не менѣе, прочитавши повѣсть Панаева «Она будетъ счастлива», призналъ въ авторѣ «неподдѣльный талантъ, живое чувство и умѣнье владѣть языкомъ» (Бѣлинскій. III, 55). «Такой чести я ужъ никакъ не ожидалъ», вспоминаетъ Панаевъ.

Приведенныя заявленія изъ воспоминаній Панаева подтверждаются и его письмами 1838 года. «Я обязанъ покойному «Телескопу» знакомствомъ съ вами; тамъ въ бесѣдѣ съ вами я провелъ много пріятныхъ минутъ. Благодарю васъ за эти минуты. Отъ добраго и умнаго А. В. Кольцова узналъ я о переходѣ «Московскаго Наблюдателя» въ ваши руки. Радуюсь за Москву, въ которой будетъ журналъ; еще больше радуюсь, что вашъ всегда *правдивый* и рѣзкій голосъ, давно замолкшій, снова раздастся,— а въ эту минуту русской литературѣ онъ необходимѣе, чѣмъ когда-либо». Такъ писалъ Панаевъ Бѣлинскому 29 марта 1838 г., предлагая свои услуги его журналу. «Я прочелъ ваши «Литературныя мечтанія»,—писалъ Панаевъ 16 іюля того же года—во многомъ тогда же не согласился съ вами, но уже полюбилъ васъ искренно и послѣ того не пропускалъ ни одной вашей строчки. Прямота вашего характера, юношеская мощь въ словѣ и—самое важное—это глубокое эстетическое чувство, дарованное вамъ Господомъ Богомъ, поразили меня съ перваго раза. Я подумалъ, прочитавъ вашу критическую элегію:—вотъ человѣкъ, который имѣетъ всѣ элементы для того, чтобы сдѣлаться современемъ *критикомъ* въ полномъ значеніи этого слова. Эта мысленная замѣтка моя съ каждымъ появленіемъ книжки «Телескопа» оправдывалась и наконецъ обратилась въ полное убѣжденіе, когда я прочиталъ статью вашу о повѣстяхъ Гоголя. Благодарю васъ за неизреченное удовольствіе, доставленное мнѣ этою статьею.— Какъ бы я желалъ васъ видѣть дѣйствующимъ въ такомъ журналѣ, который бы имѣлъ *кредитъ* въ публикѣ и тысячъ хоть до трехъ подписчиковъ, чтобы слово ваше ударяло молотомъ по мѣдному лбу массы!» (Пыпинъ, 220—221).

Весной 1839 года Панаевъ явился въ Москву, познакомился тамъ съ Бѣлинскимъ и привязался къ нему «всей душой». «До знакомства моего съ Бѣлинскимъ и его друзьями—признается онъ—я толкался безсмысленно и безсознательно въ литературѣ и обществѣ... Имъ, кромѣ моего развитія, я обязанъ самыми луч-

шими, самыми счастливыми минутами въ моей жизни» (Панаевъ, 188). Послѣ переселенія Бѣлинскаго въ Петербургъ Панаевъ еще тѣснѣе сблизился съ знаменитымъ критикомъ и проникся еще бо̀льшимъ уваженіемъ къ нему. «Я считалъ себя —говоритъ онъ— счастливѣйшимъ человѣкомъ, видя, что способствовалъ моимъ переводомъ [книжки о французской революціи] просвѣтлѣнію мыслей Бѣлинскаго и расширенію его кругозора. Я гордился тѣмъ, что возбуждалъ его благородный энтузіазмъ, доставлялъ ему минуты высокаго наслажденія и пробуждалъ въ немъ и въ другихъ слушателяхъ гражданское чувство» (Панаевъ, 322). Не даромъ двоюродный братъ Панаева, В. А. Панаевъ, сравниваетъ его дружбу къ Бѣлинскому «съ восторженной любовью, подобной той, какую питаютъ къ женщинамъ» («Рус. Ст.» 1901 г., № 9, с. 481).

Этой восторженной любовью проникнуты воспоминанія Панаева о Бѣлинскомъ, которыя появились въ «Современникѣ» 1860 и 1861 годовъ, а въ 1876 г. вышли отдѣльной книгой. Тамъ мы находимъ цѣлый рядъ интереснѣйшихъ разсказовъ и фактовъ, характеризующихъ Бѣлинскаго съ самыхъ симпатичныхъ сторонъ и дающихъ Панаеву право сдѣлать такія заявленія: «Безкорыстнѣе и честнѣе Бѣлинскаго я не встрѣчалъ ни одного человѣка въ литературѣ въ послѣднія двадцать лѣтъ. Когда заходила рѣчь о платѣ за трудъ, онъ приходилъ въ крайнее смущеніе, весь вспыхивалъ и сейчасъ же соглашался на всякія предложенія, самыя невыгодныя для себя... Увлеченіе было его натурою, и онъ увлекался даже мелочами... Открытѣе, искреннѣе и прямѣе Бѣлинскаго я не зналъ никого... Открытіе всякаго новаго таланта было для него праздникомъ. Страсть Бѣлинскаго, не имѣя другого выхода, вся сосредоточилась на литературѣ» и т. д. (Панаевъ, 373—374, 405). До появленія біографіи Бѣлинскаго, составленной Пыпинымъ, воспоминанія Панаева были самымъ цѣннымъ источникомъ нашихъ знаній объ интимной жизни великаго критика. И до настоящаго времени эти воспоминанія не утратили своей цѣны, тѣмъ болѣе, что позднѣйшія изслѣдованія и печатные матеріалы подтвердили достовѣрность разсказовъ и сообщеній Панаева. «Хотя его и любятъ упрекать въ недостаткѣ серьезности, его разсказы обыкновенно весьма точны», говоритъ о Панаевѣ Пыпинъ (Пыпинъ, 162). Другой выдающійся знатокъ біографіи и эпохи Бѣлинскаго, г. Венгеровъ, называетъ Панаева «всегда достовѣрнымъ» свидѣтелемъ (Бѣлинскій, VI, 608).

Общую оцѣнку Бѣлинскаго, какъ литературнаго дѣятеля, Панаевъ сдѣлалъ въ своей статьѣ «По поводу похоронъ Н. А. Добролюбова», котораго онъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тяжелой утраты, поставилъ выше своего учителя и друга. «Бѣлинскій — говоритъ Панаевъ — выступилъ на литературное поприще болѣе смѣлымъ и рьянымъ, чѣмъ приготовленнымъ къ дѣлу бойцомъ. Энергическій, талантливый, пылкій, увлекающійся, путающійся въ философскихъ теоріяхъ, которыя передавались ему его друзьями, онъ долго боролся съ собою: то съ ожесточеніемъ разбивалъ авторитеты, то съ торжественностью возносилъ ихъ до небесъ и пѣлъ имъ почти гимны. Онъ мучительно отыскивалъ истину, терзался отъ своихъ внутреннихъ противорѣчій, безпрестанно увлекался, сбивался съ пути и приходилъ въ отчаяніе... Только года за четыре до своей смерти онъ высвободился отъ всѣхъ постороннихъ вліяній и сталъ на болѣе твердую почву... Съ самаго вступленія на литературное поприще онъ является окруженный друзьями, которые развиваютъ его, поддерживаютъ его и распространяютъ его извѣстность... Бѣлинскій высказываетъ все, что дано ему было высказать, и сходитъ въ могилу, конечно, преждевременно, но почти уже совершивъ свое назначеніе. Онъ былъ полнымъ отголоскомъ своего поколѣнія, серьезно начинавшаго сознавать грубость и пошлость среды, его окружавшей, того поколѣнія, которое ощутило дѣйствительную потребность лучшей, высшей жизни и стремилось къ ней съ юношескою горячностью, страстно, тревожно, но ощупью,—то расплываясь въ романтизмѣ, то ища точки опоры въ нѣмецкой философіи, то увлекаясь соціальными идеями Леру и Жоржъ Занда; того поколѣнія, которое произвело «лишнихъ людей», Лаврецкихъ, Пасынковыхъ, Рудиныхъ и иныхъ; того поколѣнія, которое было исполнено благородныхъ, но не совсѣмъ опредѣленныхъ порываній, стремленій и увлеченій, — *[illegible] увлеченій* и вспышекъ; которое иногда впадало въ ложный, искусственный лиризмъ и нерѣдко смѣшивало фразы съ дѣломъ»... Что касается Добролюбова, представителя новаго поколѣнія, то, «не уступая нисколько Бѣлинскому въ литературномъ талантѣ», онъ «имѣлъ уже преимущество передъ нимъ въ томъ, что получилъ основаніе несравненно болѣе прочное и твердое: онъ съ перваго шагу сталъ на прямой путь, вполнѣ сознавая, куда онъ ведетъ, и пошелъ по немъ ровнымъ и твердымъ шагомъ, не уклоняясь въ стороны, не увлекаясь, не впадая въ юношескій паѳосъ

не подчиняясь и не кланяясь литературнымъ авторитетамъ и не дѣлая имъ ни малѣйшихъ уступокъ». За четыре съ половиной года своей литературной дѣятельности Добролюбовъ, по заявленію Панаева, оставилъ въ русской критикѣ «почти такой же глубокій слѣдъ, какой оставилъ Бѣлинскій послѣ 14-лѣтней неутомимой дѣятельности». «Чего нельзя было ожидать отъ такой духовной силы!» восклицаетъ Панаевъ (Сочиненія Панаева, VI, 319—321. Спб. 1888).

Цѣннымъ дополненіемъ къ разсказамъ Панаева могли бы служить и воспоминанія его жены, появившіяся въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1889 года и сообщающія цѣлый рядъ мелкихъ, но не лишенныхъ значенія фактовъ объ интимной жизни Бѣлинскаго. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ разсказы *Головачевой-Панаевой* могутъ быть приняты безъ провѣрки. Пусть Галаховъ въ своихъ воспоминаніяхъ о сороковыхъ годахъ признаетъ эти разсказы «искренними и справедливыми», современный мало-мальски компетентный читатель не можетъ не относиться къ нимъ, по совѣту, г. Венгерова, «съ величайшею осторожностью», когда встрѣчаетъ тамъ, напримѣръ, фантастическій разсказъ о небывалой встрѣчѣ Бѣлинскаго съ Гоголемъ въ 1847 году на петербургской квартирѣ Панаева и о чтеніи Бѣлинскимъ, на другой день послѣ этой встрѣчи, своего знаменитаго письма по поводу «Переписки съ друзьями» (Воспоминанія Головачевой-Панаевой, сс. 196—197. Спб. 1890). Въ общемъ, Бѣлинскій изображенъ въ этихъ воспоминаніяхъ очень симпатичнымъ человѣкомъ, но нерѣдко въ его уста вкладываются самые неблагопріятные отзывы о лучшихъ его друзьяхъ, напримѣръ, о Тургеневѣ, Анненковѣ и Боткинѣ. Трудно повѣрить сообщеніямъ Головачевой-Панаевой, что отзывчивѣе всѣхъ къ матеріальнымъ нуждамъ Бѣлинскаго былъ ея первый мужъ, и что великій критикъ лучше предпочиталъ имѣть дѣло съ ростовщиками и платить «жидовскіе проценты», чѣмъ обращаться съ денежными просьбами къ Анненкову, котораго онъ будто бы называлъ «русскимъ кулакомъ», и къ Боткину, который въ такихъ случаяхъ будто бы выматывалъ всю душу просителя жалобами на недостатокъ денегъ (Головачева-Панаева, с. 121).

Заслуживаютъ вниманія и воспоминанія извѣстнаго инженера и публициста *В. А. Панаева*, прожившаго нѣсколько мѣсяцевъ въ одной комнатѣ съ Бѣлинскимъ, только что переселившимся изъ Москвы въ Петербургъ, и потомъ часто встрѣчавшагося съ

нимъ у своего двоюроднаго брата И. И. Панаева. В. А. Панаевъ «съ великою благодарностью, любовью и уваженіемъ» относится къ памяти Бѣлинскаго, которому онъ считалъ себя лично обязаннымъ, потому что, благодаря его «благородной энергіи», получилъ возможность поступить въ институтъ путей сообщенія. Онъ высоко также цѣнитъ Бѣлинскаго, какъ человѣка и критика. «Бѣлинскій—по его словамъ—всегда говорилъ съ искреннимъ жаромъ, съ убѣжденіемъ, безъ уклоненій и увертокъ; срединныхъ мнѣній онъ не терпѣлъ, рубилъ съ плеча... Предметомъ его рѣчи преимущественно были или безпощадная казнь, или восторженное искреннее восхваленіе какого-либо литературнаго произведенія, общественнаго факта, литератора или общественнаго дѣятеля» («Рус. Ст.» 1893 г., № 9, с. 477 и сл.).

«Бѣлинскій — говорится въ другомъ мѣстѣ воспоминаній Панаева — въ дѣйствительности не обладалъ ни особенными знаніями, ни начитанностью, не зналъ даже иностранныхъ языковъ; а между тѣмъ онъ пріобрѣлъ небывалый ни прежде ни послѣ него авторитетъ, какъ среди созидавшагося тогда свѣжаго литературнаго круга, такъ и среди интеллигентной, читающей публики. Не столько умъ и логика обусловили его силу, сколько совокупность ихъ съ нравственными его качествами. Это былъ рыцарь, сражающійся за правду и истину. Это былъ палачъ всего искусственнаго, дѣланнаго, фальшиваго, неискренняго, всякихъ компромиссовъ и всякой неправды, гдѣ бы таковая ни являлась. При этомъ онъ обладалъ громаднымъ талантомъ, рѣдкимъ эстетическимъ чувствомъ, страшной энергіеи, жгучимъ словомъ, горячею возвышенною душою, восторженностью и теплѣйшимъ, деликатнѣйшимъ и отзывчивымъ сердцемъ во всемъ. Словомъ сказать, его можно назвать: *могучій критикъ-поэтъ*. По моему глубокому убѣжденію, въ перечисленныхъ-то мною свойствахъ и заключалась притягательная сила Бѣлинскаго. Я зналъ Бѣлинскаго въ теченіе девяти лѣтъ, до дня его смерти, и во все это время я не подмѣтилъ въ немъ ни одной черточки, которая показывала бы, что онъ признаетъ за собою необыкновенную силу и вліяніе на другихъ. Онъ былъ такъ естественъ во всемъ, что можно съ увѣренностью сказать, что ему и въ голову не приходило анализировать главныя причины своего вліянія, которыми [онъ] и не помышлялъ кичиться... Мы можемъ гордиться не малымъ числомъ... великихъ литературныхъ талантовъ... и великихъ геніевъ... но мы имѣемъ одного великаго критика—Бѣ-

линскаго. Значеніе Бѣлинскаго и вліяніе его на литературу громадно... Достоевскій, Некрасовъ, Тургеневъ, Толстой, Григоровичъ, Гончаровъ и Ив. Ив. Панаевъ суть дѣти Бѣлинскаго, его вскормленники» («Рус. Ст.» 1901 г., № 9, с. 482).

VIII. Анненковъ.

Вторымъ послѣ И. И. Панаева замѣчательнымъ петербургскимъ другомъ Бѣлинскаго былъ Анненковъ, сближеніе съ которымъ началось осенью 1839 года. Лѣтомъ слѣдующаго года въ письмѣ къ Боткину Бѣлинскій говоритъ объ Анненковѣ уже «съ самымъ теплымъ сочувствіемъ, какъ о близкомъ человѣкѣ, посвященномъ въ его интимную жизнь» (Пыпинъ, 314). Уѣхавши въ концѣ 1840 года за границу, Анненковъ прислалъ оттуда Бѣлинскому рядъ интересныхъ писемъ, которыя были напечатаны въ «Отеч. Запискахъ». А по возвращеніи въ Петербургъ онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ усердныхъ посѣтителей вечеровъ Бѣлинскаго и однимъ изъ самыхъ пріятныхъ и полезныхъ для него собесѣдниковъ. «Бѣлинскій... продолжаетъ составлять единственное наслажденіе моихъ вечеровъ», писалъ Анненковъ Герцену въ концѣ 1845 года («Рус. Мысль» 1892 г., № 7, с. 100). А вотъ признаніе Бѣлинскаго въ письмѣ къ тому же Герцену отъ 14 января 1846 года: «Анненковъ уѣхалъ... и увезъ съ собою мои послѣднія радости, такъ что я теперь живу вовсе безъ радостей» («Рус. Мысль» 1891 г., № 1, с. 6).

За «наслажденіе» вечерами Бѣлинскаго Анненковъ отплатилъ великому критику цѣлымъ рядомъ услугъ, о которыхъ было уже упомянуто, но не сдѣлался правовѣрнымъ его ученикомъ. Въ 1856 году, когда Чернышевскимъ уже была начата реабилитація публицистической критики Бѣлинскаго, Анненковъ выступилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (февраль, кн. 2) со статьей «О значеніи художественныхъ произведеній для общества», гдѣ явился горячимъ защитникомъ «чистой художественности въ искусствѣ». Но будучи въ значительной степени критикомъ-эстетикомъ, Анненковъ до конца своей жизни высоко цѣнилъ личность и историческія заслуги Бѣлинскаго и одинъ изъ первыхъ заговорилъ о немъ въ печати во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ. Въ статьѣ «Гоголь въ Римѣ лѣтомъ 1841 года», напечатанной въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1857 года, Анненковъ, между прочимъ, сообщаетъ объ отношеніяхъ Гоголя къ Бѣлинскому и называетъ

послѣдняго «замѣчательнымъ анонимомъ», который въ сороковыхъ годахъ неизмѣнно присутствовалъ «въ разговорахъ любителей литературы, въ обществѣ образованныхъ людей, занимавшихся событіями отечественной жизни и ея направленіемъ, даже на профессорскихъ каѳедрахъ краснорѣчія» (Анненковъ, 58—59).

Въ томъ же 1857 году Анненковъ выпустилъ книгу о Станкевичѣ, гдѣ крайне преувеличиваетъ его роль въ исторіи духовнаго развитія Бѣлинскаго, но въ то же время отдаетъ должное и «неистовому Виссаріону». «Иною дорогою - говоритъ онъ о Бѣлинскомъ, не рѣшаясь на первыхъ порахъ назвать его по имени,—шла третья замѣчательная личность изъ кружка Станкевича, хорошо знакомая современникамъ нашимъ: она посвятила себя на борьбу со всѣмъ, что ей казалось обманомъ, лицемѣріемъ, косностію и неоправданнымъ самодовольствомъ въ литературѣ и обществѣ. Надѣленная пылкимъ, огненнымъ характеромъ, она издержала на эту борьбу всю себя до плоти и крови своей и умерла, оставивъ послѣ себя столько же преданной любви, сколько и ожесточенной ненависти. Но врожденное отвращеніе отъ всякой лжи, претензіи и призрака, столь необходимое для литературной борьбы, извѣстный критикъ нашъ воспиталъ и укрѣпилъ въ сообществѣ человѣка, который отвергалъ ихъ примѣромъ собственнаго своего существа и не щадилъ какъ въ себѣ, такъ и въ самыхъ близкихъ людяхъ». «Свѣтлый ликъ Станкевича—говорится въ другомъ мѣстѣ— жилъ съ Бѣлинскимъ до конца и, конечно, много способствовалъ къ устройству безукоризненно-чистаго его характера, которому отдаютъ справедливость и самые литературные враги его».

Дальше Анненковъ указываетъ, что въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» Бѣлинскій «выразилъ воззрѣніе всего круга Станкевича», что этотъ кружокъ былъ «той мастерской, въ которой вырабатывалъ Бѣлинскій свои воззрѣнія на искусство и жизнь вообще, а изъ воззрѣній — приговоры и сужденія о дѣятеляхъ обѣихъ сферъ». По мнѣнію Анненкова, Бѣлинскій былъ «по преимуществу обобщителемъ идей», которыя онъ схватывалъ на лету, быстро усматривалъ всѣ ихъ результаты и неутомимо проводилъ въ жизнь при помощи разборовъ литературныхъ произведеній. «На долю Бѣлинскаго — говоритъ Анненковъ — выпалъ талантъ быстро усматривать всѣ результаты данной мысли, талантъ чутко примѣнять ее къ современности, отвѣчая новымъ потребностямъ общественнаго развитія, или даже вызывая ихъ на свѣтъ, и на-

конецъ талантъ неутомимо проводитъ между повседневными явленіями словесности иногда на лету, но крѣпко схваченное эстетическо-философское положеніе. На эту работу употребилъ онъ и всю свою жизнь; плодомъ этой работы, понимаемой весьма строго, было то, что со времени Бѣлинскаго роль писателя сдѣлалась чрезвычайно трудна, и поколѣніе писателей-сибаритовъ, добивавшихся репутаціи, потѣшая игрой своего таланта себя и пріятелей, миновалось безвозвратно. Вообще никто у насъ до Бѣлинскаго не давалъ столько мѣста въ своей жизни искусству и эстетическимъ соображеніямъ; оттого и самыя ошибки его въ оцѣнкѣ произведеній и излишняя взыскательность при нѣкоторыхъ случаяхъ еще имѣютъ въ себѣ гораздо большую долю правды и поученія, чѣмъ иные приговоры, вполнѣ непогрѣшительные, потому что они вполнѣ поверхностны» Анненковъ. Біографія и переписка Н. В. Станкевича, сс. 9—10, 73 75, 129. М. 1857).

Приведенными заявленіями, а также опубликованіемъ писемъ Станкевича съ извѣстными читателю отзывами о Бѣлинскомъ, Анненковъ вложилъ крупную лепту въ дѣло реабилитаціи величайшаго русскаго критика. Слѣдуетъ еще упомянуть, что своими воспоминаніями о Бѣлинскомъ Анненковъ оказалъ существенную помощь Чернышевскому, когда тотъ составлялъ свои знаменитые «Очерки». «Мы надѣемся, — говоритъ Чернышевскій въ одномъ изъ подстрочныхъ примѣчаній что интересныя воспоминанія г. А—а современемъ сдѣлаются извѣстны нашей публикѣ, и спѣшимъ предупредить читателей, что тогда наши слова окажутся не болѣе, какъ развитіемъ его мыслей» («Очерки гоголевскаго періода русской литературы», с. 262. Спб. 1893).

Появленія въ печати интересныхъ воспоминаній Анненкова о Бѣлинскомъ и его эпохѣ русскому читателю пришлось ждать очень долго, почти цѣлую четверть вѣка. Къ составленію этихъ воспоминаній или, по крайней мѣрѣ, къ ихъ литературной обработкѣ Анненковъ приступилъ не раньше средины семидесятыхъ годовъ, послѣ появленія извѣстной книги Пыпина о Бѣлинскомъ (См. Анненковъ, 186). Можно думать, что эта книга, автору которой были предоставлены, между прочимъ, интереснѣйшія письма Бѣлинскаго къ Анненкову, послужила главнымъ толчкомъ къ составленію «Замѣчательнаго десятилѣтія». «Съ какимъ нетерпѣніемъ — писалъ Анненковъ М. М. Стасюлевичу въ 1874 году — буду ожидать дальнѣйшей біографіи Бѣлинскаго. Вы пишете,

что Бѣлинскій въ письмахъ неизмѣримо выше Бѣлинскаго въ печати, но Бѣлинскій въ разговорахъ — ораторъ и трибунъ — еще выше былъ и писемъ своихъ. Боже! вспоминаю его молніеносные порывы, освѣщавшіе далекіе горизонты, его чувство всѣхъ болѣзней своего времени и всѣхъ его нелѣпыхъ проявленій, его энергическое, мѣткое, ляпидарное слово. Ничего подобнаго я уже не встрѣчалъ потомъ, а жилъ много и видѣлъ многихъ» («Памяти Бѣлинскаго», сс. 369—370).

Въ «Замѣчательномъ десятилѣтіи», напечатанномъ первоначально въ «Вѣстникѣ Европы» 1880 года и вошедшемъ въ III томъ «Воспоминаній и критическихъ очерковъ» Анненкова (Спб. 1881), много говорится о западникахъ и славянофилахъ сороковыхъ годовъ, но больше всего говорится о Бѣлинскомъ. Исторія развитія эстетическихъ, философскихъ и общественныхъ взглядовъ Бѣлинскаго, взаимныя отношенія Бѣлинскаго и его современниковъ, его литературная дѣятельность, его отзывы объ авторахъ, книгахъ и отдѣльныхъ явленіяхъ русской и иностранной жизни, интересныя подробности о частной жизни Бѣлинскаго и о его пребываніи за границей, міросозерцаніе великаго критика въ послѣдней стадіи его развитія — вотъ наиболѣе существенное содержаніе тѣхъ главъ «Замѣчательнаго десятилѣтія», которыя посвящены «неистовому Виссаріону».

Въ воспоминаніяхъ Анненкова передъ нами во весь ростъ встаетъ «гордая и неукротимая натура» великаго критика, который «открыто искалъ боя и враговъ», и его «благородный, цѣльный, независимый характеръ», «никогда не знавшій сдѣлокъ, уступокъ, добровольныхъ умолчаній». Особенно подчеркиваетъ Анненковъ, подобно Гончарову, крайнюю нервность Бѣлинскаго, благодаря которой «возбужденное состояніе сдѣлалось, наконецъ, нормальнымъ состояніемъ его духа». «Почти ни минуты покоя и отдыха—говоритъ Анненковъ о Бѣлинскомъ — не знала его нравственная природа до тѣхъ поръ, пока болѣзнь окончательно не сломила его. Самыя тихія, дружескія бесѣды чередовались у него съ порывами гнѣва и негодованія, которые могли быть вызваны первымъ анекдотомъ изъ насущной жизни или даже разсказомъ о какомъ-либо дикомъ обычаѣ иной очень далекой страны... По дѣйствію воображенія и представительной способности, развитыхъ у него неимовѣрно, онъ переносилъ ненависть на лица, уже отошедшія въ область исторіи, на давноминувшія событія, почему-либо возмущавшія его. У него было множество

враговъ и предметовъ злобы какъ въ современномъ мірѣ, такъ и въ царствѣ тѣней, о которыхъ онъ равнодушно говорить не могъ. Объективныхъ, то-есть, попросту сказать, индиферентныхъ отношеній къ историческимъ дѣятелямъ или важнымъ фактамъ исторіи, вовсе и не знала эта страстная природа. Бѣлинскій превращался какъ будто въ современника различныхъ эпохъ, на которыя натыкался въ чтеніи, выбиралъ сторону, которую слѣдовало защищать, и боролся съ противной стороной, уже давно замолкшей,—такъ, какъ будто она сейчасъ нарушила его нравственный покой и убѣжденія. Нѣчто подобное, въ обратномъ смыслѣ, происходило и съ предметами его симпатій, которые онъ отыскивалъ въ разныхъ вѣкахъ и у разныхъ народовъ; онъ влюблялся въ героевъ своей мысли, вскакивалъ съ мѣста при одномъ ихъ имени и нерѣдко защищалъ ихъ отъ современной критики до послѣдней возможности. Онъ неохотно разставался со своими друзьями. Но всего болѣе, однакоже, тратилъ онъ силъ на вражду и негодованіе. Кругъ враговъ его, кромѣ дѣйствительныхъ и состоявшихъ налицо, увеличивался всѣмъ персоналомъ, добытымъ въ чтеніи: онъ боролся такъ же страстно съ тѣнями прошлаго, какъ и съ людьми и событіями настоящаго».

«Можно себѣ представить,—продолжаетъ Анненковъ — что происходило, когда Бѣлинскій покидалъ безотвѣтныхъ своихъ подсудимыхъ и случайно натыкался на живое, современное лицо, стоявшее передъ нимъ воочію съ какимъ-либо ограниченнымъ пониманіемъ серьезнаго предмета или какой-либо тупой и обскурантной теоріей... Громовыя его обличенія въ подобныхъ случаяхъ разрывали всѣ связи съ оппонентомъ и не оставляли никакой надежды на возобновленіе ихъ въ будущемъ. Послѣдствіемъ такого образа сношеній со свѣтомъ была, конечно, необходимость жить въ одиночествѣ или только въ сообществѣ очень близкихъ людей, на что Бѣлинскій охотно и осуждалъ себя, не измѣняя нисколько своихъ пріемовъ мысли и сужденій, когда насильно и случайно вводился въ другую среду. Понятно, что въ такомъ же напряженномъ состояніи духа происходило и его чтеніе, даже и тогда, когда обращалось на предметы ученаго и отвлеченнаго содержанія... Такой манеры чтенія, какую усвоилъ себѣ Бѣлинскій, достаточно было, чтобы надсадить и болѣе сильный организмъ. Къ книгѣ, къ статьѣ, любому ученію и мнѣнію, начиная отъ самыхъ добросовѣстныхъ трактатовъ, захватывающихъ глубочайшіе интересы общества и человѣ-

чества и кончая самыми ничтожными произведеніями русской словесности — Бѣлинскій всегда относился болѣе чѣмъ серьезно, относился страстно, допытываясь психическихъ причинъ ихъ появленія, создавая имъ генеалогію, разбирая одну по одной черты ихъ нравственной физіономіи. Поводовъ для восторговъ и вспышекъ гнѣва находилось тутъ множество».

«Если судить — говоритъ Анненковъ дальше — по количеству и массѣ ощущеній, порывовъ и мыслей, какія переживалъ этотъ замѣчательный человѣкъ каждый день, то можно назвать его коротенькую жизнь, такъ быстро сгорѣвшую на нашихъ глазахъ, достаточно продолжительной и полной. Къ тому слѣдуетъ прибавить, что Бѣлинскій такъ вростался... въ авторовъ, которыхъ изучалъ, что постоянно открывалъ ихъ затаенную, невысказанную мысль, поправлялъ ихъ, когда они измѣняли ей или нарочно затемняли ее, и выдавалъ ихъ послѣднее слово, которое они боялись или не хотѣли произнести. Этого рода обличенія были самой сильной стороной его критики... Не мудрено, если при этой постоянной работѣ его духа пріятели его находили, что съ каждой новой встрѣчей онъ уже не тамъ, гдѣ его видѣли наканунѣ: неустанное колесо мысли уносило его часто далеко изъ ихъ глазъ. Полемикѣ его суждено было выразить именно эту сторону его психической натуры, жаждавшей борьбы и движенія, подобно тому, какъ критико-публицистическія статьи изобличали его способность самообладанія и его господство надъ собственною мыслью... Нужно ли прибавлять, что о какой-либо справедливости по отношенію къ людямъ, народамъ и предметамъ не было и помину при этомъ, да о справедливости Бѣлинскій, въ пылу битвы, и не заботился, въ чемъ совершенно походилъ и на своихъ противниковъ, поступавшихъ точно такъ же» (Анненковъ. 251—254).

Столь же несправедливъ былъ Бѣлинскій и по отношенію къ самому себѣ, когда бичевалъ свои собственныя ошибки и увлеченія, особенно временное примиреніе съ русскою дѣйствительностью. По словамъ Анненкова, «упреки, которые онъ дѣлалъ себѣ въ глубинѣ души и уединенно за свое недавнее увлеченіе, высказывалъ онъ теперь [въ концѣ 1840 года] торжественно, явно, во всеуслышаніе. Тонъ и складъ его разговоровъ проникнутъ былъ самообличеніемъ самымъ яркимъ и безпощаднымъ... Получая укоры со всѣхъ сторонъ, Бѣлинскій уже свободно разбиралъ ихъ, опровергалъ и пополнялъ... Уже и обли-

ченія постороннихъ лицъ, гораздо менѣе друзей стѣснявшихся пріискиваніемъ позорныхъ источниковъ для объясненія ультраконсервативной дѣятельности Бѣлинскаго, находили въ немъ своего адвоката. Онъ становился на сторону своихъ диффаматоровъ, досказывалъ имъ самъ черты, которыя могли бы усилить ядовитость ихъ полемики, и только для себя не находилъ никакого оправданія... Можно было подумать, что Бѣлинскій находитъ что-то облегчающее для себя въ этихъ безпрестанныхъ истязаніяхъ своей репутаціи». И позже Анненковъ не разъ подмѣчалъ у Бѣлинскаго «проявленія самоосужденія и самообличенія», въ которыхъ онъ былъ всегда искрененъ (сс. 211—212, 301).

Подобно Герцену и Кавелину, Анненковъ отмѣчаетъ у Бѣлинскаго «даръ проникать въ сущность философскихъ тезисовъ, даже по одному намеку на нихъ, и потомъ открывать въ нихъ такія стороны, какія не приходили на умъ спеціалистамъ дѣла». Этимъ даромъ Бѣлинскій обладалъ и въ эпоху увлеченія гегельянствомъ, когда онъ «боролся съ гнетущими условіями метафизическаго деспотизма не одними вспышками и порывистыми движеніями врожденной ему критической мысли, а и цѣлыми продуманными сужденіями и приговорами, которые шли наперекоръ теоріи и всѣмъ ея толкованіямъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Анненковъ отмѣчаетъ крайнюю непрактичность и неопытность Бѣлинскаго въ житейскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ. «Нельзя было—говоритъ онъ—не замѣтить его ребячески-чистой довѣрчивости къ хорошему слову и честному помышленію, передъ нимъ высказаннымъ, и потомъ его комическаго гнѣва на себя, когда онъ открывалъ (что́ дѣлалось очень скоро) не совсѣмъ чистые источники этихъ заявленій. Его наивная неопытность въ дѣлахъ общежитія безпрестанно вовлекала въ ошибки такого рода, хотя за минутами подобныхъ промаховъ у него слѣдовало почти тотчасъ же отрезвленіе, и тогда онъ уже открывалъ въ характерахъ и явленіяхъ стороны, которыя ускользали и отъ очень пытливыхъ и осторожныхъ людей» (сс. 188, 198, 200).

Сущность міросозерцанія Бѣлинскаго Анненковъ видитъ «въ пониманіи жизни и цивилизаціи, какъ силъ, предназначенныхъ на доставленіе человѣку *полноты духовнаго* и *матеріальнаго* существованія. По количеству идей и представленій, способствующихъ осуществленію той полноты разумнаго бытія, какая носилась передъ его глазами въ формѣ идеала, онъ судитъ объ относи-

тельномъ достоинствѣ и значеніи эпохъ, людей и произведеній ихъ... Онъ самъ постоянно и добросовѣстно занимался разборомъ и опредѣленіемъ настоящихъ и подложныхъ психическихъ и соціальныхъ дѣятелей, заявляющихъ претензію на удовлетвореніе всѣхъ нуждъ ума и развитія... Удовлетвореніе этихъ потребностей... онъ и считалъ задачей цивилизаціи и призваніемъ ея». «Отъ каждой идеи, отъ каждаго образа, ученія и литературнаго произведенія вообще» Бѣлинскій требовалъ «полноты содержанія», и вся его литературная критика «была въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ рядомъ возстановленій, реставрацій и оправданій разныхъ позабытыхъ или искусственно принижаемыхъ чертъ цивилизаціи, психическихъ и культурныхъ необходимостей личнаго и общественнаго существованія». «Конечная цѣль всѣхъ его требованій и указаній заключалась въ томъ, чтобъ выработать изъ русской жизни полнаго работника просвѣщенія, чтобы надѣлить ее всѣми тѣми силами и воспитательными началами, которыя образовали въ Европѣ лучшихъ и надежныхъ ея работниковъ». Вообще, по заявленію Анненкова, Бѣлинскій «не спускалъ глазъ» съ громаднаго поля европейской цивилизаціи съ ея вѣковыми пріобрѣтеніями, хотя эта цивилизація при непосредственномъ знакомствѣ съ нею произвела на него очень непріятное впечатлѣніе. «Насколько становился Бѣлинскій снисходительнѣе къ русскому міру, настолько строже и взыскательнѣе относился къ заграничному». Такъ передаетъ Анненковъ итогъ своихъ заграничныхъ бесѣдъ съ Бѣлинскимъ, который вызвалъ даже опасенія друзей, что онъ возвратится изъ-за границы скептикомъ по отношенію къ западно-европейской культурѣ (сс. 353—355, 361).

Главнымъ средствомъ въ борьбѣ за полноту культурнаго развитія Бѣлинскій, по словамъ Анненкова, считалъ искусство. Онъ смотрѣлъ на искусство, какъ на «важный элементъ, устраивающій психическую сторону человѣческой жизни и черезъ нее развивающій въ людяхъ способность къ воспріятію и созданію идеальныхъ представленій». Искусство и фантазію онъ помѣщалъ въ «авангардъ... доблестной арміи волонтеровъ, сражающихся за великодушныя идеи». «Бѣлинскій хотѣлъ, чтобы войско это снабжено было и надежнымъ оружіемъ, а такимъ оружіемъ для него онъ считалъ всегда поэзію и творчество». Онъ былъ твердо убѣжденъ, «что созданіе художническихъ типовъ указываетъ положительными и отрицательными сторонами своими дорогу, по

которой идетъ развитіе общества, и ту, по которой оно должно бы итти въ будущемъ». Самъ Бѣлинскій, по словамъ Анненкова, дни и ночи проводилъ за чтеніемъ и перечитываніемъ лучшихъ произведеній ученой и изящной литературы древняго и новаго міра. «Какъ у аскета другого порядка идей, у него была потребность каждодневнаго приближенія къ алтарю художническихъ произведеній и углубленія въ таинства, на немъ совершаемыя. Постоянное обращеніе съ великими образцами ученой и изящной литературы возвысило его духъ на такую степень, что люди въ его присутствіи чувствовали себя лучше и свободнѣе отъ мелкихъ помысловъ, уходили отъ него съ освѣженнымъ чувствомъ и добрымъ воспоминаніемъ, какого бы рода ни велась съ нимъ бесѣда. Говоря фигурально, къ нему всегда являлись нѣсколько по праздничному, въ лучшихъ нарядахъ, и моральной неряхой нельзя было передъ нимъ показаться, не возбудивъ его негодованія, горькихъ и горячихъ обличеній» (сс. 350, 354).

Не удивительно, что, будучи «эстетикомъ по преимуществу», Бѣлинскій въ то же время былъ въ глазахъ Анненкова и «однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ моралистовъ своей эпохи». «Кто не знаетъ, — говоритъ Анненковъ — что моральная подкладка всѣхъ мыслей и сочиненій Бѣлинскаго была именно той силой, которая собирала вокругъ него пламенныхъ друзей и поклонниковъ. Его фанатическое такъ сказать, исканіе правды и истины въ жизни не покидало его и тогда, когда онъ на время уходилъ въ сторону отъ нихъ. Авторитетъ его, какъ моралиста, никогда не страдалъ между окружающими отъ его заблужденій. Необычайная честность всей его природы и способность убѣждать другихъ и освобождать ихъ отъ дурныхъ приростовъ мысли продолжали дѣйствовать на друзей и тогда, когда онъ шелъ въ разрѣзъ съ ихъ убѣжденіями. Очеркъ его моральной проповѣди, длившейся всю жизнь его, былъ бы и настоящей его біографіей». Несмотря на частыя насмѣшки надъ моралью, несмотря на то, что его часто упрекали въ безнравственности, Бѣлинскій, по заявленію Анненкова, «всю жизнь искалъ основныхъ принциповъ идеально благороднаго существованія на землѣ» и «проповѣдывалъ и поддерживалъ кругомъ себя спасительную ненависть ко всему пошлому, лицемѣрному, унижающему». Анненковъ считаетъ даже «чрезвычайнымъ счастіемъ» для Россіи то обстоятельство, что «тогдашняя цензура не угадала въ Бѣлинскомъ на первыхъ порахъ моралиста, который, подъ предлогомъ разбора русскихъ сочиненій,

занятъ единственно исканіемъ основъ для трезваго мышленія, способнаго устроить разумнымъ образомъ личное и общественное существованіе». «Послѣдняя моральная проповѣдь» Бѣлинскаго, по заявленію Анненкова, «основывалась на дѣйствіи тѣхъ врожденныхъ психическихъ силъ человѣка, которыя впослѣдствіи были подробно изслѣдованы и получили названіе *альтруистическихъ*. Бѣлинскій предупредилъ нѣсколькими годами анализъ психологовъ» (сс. 175, 216, 219, 346).

Независимо отъ *моральныхъ*, т.-е. общественныхъ, тенденцій, высоко цѣнитъ Анненковъ статьи Бѣлинскаго и съ точки зрѣнія психологическаго анализа литературныхъ произведеній. Особенно сильно восторгается Анненковъ разборомъ гоголевскаго «Ревизора». «Здѣсь—говоритъ онъ—каждое движеніе души у Хлестакова, городничаго, его жены, дочери, да и вообще у дѣйствующихъ лицъ комедіи выслѣжено съ неутомимостью мыслителя-психолога, разрѣшающаго трудную задачу, которая ему предложена: каждый намекъ на ихъ характеры, часто заключающійся въ одномъ словѣ или бѣглой чертѣ, уловленъ со вдохновеніемъ, можно сказать, равносильнымъ художническому. Весь ходъ творческой мысли автора разобранъ до мельчайшей подробности, и читателю статьи невольно кажется, что онъ присутствуетъ въ какой-то критической лабораторіи, гдѣ разлагаются передъ его глазами всѣ замыслы, пріемы и дальновидные разсчеты художническаго производства. Тайнъ чужой работы для Бѣлинскаго какъ бы не существуетъ» (с. 210).

Воспоминанія Анненкова такъ же, какъ и другихъ друзей Бѣлинскаго, очень часто переходятъ въ апологію. И въ «Замѣчательномъ десятилѣтіи» великій критикъ защищается не только отъ обвиненій въ безнравственности, но также отъ обвиненій въ легкомысліи, во враждѣ къ славянскому міру, въ любви къ революціоннымъ средствамъ, даже въ бюрократизмѣ и т. д. Даже очень близкіе къ Бѣлинскому люди, напримѣръ, Герценъ и Гончаровъ, говорятъ о быстрой и легкой смѣнѣ его симпатій и антипатій къ людямъ и идеямъ. «Могу сказать наоборотъ,—говоритъ Анненковъ — что рѣдко встрѣчалъ я людей, которые бы болѣе страдали, будучи принуждены, вслѣдствіе неотстранимаго логическаго и діалектическаго развитія своихъ принциповъ удаляться въ другую сторону отъ прежнихъ единомышленниковъ. Онъ долго мучился какъ потерей стараго созерцанія, такъ и потерей старыхъ собесѣдниковъ, и только убѣжденный въ законности

поворота, имъ сдѣланнаго, освобождался отъ всѣхъ тревогъ и пріобрѣталъ новое качество, именно гнѣвъ и негодованіе противъ тѣхъ, которые его задерживали на пути и напрасно занимали собой» (с. 182).

Въ отвѣтъ на упреки славянофиловъ и близкихъ къ нимъ лицъ въ родѣ Аполлона Григорьева, обзывавшихъ Бѣлинскаго «мелкимъ и врядъ ли *вполнѣ безкорыстнымъ* централизаторомъ и бюрократомъ», Анненковъ заявляетъ: «Централизаторомъ онъ, дѣйствительно, и былъ, — но не въ томъ смыслѣ, какъ говорили его враги, — не въ пользу какого-либо существующаго уже порядка дѣлъ и вещей, а того дальняго, который представлялся ему въ видѣ единенія всѣхъ народовъ Европы на почвѣ одной общей цивилизаціи, подъ покровомъ однихъ законовъ для разумнаго существованія. Съ какимъ одушевленіемъ говорилъ онъ о первыхъ проблескахъ этой будущей централизаціи, этого будущаго строя, которые усматривалъ и въ сближеніи европейскихъ народовъ между собой посредствомъ новыхъ дорогъ, международныхъ установленій и проч., и въ ихъ усиліяхъ создать, не уничтожая родовыхъ и племенныхъ особенностей каждой страны, одинъ общій кодексъ для государственнаго и общественнаго существованія человѣчества! А вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ уже не могъ, да и не хотѣлъ сдерживать своего негодованія, какъ только ему казалось, что обнаруживаются признаки посягательства на этотъ мерцающій вдали и еще далеко не обработанный кодексъ» (сс. 258—259). Отсюда вражда Бѣлинскаго къ славянофильству и ко всему, въ чемъ онъ усматривалъ мѣстное, спеціально-племенное, ультранаціональное.

Съ особеннымъ усердіемъ Анненковъ защищаетъ Бѣлинскаго отъ обвиненій въ *революціонности*, которыя могли основываться, между прочимъ, на заявленіяхъ Герцена. «Ни одно изъ его увлеченій, — говоритъ Анненковъ о Бѣлинскомъ—ни одинъ изъ его приговоровъ, ни въ печати, ни въ устной бесѣдѣ, не даютъ права узнавать въ немъ, какъ того сильно хотѣли его ненавистники, любителя страшныхъ соціальныхъ переворотовъ, свирѣпаго мечтателя, питающагося надеждами на крушеніе общества, въ которомъ живетъ. Тѣ вспышки Бѣлинскаго, на которыя указывали диффаматоры его для подтвержденія своихъ словъ, всегда были произведеніемъ ума и сердца, обиженныхъ въ своемъ нравственномъ существѣ, въ своей *идеалистической* природѣ. Ими онъ только облегчалъ душевныя страданія и мстилъ подчасъ за грубое

прикосновеніе къ какому-либо гуманному чувству своему; но одно недоразумѣніе или одна злая подозрительность могли предполагать за всѣмъ этимъ еще жажду скорыхъ расправъ, внезапныхъ потрясеній и простора для личной мести. Никогда и мысленно не принималъ онъ защиты тѣхъ разрушительныхъ явленій, которыя проходятъ иногда черезъ исторію и дѣйствуютъ въ ней со слѣпотой стихійныхъ силъ, не имѣя подъ собой часто никакихъ моральныхъ основъ и составляя какъ бы страшную и вмѣстѣ нелѣпую импровизацію жизни, раздраженной до послѣдней степени несчастіями и страданіями. Не разъ Бѣлинскій и самъ признавался, когда заходила рѣчь о такихъ эпохахъ, упоминаемыхъ исторіей западныхъ европейскихъ народовъ, что въ подобныя времена онъ былъ бы совершенно ничтожнымъ, растеряннымъ человѣкомъ, годнымъ единственно на то, чтобы умножить собою число жертвъ, обыкновенно оставляемыхъ ими за собой. Все, что не носило на себѣ печати мысли, не имѣло интеллектуальнаго характера и выраженія, вселяло ему ужасъ». Однимъ словомъ на политическіе перевороты, на революціи Бѣлинскій «никогда не разсчитывалъ и никогда не вводилъ ихъ въ кругъ своего созерцанія». «У Бѣлинскаго — прибавляетъ Анненковъ — не было первыхъ, элементарныхъ качествъ революціонера и агитатора, какимъ его хотѣли прославить, да и прославляютъ еще и теперь люди, ужасающіеся его честной откровенности и внутренней правдѣ всѣхъ его убѣжденій» (сс. 349—350).

IX. Некрасовъ.

Первыя стихотворенія Некрасова были встрѣчены Бѣлинскимъ очень сурово. Въ 1839 году онъ поставилъ начинающаго поэта на одну доску съ позабытыми теперь стихоплетами Банниковымъ, Гогніевымъ, Нахтигалемъ, Строміловымъ, Суиковымъ и др., стихотворенія которыхъ, по отзыву критика, особенно замѣчательны тѣмъ, что «ихъ можно читать и сверху внизъ и снизу вверхъ». «Мечты и звуки» Некрасова, напечатанные въ 1840 году, были встрѣчены нѣкоторыми русскими журналами довольно благосклонно. Въ первыхъ опытахъ юнаго поэта были отмѣчены «несомнѣнное дарованіе», «прекрасный талантъ», «прекрасныя мысли», «прекрасные стихи» и т. п. Но Бѣлинскій нашелъ въ стихотвореніяхъ Некрасова одни только «знакомыя и истертыя чувствованьица общія мѣста, гладкіе стишки» и закончилъ свою суровую рецен-

зію убійственной фразой: «посредственность въ стихахъ нестерпима». Приговоръ Бѣлинскаго перевѣсилъ въ глазахъ Некрасова всѣ благопріятные отзывы, и бѣдный поэтъ, мечтавшій не только о славѣ, но и о матеріальныхъ выгодахъ отъ своего изданія, поступилъ съ «Мечтами и звуками» точно такъ же, какъ Гоголь поступилъ со своимъ «Гансомъ Кюхельгартеномъ», т.-е. отобралъ у книгопродавцевъ непроданные экземпляры и уничтожилъ ихъ. «Можно думать,—говоритъ г. Мельшинъ—что, вращаясь въ студенческихъ кружкахъ Петербурга, Некрасовъ уже и въ моментъ выпуска своей злополучной книги хорошо зналъ имя Бѣлинскаго и высоко его цѣнилъ,— оттого и принялъ такъ къ сердцу приговоръ великаго критика» («Очерки русской поэзіи», с. 121 Спб. 1904).

И позднѣйшіе печатные приговоры, а потомъ, съ началомъ личнаго знакомства, и устные совѣты Бѣлинскаго принимались Некрасовымъ «къ свѣдѣнію и руководству», говоря бюрократическимъ языкомъ, и помогли ему найти истинную свою дорогу и изъ фельетоннаго балагура и поставщика пустыхъ водевилей превратиться въ пѣвца народнаго горя. «Ясно припоминаю,—разсказывалъ Некрасовъ Добролюбову о Бѣлинскомъ—какъ мы съ нимъ вдвоемъ часовъ до двухъ ночи бесѣдовали о литературѣ и о разныхъ другихъ предметахъ. Послѣ этого я всегда долго бродилъ по опустѣлымъ улицамъ въ какомъ-то возбужденномъ настроеніи, столько было для меня новаго въ высказанныхъ имъ мысляхъ... Заняться своимъ образованіемъ у меня не было времени, надо было думать о томъ, чтобы не умереть съ голоду. Я попалъ въ такой литературный кружокъ, въ которомъ скорѣе можно было отупѣть, чѣмъ развиться. Моя встрѣча съ Бѣлинскимъ была для меня спасеніемъ» (Головачева-Панаева, с. 339). «Бѣлинскій видѣлъ во мнѣ—пишетъ самъ Некрасовъ—богато одаренную натуру, которой недостаетъ развитія и образованія. И вотъ около этого-то держались его бесѣды со мной, имѣвшія для меня значеніе поученія. Онъ ловилъ меня часто на словахъ—и одно слово давало ему поводъ высказать мнѣ многое, что было для меня и ново и полезно» (Сочиненія А. М. Скабичевскаго, II, 262. Изд. 1895 г.). Съ какимъ благоговѣніемъ относился Некрасовъ къ Бѣлинскому, это онъ показалъ впослѣдствіи въ цѣломъ рядѣ стихотвореній. Теперь же можно упомянуть тѣ слова, которыя слышалъ отъ него о Бѣлинскомъ Достоевскій въ 1845 году. «Да вѣдь человѣкъ-то, человѣкъ-то какой! Вотъ вы познакомитесь, увидите, какая это

душа!» — восторженно говорилъ Некрасовъ. «Онъ благоговѣлъ передъ Бѣлинскимъ—прибавляетъ Достоевскій —и, кажется, всѣхъ больше любилъ его за всю свою жизнь» (Достоевскій въ изд. Маркса, XI, 31).

На дружескія отношенія къ Бѣлинскому Некрасова, а также и Панаева, наброшена нѣкоторая тѣнь исторіей преобразованія «Современника». Казалось бы, что капиталъ Панаева, дѣловитость Некрасова, имя и статьи Бѣлинскаго—величины, по крайней мѣрѣ, равныя, и что новый журналъ долженъ былъ принадлежать этимъ лицамъ на равныхъ правахъ. На дѣлѣ же Бѣлинскій, поддержавшій журналъ и своимъ сотрудничествомъ и статьями, собранными для «Левіафана», оказался, по выраженію Кавелина, «наемникомъ на жалованьи». Мы не знаемъ подробностей о первоначальныхъ переговорахъ и условіяхъ Бѣлинскаго съ Панаевымъ и Некрасовымъ. Но, зная крайнюю непрактичность и «младенческую довѣрчивость» великаго критика, можно допустить, что не было выработано никакихъ подробныхъ условій даже на словахъ. По всей вѣроятности, Бѣлинскій былъ убѣжденъ, что и Панаевъ и Некрасовъ ни въ коемъ случаѣ его не обидятъ. А тѣ устроили дѣло такъ, какъ имъ казалось лучше для успѣха журнала и для интересовъ Бѣлинскаго. Судя по началу подписки, изданіе «Современника» въ первый годъ грозило дефицитомъ, и дѣйствительно оказался убытокъ въ 10 т. руб. Поэтому Некрасовъ и Панаевъ нашли, что для Бѣлинскаго гораздо выгоднѣе получать опредѣленное содержаніе въ качествѣ сотрудника, чѣмъ надѣяться на весьма проблематичные доходы въ качествѣ соредактора журнала. Они избавили своего друга отъ вредныхъ для его здоровья хлопотъ и безпокойствъ и отъ разнаго рода черной работы, отягчавшей ему въ «Отеч. Запискахъ», и поставили его въ несравненно лучшія матеріальныя условія, чѣмъ Краевскій. Въ 1847 году Бѣлинскій получалъ 8 т. руб. асс., а въ 1848 году 12 т. руб., при чемъ денежныя его нужды удовлетворялись такъ щедро, что уже въ апрѣлѣ 1847 года были забраны всѣ деньги до 1 января 1848 года. А работать ему для «Современника» приходилось, по крайней мѣрѣ, въ полтора раза меньше, чѣмъ въ «Отеч. Запискахъ», да и работа была гораздо интереснѣе: Бѣлинскому уже не приходилось больше рецензировать французскихъ, нѣмецкихъ, латинскихъ и даже итальянскихъ азбукъ, грамматикъ и словарей. Самъ Бѣлинскій скоро понялъ, насколько улучшилось его матеріальное положеніе, благодаря переходу изъ «Отеч. Записокъ»

въ «Современникъ», и онъ почти совершенно примирился съ Некрасовымъ, на котораго, подъ вліяніемъ московскихъ друзей, сначала сильно негодовалъ. Онъ выступилъ даже на его защиту въ письмахъ къ Тургеневу, Кавелину и Боткину, хотя ему и трудно было «*перебаливать* внутреннимъ разрывомъ», да еще на почвѣ матеріальныхъ расчетовъ, съ человѣкомъ, котораго онъ такъ любилъ и талантъ котораго такъ высоко цѣнилъ. «Что за талантъ у этого человѣка! и что за топоръ его талантъ!»—писалъ Бѣлинскій Тургеневу. «Некрасовъ—это талантъ, да еще какой!»—говорится въ письмѣ Бѣлинскаго къ Кавелину.

И самъ Некрасовъ глубоко сожалѣлъ о происшедшемъ недоразумѣніи. Холодный, расчетливый умъ не позволилъ ему принести въ жертву свои матеріальные интересы, но его сердце, полное самой горячей любви и глубокой благодарности къ Бѣлинскому, было на сторонѣ такой жертвы. Онъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ Бѣлинскимъ и постарался, насколько могъ, загладить свою вину. Вмѣстѣ съ Панаевымъ онъ обезпечилъ матеріальное положеніе великаго критика въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, и если не могъ въ такой же степени обезпечить его семью, то отнюдь не вслѣдствіе недостатка уваженія къ его памяти. Въ 1857 году Некрасовъ предполагалъ напечатать второе изданіе «Записокъ Охотника», подаренное ему Тургеневымъ, и доходъ отъ продажи книги отдать дочери Бѣлинскаго. Въ томъ же году онъ выступилъ съ новымъ проектомъ. «Дочери Бѣлинскаго—писалъ онъ Тургеневу—уже 15 лѣтъ, у ней и у матери ничего нѣтъ, кромѣ скуднаго жалованья и твоей пенсіи: намъ такъ легко сдѣлать что-нибудь для нихъ, что стыдно не сдѣлать. Я имѣю уже обѣщаніе нѣсколькихъ порядочныхъ людей дать статьи для сборника; къ остальнымъ разошлю на дняхъ приглашеніе». Изъ приглашенія этого мы узнаемъ, что въ сборникъ должны были войти «статьи ученыя и беллетристическія, стихотворенія и замѣтки о жизни и дѣятельности Бѣлинскаго». Въ книгѣ предполагалось помѣстить портретъ Бѣлинскаго и снимки съ его подписи и почерка. Весь чистый доходъ предоставлялся дочери Бѣлинскаго. Къ сожалѣнію, оба эти предположенія не осуществились по независящимъ отъ Некрасова причинамъ ([illegible], «Некрасовъ», сс. 176, 188—190. Спб. 1905).

Впослѣдствіи, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, послѣ появленія въ печати воспоминаній Тургенева о Бѣлинскомъ, Некрасовъ составилъ двѣ небольшихъ записки, гдѣ постарался, насколько

возможно, оправдаться въ глазахъ потомства отъ печатныхъ упрековъ въ эксплуатаціи великаго критика. Я былъ очень бѣденъ и очень молодъ,—говоритъ Некрасовъ въ первой запискѣ—восемь лѣтъ боролся съ нищетою, видѣлъ лицомъ къ лицу голодную смерть, въ 24 года я былъ уже надломленъ работой изъ-за куска хлѣба. Не до того мнѣ было, чтобы жертвовать своими интересами чужимъ». «Не надо думать,—говоритъ Некрасовъ во второй запискѣ,—чтобъ я имѣлъ тогда вліяніе на Панаева, какое пріобрѣлъ впослѣдствіи. Онъ былъ десятью годами старше меня и находился въ эту эпоху на верху своей извѣстности. Я его, какъ и онъ меня,—тогда зналъ мало: онъ былъ для меня авторитетъ; притомъ деньги на журналъ были его (моихъ было только 5 т. р. асс., которые незадолго до того дала мнѣ взаймы на неопредѣленный срокъ Наталья Александровна Герценъ). Даже контрактъ съ Плетневымъ былъ заключенъ на имя одного Панаева. Значитъ въ сущности онъ одинъ былъ хозяиномъ дѣла. Только впослѣдствіи, спустя нѣсколько лѣтъ, при перемѣнѣ контракта съ Плетневымъ, прибавлено было въ контрактѣ мое имя, чѣмъ права мои уравнялись съ правами Панаева. Не хочу этимъ сказать, что Панаевъ помѣшалъ мнѣ сдѣлать желаемое Бѣлинскому, но я не могъ бы этого сдѣлать помимо его. А мнѣніе Панаева было то же, что и мое, именно, что предоставленіе Бѣлинскому доли было бы безплодно для него и опасно для дѣла, въ виду неминуемо близкой смерти Бѣлинскаго, которая была рѣшена врачами, что̀ не было тайной ни для кого изъ друзей его: пришлось бы связать себя въ будущемъ, имѣя дѣло не съ нимъ, а съ его наслѣдниками... Это особенно пугало Панаева» (Скабичевскій. II, 262—263).

Но не заботами о дочери Бѣлинскаго и не оправдательными записками загладилъ Некрасовъ свою вину передъ Бѣлинскимъ, а благоговѣйнымъ отношеніемъ къ его свѣтлой личности и къ его гуманнымъ завѣтамъ. Даже въ то время, когда имя Бѣлинскаго было изгнано изъ русской печати, Некрасовъ рѣшился напомнить о немъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Въ «Дѣловомъ разговорѣ», напечатанномъ въ «Современникѣ» 1851 года, «проницательный читатель» не могъ не узнать Бѣлинскаго въ слѣдующихъ словахъ «подписчика»:

Я также вѣрилъ вамъ, сочувствовалъ душой,
Когда въ своихъ статьяхъ, приличныхъ и достойныхъ,
Вы отзывалися съ разумной похвалой

О Пушкинѣ и о другихъ покойныхъ.
Языкъ краснорѣчивъ, манера хороша:
Кто страстно такъ любилъ, такъ понималъ искусство,
Въ томъ былъ глубокій умъ, горѣло ярко чувство,
Свѣтилася прекрасная душа!

Едва умеръ императоръ Николай I, какъ въ мартовской книгѣ «Современника» 1855 года появилось написанное двумя годами раньше стихотвореніе Некрасова «Памяти пріятеля».

Наивная и страстная душа,
Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли,
Упорствуя, волнуясь и спѣша,
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли,
Кипѣлъ, горѣлъ—и быстро ты угасъ!
Ты насъ любилъ, ты дружеству былъ вѣренъ—
И мы тебя почтили въ добрый часъ!
Ты по судьбѣ печальной безпримѣренъ:
Твой трудъ живетъ и долго не умретъ,
А ты погибъ, несчастливъ и незнаемъ!
И съ дерева невѣдомаго плодъ
Безпечные безпечно мы вкушаемъ.
Намъ дѣла нѣтъ, кто возрастилъ его,
Кто посвящалъ ему и трудъ и время,
И о тебѣ не скажетъ ничего
Своимъ потомкамъ сдержанное племя...
И съ каждымъ днемъ окружена тѣсней,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги къ ней не проторила...

Кто не догадался съ первыхъ же строкъ этого стихотворенія, что рѣчь идетъ о Бѣлинскомъ? Въ русской печати это былъ первый восторженный отзывъ о Бѣлинскомъ и въ то же время упрекъ и вызовъ, обращенный и къ друзьямъ великаго критика, и къ молодому поколѣнію. И этотъ горькій и не совсѣмъ справедливый упрекъ не остался безъ отвѣта. Могила Бѣлинскаго была отмѣчена памятникомъ и сдѣлалась мѣстомъ паломничества для молодежи. Кромѣ того, молодое поколѣніе отвѣтило на вызовъ блестящими статьями Чернышевскаго «Очерки гоголевскаго періода русской литературы», которые появились въ журналѣ Некрасова.

Въ 1856 году Некрасовъ написалъ поэму «Несчастные», относительно которой онъ самъ сказалъ Достоевскому: «я тутъ объ васъ думалъ, когда писалъ, это объ васъ написано». Но думая о Достоевскомъ, Некрасовъ не могъ не вспомнить и о Бѣлинскомъ,

знаменитое письмо котораго къ Гоголю послужило одной изъ главныхъ причинъ осужденія Достоевскаго на каторгу. И слѣды этихъ воспоминаній можно указать въ поэмѣ. Несомнѣнно думалъ Некрасовъ о Бѣлинскомъ, когда писалъ о Петербургѣ: «Въ стѣнахъ твоихъ и есть и были въ стары годы друзья народа и свободы, а посреди могилъ нѣмыхъ найдутся громкія могилы». Больше думалъ Некрасовъ о Бѣлинскомъ, чѣмъ о Достоевскомъ, и тогда, когда передавалъ содержаніе рѣчей поэта на каторгѣ, напримѣръ, о Петрѣ Великомъ и о блестящемъ будущемъ русскаго народа. Наконецъ, ужъ ни въ коемъ случаѣ Некрасовъ не могъ думать о Достоевскомъ, когда изображалъ болѣзнь и смерть Крота:

Въ день смерти съ ложа онъ воспрянулъ,
И снова силу обрѣла
Нѣмая грудь—и голосъ грянулъ!
Мечтаньемъ чуднымъ окрылилъ
Его Господь передъ кончиной,
И онъ подъ небо воспарилъ
Въ красѣ и легкости орлиной.
Кричалъ онъ радостно: «впередъ!»
И гордъ, и ясенъ, и доволенъ:
Ему мерещился народъ
И звонъ московскихъ колоколенъ;
Восторгомъ взоръ его сіялъ,
На площади, среди народа,
Ему казалось, онъ стоялъ
И говорилъ...

Приведенные стихи—поэтическая передача тѣхъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о послѣднихъ часахъ многострадальной жизни великаго критика. Вотъ, напримѣръ, какія подробности о смерти Бѣлинскаго сообщала Тургеневу одна дама въ письмѣ отъ 24-го іюня 1848 года: «Передъ самой смертью онъ говорилъ два часа, не переставая, какъ будто къ русскому народу, и часто обращался къ женѣ, просилъ ее все хорошенько запомнить и вѣрно передать эти слова, кому слѣдуетъ; но изъ этой длинной рѣчи почти ничего уже нельзя было разобрать; потомъ онъ вдругъ замолкъ и черезъ полчаса мучительной агоніи умеръ»[1].

[1]) Г-нъ Мельшинъ въ своей статьѣ о Некрасовѣ идетъ гораздо дальше. Вопреки общепринятому мнѣнію, онъ думаетъ, что въ лицѣ Крота поэтъ далъ намъ художественный образъ не Достоевскаго, а Бѣлинскаго, который за свое письмо къ Гоголю, несомнѣнно, попалъ бы на каторгу, если бы не умеръ «во-время», по выраженію Грановскаго.

Въ это же, приблизительно, время, была написана Некрасовымъ небольшая поэма «Бѣлинскій», не отличающаяся особенными достоинствами, но заслуживающая вниманія, какъ поэтическая біографія великаго критика и характеристика его эпохи [1]. Въ 1859 году Некрасовъ упоминаетъ о Бѣлинскомъ въ стихотвореніи «О погодѣ»:

Я ушелъ по кладбищу гулять;
Тамъ одной незамѣтной могилы,
Гдѣ уснули великія силы,
Мнѣ хотѣлось давно поискать.

Часто вспоминалъ Бѣлинскаго Некрасовъ и въ мучительно-тяжелый для него 1866 годъ, когда его лира для отвращенія «неумолимаго рока» издала «невѣрный звукъ» въ честь Муравьева, наполнивъ сердце поэта муками поздняго сожалѣнья и раскаянья

И вы, и вы отпрянули въ смущеньи,
Стоявшія бессмѣнно предо мной,
Великія, страдальческія тѣни,
О чьей судьбѣ такъ горько я рыдалъ,
На чьихъ гробахъ я преклонялъ колѣни
И клятвы мести грозно повторялъ.

«Великія, страдальческія тѣни»—это, конечно, мать Некрасова, Бѣлинскій и Добролюбовъ.

Въ указанныхъ стихотвореніяхъ имя Бѣлинскаго не упоминается; впервые же оно появляется въ знаменитыхъ строфахъ «Медвѣжьей охоты», напечатанной въ «Отеч. Запискахъ» 1868 г.

Бѣлинскій былъ особенно любимъ...
Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель, передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!
Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и раболѣпствуя позорно,
Твой умъ кипѣлъ—и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно.

. . . .

[1] Напечатанная первоначально въ «Полярной Звѣздѣ» Герцена (кн. VI) поэма «Бѣлинскій» не помѣщается въ собраніи стихотвореній Некрасова, авторство котораго даже подвергается сомнѣнію, впрочемъ, безъ достаточныхъ основаній. Изъ позднѣйшихъ перепечатокъ этой поэмы наиболѣе цѣнная въ «Литературномъ Вѣстникѣ» 1903 года (№ 1). См. Приложеніе.

Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва-ль не первый вспомнилъ о народѣ,
Едва-ль не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ...

И въ поэмѣ «Кому на Руси жить хорошо» Некрасовъ не забылъ помечтать о томъ «желанномъ времячкѣ», когда мужикъ «Бѣлинскаго и Гоголя съ базара понесетъ» и будетъ читать книги этихъ «заступниковъ народныхъ».

Всѣ указанныя произведенія и приведенные отзывы Некрасова свидѣтельствуютъ о томъ, съ какимъ чисто-религіознымъ уваженіемъ относился онъ къ личности своего учителя и какіе его завѣты ставилъ на первомъ мѣстѣ. Среди писателей, которыхъ обыкновенно называютъ учениками и послѣдователями Бѣлинскаго, Некрасовъ долженъ быть поставленъ на первое мѣсто не по объему таланта и не по литературному значенію, а по степени усвоенія и проведенія завѣтовъ великаго критика. (См. мою статью «Некрасовъ и Бѣлинскій» въ «Современномъ Мірѣ» 1908 г., № 2).

X. Тургеневъ.

Самымъ знаменитымъ изъ петербургскихъ друзей Бѣлинскаго былъ, безспорно, Тургеневъ. На первыхъ порахъ, въ среднихъ тридцатыхъ годовъ, Тургеневъ относился къ Бѣлинскому очень неблагосклонно, подъ вліяніемъ тѣхъ разсказовъ и сплетенъ, которые онъ могъ слышать отъ Воейкова и другихъ писателей на литературныхъ вечерахъ Плетнева. Первая статья Бѣлинскаго, которую прочелъ Тургеневъ, а именно, суровый разборъ стихотвореній Бенедиктова, также не расположила его къ московскому критику. Тургеневъ даже «воспылалъ негодованіемъ» на дерзкаго смѣльчака, поднявшаго руку на кумира тогдашней молодежи.

«Но странное дѣло!—писалъ онъ въ 1868 году—и во время чтенія [статьи Бѣлинскаго], и послѣ, къ собственному моему изумленію и досадѣ, что-то во мнѣ невольно соглашалось съ «критиканомъ», находило его доводы убѣдительными... неотразимыми. Я стыдился этого, уже точно неожиданнаго, впечатлѣнія, я старался заглушить въ себѣ этотъ внутренній голосъ; въ кругу пріятелей я съ большей еще рѣзкостью отзывался о самомъ Бѣлинскомъ и объ его статьѣ... но въ глубинѣ души что-то продолжало шептать мнѣ, что *онъ былъ правъ*... Прошло нѣсколько времени—и я уже не читалъ Бенедиктова... Имя Бѣлинскаго съ

тѣхъ поръ ужъ не изгладилось изъ моей памяти». Но знакомиться съ Бѣлинскимъ, съ этимъ «циникомъ» и «бульдогомъ», у Тургенева въ это время не было никакого желанія. Только въ Берлинѣ, благодаря бесѣдамъ со Станкевичемъ и Бакунинымъ, онъ получилъ истинное представленіе о личности Бѣлинскаго и по возвращеніи въ Петербургъ «очень желалъ познакомиться съ нимъ», хотя и приходилъ въ смущеніе отъ его «примирительныхъ» статей.

Личное знакомство Тургенева съ Бѣлинскимъ началось въ концѣ 1842 года и скоро превратилось въ тѣсную дружбу. «Если-бъ вы уѣхали изъ Петербурга,—писалъ Бѣлинскій Тургеневу изъ Москвы лѣтомъ 1843 года—я не зналъ бы куда и дѣваться: съ вами я отводилъ душу—это не гипербола, а сущая правда». «Всѣхъ больше цѣню я голову Тургенева», писалъ тогда же Бѣлинскій своей невѣстѣ. Что касается Тургенева, то онъ уже въ 1843 году посвятилъ Бѣлинскому свое стихотвореніе «Толпа». Лѣто слѣдующаго года Тургеневъ провелъ съ Бѣлинскимъ по сосѣдству на дачѣ въ Лѣсномъ, при чемъ почти каждый день посѣщалъ своего друга, котораго онъ «полюбилъ искренно и горячо». Въ 1845 и 1846 году, до самаго своего отъѣзда за границу, Тургеневъ былъ однимъ изъ наиболѣе усердныхъ посѣтителей Бѣлинскаго, къ которому онъ ходилъ послѣ обѣда «отводить душу» въ бесѣдахъ на всевозможныя темы. Въ это время Тургеневъ даже покумился со своимъ другомъ, сдѣлавшись крестнымъ отцомъ его сына, умершаго вскорѣ послѣ рожденія.

Во время бесѣдъ и споровъ съ Бѣлинскимъ Тургеневъ не только передавалъ ему «самые свѣжіе, послѣдніе выводы» нѣмецкой философіи и дѣлился съ нимъ своими свѣдѣніями по части иностранныхъ литературъ, но и внимательно прислушивался къ его сужденіямъ и совѣтамъ. Послѣ восторженнаго отзыва о «Парашѣ», заставившаго молодого автора почувствовать «больше смущенія, чѣмъ радости», Бѣлинскій значительно охладѣлъ къ литературной дѣятельности своего друга и не возлагалъ на него особыхъ надеждъ до появленія «Хоря и Калиныча»,—и Тургеневъ, по собственному его признанію, «возымѣлъ твердое намѣреніе вовсе оставить литературу». Бѣлинскій призналъ въ Тургеневѣ «рѣшительное отсутствіе самостоятельнаго лирическаго таланта», и Тургеневъ пересталъ писать стихи. Бѣлинскій холодно отнесся къ поэмамъ Тургенева, и авторъ «Параши» еще

въ пятидесятыхъ годахъ выражалъ желаніе, чтобы было забыто все напечатанное имъ подъ иниціалами Т. Л., а позже писалъ: «я чувствую положительную, чуть не физическую антипатію къ моимъ стихотвореніямъ—и не только не имѣю ни одного экземпляра моихъ поэмъ, но дорого бы далъ, чтобы ихъ вообще не существовало на свѣтѣ» (Первое собраніе писемъ Тургенева, с. 234. Спб. 1884). «Хорь и Калинычъ» вызвалъ пожеланіе Бѣлинскаго, чтобы авторъ написалъ еще «хоть цѣлые томы такихъ разсказовъ», и Тургеневъ въ 1852 году могъ издать два томика «Записокъ Охотника».

«Если не ошибаюсь, — писалъ Бѣлинскій Тургеневу въ 1847 году—ваше призваніе—наблюдать дѣйствительныя явленія и передавать ихъ, пропуская черезъ фантазію, но не опираться только на фантазію». И Тургеневъ въ объясненіи по поводу «Отцовъ и Дѣтей» заявилъ: «не обладая большою долею свободной изобрѣтательности, я всегда нуждался въ данной почвѣ, по которой я бы могъ твердо ступать ногами». Бѣлинскій находилъ, что Тургеневъ «пересаливаетъ въ употребленіи словъ орловскаго языка» и злоупотребляетъ «звукоподражательной поэзіей», вставляя въ свои разсказы такія словечки, какъ «ррракаліоонъ! че-о-экъ!» «Всѣ эти указанія Бѣлинскаго—говоритъ г. Грузинскій—припомнилъ Тургеневъ, когда исправлялъ текстъ «Записокъ Охотника» для отдѣльнаго изданія 1852 года. Мы насчитали до 50 такихъ исправленій, которыя имѣли цѣлью ослабить этнографичность языка» (А. Е. Грузинскій. «Литературные очерки», с. 229. М. 1908).

Но дѣло не ограничивалось усвоеніемъ отдѣльныхъ взглядовъ и мнѣній Бѣлинскаго по вопросамъ литературнымъ. Въ настоящее время едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что Тургеневъ сдѣлался «западникомъ» и врагомъ крѣпостного права не столько потому, что «бросился внизъ съ головою въ нѣмецкое море», сколько потому, что провелъ нѣсколько лѣтъ въ гуманной школѣ Бѣлинскаго. Вообще можно сказать, что едва ли кто изъ русскихъ писателей былъ такъ много обязанъ въ своемъ развитіи Бѣлинскому, какъ Тургеневъ и Некрасовъ. Это были наиболѣе вѣрные и наиболѣе признательные и благодарные ученики великаго русскаго критика.

Тургеневъ на тридцать пять лѣтъ пережилъ своего учителя и друга и за все это долгое время не утратилъ самой горячей и благоговѣйной любви къ его «многострадальной тѣни». Получивъ

извѣстіе о смерти Бѣлинскаго, Тургеневъ проситъ сообщить свѣдѣнія о его послѣднихъ минутахъ, хлопочетъ о томъ, чтобы помочь его семьѣ, и долго потомъ упрекаетъ себя за то, что не пріѣхалъ проститься съ нимъ въ Парижѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ Тургеневъ былъ въ большой дружбѣ съ Аксаковыми, но сближеніе съ этимъ славянофильскимъ семействомъ не могло вытравить въ его душѣ ни глубокаго уваженія къ личности Бѣлинскаго, ни солидарности даже съ наиболѣе рѣзкими его взглядами. Изъ дневника В. С. Аксаковой мы знаемъ, что 25 января 1855 года Тургеневъ привелъ въ сильное негодованіе К. Аксакова заявленіемъ, что Бѣлинскій и его письмо къ Гоголю—«вся его религія» («Минувшіе Годы» 1908 г., № 8, с. 134). Когда послѣ восьмилѣтняго молчанія въ русской печати снова заговорили о Бѣлинскомъ Тургеневъ радовался всякому сочувственному слову о великомъ критикѣ и приходилъ въ сильное раздраженіе, если кто-нибудь говорилъ о немъ иначе, чѣмъ съ восторгомъ и преклоненіемъ. Такъ, напримѣръ, «Очерки гоголевскаго періода русской литературы» до нѣкоторой степени примирили Тургенева съ Чернышевскимъ, къ которому онъ раньше относился очень недоброжелательно. «Мнѣ въ нихъ не нравится -писалъ Тургеневъ Льву Толстому—ихъ безцеремонный и сухой тонъ, выраженіе черствой души; но я радуюсь возможности ихъ появленія, радуюсь воспоминаніямъ о Бѣлинскомъ—выпискамъ изъ его статей, радуюсь тому, что наконецъ произносится съ уваженіемъ это имя» (Первое собраніе писемъ Тургенева, с. 28). «Статья Чернышевскаго—писалъ Тургеневъ Панаеву по поводу тѣхъ же «Очерковъ»—меня искренне порадовала... Иныя страницы меня истинно тронули» (Панаевъ, VI, 404). Совершенно иначе отнесся Тургеневъ къ первой статьѣ Дружинина о Бѣлинскомъ, о чемъ было уже упомянуто (с. 105).

И самъ Тургеневъ въ 1856 году своимъ романомъ «Рудинъ» сдѣлалъ крупный вкладъ въ дѣло реабилитаціи Бѣлинскаго. Въ настоящее время почти несомнѣнно, что въ высшей степени симпатичный образъ Покорскаго напоминаетъ гораздо больше Станкевича, чѣмъ Бѣлинскаго. Самъ Тургеневъ говоритъ: «когда я изобразилъ Покорскаго (въ «Рудинѣ»), образъ Станкевича носился предо мною» («Вѣстникъ Европы» 1899 г., № 1, с. 15). Но тогдашніе читатели отнесли цѣликомъ къ Бѣлинскому всѣ тѣ отзывы, которыми Лежневъ характеризуетъ Покорскаго. Мнѣніе это получило широкое распространеніе, оно проникло даже въ ино-

странную литературу (встрѣчается, напримѣръ, у Брандеса) и до настоящаго времени находитъ еще сторонниковъ. «Покорскій изображаетъ Бѣлинскаго», читаемъ мы въ книгѣ г. Вѣтринскаго «Грановскій и его время» (с. 77. Изд. 1905 г.).

Въ 1857 году Тургеневъ былъ сильно обрадованъ проектомъ Некрасова издать альманахъ въ пользу дочери Бѣлинскаго. «Милый Анненковъ!—писалъ онъ въ октябрѣ 1857 г.:—скажите Некрасову, что я обѣщаю ему двѣ статьи—повѣсть или разсказъ и воспоминанія о Бѣлинскомъ. Я глазамъ не вѣрю—неужели позволили наконецъ альманахъ съ именемъ Бѣлинскаго на заглавномъ листѣ и съ отзывами о немъ! Какъ бы то ни было—я съ восторгомъ впрягаюсь въ эту карету и буду везти изъ всѣхъ силъ» (Анненковъ, 494). 1859 годъ доставилъ Тургеневу еще большую радость: въ этомъ году начали выходить въ изданіи Солдатенкова и Н. Щепкина, подъ редакціей Кетчера, сочиненія Бѣлинскаго. Въ этомъ же году Тургеневъ рѣшился публично заговорить о Бѣлинскомъ въ своей лекціи о Пушкинѣ, прочитанной въ Петербургѣ «для самаго избраннаго общества, въ присутствіи старыхъ литературныхъ знаменитостей», изъ которыхъ многія, если не всѣ, имѣли личные счеты съ великимъ критикомъ. И передъ такой-то аудиторіей, которая очень мало была расположена къ личности и идеямъ Бѣлинскаго, Тургеневъ поставилъ его рядомъ съ Пушкинымъ и Гоголемъ и назвалъ его «идеалистомъ въ лучшемъ смыслѣ слова». Во имя своего идеала, по словамъ Тургенева, «провозглашалъ Бѣлинскій художественное значеніе Пушкина и указывалъ на недостатокъ въ немъ гражданскихъ началъ; во имя этого идеала привѣтствовалъ онъ и лермонтовскій протестъ и гоголевскую сатиру; во имя этого же идеала сокрушалъ онъ старые авторитеты, наши такъ называемыя славы, на которыя онъ не имѣлъ ни возможности, ни охоты взглянуть съ исторической точки зрѣнія». Такая характеристика и упоминаніе о «личныхъ дружественныхъ отношеніяхъ» къ Бѣлинскому въ устахъ моднаго писателя и передъ великосвѣтской аудиторіей были немаловажнымъ подвигомъ со стороны Тургенева. «Одно упоминовеніе этого имени—вспоминаетъ Тургеневъ—возбудило негодованіе большей части моихъ слушателей». Лекторъ, по словамъ Панаева, «совершилъ изумительный подвигъ, поставивъ имя Бѣлинскаго на ряду съ именами Пушкина и Гоголя!.. Объ этомъ говорилъ весь городъ» (Панаевъ, VI, 319). Насколько могъ скомпрометировать себя Тургеневъ въ глазахъ «старыхъ литератур-

ныхъ знаменитостей», можно судить по извѣстнымъ читателю отзывамъ князя Вяземскаго о приверженцахъ и поклонникахъ Бѣлинскаго.

Слѣдуя примѣру Герцена и Лажечникова, и Тургеневъ одновременно съ Панаевымъ выступилъ со своими воспоминаніями о Бѣлинскомъ, напечатавъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1860 года (№ 3) письмо къ книгопродавцу Основскому подъ заглавіемъ: «Моя встрѣча съ Бѣлинскимъ». Эта небольшая замѣтка представляетъ какъ бы конспектъ позднѣйшихъ, болѣе подробныхъ, воспоминаній Тургенева о Бѣлинскомъ. Здѣсь говорится о глубокой искренности Бѣлинскаго, который, при всемъ своемъ самолюбіи, «простодушно забывалъ о себѣ передъ тѣмъ, что признавалъ за истину», и «не вѣдалъ той ложной и мелкой щепетильности эгоистическихъ натуръ, которыя не въ силахъ сознаться въ томъ, что онѣ ошиблись». «Онъ былъ живой человѣкъ,—говоритъ Тургеневъ,—шелъ, падалъ, поднимался и опять шелъ впередъ, какъ живой человѣкъ». Но «падалъ онъ—спѣшитъ прибавить Тургеневъ—только на пути умственнаго развитія: другихъ паденій онъ не испытывалъ и испытать не могъ, потому что нравственная чистота этого—какъ выражались его противники—циника была по-истинѣ изумительна и трогательна». Далѣе, вспоминая о своихъ спорахъ съ Бѣлинскимъ и о его блестящихъ импровизаціяхъ, Тургеневъ характеризуетъ краснорѣчіе своего друга. «Когда онъ былъ въ ударѣ, не было возможности представить человѣка болѣе краснорѣчиваго въ лучшемъ русскомъ смыслѣ этого слова... Это было неудержимое изліяніе нетерпѣливаго и порывистаго, но свѣтлаго и здраваго ума, согрѣтаго всѣмъ жаромъ чистаго и страстнаго сердца и руководимаго тѣмъ тонкимъ и вѣрнымъ чутьемъ правды и красоты, котораго почти ничѣмъ не замѣнишь».

Объясняя историческое значеніе знаменитаго критика, Тургеневъ писалъ: «Бѣлинскій былъ именно тѣмъ, что мы бы рѣшились назвать центральной натурой, т.-е. онъ всѣми своими качествами и недостатками стоялъ близко къ центру, къ самой сути своего народа». Благодаря этому обстоятельству, Бѣлинскій, несмотря на малый запасъ познаній, неусидчивость и неохоту къ медленнымъ трудамъ, сдѣлался «однимъ изъ руководителей общественнаго сознанія своего времени», потому что, хотя онъ не былъ ученъ, зналъ, однако, довольно для того, чтобы имѣть право говорить и наставлять другихъ, а во-вторыхъ—онъ зналъ именно

то, что нужно было знать, и это знаніе срослось у него съ жизнью, какъ во всякой центральной натурѣ». Глубокій здравый смыслъ и сильное, хотя и не совсѣмъ ясное, сознаніе своего призванія не позволяли Бѣлинскому — говоритъ Тургеневъ далѣе — отклоняться отъ единственно-полезной въ то время дѣятельности: литературно-критической, въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова». Не теорія критики и даже не исторія литературы нужны были тогда русскому обществу. «Тогда слѣдовало расчистить самый родникъ, уяснить первоначальныя понятія современниковъ о томъ, что въ словесности нашей представлялось, какъ правда и какъ красота, слѣдовало сказать обо всѣхъ ея явленіяхъ искреннее и смѣлое слово—и Бѣлинскій принялся за это дѣло со всей несокрушимой энергіей своей восторженной натуры».

Какъ бы въ отвѣтъ нѣкоторымъ своимъ друзьямъ, сильно ограничивавшимъ самостоятельность и оригинальность мнѣній Бѣлинскаго и преувеличивавшимъ вліяніе на него Станкевича, Боткина и др., Тургеневъ заявляетъ: «Въ этомъ дѣлѣ никто не былъ его учителемъ, руководителемъ: изъ кружка своихъ московскихъ друзей онъ вынесъ почти всѣ свои познанія, знакомство съ результатомъ науки: онъ многимъ былъ имъ обязанъ, они дали ему въ руки орудіе, но никто не могъ сказать ему, какъ имъ дѣйствовать, противъ кого сражаться; онъ какъ будто проводилъ ихъ идеи, исполнялъ ихъ замыслы,—но ни одинъ изъ его товарищей-наставниковъ не былъ въ состояніи замѣнить его, дѣлать *его* дѣло, потому что онъ превосходилъ ихъ всѣхъ безъ исключенія силой и тонкостью эстетическаго пониманія, почти непогрѣшительнымъ вкусомъ».

Защищаетъ Тургеневъ Бѣлинскаго и отъ упрековъ въ парадоксальности, въ ошибкахъ, въ увлеченіяхъ и въ противорѣчіяхъ всякаго рода,—отъ упрековъ, которые онъ встрѣтилъ, между прочимъ, въ статьѣ Дружинина. «Въ его натурѣ, говоритъ Тургеневъ о Бѣлинскомъ—лежала склонность къ преувеличенію, или, говоря точнѣе, къ безотвѣтному и полному высказыванію всего того, что ему казалось справедливымъ; осторожность, предусмотрительность были ему чужды; стоило только взглянуть на полулисты, которые онъ посылалъ въ типографію, на эти прямыя, какъ стрѣлы, строки его быстраго, крупнаго, своеобразнаго почерка, почти безъ помарокъ, чтобы понять, что это писалъ человѣкъ, который не взвѣшивалъ и не разсчитывалъ свои выраженія. Оттого онъ часто увлекался и впадалъ въ противорѣчія съ

[illegible], на которыя враги его указывали потомъ съ злораднымъ и безплоднымъ торжествомъ». Но всѣ эти недостатки, по мнѣнію Тургенева, не мѣшали Бѣлинскому быть «оригинальнымъ мыслителемъ и едва ли не самымъ замѣчательнымъ критикомъ своего времени».

Не забылъ Тургеневъ упомянуть и о томъ, какъ мучили Бѣлинскаго религіозныя сомнѣнія. «Повѣрите ли,—говоритъ онъ о своемъ другѣ—что въ теченіе восьми дней, пока онъ не добился удовлетворительнаго, по его мнѣнію, разрѣшенія своихъ сомнѣній, онъ былъ въ лихорадкѣ, ни о чемъ другомъ говорить не могъ, не понималъ даже, какъ можно говорить о чемъ-нибудь другомъ, пока вопросъ такой важности [о существованіи Бога] не разрѣшенъ, и упрекалъ меня въ легкомысліи, какъ только я позволялъ себѣ малѣйшее уклоненіе» (Сочиненія Тургенева въ изд. Маркса. XII, 359—363).

Тургеневскія «Воспоминанія о Бѣлинскомъ», появившіяся въ «Вѣстникѣ Европы» 1869 года (№ 4), еще въ большей степени являются апологіей великаго критика. Уже въ наружности Бѣлинскаго, человѣка «довольно некрасиваго и даже нескладнаго, съ впалой грудью и понурой головой», съ неправильнымъ носомъ и искривленнымъ ртомъ, авторъ воспоминаній влюбленнымъ взглядомъ подмѣтилъ и прекрасный лобъ, и пріятный, несмотря на хрипоту и слабость, голосъ, и красивыя руки, и задушевный смѣхъ, и наконецъ голубые, съ золотыми искорками въ глубинѣ зрачковъ, глаза, сверкавшіе въ минуты одушевленія и принимавшіе «плѣнительное выраженіе привѣтливой доброты и безпечнаго счастья» въ минуты веселости. «Я не видалъ глазъ болѣе прелестныхъ, чѣмъ у Бѣлинскаго», говоритъ Тургеневъ, уже однимъ описаніемъ наружности своего друга разрушившій представленіе о немъ, какъ о «циникѣ» и «бульдогѣ», какимъ изображали Бѣлинскаго его враги.

Духовный обликъ Бѣлинскаго обрисованъ въ воспоминаніяхъ не менѣе любовно, чѣмъ его внѣшность. Тургеневъ постарался разобрать и опровергнуть тѣ обвиненія, которыя были высказаны по адресу знаменитаго критика его литературными противниками. Въ этой апологіи мы встрѣчаемъ повтореніе и развитіе того, что было сказано въ защиту и оправданіе Бѣлинскаго въ замѣткѣ 1860 года, но наряду съ повтореніемъ стараго мы встрѣчаемъ не мало и новаго. Тургеневъ снова называетъ Бѣлинскаго *центральной натурой*, такъ какъ «онъ всѣмъ существомъ своимъ

стоялъ близко къ сердцевинѣ своего народа, воплощалъ его вполнѣ, и съ хорошихъ и съ дурныхъ сторонъ». Даже недостатокъ образованія и знаній Тургеневъ считалъ «характеристическимъ признакомъ, почти необходимостью» для русской «центральной натуры». И безъ большого запаса научныхъ познаній Бѣлинскій, по заявленію Тургенева, могъ, до извѣстной степени, заслужить «названіе русскаго Лессинга», такъ какъ недостатокъ знаній и образованія восполнялся въ немъ врожденнымъ эстетическимъ чутьемъ необычайной силы и тонкости. «Бѣлинскій,—говоритъ Тургеневъ- безспорно, обладалъ главными качествами великаго критика; и если въ дѣлѣ науки, знанія, ему приходилось заимствовать отъ товарищей, принимать ихъ слова на вѣру—въ дѣлѣ критики ему не у кого было спрашиваться; напротивъ, другіе слушались его; почииъ оставался постоянно за нимъ. Эстетическое чутье было въ немъ почти непогрѣшительно; взглядъ его проникалъ глубоко и никогда не становился туманнымъ. Бѣлинскій не обманывался внѣшностью, обстановкой—не подчинялся никакимъ вліяніямъ и вѣяніямъ: онъ сразу узнавалъ прекрасное и безобразное, истинное и ложное и съ безтрепетною смѣлостью высказывалъ свой приговоръ... При появленіи новаго дарованія, новаго романа, стихотворенія, повѣсти,—никто, ни прежде Бѣлинскаго, ни лучше его, не произносилъ правильной оцѣнки, настоящаго, рѣшающаго слова».

Сравнивая Бѣлинскаго съ современными ему и позднѣйшими русскими критиками, Тургеневъ ставитъ его выше и Сенковскаго, и Чернышевскаго, и Добролюбова, и Писарева, впадая при этомъ въ полемическія преувеличенія. Между прочимъ, еще прежде Кавелина Тургеневъ заявилъ, что Бѣлинскій былъ настолько же идеалистъ, насколько отрицатель; онъ отрицалъ во имя идеала». «Этотъ идеалъ—по словамъ Тургенева—былъ свойства весьма опредѣленнаго и однороднаго, хотя именовался и именуется доселѣ различно: наукой, прогрессомъ, гуманностью, цивилизаціей, Западомъ, наконецъ... Бѣлинскій посвятилъ всего себя служенію этому идеалу; всѣми своими симпатіями, всей своей дѣятельностью принадлежалъ онъ къ лагерю «западниковъ»... Онъ былъ западникомъ не потому только, что признавалъ превосходство западной науки, западнаго искусства, западнаго общественнаго строя; но и потому, что былъ глубоко убѣжденъ въ необходимости воспріятія Россіей всего выработаннаго Западомъ—для развитія собственныхъ ея силъ, собственнаго ея значенія. Онъ вѣрилъ,

что намъ нѣтъ другого спасенія, какъ идти по пути, указанному намъ Петромъ Великимъ... Принимать результаты западной жизни, примѣнять ихъ къ нашей, соображаясь съ особенностями природы, исторіи, климата,—впрочемъ, относиться и къ нимъ свободно, критически—вотъ какимъ образомъ могли мы, по его понятію, достигнуть, наконецъ, самобытности, которою онъ дорожилъ гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ».

Далѣе, считаясь съ обвиненіями великаго критика въ недостаткѣ патріотизма и даже въ ненависти къ своему отечеству, Тургеневъ заявляетъ, что «Бѣлинскій былъ вполнѣ русскій человѣкъ, даже патріотъ... благо родины, ея величіе, ея слава возбуждали въ его сердцѣ глубокіе и сильные отзывы. Да, Бѣлинскій любилъ Россію,—продолжаетъ Тургеневъ—но онъ также пламенно любилъ просвѣщеніе и свободу: соединить въ одно эти высшіе для него интересы—вотъ въ чемъ состоялъ весь смыслъ его дѣятельности, вотъ къ чему онъ стремился». «А что западническія убѣжденія Бѣлинскаго—говорится дальше—ни на волосъ не ослабили въ немъ его пониманія, его чутья всего русскаго, не измѣнили той русской струи, которая била во всемъ его существѣ,—тому доказательствомъ служитъ каждая его статья [1]. Да, онъ чувствовалъ русскую суть какъ никто. Не признавая нашихъ лже-классическихъ, лже-народныхъ авторитетовъ, ниспровергая ихъ,—онъ въ то же время тоньше всѣхъ и вѣрнѣе всѣхъ умѣлъ оцѣнить и дать уразумѣть другимъ то, что было дѣйствительно самобытнаго, оригинальнаго въ произведеніяхъ нашей литературы. Ни у кого ухо не было болѣе чутко; никто не ощущалъ болѣе живо гармонію и красоту нашего языка; поэтическій эпитетъ, изящный оборотъ рѣчи поражалъ его мгновенно»... Священный огонь любви къ родинѣ горѣлъ въ душѣ Бѣлинскаго даже въ періодъ отрицательнаго отношенія къ «гнусной *расейской* дѣйствительности». «Онъ изнывалъ за границей отъ скуки,—говоритъ Тургеневъ—его такъ и тянуло назадъ въ Россію. Ужъ

[1]) Въ частности, по поводу исходившихъ отъ учениковъ Шевырева, въ томъ числѣ отъ Буслаева, упрековъ въ презрѣніи къ народной поэзіи и старинѣ, Тургеневъ указываетъ на статьи Бѣлинскаго о народныхъ пѣсняхъ и былинахъ и заявляетъ, что эти статьи, «при слабости и скудости тогдашнихъ филологическихъ и археологическихъ данныхъ, поражаютъ читателя глубокимъ и живымъ пониманіемъ народнаго духа и народнаго творчества».

очень онъ былъ русскій человѣкъ и внѣ Россіи замиралъ, какъ рыба на воздухѣ».

По поводу обвиненій Бѣлинскаго въ «наглости», «грубости», «пьянствѣ», «развратномъ поведеніи» и т. д. Тургеневъ заявляетъ: «У этого циника душа была цѣломудренная до стыдливости, мягкая до нѣжности, честная до рыцарства... велъ онъ жизнь чуть не монашескую... вино не касалось его губъ... [1]) То, чѣмъ такъ сильно дѣйствуетъ Парижъ на многихъ нашихъ соотечественниковъ, возмущало его чистое, почти аскетическое нравственное чувство». По поводу упрековъ въ нетерпимости, исходившихъ не только отъ враговъ, но и отъ друзей великаго критика, Тургеневъ говоритъ: «Какъ во всѣхъ людяхъ съ пылкою душою, во всѣхъ энтузіастахъ, въ Бѣлинскомъ была большая доля нетерпимости. Онъ не признавалъ, особенно сгоряча, ни одной частицы правды во мнѣніяхъ противника и отворачивался отъ нихъ съ тѣмъ же негодованіемъ, съ которымъ покидалъ собственныя мнѣнія, когда находилъ ихъ ошибочными». Но «истина была для него слишкомъ дорога: онъ не могъ окончательно упорствовать... Въ собственныхъ промахахъ Бѣлинскій признавался безъ всякой задней мысли: мелкаго самолюбія въ немъ и слѣда не было... Зато ничего не было для него важнѣе и выше дѣла, за которое онъ стоялъ, мысли, которую онъ защищалъ и проводилъ: тутъ онъ на стѣну готовъ былъ лѣзть... Тутъ и смѣлость являлась въ немъ — отвага отчаянная».

Точно предвидя обвиненія Достоевскаго, упрекавшаго Бѣлинскаго въ крайне легкомысленномъ отношеніи къ религіознымъ вопросамъ, Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ такъ же, какъ и въ замѣткѣ 1860 года, указываетъ, какія страшныя муки переживалъ Бѣлинскій въ 1844 году при разрѣшеніи своихъ религ-

[1]) Бѣлинскій, котораго называли «пьяницей» и Гречъ и Шевыревъ, дѣйствительно, почти не пилъ вина, чѣмъ вызывалъ сильное недовольство Кетчера, исполнявшаго обыкновенно, во время дружескихъ обѣдовъ, обязанности виночерпія. Но въ концѣ своей жизни Бѣлинскій охотно пилъ шампанское. «По части шампанскаго—писалъ онъ Герцену 6 февраля 1846 года—Кетчеръ—мой крестный отецъ, и я не знаю, какъ и благодарить его. Ко всѣмъ солиднымъ винамъ (за исключеніемъ хереса, къ которому чувствую еще нѣкоторую слабость) питаю полное презрѣніе и, кромѣ шампанскаго, никакого ни капли въ ротъ, а шампанское тотчасъ же послѣ супу. Ожидалъ ли ты отъ меня такого прогресса?» («Р. Мысль» 1891 г., № 1, с. 131).

гіозныхъ сомнѣній. «Сомнѣнія его именно мучили его,—говоритъ Тургеневъ—лишали его сна, пищи, неотступно грызли и жгли его; онъ не позволялъ себѣ забыться и не зналъ усталости; онъ денно и нощно бился надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, которые самъ задавалъ себѣ... «Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога,—сказалъ онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекомъ—а вы хотите ѣсть!»... Лишь добившись удовлетворившаго его въ то время результата, Бѣлинскій успокоился и, отложивъ размышленія о тѣхъ капитальныхъ вопросахъ, возвратился къ ежедневнымъ трудамъ и занятіямъ».

Можно привести еще цѣлый рядъ заявленій изъ воспоминаній Тургенева, свидѣтельствующихъ о томъ, какое сильное впечатлѣніе произвела на него личность великаго русскаго критика. Бѣлинскій былъ—говоритъ Тургеневъ—дѣйствительно страстный и дѣйствительно искренній человѣкъ, способный къ увлеченію беззавѣтному, но исключительно преданный правдѣ, раздражительный, но не самолюбивый, умѣвшій любить и ненавидѣть безкорыстно». «Бѣлинскій... былъ правдивый и честный человѣкъ». Это былъ тотъ добрый человѣкъ, который, по выраженію Гете, и въ неясномъ своемъ стремленіи всегда имѣетъ сознаніе прямого пути. «Правдивость его была слишкомъ велика—онъ не могъ измѣнить ей даже ради шутки». «Скромность его была непритворна и чистосердечна». «Бѣлинскій былъ однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ русскихъ людей, если принимать слово «краснорѣчіе» въ смыслѣ силы убѣжденія... Въ немъ жила та неотразимая мощь, которая дается честной и непреклонной мыслью, и выражалась она своеобразно и, въ концѣ концовъ, увлекательно». «Подобнаго ему человѣка я не встрѣчалъ ни прежде, ни послѣ». Можно еще указать, что Тургеневъ высоко цѣнилъ «славный, ясный и здравый языкъ Бѣлинскаго съ его «мужественной и безхитростной простотой», а также его «вѣскую и неповоротливую» иронію, которая «тотчасъ становилась сарказмомъ, била не въ бровь, а въ глазъ».

Составленіе воспоминаній о Бѣлинскомъ доставило Тургеневу не мало отрадныхъ минутъ. «Я писалъ старательно, два раза все переписалъ и умиленіе испытывалъ не малое... пришли и стали воспоминанія». «Эта вещь мнѣ ближе приросла къ сердцу, чѣмъ многія другія, и мнѣ было бы больно думать, что я не сумѣлъ передать очеркъ лица, столь для меня дорогого». Таковы собственныя признанія Тургенева въ письмѣ къ Анненкову (Рус. Обо

зрѣніе» 1894 г., № 3, сс. 21—22). «Я вызвалъ его дорогую тѣнь... я уже доволенъ тѣмъ, что онъ побылъ со мной въ моемъ воспоминаніи... «Человѣкъ онъ былъ!» Таковы заключительныя строки воспоминаній Тургенева о Бѣлинскомъ. По появленіе «Воспоминаній о Бѣлинскомъ» въ печати вызвало крайне непріятныя для Тургенева рецензіи и статьи. Такъ, напримѣръ, въ журналахъ «Дѣло» (1869 г., № 4) и «Космосъ» (1869 г., приложеніе 1-е) Тургенева упрекали въ томъ, что онъ сообщилъ о своемъ другѣ очень мало новаго, что онъ больше говоритъ о себѣ, чѣмъ о Бѣлинскомъ, что онъ даже хвалитъ больше себя, чѣмъ Бѣлинскаго, унижая въ то же время его учениковъ и послѣдователей. «Главный персонажъ въ воспоминаніяхъ г. Тургенева о Бѣлинскомъ—говорится въ «Космосѣ»—не Бѣлинскій, а самъ г. Тургеневъ; этотъ персонажъ составляетъ главную цѣль, подкладку и средоточіе воспоминаній, ему принадлежитъ большая часть комплиментовъ, разсыпанныхъ по воспоминаніямъ искусною рукою». Вообще, по мнѣнію автора этой статьи (М. А. Антоновича), Тургеневъ напечаталъ свои воспоминанія, чтобы «реставрировать самого себя. Даже болѣе безпристрастный Страховъ отмѣтилъ въ «Зарѣ» 1869 г. (№ 9) «нѣкоторое высокомѣріе, съ которымъ г. Тургеневъ трактуетъ Бѣлинскаго и его дѣятельность,—высокомѣріе, конечно, совершенно невольное и безсознательное». По мнѣнію Страхова, Тургеневъ «объяснилъ успѣхъ и значеніе Бѣлинскаго вовсе не лестнымъ образомъ ни для Россіи, ни для самого Бѣлинскаго». Кромѣ того Страховъ остался недоволенъ тѣмъ, что «память Бѣлинскаго была употребляема, какъ полемическое орудіе». Впослѣдствіи съ серьезными возраженіями противъ воспоминаній Тургенева выступилъ Пыпинъ въ своей біографіи Бѣлинскаго. Но всѣ эти возраженія въ настоящее время почти забыты, и «Воспоминанія о Бѣлинскомъ», при всѣхъ недочетахъ и полемическихъ увлеченіяхъ Тургенева, остаются одной изъ лучшихъ оцѣнокъ великаго русскаго критика.

И въ послѣдніе годы своей жизни Тургеневъ говоритъ о своемъ другѣ при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ 1880 году на пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ, въ своей извѣстной рѣчи о Пушкинѣ, онъ назвалъ Бѣлинскаго «самымъ главнымъ, первоначальнымъ истолкователемъ Пушкина» и счелъ нужнымъ упомянуть о такой мелочи, какъ совпаденіе дня рожденія величайшаго русскаго поэта и дня кончины величайшаго русскаго критика (26 мая). Не даромъ И. С. Аксакову показалось, что ораторъ,

«говоря о Пушкинѣ, воздавалъ хвалу Бѣлинскому», въ то время какъ Достоевскій «представилъ, что Бѣлинскій ничего не понялъ въ Татьянѣ» («Рус. Архивъ» 1891 г., № 5, с. 96). Въ томъ же 1880 году, въ бесѣдѣ съ покойнымъ Семевскимъ, Тургеневъ, вспоминая свою молодость, говорилъ, что по возвращеніи изъ-за границы онъ собирался сдѣлаться педагогомъ, профессоромъ, ученымъ, но, познакомившись съ Бѣлинскимъ, «началъ писать стихи, а затѣмъ прозу, и вся философія, а также мечты и планы о педагогикѣ оставлены были въ сторонѣ: я всецѣло отдался русской литературѣ» («Рус. Старина» 1883 г., № 10, с. 206).

Въ 1880 и 1881 годахъ г-жа Хинъ часто встрѣчалась съ Тургеневымъ въ Парижѣ и «много слышала отъ него о Достоевскомъ, Толстомъ, Гончаровѣ, Катковѣ, а больше всего о Бѣлинскомъ, о которомъ онъ всегда вспоминалъ съ трогательною нѣжностью, называя его святымъ» (Сборникъ «Подъ знаменемъ науки», с. 373, М. 1902). А вотъ характерный отрывокъ изъ «Воспоминаній объ И. С. Тургеневѣ» М. М. Ковалевскаго, неоднократно бесѣдовавшаго съ великимъ романистомъ въ послѣдніе годы его жизни: «Съ какимъ жаромъ, съ какой любовью говорилъ онъ о своемъ пріятелѣ. «Сколько задушевной искренности и теплоты было въ этомъ человѣкѣ. За то же и цѣнили мы каждое его слово. Получить одобреніе отъ Бѣлинскаго было не легко, и кто удостоился этой чести, могъ назвать себя счастливымъ. Вы не судите о Бѣлинскомъ по однимъ его статьямъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые стоятъ выше своихъ произведеній. Его слогъ тягучъ и подчасъ скученъ, въ разговорѣ же было столько живости и огня. Я мало читалъ Бѣлинскаго, онъ повліялъ на меня своими бесѣдами. Сильная это была натура, большой талантъ!...» Впослѣдствіи—продолжаетъ М. М. Ковалевскій—Тургеневъ неоднократно возвращался въ своихъ разговорахъ къ Бѣлинскому. По его мнѣнію, Бѣлинскій мѣтко опредѣлилъ съ самаго начала характеръ его таланта, его чуткость и наблюдательность, съ одной стороны, и относительную слабость фантазіи—съ другой» («Минувшіе Годы» 1908 г., № 8, с. 10).

Но ни въ чемъ любовь Тургенева къ Бѣлинскому не выразилась такъ сильно, какъ въ его желаніи лечь въ могилу рядомъ со своимъ другомъ. Тургеневъ любилъ свое Спасское, пользовался всякимъ случаемъ, чтобы провести въ немъ лѣто; умирая, онъ посылалъ поклонъ своему дому, саду, молодому дубу: вполнѣ естественно для знаменитаго романиста было бы желаніе, чтобы

его похоронили «ближе къ милому предѣлу». Но онъ пожелалъ лечь рядомъ съ Бѣлинскимъ на скромныхъ «литераторскихъ мосткахъ» Волкова кладбища въ Петербургѣ. Объ этомъ желаніи онъ говорилъ своимъ французскимъ друзьямъ, а также русскому послу въ Парижѣ князю Орлову и М. М. Стасюлевичу. Когда Тургеневу напомнили, что могила Бѣлинскаго обставлена со всѣхъ сторонъ, онъ возразилъ: «ну, да я не буквально—все равно будемъ вмѣстѣ на одномъ кладбищѣ» («Вѣстникъ Европы» 1883 г., № 10, сс. 851—2).

Предсмертное желаніе Тургенева исполнено «не буквально», его прахъ не покоится подлѣ праха Бѣлинскаго; но ихъ имена навсегда связаны другъ съ другомъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, и памятникомъ этой связи является посвященіе «Отцовъ и Дѣтей» памяти Бѣлинскаго. Еще въ 1862 году, какъ бы въ отвѣтъ на рѣзкія статьи «Современника» и «Отеч. Записокъ» по поводу «Отцовъ и Дѣтей», Тургеневъ посвятилъ отдѣльное изданіе этого злополучнаго романа, обвиненнаго въ ретроградныхъ тенденціяхъ, такому общепризнанному проповѣднику прогресса, какимъ былъ Бѣлинскій. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти 26 ноября 1882 года Тургеневъ снова сдѣлалъ распоряженіе, чтобы подъ заглавіемъ «Отцовъ и Дѣтей» было *непремѣнно* (курсивъ Тургенева) помѣщено въ скобкахъ: «Посвящено памяти Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго». (Подробнѣе объ отношеніяхъ Тургенева и Бѣлинскаго см. въ моей статьѣ «Тургеневъ и Бѣлинскій», напечатанной въ «Образованіи» 1901 г., №№ 3 и 4).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Бѣлинскій въ оцѣнкѣ читателей

I

Показавши, какъ цѣнили Бѣлинскаго, при его жизни и послѣ его смерти, современные ему писатели, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ и о томъ, какъ относились къ великому русскому критику современные ему читатели разнаго рода, начиная съ представителей бюрократіи и кончая учащейся молодежью.

Первыми офиціальными читателями статей Бѣлинскаго были цензора, и эти читатели доставили великому критику гораздо больше огорченій, чѣмъ всѣ журналисты и пасквилянты, вмѣстѣ взятые. Было уже упомянуто, какъ отнеслась цензура къ первому литературному произведенію Бѣлинскаго, къ его юношеской трагедіи «Дмитрій Калининъ», на которую наивный авторъ возлагалъ блестящія надежды, ожидая и славы и денегъ. Не мало страдалъ Бѣлинскій отъ московской цензуры и во время своей литературной дѣятельности въ «Молвѣ», «Телескопѣ» и «Московскомъ Наблюдателѣ», несмотря на то, что придерживался тогда очень умѣренныхъ, даже благонамѣренныхъ взглядовъ, воскуряя порою фиміамъ благопопечительному и просвѣщенному правительству. «Въ нашей цензурѣ (московской) писалъ Бѣлинскій Панаеву въ 1838 году — царствуетъ совершенный произволъ, вымарываютъ большею частью *[illegible]*, подобныя слѣдующимъ: *[illegible]*, зимою холодно, а лѣтомъ жарко, въ недѣлѣ 7 дней, а въ году 12 мѣсяцевъ». Въ статьѣ о Мочаловѣ въ роли Гамлета цензоръ [illegible] вымаралъ слова *[illegible]* и *[illegible]*, а на

концѣ отрѣзалъ цѣлые полъ-листа (Пыпинъ, 222, 224). Въ Петербургѣ однимъ изъ цензоровъ Бѣлинскаго былъ либералъ Никитенко, но дѣло мало измѣнилось къ лучшему. Никитенко свой либерализмъ проявлялъ только въ «Дневникѣ» да въ интимныхъ разговорахъ, а въ качествѣ цензора, подъ вѣчнымъ страхомъ начальническаго выговора или ареста на гауптвахтѣ, онъ былъ исполнительнымъ и строгимъ чиновникомъ. Даже въ ультра-благонамѣренной статьѣ «Бородинская годовщина» онъ ухитрился выкинуть два мѣста (Панаевъ, 255). Когда же Бѣлинскій объявилъ безпощадную войну «гнусной *россійской* дѣйствительности», такихъ мѣстъ въ его статьяхъ стали оказываться цѣлые десятки. Доносы Булгарина и внушенія «москвитянъ» также заставляли Никитенка не щадить красныхъ чернилъ, а въ мало-мальски серьезныхъ случаяхъ онъ переносилъ дѣло въ цензурный комитетъ, хотя и зналъ, что тамъ ножницы предпочитаются черниламъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ многочисленныхъ жалобъ Бѣлинскаго на «кнутобойную и калмыцкую» цензуру. «Изъ моей несчастной статьи [о Петрѣ Великомъ]—писалъ Бѣлинскій Боткину въ 1841 году—вырѣзанъ весь смыслъ, ибо выкинута ровно половина». Въ слѣдующемъ письмѣ сообщается, что вторую статью о Петрѣ Великомъ «исказилъ весь цензурный синедріонъ соборнѣ. Ея напечатана только треть и смыслъ весь выключенъ, какъ опасная и вредная для Россіи вещь. Вотъ до чего мы дожили:—прибавляетъ Бѣлинскій—намъ нельзя хвалить Петра Великаго» (Пыпинъ, 373, 379). «Писать ничего и ни о чемъ со дня на день становится невозможнѣе и невозможнѣе—жалуется Бѣлинскій въ 1843 году.—Объ искусствѣ ври что хочешь, а о дѣлѣ, т.-е. о правахъ и нравственности—хоть и не трать труда и времени. Изъ статьи моей [«Русская литература въ 1842 году»]... вырѣзанъ цѣлый листъ печатный—все лучшее. Теперь долженъ приниматься за 2-ю статью о Державинѣ, подъ вліяніемъ вдохновительной и поощрительной мысли, что ее всю изрѣжутъ и исковеркаютъ». И дѣйствительно, статья о Державинѣ оказалась «страшно искаженною» (Пыпинъ, 429—430, 441).

Цензора, можно сказать, неистовствовали надъ статьями «Отеч. Записокъ», подчиняясь властнымъ указаніямъ Уварова, который враждебно былъ настроенъ къ журналу Краевскаго и Бѣлинскаго. И все-таки находились лица, которыя считали петербургскую цензуру либеральною по отношенію къ «Отеч. Запискамъ». Не говоря уже о Булгаринѣ, Погодинъ, Шевыревъ,

Плетневъ также были недовольны Никитенкомъ. «Мнѣ хочется проучить этого дурака» писалъ о немъ Шевыревъ въ 1843 году— за то, что, цензируя «Отеч. Записки», позволяетъ въ нихъ всякую противъ насъ мерзость и какъ будто заодно съ ними» (Барсуковъ, VII, 84). Даже *А. И. Тургеневъ* выражалъ удивленіе по поводу смѣлыхъ отзывовъ Бѣлинскаго о Державинѣ. «Читалъ ли— спрашиваетъ онъ въ 1845 году кн. Вяземскаго—въ «Отеч. Запискахъ» статью о Державинѣ? Ай да Бѣлинскій! Ай да ценсурушка-голубушка петербургская! А здѣсь [въ Москвѣ] и въ салонахъ такой правды во услышаніе славянъ не выскажешь» («Остафьевскій архивъ», IV, 328. Спб. 1899).

Когда Бѣлинскій сталъ подвизаться въ «Современникѣ», онъ былъ уже подъ бдительнымъ надзоромъ не только цензурнаго, но и жандармскаго вѣдомства: доносы Булгарина и его компаніи въ концѣ концовъ сдѣлали свое дѣло. Въ началѣ 1848 года, на основаніи анонимнаго доноса на «Отеч. Записки» и «Современникъ», въ III Отдѣленіи былъ составленъ всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ императоръ Николай I могъ прочитать о Бѣлинскомъ такія строки: «Особенный... характеръ новой нашей журналистикѣ придаетъ Бѣлинскій. Участвуя прежде въ московскихъ журналахъ, потомъ въ «Отеч. Запискахъ» и нынѣ въ «Современникѣ», Бѣлинскій всегда отличался отъ другихъ критиковъ грубымъ тономъ и рѣзкостью своихъ сужденій. Онъ не признаетъ никакихъ достоинствъ ни въ Ломоносовѣ, ни въ Державинѣ, ни въ Карамзинѣ, ни въ Жуковскомъ, ни во всѣхъ прочихъ литераторахъ, восхищается произведеніями одного Гоголя, котораго писатели натуральной школы считаютъ своимъ главою, и одобряетъ только тѣхъ писателей, которые подражаютъ Гоголю. Бѣлинскій столь громко и столь настойчиво провозглашалъ свои мнѣнія, что нынѣ почти всѣ молодые писатели наши считаютъ за ничто всякую старую знаменитость въ нашей литературѣ». «Неуваженіе къ литературнымъ знаменитостямъ—говорится дальше—можетъ приводить молодыхъ людей къ неуваженію всего, къ чему народъ питаетъ благоговѣніе»; отъ произведеній натуральной школы, «въ которыхъ описываются пьяницы, развратники, порочные и отвратительные люди», «въ народѣ... могутъ усилиться дурныя привычки и даже дурныя мысли». Употребленіемъ же такихъ иностранныхъ словъ, какъ принципы, прогрессъ, доктрина, гуманность, и такихъ выраженій, какъ «прогрессивное образованіе» и «современныя стремленія», Бѣлинскій,

а также и Краевскій, по мнѣнію Дубельта и гр. Орлова, занявшаго мѣсто гр. Бенкендорфа, «въ молодомъ поколѣніи могутъ поселить мысли о политическихъ вопросахъ Запада и коммунизмѣ». Въ концѣ доклада, въ числѣ разныхъ мѣръ по усиленію цензуры, предлагалось также подвергать статьи Бѣлинскаго «наистрожайшему просмотру цензоровъ» (Лемке, 174—177). Такимъ образомъ, почти наканунѣ своей смерти великій критикъ былъ признанъ особенно опаснымъ и вреднымъ писателемъ.

Въ это время III Отдѣленіе относилось къ Бѣлинскому подозрительнѣе самого Булгарина. Когда нужно было найти автора присланнаго на имя гр. Орлова анонимнаго письма съ возмутительными предсказаніями насчетъ будущаго въ Россіи, Булгаринъ въ своихъ «догадкахъ» по поводу этого письма называлъ Буткова и Некрасова, но ни единымъ словомъ не намекнулъ на доживавшаго послѣдніе дни Бѣлинскаго. Тѣмъ не менѣе Бѣлинскаго, хотя и очень вѣжливо, письмомъ его стараго учителя *М. М. Попова*, служившаго теперь у Дубельта, два раза вызывали въ III Отдѣленіе. «Вы, какъ литераторъ,—писалъ Поповъ 28 марта 1848 года—пользуетесь извѣстностью; объ васъ часто говорятъ: очень естественно, что управляющій III Отдѣленіемъ и членъ цензурнаго комитета желаетъ узнать васъ лично и даже сблизиться съ вами... Повѣрьте, что вы встрѣтите самый ласковый и радушный пріемъ» (Лемке, 188; «Былое» 1906 г., № 10, сс. 280—287).

Болѣзнь помѣшала Бѣлинскому явиться въ III Отдѣленіе, гдѣ его, конечно, приняли бы ласково и радушно, и дѣло ограничилось бы «учтивѣйшей головомойкой»: не даромъ Герценъ называлъ Дубельта «учтивѣйшимъ человѣкомъ», не даромъ также ближайшимъ его помощникомъ былъ Поповъ, который хотя и не находилъ возможнымъ во второй половинѣ сороковыхъ годовъ посѣщать Бѣлинскаго, какъ это дѣлалъ раньше, но продолжалъ относиться къ нему съ нѣкоторой симпатіей и, можетъ быть, даже являлся его защитникомъ въ страшномъ вѣдомствѣ отъ булгаринскихъ доносовъ. Впрочемъ, когда друзья умершаго Бѣлинскаго обратились къ Попову съ просьбой выхлопотать разрѣшеніе разыграть въ лотерею библіотеку покойнаго въ пользу его семьи, бывшій учитель великаго критика «весь измѣнился въ лицѣ и отвѣтилъ въ самомъ раздраженномъ тонѣ—отказомъ. Его слова имѣли тотъ смыслъ, что для него имя Бѣлинскаго было равнозначительно имени государственнаго преступника»

(Пыпинъ, 571, ср. 569). «Это все равно, что собирать для Рылѣевой», сказалъ Поповъ (Барсуковъ, IX, 350). Можно судить по этому отзыву, какъ смотрѣло на Бѣлинскаго III Отдѣленіе въ 1848 году. Не даромъ во время похоронъ великаго критика къ шедшимъ за его гробомъ друзьямъ «присоединились три или четыре *неизвѣстныхъ*, вдругъ Богъ знаетъ откуда взявшіеся. Они оставались до самаго конца печальной церемоніи на кладбищѣ и слѣдили за всѣмъ съ величайшимъ любопытствомъ» (Панаевъ, 412—413). Когда же въ слѣдующемъ году возникло дѣло петрашевцевъ, и въ рукахъ правительственныхъ чиновниковъ оказалось знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, наполненное «дерзкими выраженіями противъ православной церкви и верховной власти», какъ сказано во всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата,— «Дубельтъ — по свидѣтельству Кавелина — яростно сожалѣлъ, что Бѣлинскій умеръ, прибавляя: «мы бы его сгноили въ крѣпости» (Кавелинъ, 1094).

Но прошли страшные годы реакціи, повѣяло новымъ духомъ, и видный чиновникъ III Отдѣленія принялъ участіе въ реабилитаціи того самаго писателя, который еще недавно разсматривался, какъ государственный преступникъ. Въ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ Лажечникова, появившихся въ 1859 году, оказалось вставленнымъ письмо Попова, содержащее очень цѣнныя свѣдѣнія о Бѣлинскомъ-гимназистѣ. Вспоминаетъ Поповъ и о своихъ спорахъ съ Бѣлинскимъ въ Петербургѣ, при чемъ мы узнаемъ, что «неистовый Виссаріонъ» не стѣснялся въ выраженіяхъ и въ присутствіи чиновника III Отдѣленія. «При возраженіяхъ—говоритъ Поповъ— или даже слушая разговоры, не къ нему обращенные, но несогласные съ его убѣжденіями, онъ скоро приходилъ въ состояніе кипятка.. горячился, почти выходилъ изъ себя... разражался громовой рѣчью. Онъ не былъ ни шутливъ, ни остеръ въ смыслѣ веселости, но былъ жестоко-колокъ и грубо-правдивъ. Надобно признаться, что въ эти минуты онъ былъ хорошъ. Это былъ факиръ, или, нѣтъ, лучше того: это былъ жрецъ своего искусства! Обаятельное вліяніе его на другихъ было тѣмъ сильнѣе, что въ немъ не проглядывало ничего искусственнаго: все было сама натура, душа открытая, сердце чуждое всякаго лукавства». Высоко также цѣнитъ Поповъ и литературную дѣятельность Бѣлинскаго. «Перечтите—говоритъ онъ—статьи Бѣлинскаго, написанныя превосходнымъ русскимъ языкомъ: сколько въ нихъ мыслей, высокаго ума, сколько одушевленія!.. Это не сухіе разборы, не повто-

ренія избитаго, не журнальный балластъ, но сочиненія, дышащія жизнью, самобытныя и увлекательныя! Онъ былъ столько же замѣчательный литераторъ, сколько замѣчательный критикъ. По таланту критика, у насъ до сихъ поръ никто не превосходилъ Бѣлинскаго; какъ литераторъ—онъ одинъ изъ лучшихъ писателей сороковыхъ годовъ». Такъ цѣнилъ Бѣлинскаго чиновникъ, дослужившійся въ III Отдѣленіи до чина тайнаго совѣтника [1]).

Неофиціальныхъ читателей Бѣлинскаго среди чиновнаго міра не могло быть особенно много; еще меньше было у Бѣлинскаго почитателей среди тогдашнихъ чиновниковъ, къ которымъ онъ сильно не благоволилъ, называя чиновническимъ «все глупое и подлое» («Починъ» 1896 г., с. 221). Если даже наиболѣе образованные чиновники стараго поколѣнія, чиновники-писатели въ родѣ Даля, столь высоко цѣнимаго Бѣлинскимъ, относились къ нему неблагосклонно, то легко представить, какъ возмущались его статьями разные Фамусовы и Молчалины. Какъ могли относиться къ Бѣлинскому даже наиболѣе либеральные вліятельные чиновники того времени, можно видѣть на примѣрѣ извѣстнаго попечителя московскаго учебнаго округа, *гр. С. Г. Строганова*. По свидѣтельству Герцена, гр. Строгановъ отзывался о Бѣлинскомъ «съ признаніемъ его достоинства» (Герценъ, VI, 39), но дѣятельность его считалъ опасной и вредной. Въ 1843 году онъ «фантазировалъ», по словамъ Боткина, купить у Погодина «Москвитянинъ», чтобы бороться съ демократическими тенденціями «Отеч. Записокъ» (О. И. П. Б. за 1889 г., сс. 61—62); а послѣ февральской революціи онъ представилъ императору Николаю I записку о вредномъ направленіи русской литературы и въ особенности журналовъ, прежде всего тѣхъ журналовъ, въ которыхъ работалъ Бѣлинскій (Никитенко, I, 377).

[1]) Ради курьеза слѣдуетъ упомянуть, что смѣнившій Орлова въ званіи шефа жандармовъ *кн. В. А. Долгоруковъ*, бывшій при императорѣ Николаѣ I военнымъ министромъ,—въ 1866 году, послѣ выстрѣла Каракозова, упрекалъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія Норова въ томъ, что министерство народнаго просвѣщенія содѣйствовало развитію нигилизма, допуская на университетскія каѳедры такихъ профессоровъ, какъ Грановскій и Бѣлинскій («Рус. Архивъ» 1895 г., № 11, с. 368).

II

Глазами гр. Строганова смотрѣла на Бѣлинскаго не только высшая бюрократія, но и аристократія того времени, въ средѣ которой у великаго критика были такіе враги и недоброжелатели, какъ кн. Вяземскій, гр. Ростопчина и гр. Соллогубъ. Къ этимъ именамъ можно присоединить еще одну очень извѣстную представительницу высшаго свѣта, *А. О. Смирнову*, знаменитую «калужскую губернаторшу». Въ началѣ сороковыхъ годовъ Смирнова читала статьи Бѣлинскаго вслухъ вмѣстѣ съ Плетневымъ, но скоро охладѣла къ нимъ не менѣе Плетнева. Въ 1846 году она принимала у себя Бѣлинскаго и даже успѣла очаровать его своей любезностью и своимъ умомъ. «Свѣтъ не убилъ въ ней ни ума, ни души,—писалъ Бѣлинскій женѣ—а того и другого природа отпустила ей не въ обрѣзъ. Чудесная, превосходная женщина—я безъ ума отъ нея». («Памяти Бѣлинскаго», с. 125). Но свой умъ и свою душу Смирнова высказала въ опроверженіи взглядовъ Бѣлинскаго. «Подъ самый конецъ вечера—говоритъ Аксаковъ дошло дѣло до Жоржъ Зандъ, и когда Бѣлинскій сталъ объ ней говорить, какъ о нѣкоемъ божествѣ, которое, впрочемъ, начинаетъ портиться, ибо въ послѣднихъ романахъ ея видно признаніе раскаянія и другихъ добродѣтелей, то А. О. [Смирнова] вспыхнула, да вѣдь какъ! Начала кричать на Бѣлинскаго довольно рѣзко и доказывать весь вредъ и всю степень разврата Жоржъ Зандъ» («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», I, 332—333). Можно упомянуть и о томъ пренебрежительномъ отзывѣ Смирновой, который былъ вызванъ статьей Бѣлинскаго о «Перепискѣ съ друзьями» Гоголя. «Критика Бѣлинскаго—писала она автору злополучной книги—самая пустая» («Рус. Старина» 1890 г., № 8, с. 285).

Но не одни читатели-враги или недоброжелатели были у Бѣлинскаго въ высшемъ обществѣ; были у него тамъ читатели-друзья, относившіеся къ нему съ такой симпатіей, какъ кн. Одоевскій, или съ такой дружбой, какъ кн. Козловскій. Можно еще упомянуть, что «Литературныя мечтанія» доставили Бѣлинскому не только громкую извѣстность въ литературныхъ кругахъ, но и частные уроки въ аристократическихъ домахъ Москвы. Хотя Бѣлинскій и шокировалъ родителей своихъ учениковъ «неблаговоспитанностью» и рѣзкими мнѣніями, о его педагогической дѣя-

тельности мы не знаемъ ничего подобнаго тому, что выдумано Ушаковымъ въ его пасквилѣ «Пюша». Напротивъ, мы знаемъ, что *кн. А. А. Черкасскій,* отецъ извѣстнаго государственнаго и общественнаго дѣятеля, нашелъ возможнымъ рекомендовать Бѣлинскаго въ качествѣ домашняго учителя отцу Кавелина. Что касается отношенія къ Бѣлинскому его учениковъ, то, кромѣ извѣстнаго читателю отзыва Кавелина, можно указать подобный же отзывъ въ автобіографіи *С. М. Сухотина.* «Наши уроки-- вспоминаетъ Сухотинъ проходили больше въ самыхъ разнообразныхъ, живыхъ разговорахъ и спорахъ, особенно по поводу театра.. Его разговоры и споры, пропитанные искреннею любовью къ искусству и русской литературѣ, оставили во мнѣ самое живое и благотворное воспоминаніе и посѣяли въ моей душѣ чувство негодованія противъ лжи, претензіи плаксивой сентиментальности въ литературныхъ произведеніяхъ» («Рус. Архивъ» 1894 г., № 9, сс. 73—74).

Читатели Бѣлинскаго изъ среды высшаго духовенства относились къ нему не много лучше, чѣмъ изображенный въ Бытовыхъ очеркахъ» Лободовскаго архіерей, который обвинялъ великаго критика въ развращеніи юношества свободомысліемъ и даже называлъ его, за развѣнчаніе Державина, антихристомъ («Рус. Старина» 1904 г, № 2). Изъ современныхъ Бѣлинскому богослововъ, кажется, одинъ только извѣстный архимандритъ *Ѳеодоръ* (*А. М. Бухаревъ*) рѣшился заявить въ печати о своемъ уваженіи къ великому русскому критику, да и то не раньше, какъ въ 1860 году. По его мнѣнію, Бѣлинскій часто возвышался «до одушевленія поэзіи» и глубоко, хотя односторонне, постигалъ и ощущалъ истину. «Бѣлинскій—говоритъ архимандритъ Ѳеодоръ— геніально постигалъ, съ пламенною силою убѣжденія, что высшую истину должно нынѣ созерцать не только саму въ себѣ, но особенно въ приложеніи ко всѣмъ областямъ дѣйствительности земной... Помочь бы этому человѣку съ братскимъ самопожертвованіемъ увидѣть эту самую истину, такъ пламенно имъ любимую, прямо въ исполненномъ благодати и истины Христѣ Богочеловѣкѣ: дѣло Петра [Великаго] нашло бы въ этомъ человѣкѣ самый достойный отвѣтъ со стороны отчетливаго уже сознанія и мысли русскаго ума. Но у насъ разумѣющіе Христа, какъ высочайшую истину... Бѣлинскаго не хотѣли или не могли признать за борца той же истины, только еще не вполнѣ *сходнаго* ему во всемъ своемъ значеніи» («Три письма къ Н. В. Гоголю,

писанныя въ 1848 году», сс. 257, 259. Спб. 1860). Но архимандритъ Өеодоръ представлялъ исключительное явленіе среди русскихъ богослововъ: не даромъ онъ вынужденъ былъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ сложить съ себя духовный санъ и превратиться опять въ А. М. Бухарева.

Такой взглядъ на Бѣлинскаго, какой былъ высказанъ архимандритомъ Өеодоромъ, а также въ приписывавшейся ему долгое время книгѣ «Бѣлинскій, какъ моралистъ» (Спб. 1862) [1]), былъ непріемлемъ для синодальнаго вѣдомства не только въ сороковыхъ, но даже и въ шестидесятыхъ годахъ. Въ то время какъ министръ народнаго просвѣщенія считалъ чтеніе сочиненій Бѣлинскаго полезнымъ для нравственнаго развитія, оберъ-прокуроръ Св. Синода *А. П. Ахматовъ* изгонялъ изъ ученическихъ библіотекъ духовныхъ семинарій книги въ духѣ и направленіи Бѣлинскаго и грозилъ немедленнымъ увольненіемъ тѣмъ педагогамъ, которые сочувствуютъ такому направленію (Барсуковъ, XIX, 149). О крайне враждебномъ отношеніи къ Бѣлинскому другого оберъ-прокурора Св. Синода, гр. Д. А. Толстого, было уже упомянуто.

Что касается читателей изъ высшихъ военныхъ круговъ, то едва ли они относились къ Бѣлинскому лучше, чѣмъ упомянутый генералъ Скобелевъ, предвидѣвшій, что рано или поздно дерзкому критику не миновать крѣпости. Былъ, правда, одинъ очень извѣстный и образованный генералъ, историкъ *Михайловскій-Данилевскій*, который прямо ухаживалъ за Бѣлинскимъ, но не потому, что цѣнилъ его критическія статьи, а потому, что боялся его рецензій. «Этого семинариста раздражать нельзя, съ нимъ надо вести себя тонко и, напротивъ, стараться смягчать его». Такъ отзывался этотъ генералъ о Бѣлинскомъ, по свидѣтельству Панаева. «Онъ искалъ случая—продолжаетъ Панаевъ—познакомиться съ Бѣлинскимъ и, познакомившись, тотчасъ пригласилъ его къ себѣ на вечеръ. Бѣлинскому было это тяжело, но онъ не имѣлъ духу отказаться». Далѣе Панаевъ, со словъ Бѣлинскаго, разсказываетъ, какъ генералъ встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями, наговорилъ ему кучу всякаго рода любезностей, пред-

[1]) Книга эта была составлена А. Хитрово по порученію Старчевскаго, который считался съ желаніемъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, *А. В. Головнина*, доказать, что «чтеніе сочиненій Бѣлинскаго не представляетъ ничего опаснаго для нравственности читателей и можетъ вести къ однимъ добрымъ результатамъ» («Историч. Вѣстникъ» 1898 г., № 9, с. 1136).

ставилъ его своей дочери въ качествѣ «нашего перваго современнаго критика», заставилъ дочь набить и даже закурить для дорогого гостя трубку, наконецъ, накормилъ его ужиномъ. Когда же сконфуженный до послѣдней степени и полубольной отъ чрезмѣрнаго угощенія Бѣлинскій покинулъ домъ гостепріимнаго хозяина, послѣдній обратился къ оставшимся гостямъ съ такими словами: «Вотъ, господа, каково мое положеніе... Я долженъ принимать къ себѣ, ласкать этого наглаго крикуна, этого семинариста, который ни стать ни сѣсть не умѣетъ въ порядочномъ домѣ, изъ одного только, чтобъ онъ не обругалъ меня публично... Вѣдь, согласитесь, въ моемъ чинѣ... съ моимъ именемъ, съ моими связями быть обруганнымъ—это вѣдь невозможно перенести... Если бы не это, я и на порогъ своего дома не пустилъ бы его»... (Панаевъ, 339—341) [1]).

---

[1]) Сохранилось также письмо Бѣлинскаго къ Краевскому, гдѣ сказано: «сегодня я обѣдаю у Михайловскаго-Данилевскаго» («Рус. Ст.» 1904 г., № 8, с. 414). Бѣлинскій, въ статьѣ о III томѣ сборника «Сто русскихъ литераторовъ», назвалъ Михайловскаго-Данилевскаго «классическимъ военнымъ писателемъ», «нашимъ военнымъ Титомъ Ливіемъ и Плутархомъ» (Бѣлинскій, IX, 505). Такимъ, можетъ быть, ироническимъ отзывомъ отблагодарилъ Бѣлинскій тонкаго генерала, воспитаннаго въ школѣ императора Александра I, за «нашего перваго современнаго критика». Обѣдъ или ужинъ у Михайловскаго-Данилевскаго, кстати сказать, не былъ единичнымъ явленіемъ въ жизни Бѣлинскаго. Ему не разъ приходилось пользоваться хлѣбосольствомъ несимпатичныхъ ему авторовъ, которые хотѣли или задобрить его или выразить ему свое расположеніе за благосклонный отзывъ въ печати. Панаевъ, между прочимъ, разсказываетъ, какой пыткѣ подвергся Бѣлинскій со стороны *А. П. Башуцкаго*, который, передъ выходомъ въ свѣтъ своего романа «Мѣщанинъ», счелъ нужнымъ «смягчить литературнаго бульдога», зазвалъ его къ себѣ на обѣдъ, а послѣ обѣда въ теченіе нѣсколькихъ часовъ читалъ гостю отрывки изъ своего произведенія (Панаевъ, 342—343). Можетъ быть, и питавшій слабость къ писательству *И. Е. Великопольскій* такъ охотно ссужалъ Бѣлинскаго деньгами, даже безъ всякой съ его стороны просьбы, потому, что имѣлъ въ виду «смягчить литературнаго бульдога». Можно еще упомянуть, что, послѣ знаменитой статьи объ «Очеркахъ Бородинскаго сраженія» *О. Н. Глинки*, польщенный хвалебнымъ отзывомъ авторъ пригласилъ Бѣлинскаго къ себѣ на вечеръ.

III.

Наиболѣе компетентными и авторитетными «цѣнителями и судьями» Бѣлинскаго могли быть профессора, особенно профессора словесности. Мы уже видѣли, какъ относились къ нему даже лучшіе профессора того времени, Погодинъ, Сенковскій, Шевыревъ, Плетневъ, Гротъ, Никитенко. Сюда можно присоединить еще *Давыдова*, который ставилъ Бѣлинскаго ниже Полевого, и *Срезневскаго*, который при первомъ же знакомствѣ съ Бѣлинскимъ заявилъ, что не сочувствуетъ его критикѣ, но комедію его «Пятидесятилѣтній дядюшка» считаетъ геніальною вещью (Барсуковъ, XIV, 173, Анненковъ, 212). И впослѣдствіи, какъ видно изъ дневника Добролюбова, Срезневскій «упорно отвергалъ значеніе Бѣлинскаго въ исторіи русскаго просвѣщенія» («Юбилейный Сборникъ Литературнаго Фонда», с. 292). Но и среди профессоровъ были у Бѣлинскаго читатели-друзья, и не только среди молодежи, но и среди стариковъ. «Старикъ *Каченовскій*,— сообщаетъ Анненковъ—вѣроятно, обольщенный свободными отношеніями критика къ авторитетамъ и частыми отступленіями его въ область исторіи и философіи», послѣ «Литературныхъ мечтаній» призвалъ къ себѣ Бѣлинскаго, жалъ ему горячо руку и говорилъ: «Мы такъ не думали, мы такъ не писали въ наше время» (Анненковъ, 170).

Еще симпатичнѣе относился къ Бѣлинскому *И. Я. Кронебергъ*, профессоръ и ректоръ Харьковскаго университета, познакомившійся съ нимъ заочно благодаря Боткину. Вотъ что писалъ Кронебергъ Бѣлинскому въ 1838 году въ отвѣтъ на приглашеніе сотрудничать въ «Московскомъ Наблюдателѣ». «Не только отказываться, но искать по возможности знакомства людей съ добрымъ сердцемъ, съ пылкою душою и съ истиннымъ стремленіемъ къ высшему—каковыхъ на свѣтѣ не много—было всегда моимъ правиломъ. Такая находка принадлежитъ къ итогу моего счастья. Принимаю съ благодарностью лестное предложеніе вашего знакомства, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько безпокоюсь, не зная, въ состояніи ли буду поравняться съ вашими ожиданіями. Во всякомъ случаѣ отдаюсь вамъ во всей своей простотѣ, безъ прикрасъ и безъ претензій». Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ Кронебергъ хвалитъ журналъ Бѣлинскаго, совѣтуетъ ему быть смѣлѣе въ полемикѣ съ петербургскими журналами и въ концѣ

письма даетъ адресъ своего сына, прибавляя: «мнѣ очень пріятно было бы видѣть его въ числѣ вашихъ хорошихъ знакомыхъ» (Пыпинъ, 209, 216).

Среди профессоровъ младшаго поколѣнія у Бѣлинскаго, разумѣется, было гораздо больше поклонниковъ, чѣмъ среди стариковъ, хотя далеко не всѣ молодые ученые въ сороковыхъ годахъ говорили о своихъ симпатіяхъ къ великому критику такъ откровенно, какъ это дѣлалъ казанскій профессоръ-юристъ *Д. И. Мейеръ*, который, по воспоминаніямъ академика Пекарскаго, не только сообщалъ студентамъ, что неподписанныя статьи въ «Отеч. Запискахъ» принадлежатъ Бѣлинскому, но и разъяснялъ своимъ слушателямъ «съ большимъ увлеченіемъ» его значеніе въ русской литературѣ (Сборникъ «Братчина», сс. 215—216. Спб. 1859).

Конечно, и среди ученыхъ младшаго поколѣнія были недоброжелатели Бѣлинскаго, особенно среди вѣрныхъ и преданныхъ учениковъ Погодина и Шевырева. Такъ, напримѣръ, *Буслаевъ* въ сороковыхъ годахъ очень пренебрежительно относился къ «философской галиматьѣ» «Отеч. Записокъ», гдѣ онъ видѣлъ «немилосердное коверканіе прусской философіи Гегеля». Онъ возмущался отзывами Бѣлинскаго о русской старинѣ и о народной поэзіи, особенно его знаменитымъ заявленіемъ: «одно небольшое стихотвореніе истиннаго художника неизмѣримо выше всѣхъ народныхъ произведеній, вмѣстѣ взятыхъ». «Я не презиралъ вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ—говоритъ Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ— «дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой»... Я не глумился и не издѣвался вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ надъ нашими богатырскими былинами и пѣснями» (Буслаевъ. «Мои воспоминанія», сс. 273, 299. М. 1897). Недовольство Буслаева отношеніемъ Бѣлинскаго къ русской старинѣ и народности выразилось, между прочимъ, въ его статьѣ «Русскій народный эпосъ», гдѣ порицаются «критики-теоретики», которые «не только не хотѣли знать нашей письменной старины и народности, но и на самомъ дѣлѣ не знали ни той ни другой и, своими выспренними взглядами становясь будто бы выше нашей старины и народности, только возбуждали къ той и другой презрѣніе, приведшее къ вредному предразсудку... будто можно составить себѣ вѣрное понятіе объ исторіи русской литературы на изученіи позднѣйшихъ писателей, начиная отъ Кантемира или Ломоносова, безъ основательнаго знанія нашей древней литературы и безъ живѣйшаго сочувствія къ народной словесности» (Буслаевъ. «Историческіе очерки рус-

ской народной словесности и искусства», I, 402. Спб. 1861). Но тотъ же самый Буслаевъ высоко цѣнилъ въ Бѣлинскомъ «геніальныя способности критика», его «врожденный эстетическій вкусъ и тонкое чутье отгадывать на первыхъ порахъ только-что зачинающееся литературное дарованіе» («Мои воспоминанія», с. 295).

Изъ воспоминаній студентовъ сороковыхъ годовъ видно, что нерѣдко съ университетскихъ каѳедръ высказывались тѣ же самыя мнѣнія о русской литературѣ и объ отдѣльныхъ русскихъ писателяхъ, какія находились въ статьяхъ Бѣлинскаго. Гораздо чаще и больше этими статьями пользовались преподаватели-словесники средней школы. По свидѣтельству Анненкова, «въ Петербургѣ первая статья Бѣлинскаго и все, слѣдовавшія за ней, нашли отголосокъ всего болѣе въ тѣхъ молодыхъ учителяхъ русскаго языка и словесности, которые созывались для казенныхъ замкнутыхъ училищъ и корпусовъ, разраставшихся, по принятой системѣ, все болѣе и болѣе въ исключительныя заведенія для воспитанія всего благороднаго русскаго юношества цѣликомъ... Благодаря молодымъ учителямъ этихъ заведеній, а за ними и бо́льшей части нашихъ гимназій, образовалась съ появленія статей Бѣлинскаго, о-бокъ съ утвержденной программой преподаванія русской словесности, другая, невидная струя преподаванія, вся вытекавшая изъ опредѣленій и созерцанія новаго критика и постоянно смывавшая въ молодыхъ умахъ все, что заносилось въ нихъ схоластикой, педантизмомъ, рутиной, стародавними преданіями и благонамѣренной прикрасой. Растительное дѣйствіе этой невидимой струи увеличивалось вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ развитіемъ критика, съ котораго, можно сказать, персоналъ учителей и молодыхъ людей вообще той эпохи не спускалъ глазъ, и, такимъ образомъ, имя Бѣлинскаго было уже очень громко въ средѣ нарождающагося поколѣнія, въ школахъ и аудиторіяхъ, когда оно еще не признавалось въ литературныхъ партіяхъ, не вѣдалось добросовѣстно или ухищренно одними, возбуждало презрительные отзывы другихъ и не обращало никакого вниманія даже самыхъ чуткихъ стражей русскаго просвѣщенія» (Анненковъ, 174).

Нѣкоторые изъ тогдашнихъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній и корпусовъ принадлежали къ числу друзей или знакомыхъ Бѣлинскаго и могли усваивать его взгляды въ чистомъ, не искаженномъ цензурою, видѣ, напр., Красовъ, Комаровъ, Гребенка, Прокоповичъ, Галаховъ, Милюковъ и др. Были читател-

ницы и почитательницы Бѣлинскаго и среди женскаго педагогическаго персонала того времени, напримѣръ, среди классныхъ дамъ московскаго Александровскаго института, одна изъ которыхъ впослѣдствіи сдѣлалась женою великаго критика. Еще при жизни Бѣлинскаго стали появляться учебныя руководства, составители которыхъ считались съ его мнѣніями или прямо пользовались его статьями. Въ 1843 году извѣстная хрестоматія *Галахова* вызвала негодованіе Шевырева и Погодина, такъ какъ составитель этой книги при выборѣ литературныхъ образцовъ во многомъ оказался солидарнымъ съ Бѣлинскимъ [1]). Въ 1847 году вышла составленная по статьямъ Бѣлинскаго книжка *А. П. Милюкова* «Очеркъ исторіи русской поэзіи», имѣвшая большой успѣхъ, несмотря на неблагопріятный отзывъ Шевырева.

Послѣ смерти Бѣлинскаго профессоръ Ришельевскаго лицея *Зеленецкій* счелъ нужнымъ внести покойнаго критика въ свою «Исторію русской литературы для учащихся» (Одесса, 1849), хотя и сказалъ о немъ очень мало. Въ то время какъ Гречу, Булгарину, Полевому и Погодину посвящено по цѣлому параграфу, величайшему русскому критику удѣлено всего три съ половиною строчки слѣдующаго содержанія: «Критики и рецензіи писалъ въ этомъ журналѣ [«Отеч. Запискахъ»] покойный Бѣлинскій, увлекавшійся иногда въ односторонность, но замѣчательный по остротѣ ума и необыкновенному труженичеству» (с. 226). Этотъ отзывъ, кстати сказать, былъ послѣднимъ печатнымъ словомъ о Бѣлинскомъ въ 1849 году, и могъ онъ появиться съ разрѣшенія цензуры (разрѣшеніе цензора дано 28 апрѣля 1849 года), только благодаря отдаленности Одессы отъ Петербурга, гдѣ въ это время были уже произведены аресты петрашевцевъ.

Въ какомъ духѣ друзья и почитатели Бѣлинскаго вели преподаваніе въ школѣ сороковыхъ годовъ, можно судить по вос-

[1]) О Галаховѣ слѣдуетъ еще упомянуть, что въ 1837 году онъ напечаталъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ въ Русскому Инвалиду» очень сочувственный разборъ грамматики Бѣлинскаго, а въ концѣ пятидесятыхъ годовъ содѣйствовалъ изданію его сочиненій, составивши списокъ анонимныхъ его статей и рецензій. Въ своихъ воспоминаніяхъ о сороковыхъ годахъ Галаховъ заявилъ, что «Бѣлинскій своими статьями открылъ новую эру высшей литературной критики», что онъ «былъ такъ добръ, правдивъ, честенъ, такъ дорожилъ истиной, что не могъ оставаться долго въ туманѣ самозабвенія» («Историч. Вѣстникъ» 189[illegible] г., № 1, с. 131 и сл.).

поминаніямъ Льва Жемчужникова о пажескомъ корпусѣ, гдѣ преподавателемъ русской словесности въ старшихъ классахъ былъ А. А. Комаровъ. «Въ лекціяхъ своихъ о Пушкинѣ, Лермонтовѣ и др.—вспоминаетъ Жемчужниковъ—онъ говорилъ намъ о значеніи красоты, лиризма, пластики и даже... свободнаго мышленія, свободы духа» («Вѣст. Европы» 1900 г., № 11, с. 84). Не нужно забывать при этомъ, что среди учебнаго начальства того времени было не мало такихъ педагоговъ, въ глазахъ которыхъ, по свидѣтельству Мельникова-Печерскаго, Пушкинъ былъ «пустомеля... и притомъ вольнодумецъ, Лермонтовъ—мальчишка, которому необходимы розги, Гоголь—сальный марака, а Бѣлинскій—сумасшедшій человѣкъ, который самъ не знаетъ что пишетъ» (Усовъ. «П. И. Мельниковъ», сс. 72—73).

Среди младшихъ современниковъ Бѣлинскаго было еще болѣе педагоговъ, обязанныхъ ему своимъ развитіемъ, высоко цѣнившихъ воспитательное значеніе его сочиненій и даже считавшихъ его письмо къ Гоголю своего рода «евангеліемъ», по свидѣтельству Ивана Аксакова (см. выше, с. 68). Почитателями Бѣлинскаго были и самые выдающіеся русскіе педагоги этого поколѣнія. Такъ, напримѣръ, *Ушинскій*, по воспоминаніямъ Е. Н. Водовозовой, будучи инспекторомъ классовъ въ Смольномъ институтѣ, рекомендовалъ воспитанницамъ читать Пушкина не иначе, какъ съ восьмымъ томомъ сочиненій Бѣлинскаго. *Стоюнинъ*, по свидѣтельству В. П. Острогорскаго, пришелъ однажды въ классъ, чтобы подготовлять гимназистовъ къ экзамену, но вмѣсто того устроилъ бесѣду о Бѣлинскомъ, потому что была годовщина его смерти, 26-ое мая. *Водовозовъ* въ 1859 году напечаталъ въ «Русскомъ Словѣ» (№ 12) рецензію, въ которой обратилъ особенное вниманіе на педагогическое значеніе литературнаго наслѣдства, оставленнаго великимъ русскимъ критикомъ. По заявленію Водовозова, «Бѣлинскій какъ во многомъ другомъ, такъ и въ учебномъ дѣлѣ уже двадцать лѣтъ тому назадъ предъявилъ свѣтлый взглядъ, который нынѣ защищали вновь, какъ что-то новое, въ безчисленныхъ статьяхъ по части педагогики». Между прочимъ, Водовозовъ высказалъ мнѣніе, что подборъ лучшихъ мѣстъ изъ критическихъ статей Бѣлинскаго явился бы лучшимъ курсомъ практической теоріи словесности. Не безъ основанія, слѣдовательно, В. Острогорскій въ рѣчахъ 1898 года называлъ всѣхъ выдающихся русскихъ педагоговъ, не исключая даже Пирогова, «преемниками Бѣлинскаго въ области русской педагогики, куда

они внесли идеи и завѣты великаго критика» («Памяти Бѣлинскаго», с. XI).

Разумѣется, были среди педагоговъ этого поколѣнія и исключенія, были люди, главнымъ образомъ, изъ школы Погодина и Шевырева, которые, въ противоположность Буслаеву, не хотѣли признавать въ Бѣлинскомъ ничего хорошаго и относились къ нему крайне враждебно. Таковъ былъ, между прочимъ, *Тертій Филипповъ*, начавшій свое поприще учителемъ гимназіи и бывшій въ концѣ своей жизни государственнымъ контролеромъ. Въ 1856 году, въ первой книгѣ «Русской Бесѣды», Филипповъ напечаталъ длинный разборъ драмы Островскаго «Не такъ живи, какъ хочется», гдѣ ругаетъ Жоржъ Сандъ за ея взгляды на бракъ, ругаетъ и Бѣлинскаго (не называя его) за то, что онъ лермонтовскую Вѣру предпочелъ пушкинской Татьянѣ. «И у этого человѣка—возмущается Филипповъ—поворачивался языкъ говорить о человѣческомъ достоинствѣ!» (с. 86). А пять лѣтъ спустя Филипповъ написалъ Погодину такія строки: «Нѣтъ! университеты не могутъ назваться убѣжищами той высокой и всякому благородному человѣку дорогой, какъ дыханіе, свободы, которой духъ такъ необходимъ Россіи. Вѣдь тамъ въ чести даже Бѣлинскій; какое униженіе умственнаго уровня! Какое малое знакомство съ тѣмъ, что такое дѣйствительно замѣчательный человѣкъ!» (Барсуковъ, XVIII, 215).

IV.

Если мы спустимся съ верховъ русскаго общества и русской интеллигенціи внизъ, въ читательскую массу, то увидимъ, что въ тридцатыхъ годахъ блестящія статьи Бѣлинскаго въ «Телескопѣ» и «Молвѣ», вызвавшія сенсацію въ литературныхъ и журнальныхъ кругахъ, не привлекли особеннаго вниманія рядовыхъ читателей, судя по тому факту, что журналы Надеждина особеннымъ распространеніемъ не пользовались. Еще меньшимъ успѣхомъ могъ похвалиться выходившій подъ негласной редакціей Бѣлинскаго «Московскій Наблюдатель» 1838—1839 годовъ, несмотря на то, что это былъ лучшій журналъ своего времени. И примирительное направленіе этого органа русскихъ гегельянцевъ и крайне отвлеченный философскій языкъ его научныхъ и критическихъ статей отталкивали не только простыхъ читателей, но и писателей. «О «Московскомъ Наблюдателѣ»—писалъ Панаевъ Бѣлин-

скому изъ Петербурга—наши піиты и прозаики отзываются вообще неблагосклонно и говорятъ: «Тамъ такая все гиль, ничего не разберешь! Все о субъектахъ да объектахъ толкуютъ. Философія съ ума свела!» (Пыпинъ, 225). Отзывы подобнаго рода появлялись, какъ было упомянуто, и въ тогдашней печати, въ «Сѣверной Пчелѣ» Булгарина и Греча и въ «Сынѣ Отечества» Полевого. А Павловъ, какъ помнитъ читатель, обвинялъ Бѣлинскаго въ томъ, что онъ своими статьями похоронилъ не только «Московскій Наблюдатель», но и «Телескопъ».

Первыя статьи Бѣлинскаго въ «Отеч. Запискахъ» также вызвали большое недовольство и ультра-примирительнымъ содержаніемъ и тяжелымъ языкомъ и, во всякомъ случаѣ, не содѣйствовали успѣху журнала. Но когда великій критикъ проклялъ свое «гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусной дѣйствительностью» и сталъ писать не для друзей «и не для себя, а для публики» (Пыпинъ, 283), тогда статьи его съ каждымъ годомъ стали пріобрѣтать все болѣе и болѣе широкій кругъ читателей, возбуждая негодованіе защитниковъ и сторонниковъ всего устарѣвшаго въ русской литературѣ и жизни и вызывая сочувствіе во всѣхъ, кто чаялъ лучшаго будущаго. Потеря «Библіотекою для Чтенія» того авторитета, которымъ она пользовалась во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ, жалкое прозябаніе «Современника», «Сына Отечества» и «Москвитянина»—все это наглядныя доказательства первенствующей роли, завоеванной въ сороковыхъ годахъ «Отеч. Записками». Публика «обворожена» «Отеч. Записками», съ грустью признавалъ Шевыревъ въ письмѣ къ Гоголю отъ 20 октября 1846 года (О. И. II. Б. за 1893 г., с. 28).

Главной приманкой въ «Отеч. Запискахъ» были критическія статьи Бѣлинскаго, касавшіяся всѣхъ вопросовъ, которыхъ только можно было касаться въ тогдашней печати. Хотя эти статьи являлись безъ подписи и на первыхъ порахъ приписывались Краевскому, какъ редактору журнала, но довольно скоро, сначала въ столицахъ, а затѣмъ и въ провинціи, имя Бѣлинскаго сдѣлалось извѣстнымъ читателямъ и пріобрѣло большую популярность. Находились люди съ извѣстнымъ положеніемъ и вѣсомъ въ обществѣ, которые льнули къ Бѣлинскому только для того, чтобы тщеславиться знакомствомъ съ такимъ знаменитымъ человѣкомъ. Таковъ былъ, напримѣръ, инженеръ *А. С. Комаровъ*, профессоръ института путей сообщенія, который, по свидѣтельству Панаева, безпрестанно надоѣдалъ Бѣлинскому приглашеніями то на обѣдъ,

то на вечеръ. «Онъ увивался около Бѣлинскаго, ухаживалъ за нимъ, доставлялъ ему нужныя книги для того только, чтобы онъ терпѣлъ его и удостаивалъ его иногда посѣщеніемъ. Это доставляло ему возможность хвастать потомъ, что онъ другъ съ Бѣлинскимъ, и что Бѣлинскій безъ него обходиться не можетъ» (Панаевъ, 344).

«Не знаю, что будетъ впередъ,—писалъ Бѣлинскій Герцену 6 апрѣля 1846 года а пока я просто изумленъ тѣмъ, какъ имя мое вездѣ извѣстно и въ какомъ оно почетѣ у россійской публики: этого мнѣ и во снѣ не снилось» («Рус. Мысль» 1891 г., № 1, с. 22). Еще болѣе былъ изумленъ и тронутъ Бѣлинскій тѣмъ сочувствіемъ и тѣми знаками вниманія, которые были оказаны ему на югѣ Россіи, во время путешествія съ Щепкинымъ въ 1846 году, представителями самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества. Тутъ были и чиновники въ родѣ товарища предсѣдателя уголовной палаты Сѣрова, извѣстнаго композитора, который часто посѣщалъ Бѣлинскаго въ Симферополѣ,—и врачи въ родѣ симферопольскаго доктора Арендта (брата извѣстнаго лейбъ-медика), который не хотѣлъ слышать ни о какомъ гонорарѣ отъ Бѣлинскаго, пользовавшагося его услугами,—и военные въ родѣ полковника Попова въ Одессѣ, и черноморскіе моряки въ Николаевѣ и Севастополѣ, наконецъ, харьковскія дамы, рвавшія на клочки афиши, бывшія въ рукахъ Бѣлинскаго, не говоря уже о харьковскихъ студентахъ, которые, по свидѣтельству одного современника, «вертѣлись» вкругъ Бѣлинскаго и Щепкина, «чуть не ежедневно провожая ихъ изъ театра» («Современныя Извѣстія» 1881 г., № 329).

Были у Бѣлинскаго поклонники даже въ отдаленной Сибири. «Въ 1845 году я ѣхалъ—разсказываетъ Панаевъ—изъ Нижняго въ Казань въ почтовой каретѣ. Сосѣдомъ моимъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ бородой, одѣтый въ длинный сюртукъ, покрывавшій высокіе сапоги. Это былъ сибирскій купецъ, умный, любознательный чтецъ всѣхъ русскихъ журналовъ. Онъ, вовсе не подозрѣвая, что я нѣсколько причастенъ къ литературѣ, завелъ со мною рѣчь о журналахъ...—«Какой же изъ журналовъ въ большомъ ходу у васъ?»—спросилъ я его. Онъ назвалъ мнѣ тотъ журналъ, въ которомъ участвовалъ Бѣлинскій. «Почему же?» возразилъ я. «Какъ почему? очень понятно, потому что въ немъ участвуетъ Бѣлинскій. Его статьи у насъ читаются всѣми съ жадностью».—«Да какимъ же образомъ вы отличаете его статьи,

вѣдь онъ никогда не подписываетъ своего имени». «Птица видна, сударь, по полету, говоритъ пословица. Онъ хоть и не печатаетъ своего имени, а имя его у насъ знаютъ всѣ грамотные люди» (Панаевъ, 391—392).

«Всѣ грамотные люди» это, конечно, преувеличеніе. Коррективомъ къ словамъ панаевскаго купца можетъ служить показаніе сибирскаго публициста Вагина, который въ своей статьѣ «Сороковые годы въ Иркутскѣ», на основаніи личныхъ воспоминаній, говоритъ: «Бѣлинскаго и его значенія въ нашей литературѣ не понимали; надъ нимъ даже смѣялись... Къ концу сороковыхъ годовъ, впрочемъ, взгляды публики, именно подъ вліяніемъ Бѣлинскаго, начали уже измѣняться» («Литературный сборникъ «Восточнаго Обозрѣнія» 1885 г.). Можно еще привести свидѣтельство акад. Пекарскаго, что «въ 40 годахъ, въ провинціи, всѣ люди зрѣлыхъ лѣтъ и извѣстные своею солидностью, всѣ, кто былъ съ вѣсомъ по своей должности или по владѣемымъ имъ душамъ, находили статьи Бѣлинскаго или головоломными или еретическими» («Братчина», сс. 215 216). Въ частности, относительно полтавскихъ помѣщиковъ сороковыхъ годовъ Афанасьевъ-Чужбинскій, въ статьѣ «Воспоминанія о Шевченкѣ», сообщаетъ: «Хотя у многихъ помѣщиковъ выписывались журналы, т.-е. «Библіотека [для Чтенія»] и «Отеч. Записки», но критическія статьи Бѣлинскаго оставались неразрѣзанными, на томъ основаніи, что въ нихъ все начинается отъ Адама, и жадно читалась литературная лѣтопись Брамбеуса, приходившаяся по плечу большинству публики» (Сочиненія Афанасьева-Чужбинскаго, VI, 418. Спб. 1891).

Но если среди представителей старшаго поколѣнія дворянства и чиновничества, а также среди духовенства, военныхъ и купцовъ, не могло быть особенно много читателей Бѣлинскаго, не говоря уже о почитателяхъ, то среди молодежи тридцатыхъ и особенно сороковыхъ годовъ у него были многочисленные и восторженные поклонники. «Вся читающая русская молодежь говоритъ Панаевъ о Бѣлинскомъ—съ жадностью поглощала все, что выходило изъ пера его, и имя его... съ восторгомъ уже повторялось въ самыхъ отдаленныхъ концахъ Россіи» (Панаевъ, 391). По словамъ Герцена, «статьи Бѣлинскаго судорожно ожидались молодежью въ Москвѣ и Петербургѣ съ 25 числа каждаго мѣсяца. Пять разъ хаживали студенты въ кофейныя спрашивать, получены ли «Отеч. Записки»; тяжелый номеръ рвали

изъ рукъ въ руки. «Есть Бѣлинскаго статья? — Есть», и она поглощалась съ лихорадочнымъ сочувствіемъ, со смѣхомъ, со спорами... и трехъ-четырехъ вѣрованій, *уважения* какъ не бывало» (Герценъ, II, 320).

То же самое было и въ провинціальныхъ университетскихъ городахъ. «Во время нашего студенчества—говоритъ Де-Пуле, учившійся въ Харьковѣ—«Отеч. Записки» съ жадностью читались учащейся молодежью» («А. В. Кольцовъ», с. 150. Спб. 1878). «Тогдашнія «Отеч. Записки»—говоритъ акад. Пекарскій о Казани—читались съ большою охотою студентами, которые были въ восторгѣ отъ Гоголя и осыпали насмѣшками «Москвитянина», силившагося тогда въ критическомъ отдѣлѣ возставать противъ «Отеч. Записокъ». Критика послѣдняго журнала, напротивъ, находила такое одобреніе, что цѣлыя страницы разборовъ многимъ извѣстны были почти наизусть» («Братчина», с. 215). Другой казанскій студентъ сороковыхъ годовъ, Н. Н. Буличъ, въ своей книгѣ о Достоевскомъ («Достоевскій и его сочиненія». Казань 1881), сообщаетъ такія свѣдѣнія: «Съ нетерпѣніемъ ожидалась каждая новая книжка журнала [«Отеч. Записокъ»], и тогдашній студентъ, послѣ безцвѣтныхъ, скучныхъ по своей риторикѣ или по очевиднымъ уступкамъ господствующей дѣйствительности лекцій, съ страстнымъ молодымъ трепетомъ погружался въ чтеніе новой статьи критика, казавшейся откровеніемъ. Горячія слова наполняли душу честными стремленіями, звали къ честной дѣятельности» [1]).

Кромѣ студентовъ, статьями Бѣлинскаго зачитывались ученики гимназій, воспитанники духовныхъ семинарій, даже питомцы военныхъ, аристократическихъ и разнаго рода спеціальныхъ учебныхъ заведеній, напримѣръ, кадетскихъ корпусовъ, училища правовѣдѣнія, лицея. Не даромъ Погодинъ писалъ въ 1869 году,

[1]) Къ сожалѣнію, самаго знаменитаго казанскаго студента, *Льва Толстого*, нельзя занести въ число почитателей Бѣлинскаго. Ни въ Казани, во время своего студенчества, ни въ Петербургѣ, послѣ знакомства съ такими друзьями Бѣлинскаго, какъ Некрасовъ и Тургеневъ, ни позже, когда друзьями Толстого были такіе поклонники Бѣлинскаго, какъ Страховъ, Стасовъ и Ге, онъ не нашелъ возможности ознакомиться съ сочиненіями величайшаго русскаго критика. «Ну, какія мысли у Бѣлинскаго!—пренебрежительно заявилъ Толстой въ 1903 году сотруднику «Южнаго Телеграфа»:—сколько я ни брался, всегда скучалъ, такъ до сихъ поръ и не прочелъ» («Книжный Вѣстникъ» 1903 г., № 3).

что «на сторонѣ Бѣлинскаго [была] молодежь корпусовъ и другихъ учебныхъ заведенiй» («Рус. Архивъ» 1869 г., ст. 2093—4), а въ 1873 году онъ назвалъ, какъ было уже упомянуто, кадетовъ, гимназистовъ и семинаристовъ, вмѣстѣ со студентами, «основателями славы» Бѣлинскаго. Можно было бы привести изъ литературы воспоминанiй, бiографiй, автобiографiй и изъ другихъ источниковъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о чтенiи сочиненiй Бѣлинскаго учащимися названныхъ учебныхъ заведенiй. Ограничусь только выдержкой изъ автобiографiи одного очень извѣстнаго воспитанника училища правовѣдѣнiя сороковыхъ годовъ. «Я помню,—говоритъ В. В. Стасовъ—съ какой жадностью, съ какой страстью мы кидались на новую книжку журнала [«Отеч. Записокъ»], когда намъ ее приносили... Мы брали книжку чуть не съ боя, перекупали одинъ у другого право ее читать раньше всѣхъ; потомъ, всѣ первые дни, у насъ только и было разговоровъ, разсужденiй, споровъ, толковъ, что о Бѣлинскомъ да о Лермонтовѣ. Бѣлинскiй былъ рѣшительно нашимъ настоящимъ воспитателемъ. Никакiе классы, курсы, писанiя сочиненiй, экзамены и все прочее не сдѣлали столько для нашего образованiя и развитiя, какъ одинъ Бѣлинскiй со своими ежемѣсячными статьями. Мы въ этомъ не различались отъ остальной Россiи того времени. Громадное значенiе Бѣлинскаго относилось, конечно, никакъ не до одной литературной части: онъ прочищалъ всѣмъ намъ глаза, онъ воспитывалъ характеры, онъ рубилъ, рукою силача, патрiархальные предразсудки, которыми жила сплошь до него вся Россiя, онъ издали приготавливалъ то здоровое и могучее интеллектуальное движенiе, которое окрѣпло и поднялось четверть вѣка позже. Мы всѣ прямые его воспитанники» (Сочиненiя В. В. Стасова, III, 1681. Спб. 1894).

Подобныя свидѣтельства показываютъ, что Бѣлинскiй былъ не только учителемъ и руководителемъ молодыхъ русскихъ писателей, прославившихъ вторую половину XIX вѣка, но также и наиболѣе влiятельнымъ воспитателемъ той молодежи, которая позже, въ шестидесятыхъ годахъ, проявила себя на всевозможныхъ поприщахъ. Если въ «эпоху великихъ реформъ» явилось такъ много либеральныхъ, честныхъ, гуманныхъ чиновниковъ, помѣщиковъ, офицеровъ, врачей, художниковъ, адвокатовъ, священниковъ, не говоря уже о писателяхъ, ученыхъ и педагогахъ, то обилiемъ этой блестящей интеллигенцiи Россiя въ очень большой степени обязана дѣятельности великаго критика земли русской.

Изъ рядовъ молодежи, сидѣвшей въ моментъ смерти Бѣлинскаго еще на учебной скамьѣ, въ университетахъ, гимназіяхъ и духовныхъ семинаріяхъ, вышли и тѣ писатели, которые при первой же возможности подняли и смѣло понесли впередъ знамя, выпавшее изъ рукъ великаго бойца. Представители этой молодежи прежде друзей Бѣлинскаго напомнили русскому обществу «забытыя слова» великаго критика и поставили его на такую высоту, на какую не рѣшился поставить неистоваго Виссаріона ни одинъ изъ его современниковъ. Чернышевскій въ 1856 году, еще при жизни тѣхъ лицъ, которыя называли Бѣлинскаго пигмеемъ, не задумался назвать его геніальнымъ человѣкомъ. Такая высокая оцѣнка не только привела въ негодованіе враговъ и недоброжелателей Бѣлинскаго, но вызвала недоумѣніе даже среди его друзей. По крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ нихъ не рѣшился вслѣдъ за Чернышевскимъ признать Бѣлинскаго геніемъ. Въ этомъ отношеніи друзья великаго критика оказались позади такихъ его современниковъ, какъ Аполлонъ Григорьевъ, Лонгиновъ и Буслаевъ, у которыхъ мы встрѣчаемъ выраженія: «геніальный критикъ», «геніальная натура», «геніальное произведеніе», «геніальныя способности» и т. п.

Послѣ Чернышевскаго называли Бѣлинскаго геніальнымъ человѣкомъ или геніальнымъ критикомъ Добролюбовъ, Писаревъ, Михайловскій и цѣлый рядъ другихъ писателей. Въ настоящее время признаніе Бѣлинскаго геніальнымъ критикомъ можно встрѣтить и въ статьяхъ патентованныхъ ученыхъ, и въ учебникахъ, предназначенныхъ для средней школы. А по мнѣнію г. Плеханова Бѣлинскій не только геніальный человѣкъ и геніальный критикъ, но и «геніальный соціологъ». Какъ бы ни былъ рѣшенъ въ будущемъ вопросъ о геніальности Бѣлинскаго, уже въ настоящее время несомнѣнно, что потомство цѣнитъ и всегда будетъ цѣнить величайшаго русскаго критика гораздо выше, чѣмъ даже наиболѣе восторженные его почитатели изъ среди его современниковъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Бѣлинскій.

Въ одномъ изъ переулковъ дальнихъ
Среди друзей своихъ печальныхъ
Поэтъ въ подвалѣ умиралъ [1]
И передъ смертью онъ сказалъ:
«Какъ я, назадъ тому семь лѣтъ,
Другой бѣднякъ покинулъ свѣтъ,
Такимъ же сокрушенъ недугомъ.
Я былъ его ближайшимъ другомъ
И братомъ по судьбѣ. Мы шли
Одной тернистою дорогой
И пересилить не могли
Судьбы, равно къ обоимъ строгой.
Онъ честно истинѣ служилъ.
Онъ духомъ былъ смѣлѣй [2] и чище,
За то и раньше проложилъ
Себѣ дорогу на кладбище...
А нынѣ очередь моя...
Его я пережилъ не много;
Я сдѣлалъ мало, волей Бога
Погибла даромъ жизнь моя.
Мои страданья были люты,
Но многихъ былъ я самъ виной;
Теперь въ послѣднія минуты
Хочу я долгъ исполнить мой,

[1]) Умиравшій поэтъ—по всей вѣроятности, самъ Некрасовъ, который въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ былъ серьезно боленъ. 30 іюня 1855 года онъ писалъ Тургеневу о своемъ «медленномъ умираніи».

[2]) Варіантъ: свѣтлѣй.

Хочу сказать о бѣдномъ другѣ
Все, что я видѣлъ, что я зналъ
И что въ мучительномъ недугѣ
Онъ честнымъ людямъ завѣщалъ..

«Родился онъ почти плебеемъ,
(Что мы безславьемъ разумѣемъ,
Что онъ иначе понималъ).
Его отецъ былъ лѣкарь жалкой.
Онъ только пить любилъ, да палкой
Къ ученью сына поощрялъ.
Процессъ развитія—въ Россіи
Не чуждый многимъ—проходя,
Книжонки дѣльныя, пустыя
Читало съ жадностью дитя,
Притомъ, какъ водится, украдкой.
Тоска мечтательности сладкой
Имъ овладѣла съ малыхъ лѣтъ...
Какой прозаикъ иль поэтъ
Помогъ душѣ его развиться,
Къ добру и славѣ прилѣпиться
Не знаю я. Но въ немъ кипѣлъ
Родникъ богатыхъ силъ природныхъ
Источникъ мыслей благородныхъ
И честныхъ, безкорыстныхъ [1]) дѣлъ!.

«Съ кончиной лѣкаря, на свѣтѣ
Остался онъ убогъ и малъ,
Попалъ въ Москву, учиться сталъ
Въ Московскомъ университетѣ;
Но выгнанъ былъ, не доказавъ
Какихъ-то о рожденьи правъ,
Не удостоенный патентомъ,—
И оставался цѣлый вѣкъ
Недоучившимся студентомъ.
(Одинъ ученый человѣкъ
Кололъ его неоднократно
Такимъ прозваніемъ печатно,
Но впрочемъ Богъ ему судья!..)
Бѣднякъ, терпя нужду и горе,
Въ подвалѣ жилъ—и началъ вскорѣ
Писать въ журналахъ. Помню я:
Писалъ онъ много... Мыслью новой,
Стремленьемъ къ истинѣ суровой
Горячій трудъ его дышалъ,—
Его замѣтили... Въ ту пору
Пришла охота прожектеру,

[1]) Варіантъ: неподкупныхъ.

Который барышей желалъ,
Обширный основать журналъ...
Вникая въ дѣло неглубоко,
Искалъ онъ одного, чтобъ тотъ,
Кто мѣсто главное займетъ,
Писалъ разборчиво—и срока
Въ доставкѣ своего труда
Не нарушалъ бы никогда.
Бѣлинскій какъ-то съ нимъ списался
И жить на Сѣверъ перебрался...

«Тогда все глухо и мертво
Въ литературѣ нашей было:
Скончался Пушкинъ; безъ него
Любовь къ ней въ публикѣ остыла...
Въ бореньи пошлыхъ мелочей
Она погрязнувъ, поглупѣла...
До общества, до жизни ей
Какъ будто не было и дѣла.
Въ то время, какъ въ родномъ краю
Открыто зло торжествовало,
Ему лишь «баюшки-баю»
Литература распѣвала.
Ничья могучая рука
Ее не направляла къ цѣли;
Лишь два задорныхъ поляка [1])
На первомъ планѣ въ ней шумѣли.
Ужъ новый геній [2]) подымалъ
Тогда главу свою межъ нами,
Но онъ одинъ изнемогалъ,
Тѣснимъ безстыдными врагами:
Къ нему подъ знамя приносилъ
Запасъ идей, надеждъ и силъ
Кружокъ еще несмѣлый, тѣсной...
Потребность сильная была
Въ могучемъ словѣ правды честной,
Въ открытомъ обличеньи зла...

«И онъ пришелъ плебей безвѣстный!
Не пощадилъ онъ ни льстецовъ,
Ни подлецовъ, ни идіотовъ,
Ни въ маскѣ жаркихъ патріотовъ,
Благонамѣренныхъ воровъ!
Онъ всѣ преданія провѣрилъ,
Безъ ложнаго стыда измѣрилъ
Всю бездну дикости и зла,

[1]) Сенковскій и Булгаринъ
[2]) Гоголь.

Куда, заснувъ подъ говоръ лести,
Въ забвеньи истины и чести,
Отчизна бѣдная зашла!
Онъ расточалъ ей укоризны
За рабство—вѣковой недугъ—
И прокричалъ врагомъ отчизны
Его—отчизны ложный другъ.
Надъ нимъ ужъ тучи собирались,
Враги шумѣли, ополчались.
Но дикій вопль клеветника
Не помѣшалъ ему пока. .
Въ немъ силы пуще разгорались...
И между тѣмъ, какъ передъ нимъ
Его соратники рѣдѣли,
Смирялись, пятились, нѣмѣли,
Онъ шелъ одинъ неколебимъ!..

«О! сколько есть душой свободныхъ
Сыновъ у родины моей,
Великодушныхъ, благородныхъ
И неподкупно вѣрныхъ ей,
Кто въ человѣкѣ брата видитъ,
Кто зло клеймитъ и ненавидитъ,
Чей свѣтелъ умъ и ясенъ взглядъ
Кому разсудокъ не тѣснятъ
Преданья ржавыя оковы,—
Но всѣ-ль они признать готовы
Его учителемъ своимъ?..

«Судьбой и случаемъ хранимъ
Трудился долго онъ—и много
(Конечно, не безъ воли Бога)
Сказать полезнаго успѣлъ
И можетъ быть бы уцѣлѣлъ...
Но поднялась тогда тревога
Въ Парижѣ буйномъ—и у насъ
По-своему отозвалась...
Скрутили бѣдную цензуру—
Послушавъ наконецъ клеветъ,
И разбирать литературу
Созвали цѣлый комитетъ [1].
По счастью, въ немъ сидѣли люди
Честнѣй, чѣмъ былъ изъ нихъ одинъ
Фанатикъ ярый Бутурлинъ,

[1]) Учрежденный 2 апрѣля 1848 года негласный комитетъ для надзора за дѣйствіями цензуры и направленіемъ русской литературы. Предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ Бутурлинъ, посредственный военный историкъ

Который, не жалѣя груди,
Бѣснуясь повторялъ одно:
«Закройте университеты
И будетъ зло пресѣчено!»
(О, мужъ безсмертный! не воспѣты
Еще никѣмъ твои слова,
Но твердо помнитъ ихъ молва!
Пусть червь тебя могильный гложетъ
Но сей совѣтъ тебѣ поможетъ
Въ потомство перейти вѣрнѣй,
Чѣмъ томъ «Исторіи» твоей...).

«Почти полгода насъ судили,
Читали, справки наводили —
И не остался правъ никто...
Какъ быть! спасибо и за то,
Что не былъ судъ безчеловѣченъ...
Настала грустная пора,
И честный сѣятель добра,
Какъ врагъ отчизны, былъ отмѣченъ,
За нимъ слѣдили и тюрьму
Враги пророчили ему...
Но тутъ услужливо могила
Ему объятья растворила:
Замученъ жизнью трудовой
И постоянной нищетой,
Онъ умеръ... Помянуть печатно
Его не смѣли, — и о немъ
Слабѣетъ память съ каждымъ днемъ
И скоро сгибнетъ невозвратно!..»

Поэтъ умолкъ. А черезъ день
Скончался онъ. Друзья сложились
И надъ усопшимъ согласились
Поставить памятникъ, но лѣнь
Исполнить помѣшала вскорѣ
Благое дѣло, а потомъ
Могила заросла кругомъ:
Не сыщешь?.. не велико горе!
Живой печется о живомъ,
А мертвый спи глубокимъ сномъ!.. *)

*) Послѣдніе стихи также относятся къ Бѣлинскому, который былъ похороненъ на средства, собранныя друзьями, и могила котораго, не отмѣченная въ свое время памятникомъ, считалась затерянной.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ [1].

Авдѣевъ М. В., 185—186.
Авсѣенко В. Г., 223.
Аксаковъ И. С., 57, 59—60, 66—68, 296.
Аксаковъ К. С., 56—59, 61, 66, 207, 209, 211, 243.
Аксаковъ С. Т., 56—59.
Алмазовъ Б. Н., 50.
Анненковъ П. В., 2, 208, 212—215, 263, 265,—276, 311.
Армфельдъ А. О. 207.
Арнольдъ Ю. К., 17.
Арсеньевъ К. К., 197.
Аскоченскій В. И., 52.
Ахматовъ А. П., 307.
Ахшарумовъ Н. Д., 105.

Бабстъ И. К., 50.
Бакунинъ М. А., 207, 214, 216—221, 233, 239.
Баратынскій Е. А., 129—130.
Башуцкій А. П., 308.
Безсоновъ А., 128.
Бенедиктовъ В. Г., 122.
Бестужевъ А. А. (Марлинскій), 129.
Бодянскій О. М., 231—232.
Боткинъ В. П., 41—42, 207, 209, 210, 214—221, 228—231, 263.
Брантъ Л. В., 24—25, 175.
Булгаринъ Ѳ. В., 11—23, 97, 302.
Буличъ Н. Н., 318.
Буслаевъ Ѳ. И., 310—311.
Бухаревъ А. М. См. Ѳеодоръ.

Великопольскій И. Е., 308.
Венгеровъ С. А., 2, 7, 24, [illegible], 95, 187.
Водовозовъ В. И., 313.
Воейковъ А. Ѳ., 6—8.
Вяземскій П. А., кн., 78—89, 153.

Галаховъ А. Д., 46, 214, 312.
Герценъ А. И., 97, 207, 209, 210, 212, 238—252.
Глинка Ѳ. Н., 308.
Гоголь Н. В., 75, 144—160.
Головачева-Панаева А. Я., 220, 263.
Головнинъ А. В., 203, 307.
Голохвастовъ Д. П., 76.
Гончаровъ И. А., 139—144.
Горбуновъ К. А., 208.
Грановскій Т. Н., 59, 207, 210, 213—216, 222, 231—238.
Гречъ Н. И., 11—12, 22—23, 121, 127.
Григоровичъ Д. В., 98, 184—[illegible].
Григорьевъ А. А., 109—[illegible], 194.
Григорьевъ В. В., 82.
Гротъ Я. К., 71, 77—78.
Губеръ Э. И., 136.

Давыдовъ И. И., 42, 309.
Даль В. И., 125.
Двигубскій И. А., 206.
Де-Пуле М. Ѳ., 171—172.

[1]) Въ указателѣ помѣщены только тѣ лица, которыя въ той или иной формѣ обнаружили свое отношеніе къ Бѣлинскому, и указаны только тѣ страницы, на которыхъ объ этомъ отношеніи говорится или упоминается.

Дмитріевъ И. И., 116.
Дмитріевъ М. А., 38, 55, 118, 180—182.
Добролюбовъ Н. А., 320.
Долгоруковъ В. А., кн. 304.
Достоевскій Ө. М., 143, 188—205, 297.
Дружининъ А. В., 102—109, 213—214.
Дубельтъ Л. В., 22, 302, 303.
Дудышкинъ С. С., 101, 214.

Елагина А. П., 62.
Ефремовъ А. П., 207, 209.

Жадовская Ю. В., 186.
Жуковскій В. А., 117—118.

Загоскинъ М. Н., 25, 118, 177—178.
Заіончковская Н. Д. (Хвощинская), 186.
Зеленецкій К. П., 312.
Зотовъ В. Р., 119.
Зотовъ Р. М., 119.

Ивановъ П. П., 25, 129.
Иванчинъ-Писаревъ Н. Д., 121.

Кавелинъ К. Д., 207, 213, 215, 234, 238, 252—259.
Калайдовичъ П. О., 60.
Калашниковъ И. Т., 121.
Каратыгинъ П. А., 17.
Катковъ М. Н., 207, 214, 221—223.
Каченовскій М. Т., 42, 309.
Квитка Г. Ө. (Основьяненко), 75—76.
Кетчеръ Н. Х., 207, 209, 215, 216, 240, 288, 294.
Кирпичниковъ А. И., 159.
Кирѣевскій И. В., 41, 42, 62—63.
Клюшниковъ И. П., 207.
Козловскій П. Д., кн., 208.
Колошинъ С. П., 35.
Кольцовъ А. В., 160—171.
Комаровъ А. А., 208.
Комаровъ А. С., 315—316.
Кони Ө. А., 138—139.
Коршъ Е. Ө., 207.
Кохановская Н. С. (Соханская), 67, 186—187.
Кошелевъ А. И., 69—72.
Краевскій А. А., 91—98.
Красовъ В. И., 207.
Кронебергъ И. Я., 117.
Кудрявцевъ П. Н., 207, 224—225.
Кукольникъ Н. В., 135—136.
Кулжинскій И. Г., 52—53.
Кульчицкій М. Т., 208.
Кюхельбекеръ В. К., 129.

Лажечниковъ И. И., 132—135.
Лермонтовъ М. Ю., 137—138.
Лернеръ Н. О., 98.
Лобановъ М. Е., 118—119.
Лонгиновъ М. Н., 83, 87—90.

Майковъ А. Н., 187—188.
Майковъ В. Н., 99—101.
Марковъ Е. Л., 69.
Масловъ И. И., 208.
Межевичъ В. С., 93.
Мейеръ Д. И., 310.
Мельгуновъ Н. А., 211.
Мельниковъ П. И. (Печерскій), 313.
Миллеръ О. О., 203.
Милюковъ А. П., 312.
Минаевъ Д. Д., 51.
Михайловскій Н. К., 320.
Михайловскій-Данилевскій А. И., 307—308.

Навроцкій С. П., 24, 176.
Надеждинъ Н. И., 90—91, 121.
Невѣровъ Я. М., 207.
Невскій В., 176—177.
Некрасовъ Н. А., 208, 276—284, 321—325.
Никитенко А. В., 72—73, 300.
Никитинъ И. С., 186.

Огаревъ Н. П., 139, 216, 240.
Одоевскій В. Ө., кн., 123, 130—132.

Орловъ А. Ѳ., гр. 302.
Острогорскій В. П., 313.

Павловъ Н. Ф., 41, 123—125.
Панаевъ В. А., 263—265.
Панаевъ В. И., 121.
Панаевъ И. И., 207, 208, 210, 211, 213, 215, 259—263, 278, 279, 280.
Перевощиковъ Д. М., 206.
Петровъ П. Я., 207.
Писаревъ Д. И., 320.
Писемскій А. Ѳ., 185.
Плетневъ П. А., 73—77.
Плехановъ Г. В., 320.
Плещеевъ А. Н., 182—184.
Погодинъ М. П., 36—38, 44—55, 69, 312, 319.
Полевой К. А., 26, 32—36.
Полевой Н. А., 25—32.
Полонскій Я. П., 182—183.
Поповъ М. М., 25. 302—304.
Прокоповичъ Н. Я., 151.
Пушкинъ А. С., 125—129.
Пыпинъ А. Н., 55, 71, 90, 256—257.

Ростопчина Е. П., гр., 136.

Сазоновъ Н. И., 245.
Салтыковъ М. Е. (Щедринъ), 183—184.
Самаринъ Ю. Ѳ., 63—66.
Сатинъ Н. М., 137.
Сенковскій О. И., 8—10.
Скобелевъ И. Н., 121—122.
Смирнова А. О., 59, 73, 305.
Соллогубъ В. А., гр., 136—137.
Соловьевъ Вс. С., 201.
Соловьевъ С. М., 211.
Срезневскій И. И., 309.
Станкевичъ Н. В., 207, 211, 214, 225—228, 248, 266.
Старчевскій А. В., 98—99, 203.
Стасовъ В. В., 319.
Стасюлевичъ М. М., 267—268.
Стоюнинъ В. Я., 127, 313.
Страховъ Н. Н., 195, 296.
Строгановъ С. Г., гр., 304.
Строевъ В. М., 22.
Строевъ С. М., 226, 231—232
Сухотинъ С. М., 306.
Сѣровъ А. Н., 316.

Толстой Д. А., гр., 52, 69.
Толстой Левъ, 318.
Тургеневъ А. И., 301.
Тургеневъ И. С., 6, 53, 6 , 85, 86, 105, 197—198, 208, 210, 212, 213, 214, 256, 284—298.
Тютчевъ Н. Н., 208, 213, 253.
Тютчевъ Ѳ. И., 122.

Уваровъ С. С., гр., 47, 300.
Ушаковъ В. А., 9, 173—175.
Ушинскій К. Д., 313.

Федоровъ Б. М., 120, 179.
Филипповъ Т. И., 314.

Хвощинская. См. Заіончковская.
Хомяковъ А. С., 41. 61—62, 124.

Цвѣтаевъ Л. А., 207.

Чаадаевъ, П. Я., 81, 128.
Черкасскій А. А., кн. 306.
Чернышевскій Н. Г., 4, 55, 102, 106, 213, 265, 320.

Шевыревъ С. П., 36—44, 47, 48, 55—56, 82, 301, 312.
Шелгуновъ Н. В., 257—258.

Щебальскій П. К., 223—224
Щепкинъ М. С., 209, 211.
Щепкинъ Н. С., 206, 207.

Юрьевъ С. А., 69—72.

Языковъ М. А., 208.
Языковъ Н. М., 122.

Ѳеодоръ, архимандр., 306—307

А. Н. ПЫПИНЪ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Изданіе 2-е съ дополненіями и примѣчаніями. Спб. 1908 г. Ц. 3 р. 50 к., въ коленкоровомъ переплетѣ съ золототисненіемъ 4 р. 5 к.

—— **Исторія русской литературы.** 4 тома. Ц. 10 р., въ 4-хъ коленкоровыхъ переплетахъ съ золототисненіемъ 12 р. 20 к.

Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Историческіе очерки. Изданіе третье, дополненное приложеніемъ, примѣчаніями и указателемъ личныхъ именъ. Спб. 3 е изд. 1906 г. Ц. 3 р., въ коленкоровомъ переплетѣ съ золототисненіемъ 3 р. 55 к.

Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Историческіе очерки. Изд. 4-е. Спб. 1908 г. Ц. 3 р., въ коленкоров. перепл. съ золототисн. 3 р. 55 к.

В. А. КЕЛТУЯЛА. Курсъ исторіи русской литературы. Ч. I. Книга первая (отъ IX в. до половины XIII в.). Пособіе для самообразованія. XVI + 764 стр. Ц. 2 р. 50 к.

—— **Курсъ исторіи русской литературы.** Ч. I. Книга вторая (печатается).

— **Краткій курсъ исторіи русской литературы.** Для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I. вв. 1—2. Исторія древней русской литературы (отъ IX в. до конца XVII в.). XVI + 367, XVI + 329. Спб. 1908 г. Ц. по 1 р. за выпускъ.

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ. Исторія русской общественной мысли. Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX в. Изданіе 3-е, дополненное. Спб. 1911 г. Ц. за оба тома 3 р.

МИХ. ЛЕМКЕ. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. По подлиннымъ дѣламъ III Отдѣленія Соб. Его И. Вел. Канцеляріи. Съ портретами шефовъ жандармовъ и ихъ помощниковъ. Спб. Изд. 2-е, С. В. Бунина. 1909 г. Ц. 2 р. 50 к.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ. Сочиненія. Семь томовъ. Съ портретомъ. Ц. каждаго тома 2 р., всѣхъ 7 томовъ 14 р.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ. Полное собраніе сочиненій въ 10 томахъ съ 4 портретами. Изд. М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1905—1907. Ц. 18 р., въ 8 коленкоровыхъ переплетахъ съ золототисненіемъ 22 р. 40 к.

5 Qi 2572

П. В. АННЕНКОВЪ. Литературныя воспоминанія. Содержаніе: Н. В. Гоголь въ Римѣ лѣтомъ 1841 года. — Идеалисты тридцатыхъ годовъ.—Записки о Н. П. Огаревѣ и его письмахъ. — Замѣчательное десятилѣтіе 1838—1848 гг.—Н. В. Станкевичъ.—Переписка съ И. С. Тургеневымъ 1854—1866 гг. Въ одномъ томѣ съ портретомъ автора. Спб. 1909 г. Ц. 3 р., въ коленкоровомъ переплетѣ съ золототисненіемъ 3 р. 55 к.

КОТЛЯРЕВСКІЙ Н. А., проф. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Личность поэта и его произведенія. Изд. 3-е, исправленное и дополн. Спб. 1909 г. Ц. 2 р., въ коленкоровомъ переплетѣ съ золототисненіемъ 2 р. 55 к.

1-ое изд. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. допущ. для старш. возр. въ ученич. библ. среди. учебн. завед.

— **Декабристы.** Кн. А. И. Одоевскій и А. А. Бестужевъ-Марлинскій, ихъ жизнь и литературная дѣятельность. Спб. 1907 г. Ц. 2 р.

— **Старинные портреты.** Сборникъ статей. Е. А. Баратынскій, Д. В. Веневитиновъ. Кн. В. Ѳ. Одоевскій, В. Г. Бѣлинскій. И. С. Тургеневъ. Гр. А. К. Толстой. Спб. 1907 г. Ц. 2 р.

— **Николай Васильевичъ Гоголь.** 1829—1842. Очеркъ изъ исторіи русской повѣсти и драмы. 3-е исправленное изданіе. Спб. 1911 г. Ц. 2 р. 50 к., въ коленкоровомъ переплетѣ съ золототисненіемъ 3 р. 5 к.

Изданіе помѣщается въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича.

С.-Петербургъ, Вас. остр., 5 линія, соб. д. № 28.

Полный каталогъ склада (224 стр.) со сводомъ отзывовъ, одобреній и рекомендацій на каждую книгу высылается безплатно, на пересылку—7 к. марку.

292654

50 i
2572

1941